

Ольга Коренева

Пуля для тантриста

Экстрим-романы

18+

Ольга Александровна Коренева

Пуля для тантриста

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65668022

SelfPub; 2021

Аннотация

В этих романах есть всё – экстрим, любовь, пуля, страсть, потусторонность, фейерверк эмоций, радость, боль, ужас, смех, психология. Словом – жизнь во всех её проявлениях!

Содержание

Автор о себе	5
Пуля для тантриста	12
Гений экстаза	95
Экстаз второй	107
Экстаз третий	121
Экстаз четвертый	131
Неистовый самец	139
«Электронные письма американского солдата.	276
Злаякукла! No!Ангелдобрый!	389

Ольга Коренева

Пуля для тантриста

Эти романы премированы Почётным Дипломом 1-ой степени «Золотое перо Московии»

Автор о себе

Ольга Коренева

Светящиеся точки звезд прожгли черноту неба, и новорожденные души прорвались в эту жизнь. Вместе с ними в ту зимнюю полночь вошла в этот мир и я. Старенькая уборщица закрыла форточку замоскворецкого роддома и сказала:

– Морозища-то какой, с праздничком вас со святым-то, сегодня ж божий день «Нечаянная радость»...

Наступило 22 декабря, наша планета переместилась под созвездие Кассиопеи.

Говорят, что младенцы не понимают человеческую речь, и видят все вверх тормашками. Неправда. Я все видела нормально, а не кувырком. И даже что-то понимала. Одного лишь не могла понять – того, что в жизни мне придется круто и солоно, но орала во всю глотку, видимо предчувствуя что-то.

Верно, что писателями становятся люди со сложными судьбами. В моей третьей книге «Не грусти, гад ползучий» есть автобиографическое эссе, в котором я упомянула о некоторых своих злосчастиях, хотя писала, в основном, о светлых моментах своей жизни. Уже в зрелом возрасте поняла – чтобы быть счастливой, не надо желать себе легкой судьбы...

Я росла в годы застоя. После окончания школы работа-

ла секретарем-машинисткой в Мингазпроме, и как-то раз, «подшивая» газеты, увидела в одной из них объявление о конкурсе на лучший короткий рассказ. Я с детства пописывала коротенькие новеллы о забавных житейских случаях. И вот я их все перепечатала и послала прямо с работы через «отдел экспедиции», чтобы вернее дошли. И очень удивилась, получив вызов в Литературный институт – ведь новеллы-то я посылала вовсе не туда, а в газету. Как все это в Литинститут попало, до сих пор для меня загадка. Но с той поры я поверила в существование прекрасных бескорыстных людей, которые потом не раз встречались на моем пути, храни их Бог. С того дня судьба моя резко развернулась в сторону творчества. Моим окружением стали писатели, художники, артисты, музыканты. Я стала ходить в театр, который рядом с институтом. Мой первый рассказ был напечатан в журнале «Знамя» – он находился тоже рядом с институтом. Я училась на семинаре прозы, много писала. Моя первая книга вышла в самом крупном тогда в стране издательстве «Советский писатель», это было чудо, ведь молодых в те годы почти не печатали. Книга называлась «Белая ласточка», это был довольно большой сборник рассказов и повестей, и я взяла себе псевдоним Ольга Астахова, твердо веруя в магию слова. Решила, что такой псевдоним принесет удачу, за нее я получила премию Лучшая книга года. Но удача оказалась недолгой. В те времена у меня появились новые знакомые, и я узнала много интересного об их жизни. О себе я ничего никогда не

рассказывала, так как была чрезмерно застенчива.

Со второй книги я решила стать самой собой, Ольгой Кореневой. У меня вышли сборники «Предчувствие чудес», «Нашептанное счастье», «Не грусти, гад ползучий», «Интимный портрет дождя», роман «Капкан на тень луны» (за него меня наградили премией Золотое перо Московии 1-ой степени это было в 2004 году), и т.д. Но это уже позже, в нашу «демократическую» эпоху.

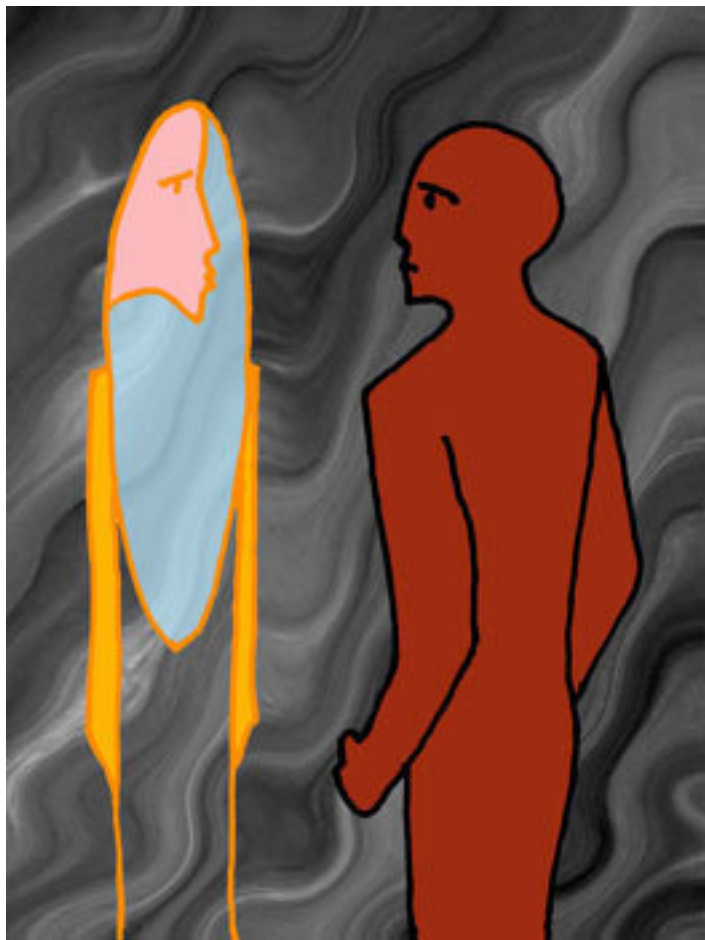
Окончив институт, я рецензировала, работала корреспондентом в журналах и газетах, но всегда предпочитала внештатную работу, так как люблю свободный стиль жизни. Новые времена позволили мне стать безработной, свободной и неприкаянной, чтобы написать новый большой роман обо всем теперешнем. За этот роман (детектив «В барханах песочных часов») я получила вторую премию на конкурсе "Русский детектив" (номинировал Георгий Вайнер), и подписала договор на издание книги с издательством «АК-пресс». Правда, роман сильно сократили, вырезали всю эротику и юмор, и редактировала малограмотная редакторша, которая вырывала целые куски текста. Я не согласилась с редактурой, и расторгла издательский договор. Второй роман тоже решила не издавать у них. В дальнейшем я написала ещё несколько экстремальных романов, и закончила работу над Экстремальными мемуарами «Интимный портрет дождя, или Личная жизнь писательницы» (ранее они были изданы в сокращённом варианте).

Очень надеюсь когда-нибудь найти своего издателя, если на то будет воля Божья. А может, издатель найдет меня. Я – член Союза Писателей России, имею также награды за поэзию – Золотую Есенинскую Медаль, Лермонтовскую медаль, Медаль Звездная Строфа, медаль за Верность отечественной литературе, и другие.

Контакты

[mailto: ok63@bk.ru](mailto:ok63@bk.ru)

Тел.: 8 926 239 94 95

Пуля для тантриста

Нельзя спорить с голой женщиной, она может одеться и уйти. Дверь скрипнула, но ему показалось, что это скрипнуло его сердце.

На зеркале она написала губной помадой: «Вампиры и оборотни боятся серебра и обсидиана». Прощальная записка.

Он не понял, что она имела в виду. Ну, да теперь это уже не важно. Остался только запах ее духов, цветочно-пряный, солнечно-соленый... Может, она путает понятия «вампир» и «тантрист»? Но он же ей сразу, еще при знакомстве, пояснил, что он – не просто так что-то, он тантрист, а это, короче, совсем другое. Так и сказал, прямым текстом.

Она улыбнулась, как ему показалось, понимающе. Или просто из вежливости? Так или иначе, она не спросила, что это значит. Все началось очень красиво. Он пригласил ее ни куда-нибудь в ресторан или бар, а к себе. Сервировал как в элитном доме – крахмальная скатерть, столовое серебро, японский сервиз. Ароматические палочки дополняли атмосферу благородства и возвышенности. Настоящий романтический вечер. И красивый интим.

У них все случилось сразу, и им было хорошо, не то слово, было просто потрясающе! Нежность, чувственность, счастье. Они стали встречаться каждый вечер, и не расставались

до утра. Потом каждый мчался на свою работу. Зато выходные проводили вместе. И вдруг, когда был самый прекрасный, просто особенный, день, на пике чувств, она заговорила о свадьбе.

Свадьба?! Тантристу?! И вот тут-то стало ясно – она не понимает.

Он пояснил, что тантрические отношения – это чистый секс без завязок на какие-либо проблемы партнера, без узаконивания отношений, без всего этого. Она принялась спорить, доказывать что-то, он стал отвечать, распалился, и вдруг она умчалась. Но ключи свои не забрала, и его связку не отдала тоже. Так что оставалась надежда.

И тут он понял, что любит ее. Этого еще не хватало. Московский тантрист, член семинара, не должен «зависать» на этом. Только телесные игры, чувственность, и ничего другого. В этом – суть.

На следующий день его вызвали к следователю. Странно. Он пошел с непривычной тяжестью в душе, словно почуял неладное.

Его провели в кабинет. Кроме следователя, были еще двое в форме. Они смотрели на него с любопытством.

– В каких отношениях вы состояли с Белянчиковой Жанной Алексеевной? – спросил следователь, хмуро глядя ему в глаза.

– В близких, – выдал он.

– Когда вы в последний раз видели ее?

– Вчера.

– Вы ссорились?

– Ну, в общем, да, у нас была размолвка.

Он достал сигарету и смял ее.

– В котором часу вы с ней расстались? Как? Вы ее проводили до дома? Вы вошли в квартиру вместе с ней? У вас были ключи от квартиры убитой?

– Что? К-какой убитой? Жанну убили?

Он сжал в ладони сигаретные ошметки.

– Не прикидывайтесь. Вы обвиняетесь в убийстве Белянчиковой Жанны Алексеевны.

– Я ее не убивал! Да, у меня есть ее ключи, а у нее – мои. Но это еще ничего не значит. Она, может, не только мне свои ключи давала.

– А кому еще?

– Не знаю. Мало ли у нее друзей могло быть, она же знакомилась через инет, и возможно, не только со мной.

– Она найдена в своей квартире с ножом в сердце, а дверь была заперта снаружи. Вы ее убили, и спокойно ушли, заперев за собой дверь, – тяжело, словно камни, бросал слова следователь.

– При чем здесь я?! Может, она сама заперлась и покончила с собой, – вырвалось само. До него еще не совсем дошел страшный смысл фразы, произнесенной следователем. Он понял только, что его обвиняют. И стал защищаться. Инстинктивно.

– Повторяю, дверь была заперта снаружи.

– Я не убивал! Это мог кто угодно сделать, мало ли в инете всяких, она знакомилась ведь! Через инет знакомилась, понимаете!

– Ну, в этом мы еще разберемся. А пока, Шаповалов Андрей Викторович, подписка о невыезде, вот что. И не вздумайте!..

Он ошарашено вытаращился на человека в форме. В голове начиналась какая-то муть.

– А теперь идите. Идите, – повторил следователь, и посмотрел на него со скукой. – Идите же.

Он поднялся со стула в каком-то невменяемом, почти коматозном состоянии, и медленно двинулся к двери. На пороге обернулся, и произнес, с трудом ворочая языком:

– Женщина – изошренное создание, непредсказуемое во всем. Она способна и на бессмысленный суицид.

В сущности, это не он сказал, а что-то внутри него. Вырвавшаяся наружу фраза поразила его. Но следователя не удивила. Он снова поднял глаза на Андрея, взглядом выталкивая его за дверь.

Сумятица мыслей и эмоций не покидала его до ночи. Вне себя слонялся он по улицам, бродил по парку, домой пришел в полной темноте. Зажег свет. Спать не хотелось. Только сейчас до него стал доходить смысл случившегося. Он больше никогда не увидит ее, потому что ее больше нет. Она мертва. Ее убили. Кто мог ее убить? За что? Убить ее? Жестокий

цинизм!!! Она этого не заслужила! Почему?!!

Вот здесь, в этом кресле она сидела в тот вечер, когда они поссорились, когда он заявил, что не может на ней жениться, потому что тантрист. Она распахнула глаза, спросила:

– Ну и что? При чем здесь это? Я ничего не имею против твоего хобби.

– Хобби?! – вскричал он тогда, – какое хобби, это позиция, это жизненное кредо! Ты хоть понимаешь? Хобби, это когда собирают марки или значки.

– Ну и что тут понимать? – удивилась она.

И тогда он сказал:

– Тантра – это наиболее древняя, дошедшая до нас система самосовершенствования, где энергия желания не подавляется, а сознательно используется для оздоровления, долголетия и духовного развития. Понятно? Это инструмент расширения сознания. Это глубокие сексуальные отношения, ничего общего не имеющие с семейной бытовухой и приземленными проблемами.

– Это что, магия какая, что ли? – усмехнулась она. – И ты веришь во всю эту чушь?

Он вспомнил выражение ее лица. И все, что они наговорили друг другу потом... И ее слова:

– Любовь – это как озоновый слой, о котором совсем не думаешь, пока он не улечитится...

И то, что он, с дуру, ляпнул в ответ...

Какой идиотизм! Как он мог говорить с ней так?! Только

теперь он понял, что она ничего, совсем ничего не знала ни о нем, ни о тантре, похоже, что она и слова-то такого не слышала раньше.

Он должен был постепенно обучить ее всему. Сначала прочитать ей лекцию об этом. Видимо, она была девственно наивна в этом вопросе. Она была стихийно чувственна и искренне наивна. Это ему в ней нравилось.

Кажется, он влюблен в нее. В нее, Жанну, уже мертвую, но такую живую, и она живет внутри него, улыбается, прижимается к нему губами, целует... Бред! Ее уже нет на свете, окоченевший труп в морге, это не она...

Он стиснул зубы, застонал, и бросился ничком на тахту. В голове вдруг зазвучал ее голос:

– Оптимистом быть работа, пессимистом – смирение.

Когда она это сказала? Сказала когда-то. Неважно. Забыл. А сейчас вдруг вспомнил все, и фразу, и выражение лица, и тембр голоса, и повод, по которому это было сказано. Но именно сейчас эти слова спасли его от полного отчаянья...

Она была мудрая. А он вел себя как последний идиот. Талдычил ей про тантру. Какой бред! Зачем? Если бы не все это, не было бы ссоры, и она была бы сейчас жива! Вот бы вернуть все назад, в прошлое. В день их первой встречи тогда, у метро... В тот день, когда они гуляли по парку, болтали, и он пригласил ее в гости, и она согласилась. А потом, после нахлынувшей страсти и нежности, она гладила его волосы и сочиняла сказку про любовь: «Куда уходит любовь? – спро-

сило маленькое счастье у своего отца.

– Она умирает, – ответил отец. – Люди, сынок, не берегут то, что имеют. Просто не умеют любить!

Маленькое счастье задумалось... «Вот вырасту большим и стану помогать людям!» Шли годы. Счастье подросло и стало большим. Оно помнило о своём обещании и изо всех сил старалось помогать людям, но люди его не слышали. И постепенно Счастье из большого стало превращаться в маленькое и чахлое. Очень оно испугалось, как бы совсем не исчезнуть, и отправилось в дальний путь, чтобы найти лекарство от своего недуга.

Долго ли, коротко ли шло Счастье, не встречая никого на своём пути, только стало ему совсем плохо. И остановилось оно отдохнуть. Выбрало раскидистое дерево и прилегло. Только задремало, как услышало приближающиеся шаги.

Открыло глаза и видит: идёт по лесу дряхлая старуха вся в лохмотьях, босая и с посохом. Кинулось счастье к ней:

– Присаживайтесь, бабушка. Вы, наверное, устали. Вам нужно отдохнуть и подкрепиться.

У старухи подкосились ноги, и она буквально рухнула в траву. Немного отдохнув, странница поведала Счастью свою историю:

– Обидно, когда тебя считают такой дряхлой, а ведь я так ещё молода, и зовут меня Любовь!

– Так это вы Любовь?! – поразилось Счастье. – Но мне говорили, что любовь это самое прекрасное из всего, что есть

на свете!

Любовь внимательно взглянула на него и спросила:

– А тебя как зовут?

– Счастье.

– Вот как? Мне тоже говорили, что Счастье должно быть прекрасным.

И с этими словами она достала из своих лохмотьев зеркало. Счастье, взглянув на своё отражение, громко заплакало. Любовь подседа к нему и нежно обняла его.

– Что же с нами сделали эти злые люди и судьба? – всхлипывало Счастье.

– Ничего, – говорила Любовь, – если мы будем вместе и станем заботиться друг о друге, то быстро станем молодыми и прекрасными.

И вот под тем раскидистым деревом Любовь и Счастье заключили свой союз никогда не разлучаться. С тех пор, если из чьей-то жизни уходит Любовь, вместе с ней уходит и Счастье, порознь их не бывает. А люди до сих пор понять этого не могут...»

Такая пронзительно грустная сказка. Он тогда не понял, к чему это она. Может, Жанна предчувствовала что-то?

Он лежал и вспоминал все, что она ему говорила. Она любила говорить притчами. Как-то рассказала про маленького паучка, который горит в страшном огне несбывшихся надежд. Он горит, зная, что ничего не может поделать. И огонь

сжигает его. Плавающий его силуэт никто не видит. Он один. От отчаянья ему хочется кричать, градом катятся слёзы. В его глазах боль. Он загнан в угол. Он смотрит вверх, но видит только себя. Он пытается сделать последний судорожный вздох, но...

Значит, она и есть тот самый паучок...

И тут ему захотелось увидеть ее, срочно, прямо сейчас. Он никак не мог представить ее мертвой. Это какой-то бред, кто мог ее убить, кому это нужно? Может, кто-то другой был найден в ее квартире?

Он вскочил, накинул куртку, сунул ноги в ботинки, и помчался туда.

Ее дверь была опечатана. Он взломал сургуч, выбил дверь, и ворвался в коридор. Щелкнул выключателем. Пустота и тишина. Вошел в комнату. Странный запах. На полу мелом очерчен контур тела, которого уже нет. Нет... Надо мчаться в криминальный морг для опознания, мелькнула мысль. Он в каком-то ступоре стоял и смотрел на меловой контур. И не мог шевельнуться. Он словно оцепенел. И даже не оглянулся, когда послышался шум за спиной, и голос:

– Шаповалов Андрей Викторович, вы арестованы по подозрению в убийстве.

Его скрутили, на запястьях защелкнули наручники. Он не сопротивлялся. Только сказал:

– Может, не ее убили? Надо опознать.

– Уже опознали, ты зубы-то не заговаривай. Мы так и ду-

мали, что ты здесь, убийцу всегда на место преступления тянет.

Его вывели из квартиры, и пихнули в лифт. Все поплыло у него в глазах, так что не смог рассмотреть конвоиров. У подъезда парковалась милицейская машина. Его посадили сзади, конвой – по бокам.

– Что теперь со мной будет? – спросил он погасшим голосом.

– Сизо, камера предварительного заключения на 72 часа, потом суд, если оправдают – свободен, если нет – арест, – последовал лаконичный ответ.

Мент слева добавил:

– Сначала допросят дознаватели в Отделе Внутренних дел.

– Можно вызвать адвоката, это по Конституции положено, статья 48.

– Да и без суда отпустят, ежели убийца найдется.

– Ага, сам придет, с повинной, – хохотнул конвоир справа.

– А что, бывает, – отозвался тот, что за рулем.

Конвоиры принялись перебрасываться шутками на этот счет, потом замолчали.

Путь до отделения показался Андрею бесконечно долгим и безжизненным...

Его провели по длинному узкому коридору в кабинет. Невысокий плотный следователь поднял на Андрея глаза, и окинул его ничего не выражающим взглядом. Через полчаса

вошел прокурор, высокий, сутулый, с желтыми скулами. Он дал санкцию на содержание Андрея под стражей на время следствия.

Его допрашивали дознаватели в Отделе внутренних дел, трое суток он провел в КПЗ, потом его пихнули в Сизо. В КПЗ его поразило все – стена в виде решетки, лавка вдоль стены. Тамошняя братва его предупредила, чтобы был осторожен, так как под потолком в углу спрятана видеокамера, как раз напротив длинной скамьи вдоль стены, а монитор выведен в дежурку. Внизу, под видеокамерой, – сказали ему, – мертвое пространство, для нее не видимое, так что там можно покурить, если удалось заначить сигареты и зажигалку после обыска. Но у Андрея отобрали все – деньги, ремень. Хранители правопорядка его догола раздели и прощупали.

В КПЗ он впервые узнал, что значит это слово. Камера предварительного заключения, или – Обезьянник. Там он наслушался такого, что душа ушла в пятки. У кого-то оказалась газета, статью о случаях в Сизо читали вслух и смеялись. Андрей никак не мог взять в толк, что смешного вообще в этих ужасах. Энергичный мужичок с испитым лицом читал, мелко покашливая: «В столичном СИЗО-13 за последние 10 дней было совершено два убийства. Напомним, что в первом случае 4 июля в палате медсанчасти №258 психбольной 32-летний Дмитрий Кулешов ночью задушил майкой 60-летнего Олега Орлова, тоже страдающего болезнью психики и подозреваемого в контрабанде из Украины

оружия (крылатых ракет и радиолокационной станции).

– Ха-ха-ха, а нейтронную бомбу он, часом, не потырил? – потешались зэки.

«Второй случай произошел в пятницу 13-го июля» – продолжал читать мужичок. – « В результате ссоры сокамерники 39-летний Олег Постников и 21-летний Виктор Кожемякин подрались вечером прямо в камере. Победил более молодой, забив старшего до полусмерти, а потом задушив. Убийство заметили не сразу. Сегодня стали известны эксклюзивные подробности первого убийства, наводящие на мысль, что удушение россиянина Олега Орлова могло быть не эксцессом по вине психа-соседа, а заказным преступлением (Кулешова при этом могли использовать "втемную"). Кулешова за его агрессивный нрав врач-психиатр СИЗО велел держать в наручниках. Но Кулешов, установлено проверкой, в 2.50 ночи, путем "вывертывания руки и расшатывания наручников" как-то ухитрился освободить правую руку!»

– Хо-хо-хо!!! Что за козлы пишут это! Расшатать наручник!!! Да наручник устроен так, что чем больше дергаешь рукой, тем сильнее он сжимается и пережимает вену, тогда наступает ****ец!

– Хе-хе-хе!!! Убийство заметили не сразу!!! Трупак в камере валяется, и его никто в упор не замечает!!!

– А как же он освободился от наручников? – подал голос Андрей.

– Просто, – ответили ему сразу несколько голосов. – Это

же элементарно. Обычной скрепкой наручник открывается за несколько минут.

– А где же в камере взять скрепку? – не унимался он.

– Ой, ну ты даешь! В камере ж все есть, – просветили его. – Ну, чо там дальше пишут папарацци?

Чтение продолжалось:

– «Потом выломал кусок проволоки из кроватной сетки и ею открыл замок наручников, освободив левую руку. А уж затем тихонько (находившийся в палате третий больной, 38-летний Игорь Денисюк, ничего, по его показаниям, не заметил) задушил майкой Орлова. После чего опять влез в наручники и прикинулся спящим (а может, и впрямь заснул)...»

– Охо-хо-хо!!!

– Ха-ха-ха!!!

Продолжали потешаться в Обезьяннике.

Эти три дня в КПЗ были для тантриста пыткой. Потом был перевод в Следственный изолятор, допрос следока, каверзные вопросы и пугалки всякие. Небольшая передышка в камере с сидельцами, и снова допрос. И опять – камера. Кто-то из сидельцев советовал не колоться, кто-то – паровозом быть, то есть взять все на себя. Андрей плохо понимал происходящее, все было словно в мыльной пене. Видимо, включилась защитная система психики, и он превратился в какой-то полуовощ. До него доносились реплики, которые он перестал понимать. Слух различал слова, диалоги, но ощущение было, будто мозги плывут в густом тумане:

– Скажи спасибо, что тебя не сунули в секретную летающую тюрьму.

– Какая еще летающая тюрьма, он что, международный террорист?

– Эй, а что это такое? Это там, где ЦРУшники опыты над зэками ставят, что ли?

– Не-а, насчет опытов не знаю. Слышал только про тюрьмы в самолетах. ЦРУ с террористами носится, как курица с яйцом, таскает их туда-сюда, дык ведь на территории восьми государств есть специальные секретные зоны, слышали?

– Ну, об этом уже давно в инете шумят.

– Нас туда не запихнут, хе-хе, кому мы нужны-то...

– Не зарекайся, ничо не известно, в нашей стране все может случиться. Вот продадут нас ЦРУшникам вместо террористов, а чо?

Андрей на миг пришел в себя. Сизо напоминало тесный каменный мешок. Дощатые нары 2метра на 3 метра и на 50 см. Окошечко с тремя решетками 50 см на 50 см. И какой-то тощий тип, который терся рядом и все выпрашивал, за что посадили, как все случилось, и задушевно заглядывал в глаза. Но было в нем что-то неискреннее, нехорошее, в этом хмыре. Да его так и называли – Хмырь.

– Ты впервые здесь? – Спросил Хмырь с улыбкой. И, не дождавшись ответа, продолжал: – Ты хоть знаешь, что такое Сизо? Сизо – это следственный изолятор. Эти здания старые, построенные в основном в прошлом или позапро-

шлом веке, вот такие дома-динозавры. Могут и обрушиться, и тогда всех сплюснет как блины. Вижу, не вникаешь. Есть и тюрьмы старые, неизвестно, куда тебя сунут. Народу там битком, как сельдей в бочке, Спят стоя, грязища, вонища, эпидемии всякие. Вши и язвы, кожные болезни, туберкулез, сифилис, спид у каждого второго-третьего. Понял теперь, что это и как это?

Андрей молча кивнул.

– Иногда лучше сознаться, чтобы срок скостили. Явка с повинной всегда хорошо, менты не любят морочиться с нераскрытыми «делами», зачем им «висяк»? Сам пойми.

Андрей опять кивнул.

– Во, читай, я тут нашел обрывок газетенки, – Хмырь сунул ему под нос газетную страничку, и сам принялся читать вслух: – «Как сообщает РИА Новости, заключенных содержали в камере, окна которой были загорожены металлическими щитами, а температура летом достигала 50 градусов. На 70 человек приходился один туалет... Заключенные испытывали нечеловеческие страдания...», и так далее. Ну и как тебе это?

Андрей молча пожал плечами.

– Я тебе еще про изнасилование не прочел. Знаешь, что это, когда мужика вся камера «опускает», 70 человек тебя в задницу трахнет, что от тебя останется?

– Да, парень, верно он те грит, – слышалось с нар. – Во, я тут анекдот вспомнил: « В СИЗО два зэка в камере сидят.

Одни грит:

– Завтра к нам третьего подсадят. Давай его опустим?

– А как?

– Очень просто. Я буду его муж и буду иметь его по ночам.

А ты будешь любовником, и будешь иметь его днем, когда меня на допросы потянут.

– Ну, давай.

На следующий день кинули в камеру третьего – громилу два на полтора.

Старожилы притухли, а тот и грит им:

– Значит так, будем играть в дочки-матери. Я буду ваш строгий папочка, а вы мои непослушные дочурки. А воспитывать я вас своими методами... »

– Ха-ха-ха-ха!

– Ха-ха!

Заржали со всех сторон.

Андрею жутковато стало от всего этого, и уж совсем не смешно.

– А ты чо не ржешь? – спросили его. – Чо, совсем притух? Кстати, ща оформим тебе лежанку. Твоя будет, блин, сверху, в третьем ряду, вон та, – кивнул в угол чернявый узколиций зэк с ушами как у нетопыря. – Можешь лезть. Чо торчишь как мозоль на пятке.

Андрей молча вскарабкался на верхнюю полку. Его бил озноб. Он накрылся ветхим тонким одеялом. Подушка была плоская, жесткая, и воняла. Впрочем, воняло все вокруг,

воздух в камере был плотный, влажный, густо насыщенный испарениями мочи и пота.

Принесли похлебку в жестяных мисках и чай в кружках. Есть ему не хотелось, подташнивало. Он не спускался с нар, лежал трупом. Его порцию съели другие.

Ночь казалась бесконечной и мутной. Слышалась какая-то возня. Что-то происходило в камере, шла своя, непонятная ему, жизнь. Андрею было безразлично. На нижних нарах слева тихонько завывали:

– Я спросил у ясеня-а,

Где моя любимая-а...

Сверху проворчали:

– Не ответил яшень, ибо не было ещё в нашем роду придурков, болтающих с деревьями.

– Эй, заткнитесь, уроды, ща порву всех! – прикрикнули справа.

Сутки сливались в единое месиво. В одну из ночей Андрей почувствовал, что кто-то лезет к нему на нары. Горячий шепот в лицо, несвежее дыхание, и потные ладони скользнули за пояс его джинсов. Тантрист отшатнулся, ударившись спиной о стену, и отпихнул чужое тело.

– Тихо, не дергайся, – шепнул гость, наваливаясь на него. – Будь проще, не противься, тебе же лучше будет. А Хмыря не слухай, он «наседка», ментовская подстава. Держись меня, я те помогу. Да не рыпайся ты, не бойсь, не трахну я тебя, если не хошь, просто поглажу. Ничо я те не сде-

лаю, не бойсь ты меня.

– Отвали, блин! – рыкнул Андрей и с силой толкнул чужака.

Тот чуть не слетел с койки, но удержался, и снова полез на тантриста, продолжая сипло шептать:

– Ну не шуми ты, дуралей. Грю же те, могу помочь, вытянуть тебя отседа. А то как по статье загремишь, так ты в камере семьдесят горилл на хор будут ставить, чо от ты останется тогда, а? Смекай, включи соображалку-то. А я ты не трону, пра-а. Да не дергайся ты, уймись уже.

Андрей, ослабший от стресса, голодовки, от всей этой жути и духоты, никак не мог вырваться от назойливого гостя. Вскоре он почувствовал, что теряет сознание.

– Вот так-то лучше, – горячо шептал тот, лаская его. – Все нормально, парень, я ты выручу. Познакомимся, что ли, меня кличут Шифер. Я всегда сверху ситуации, потому и шифер. А про ты тут все уже известно, и кликуху тебе дали Тантрист.

Но Андрей этих слов уже не воспринимал.

Очнулся он оттого, что его скинули с нар.

– Эй, ты, Тантрист, тебя правила что, не касаются, да? Ты у нас белая кость, что ли? Давай на прогулку, на выход, шевелись.

Он с трудом поднялся и поплелся вслед за зэками. Длинный коридор с затертым линолеумным полом, решетки, узкий двор, обнесенный высокими стенами. Он с трудом передвигал ноги. Дневной свет казался резким и холодным. По-

том – снова коридор и камера. Ему казалось, что попал в Ад, и это будет длиться вечно.

Вечером, после ужина, в камеру втолкнули новенького. Это был высокий плотный мужчина с лицом, напоминающим блеклую массу пластилина, из которого дети неудачно пытались слепить морду динозаврика. Уши торчали, как большие пельмени, в левом была булавка вместо серьги. Он был в наручниках. В камере его сразу узнали и притихли. Шифер шепнул на ухо тантристу:

– Ну, теперь что-то будет. Кому-то, ой, хана придет. Не зря его к нам сунули.

– А кто это? – спросил Андрей.

– Это Змей. Он буйный. Потому в наручниках. Его менты подсаживают, когда кого убрать надо. Дают наводку, и – вперед. Он псих. Сегодня у нас будет трупак.

– Как это, сама милиция такое творит? – удивился Андрей.

– Ну да. Ты чего такой наивный? Кто-то на воле заказал кого-то, может, вину свалить надо, либо свидетеля убрать, либо счета свести. Заплатили ментам, и концы в воду. Нет человека – нет проблемы, как говорится. Это ж обычное дело.

Змей подошел к нарам, присмотрелся, и выбрал нижнюю постель в центре. Он скинул на пол чужие тряпки, и расположился.

– Это моя шконка, – заявил он.

Никто не возражал. Хозяин тряпок осторожно подошел, собрал свои вещи, и молча переместился на верхние нары. Там он обустроился, и уже не слезал.

Все тихо расплзлись по своим углам. Андрей забрался на свою лежанку, натянул на голову тонкое грязное одеяло, и уткнулся лицом в стенку. Его опять трясло, холодный липкий пот выступил по всему телу, веки опухли и стали тяжелыми, в висках стучало.

– Харчи тут вкусные? – нарушил тишину Змей.

Ему ответили не сразу.

– Не-ет, бурду приносят, и мало, голодаем. Харчей, можно сказать, нет, – ответил кто-то мрачным тоном.

– Ну это для вас нет, – отозвался Змей. – А для конкретных пацанов сюда все приносят... Уважают.

Он поднял к лицу руки в железных браслетах, и выдернул из уха булавку. Поковырялся булавкой в наручниках, открыл их, и стряхнул на пол. Потом принялся энергично растирать запястья. Закончив это дело, стал разглядывать сокамерников. Повернулся к зэку на соседней лежанке, спросил:

– Что-то не могу купола на твоей наколке посчитать... какая ходка уже?

– Четвертая, кажись ... – ответил тот, потирая шею.

– Сурово. Уважаю. Анекдоты какие знаешь, ну?

– Знаю, тюремные.

– Рассказывай, – коротко приказал Змей.

– Ладно, слушай сюда. Сидят в камере, значит, убийца,

наркоман и медвежатник. Убийца говорит: «Мужики, я ща охранника грохну, и свалим отседа!» А медвежатник ему: «Погоди лучше, я ща ключи сделаю, и свалим отседа!» А наркоман грит: «Да вы чо, охренели совсем? Грохну, ключи сделаю... Ща курнем и улетим отседа!!! Все просто!»

– Хм, прикольно, – пробурчал Змей. – Но не смешно. Мне б чего благороднее, что ли, про волю и баб.

– Ну, могу и про благородных баб. Идет пожилая дама по проспекту и обеими руками шляпку придерживает. Проходит мимо пожилой джентльмен и говорит: «Вы бы, мадам, лучше юбку попрдержали, а то все обозревают ваши интимные подробности». «Ну», – отвечает дама, – «во-первых, у меня руки заняты, я шляпку держу. А во-вторых, моим интимным подробностям уже 80 лет, а шляпку я только вчера купила».

– Ха, хороший анекдотец, приятно слушать, – одобрил Змей. – Такие я люблю, благородные. А теперь я о себе расскажу почти анекдотичную историйку, которая случилась. Вспомнилось вдруг, по ассоциации. Это в Черновицкой тюрьме, зимой, вахтенный офицер решил поучить меня умразуму. Утром меня должны были доставить на суд, я приготовился, помылся, побрился, а меня всё не забирают. Я уж и попкаря, ну, в смысле, сержанта, который ходит по коридору вдоль дверей камер и заглядывает через глазки внутрь, его, значит, подтянул, а он мне – "раз не идут, значит не надо". Ну, такое дело – спешить мне вроде как особо некуда, раз-

делся, лег спать. Бывает такое, что суды переносят, это дело обычное. Часов в 11 кипиш – немедленно, уже, бегом, на суд. Ребят обули конкретно, за то, что они прощелкали. Суд собрался, прокурор – а подсудимый отсутствует. Я же пока проснулся, умылся, оделся – время идет, вахтенный стоит в дверях, слюной брызжет. Я тоже начинаю на них орать – к тому времени я уже был наглый зек, на себя наезжать не позволял. После суда вечером возвращаюсь в родную тюрьму, конвой, как обычно, определил в стакан и уехал. Тут появляется тот самый вахтенный, и снова начинает орать, что, мол, из-за меня он выговор получил. Я, конечно, тоже не молчу – был бы виноват, понятно. Разводит остальных зеков по хатам, а меня оставляет в стакане со словами, что ты тут у меня сейчас погреешься, у меня, мол, есть два законных часа, которые ты можешь находиться в боксе. Продержал, козел, действительно один час пятьдесят пять минут. За это время промерз я, конечно, основательно, до костей и их мозга – отопления там нет, температура почти как на улице, одежды зимней тоже – костюм, рубашка, туфли, подвигаться или поприседать возможности тоже нет, – стакан размерами точно, чтобы только стоять можно было. Но ничего, отогрелся потом, чифирыком кровь разогнал, даже насморком не заболел. Вот так. А теперь спать хочу, и чтобы тихо тут, не храпеть и не шуметь. Ша. Понятно?

В этот момент снаружи послышался приглушенный шум, голоса. И Андрей различил слова:

– Тут есть нужный экземпляр. Подходит по вашим параметрам.

Дверь отперли, и в камеру вошли начальник, контролер, охранник, и двое в штатском.

– Шаповалов, к следователю, – скомандовал контролер.

Тантрист удивился, странно ему показалось, что к следователю вызывают ночью. Он слез с лежанки и, полный нехороших предчувствий, пошел к двери.

Его провели в кабинет начальника.

– Садись, Шаповалов, – сказал высокий худощавый тип в сером костюме. – Долго говорить не буду. У тебя есть выбор. Либо тюрьма, либо участие в закрытых экспериментах. Это засекреченная лаборатория, изучаются особенности человеческой психики. Ты, как нам известно, уже знаком с системой самосовершенствования, занимался медитативными практиками, развивал способности, ты нам, возможно, понадобишься.

– А что это за эксперименты? – спросил тантрист.

– Примерно то же, чем ты занимался. Вроде медитации, но посложней.

– Он еще спрашивает, – гмыкнул начальник. – Ему волю предлагают, а он спрашивает, разборчивый какой!

– Я согласен, – быстро произнес Андрей.

– Подпиши вот здесь, – ему протянули бумагу, и он, не читая, поставил свою подпись в нескольких местах, где ему указали.

– Все, порядок. Забирайте, – ухмыльнулся начальник.

– Счастливо, тантрист, – сказал контролер, и, когда Андрей проходил мимо, очень тихо добавил: – тебя продали, дружище, ты товар.

Эту ночь он провел на воле. Его накормили весьма хорошим ужином. Он спал в комнате с нормальной мебелью, на полу был пушистый ковер, постель его была мягкая и свежая. После страшных ночей в камере он, наконец, уснул, и проспал сутки. Его не тревожили. Несколько дней он только и делал, что спал, ел, гулял по оранжерее, смотрел телек. Словом, приходил в себя. Потом его повели в большую залу, и познакомили с участниками предстоящего эксперимента. Но ему было все безразлично, он никого не разглядывал, имен не запоминал. Начальником группы был худощавый, один из тех, которые купили его в тюрьме. Его Андрей запомнил: узкое лицо с впалыми щеками и квадратным подбородком, длинные брови под прямым углом, как полуквадраты, узкие глаза, квадратные плечи. Звали его Артем Григорьевич.

Потом были разговоры, рассуждения о тонких мирах, о трансцендентальной медитации, о телепортации во времени и пространстве, и так далее. Его к этому и готовили. Изучали реакцию его организма на различные препараты, делали всевозможные анализы, проводили тренинги, проверяли его на наличие парааномальных способностей, и так далее. Ему было все равно. Полное равнодушие ко всему. Он напрочь

потерял интерес к жизни...

Но в тот день было все иначе. Он почувствовал, что силы возвращаются к нему. После занятий на тренажерах и контрастного душа, он с аппетитом поел. Потом вместе со своей группой прошел в учебную лабораторию. Это была просторная зала, вдоль стен стояли столы с приборами, улавливающими энергетику участников эксперимента. Всем надели на левую руку массивные браслеты, начиненные электроникой. В центре зала, в кресле, расположился Артем Григорьевич, остальные уселись прямо на ковер.

– Итак, продолжим занятия, – произнес Артем Григорьевич, и окинул взглядом группу. – У нас тут появились новенькие, так что кое-что придется повторить.

Он нахмурился, обвел глазами зал, задерживаясь на столах с приборами, и медленно продолжил:

– Существует Веер миров, помимо нашей Вселенной, что и является сейчас предметом нашего изучения. До нас в настоящее время доходят косвенные сведения об их существовании. Эти миры существуют зачастую параллельно нашему физическому миру и могут отличаться пространственно-временными координатами, то есть могут отличаться количеством измерений, направлением времени, пространством. А также существуют миры, в которых, судя по некоторым нашим наблюдениям, не существует ни пространства, ни времени.

Он замолчал, закинул руки за голову, и глубоко потянул-

ся.

– Часто принято объединять все параллельные миры в один единый Веер миров, – продолжил он через несколько минут. – Чаще всего границы между мирами не существуют, они просто, видите ли, все дело в том, что находятся они параллельно друг другу, не соприкасаясь между собой.

Иногда происходит и так, что параллельные миры могут проникать один в другой. Да, периодически случаются такие накладочки, происходит это, да. Есть миры, в которых преобладает Хаос, но существуют и такие в которых доминирует Порядок. Нельзя противопоставлять эти миры друг другу, они ведь существуют параллельно, не соприкасаясь и не враждуя. Более того, рядовые обитатели этих миров даже не подозревают о существовании друг друга.

Он встал с кресла и принялся молча прохаживаться по зале. Потом снова заговорил:

– Издревле существовала возможность перемещения по Вееру миров. Чаще всего этим пользовались Посвященные для своих целей. Долгое время эта возможность, так же как и сами цели, держались в тайне. Общеизвестно, что в Веере миров существует сеть каналов, которые связывают их друг с другом. В данном случае речь идет о возможности путешествовать по параллельным мирам с помощью лестницы Шаданакара.

Он бродил по зале как маятник, потом вдруг остановился,

и продолжал:

– Существует мнение, что Шаданакар по своей структуре напоминает черную дыру, что не мешает ему быть живым существом, обладающим сознанием. В каждом мире существует несколько стационарных входов-выходов в Шаданакар. Считалось, один из входов в Шаданакар, находится в Шамбале, и посвященные многих тысячелетий различных рас Земли пользовались им.

Он резко взъерошил себе волосы на затылке, и сел на ковер.

– Шаданакар – это лестница между мирами, в которую можно войти, но это не значит, что из нее можно выйти, – заговорил он снова. – Чтобы пользоваться этим коридором между мирами, нужно знать, во-первых: куда ты хочешь попасть, во-вторых: иметь достаточно высокий уровень духовного развития и мастерства. Этот уровень должен быть сопоставим с уровнем духа Ангела.

– Я не верю во всякие там Шаданакары, – громко сказала девушка слева от Андрея. Она была худенькая, коротко стриженная, бледная, с кошачьими зеленоватыми глазами. Широкая плотная футболка на ней была линялого серого цвета.

Артем Григорьевич резко замолчал, бросил на нее ироничный взгляд, и произнес:

– Ну, во-первых, обращаться ко мне надо по имени, или, если вам это трудно, зовите меня Мастер, Учитель, в конце концов. Понятно вам, девушка? И орать так не надо.

Во-вторых, да будет вам известно, и всем остальным, кто не в курсе, что Шаданакар существует помимо того, хочешь ты того или нет, веришь ты в это или нет. И ему все равно, что ты по этому поводу думаешь.

Относись даже к тому, чего не знаешь, с уважением, ибо помни, что твои мысли даже в нашем мире материальны и могут работать как на тебя, так и против тебя.

Итак, продолжаю. Чтобы войти в Шаданакар, необходимы только две вещи: Первое – иметь возможность для набора и управления энергией. Второе – Абсолютный контроль своего сознания.

Но даже если ты этого не имеешь, ты все равно можешь войти в Шаданакар, если знаешь, где находится вход, – продолжал он развивать свою мысль. – Шаданакар – это ничто. Это большое ничто. Но это большое ничто описывается определенными законами, которые ты должен знать.

Он снова встал и принялся разгуливать по зале.

– Чтобы войти в коридор между мирами, ты должен абстрагироваться от своего тела и от своего сознания полностью. После этого ты должен трансформировать свое тело в чистую энергию, которой ты будешь управлять. Когда ты это сделаешь, ты автоматически окажешься в Шаданакаре.

Оказавшись в лестнице между мирами, отключи свое сознание, позаботившись предварительно о том, что не включилось твое подсознание.

И, наконец, чтобы выйти оттуда целым и невредимым в

том месте, которое тебе необходимо, надо сосредоточиться на нем, создав его яркий мыслеобраз.

Вот этой практикой мы и будем сейчас заниматься. К этому вас и готовит наша исследовательская группа. Перед перемещением в другое измерение каждому из вас будет имплантирован под кожу специальный датчик. Такой маленький чип. Кое-кому он уже имплантирован. Некоторая информация о нашем мире у вас может стереться из памяти.

– Да что же это такое! – вскричала стриженная девушка. – Это произвол! Не хочу! Выпустите меня отсюда! – она вскочила на ноги и бросилась к двери.

– Что, снова в колонию захотела? – остановил ее властный голос Мастера. – Садись и запоминай. Как тебя звать-то, баламутка?

– Крыска-Лариска, – буркнула она, возвращаясь на место.

– Оно и видно, – усмехнулся Мастер. – Ну, мы отвлеклись. Итак, Параллельные миры многовариантны и разнообразны. Это не всегда связано с нашим представлением о мире вообще и о жизни в частности. Чаще всего они противоречат нашим представлениям о сущности вещей и определениям пространства.

Помимо параллельных миров с иными физическими характеристиками и пространственно-временными координатами существуют также так называемые параллельные многовариантные миры. Иногда их называют искаженные миры. Описать эти миры можно с помощью сравнительного ана-

лиза вероятностного развития истории. Впрочем, это не все искаженные миры, а только малая часть из них.

Он подошел к креслу и мягко опустился на него, не переставая разглагольствовать:

– Можно рассматривать искаженные миры как участок Вселенной, работающий в качестве противовеса Хаоса законам логики и порядка.

Искаженные миры – это не Ад и не нижний астрал. Часто среди вероятностных миров Искаженного мира один мир может быть очень похож на другой, кроме какой-нибудь одной частности, может быть двух частности и так далее. Точно так же один мир совершенно не похож на тот, в котором живем мы, во всем кроме чего-либо похожего, и так далее.

Он повернулся вместе с креслом и сбил ковер возле себя.

– Я хотел бы привести пример одной встречи, произошедшей в прошлом веке с князем Вяземским.

Однажды вечером он вернулся домой после бала, и обнаружил у себя в кабинете... себя самого, сидящего за столом и что-то пишущего. Он заглянул через плечо двойника и посмотрел на то, что он писал, после этого он потерял сознание. Этот листок Вяземский сохранил до своей смерти, в этом листке предсказывались многие события, которые позже произошли у нас в стране, включая Октябрьскую революцию. Кроме того, известно, что он писал об этом царю.

Это один из примеров встречи с двойниками из параллельных миров.

В мае 1828 года в Нюрнберге полиция поймала странного шестнадцатилетнего парня. После долгого расследования выяснилось, что этот человек, получивший имя Каспар Хаузер, имевший самые невероятные привычки и способности, до появления в Германии жил в мире, который совершенно отличался от земного.

Он достал большой полосатый платок и громко высморкался. Андрея удивили размеры и расцветка платка, он был ярко оранжевый. Еще больше его удивил рисунок. Почему полоска, а не стандартная клеточка? – подумал он.

– В параллельных мирах время может не соответствовать нашим представлениям о нем, – витийствовал Мастер. – События могут сменять друг друга быстро, медленно, или же вообще не меняться, а все может двигаться по кругу...

– Учитель, а вот вы в прошлый раз говорили про Хронодендрит, если я правильно расслышал это слово. Я понял, что это – разные сценарии одних и тех же событий в параллельных мирах. Это что же, значит, если в нашем мире Сталина отравили, то в другом, значит, он может...

Андрей оглянулся на говорившего.

– Стоп, стоп, стоп, – прервал его Мастер. – Об этом потом. В следующий раз. А сейчас некоторые из вас перейдут в медитационную залу. Остальные – на тренажеры. Кое-кого будут готовить к перемещению.

Очнулся он в лесу. Измотанный так, словно скалы двигал. Память медленно возвращалась. Вспомнилось... Да, так и было. Раненный медведь-шатун, истекающий кровью. Мороз такой, что птицы на лету замерзали и падали. Он, изнемогший от холода и голода, находил и ел замерзших пичужек, грыз обледенелую кору деревьев. Потом жил в логове умирающего медведя. Добил его, разделал на части, этим и питался. Одежда превратилась в лохмотья. Как-то нашел он в прогалине замерзшего насмерть охотника, снял с него все, что было, оделся...

Он медленно входил в местную жизнь. Странное это было место. Тут не было разговоров ни о политике, ни о правительстве, никто не упоминал о царе, не говорили даже о времени. Здесь не было такого понятия, как история. Никаких тебе исторических событий. И время здесь текло по-особому. Слово «год» никто не понимал. Естественно, не отмечался Новый год, не было летоисчисления, а были лишь дни, недели, месяцы, и соответствующие числа. Месяцев было очень много, и все они имели свои имена, похожие на собачьи клички. Все это казалось загадочным и совершенно необъяснимым.

Он не стал ломать над этим голову, а погрузился в воспоминания. Вспомнилось, как он скитался то с нищими, то с паломниками, ходил по монастырям, по угодьям. В больших поместьях кантовался вместе с каликами переходжими. Как ехал с обозом, напали разбойники, ему удалось убежать, за-

теряться в лесу... Так вот почему он здесь!

Тут он почувствовал, что снова теряет сознание... Так уже было с ним несколько раз...

Жизнь порой делает невероятные виражи! Андрея, полубеспамятного, подобрала местные охотники, и привезли в поселок. Его выходила знахарка. Потом он жил при монастыре паломником, работал и молился истово, принял монашество. Он полностью отрекся от прошлого, приняв его за дьявольское наваждение, и вычеркнул из памяти. Его психика так и не смогла принять того, что он скакнул во времени на несколько веков назад, да еще в непонятное пространство. Наваждение – это было понятнее. Он смог приспособиться к размеренному укладу монастырской жизни. Времени было достаточно, он занимался изучением иноземных языков, и вполне успешно. Его монашеское имя было Макарий.

В эту ночь ему не спалось. Птичий гомон смущал душу и волновал сердце. Работа над переводами книг в монастырской библиотеке утомила. Отец Макарий вышел во двор, вывел коня, оседлал его, и пустил медленным шагом за ворота. Глазами пил он едва различимые в предутренней мгле очертания реки.

На противоположной стороне займища послышался колокольный звон. Стая уток с шумом опустилась на плес меж густых зарослей камыша.

Он соскочил с коня, и пустил пастись стреноженную животину в понизовье, где догорал ночной костер. На половин-

ном бревне у огня сидели два монаха – Василий и Афанасий. «И до полного рассвета братья не скажут друг другу ни слова», – подумал отец Макарий. – «Да и зачем? Ведь каждый из них понимает другого: ибо в молчании есть Слово. Что-то грядет важное. Оно где-то рядом, но не выказывает себя...»

Макарий медленно прошел через луг, вдыхая густой свежий воздух, и остановился возле голубятни. Из клетки повыскакивали наземь турманы, чтобы подкрепиться просом и водой. А желтохвостый, с золотистой головой, голубь-кукун взлетел на плечо Макария. Монах взял птицу в руки, погладил от головы до хвоста, а затем резко выбросил голубя в утреннюю высь. Захлопали щелчками крылья кукуна.

В луговых окрестностях слышался стук кузнечного молота – в монастырских мастерских шла работа.

Над бугром громко хлопали крыльями турманы. С самых дальних высот они садились на хвосты и кубарем вертелись вниз, потом делали еще несколько кругов, и заново вели игровую круговерть... Макарий, запрокинув голову, наблюдал за птицами, всматривался в неизъяснимую глубину предрассветного неба, и какие-то смутные мысли тревожили его. В памяти всплывали странные образы, слова, имена. Временами вдруг начинало казаться, что имя его – Андрей, имя из нереального прошлого, и что когда-то с ним была женщина, и звали ее Жанна... Макарий встряхивал головой, и начинал креститься, читая псалом 90-ый. Потом он клал поклоны, и все проходило.

До утра он успел вернуться в монастырскую библиотеку и закончить перевод. Тут его позвал Афанасий, попросил помочь в деле. Оседлали коней, выехали в луга. Вдали чернел мост через реку. Подъехали. Мост был широк, слева перила чуть покосились. Кони глухо стучали копытами по отсыревшим доскам. Припустили мелкой рысью. Вот и замостовые холмы позади. Проехали поля со спелыми колосьями. Луга золотились звездчатыми мальтиками, синели васильками.

И вот уже монахи в просторных хоромх гостевого дома. Василий был уже там. Он принимал отчет у крупного, широкоплечего, с черной окладистой бородой, мужика. С ними был еще люд, среди них Макарий узнал Матвея – свояка той знахарки, что вылечила его.

– Спаси Господи всех, рад видеть, – поздоровался Макарий, поклонившись.

Ему ответили тем же.

– Здорово всем, Бог в помощь, – произнес с поклоном вошедший Афанасий. – Вот пришли и мы.

Василий что-то записывал в учетную книгу, и передавал мешочки с образцами семян монастырскому зерновецу. Тот мял мешочки в руках, обнюхивал, шурил глаза. Затем открывал мешочек, доставал горсть семян, и обсасывал их, жевал, что-то бормоча себе под нос, оценивал. Потом высыпал содержимое мешочков в свои меченые туюски. Каждая новая зерновая упаковка имела свои холщовые бирки, на которых зерновец что-то записывал древесным углем.

– Казанское, болгарское, башкирское, ярославское, нижегородское... – определил он. – А это откудава семья?... А-а, увекское... А-а, бухарское... Не торопи меня...

Он потеревил свой крупный, словно редька, нос, пожевал воздух обветренными губами, и повторил:

– Не торопи ты... Откудава, говоришь, сии зерна? Колундинские! Еще где такие места есть? На Иртыш-реке? Чего мало-то?

– Да недавно сажать начали. По осени.

– Как сказал? По осени сажают? Чудно, чудно. Еще осенние семена есть?

– Угу. Из Персии. Горные талышские хлеба.

– Это дело, дело... Ух, ух! Много персидского зерна!

Вдруг Архип вырвал из рук зерноведа мешочки с персидским зерном и воскликнул:

– Сии дьявольские зерна! Из них пьяные хлеба выходят!

– В самом деле? – пробормотал удивленный зерновец.

– Слышал я в молодости про такое, но ни разу не видывал.

Ну-кась, поглядим, – сказал Матвей, и зачерпнул горсть злаков из мешочка с пьяной пшеницей. Поднес ладонь с зерном к распахнутому настезь окошку, и долго рассматривал.

Потом проговорил:

– Этакая вот штука! Зерна крупные, но с грибком, и более половины из них семя-плевелы. А мы пшеничку-то просушим, да и отделим плевела от зерен.

– Нет! Всю пьяную пшеницу нужно уничтожить! – вскри-

чал Архип. – Упаси Господь, доберутся до чертова семя окрестные крестьяне, дуреть будут!

– Ах, Архип! Того ты не знаешь, что по суходолам давно мы по весне плевела сажаем. А ведомо тебе, что животина от пьяной пшеницы становятся страшнее волков? Вот тут и призадумайтесь! Кони, овцы, козы, буйные, кусачие... Сии злаки от врагов могут быть как страшное оружие! – произнес мужик, которого Макарий не знал.

Он запустил пятерню в свою курчавую бороду, и прищурился.

– Оружие, говоришь? Архип, ты где сию пшеницу взял?

– С Увека-града.

Макарий с большим интересом смотрел и слушал, но так и не понял, зачем Афанасий позвал его сюда, и как нужно было помочь ему. Видать, что-то от него надобно было, но потом планы изменились.

На обратном пути он зашел в часовню помолиться. В тишине и полумраке опустился он на колени перед иконой Спасителя. И опять посетила его назойливая мысль, что слишком много суетного вокруг, и надобно ему уйти в затвор. Но то под силу лишь великим святым. Не является ли сие желание гордыней, или искушением? Об этом он обратился с молитвой к Господу. Но тут вдруг ощутил странное движение воздуха, словно ветер влетел в закрытую часовню. Макарий оглянулся. Он был один. Только прошелестело что-то, и смутное облачко скользнуло вдоль стены, застыв перед

ним. Оно стало сгущаться и принимать женский облик. Он узнал эту девушку. В памяти вспыхнуло слово Жанна.

– Ах, Андрей, Андрей! – прошептала она. – Прости меня. Я виновата во всем. Если бы я не убежала тогда от тебя, если бы только...

Макарий вздрогнул, и принялся истово креститься. Но все слова молитвы вылетели у него из головы. Он не мог вспомнить ничего! На него нашел ужас, хотя это видение возникало уже несколько раз за его монастырскую жизнь. Тут на ум пришли сказания о Святом Антонии, к которому приходил дьявол в женском облики, пытаясь искусить.

Но сейчас он вдруг почувствовал, что это не просто наваждение. Этот призрак хотел предупредить его о чем-то.

– Из-за меня ты столько претерпел! – продолжало привиденье. – Но ты не виноват. Обвинения с тебя сняты, убийство повесили на мертвого зэка, погибшего в Сизо. Его застрелила охрана во время тюремного бунта. Эта пуля предназначалась для тебя, тантрист. Но твой Ангел-Хранитель силен. Тебе повезло, что ты попал в лабораторию, и переместился сюда. Только учти, и здесь есть свои заморочки. Да еще какие! Это же другое измерение! Пойми ты! Тебе лучше вернуться.

Призрачная девушка говорила на странном наречии, что-то не совсем привычное слышалось в ее фразах, но Макарий все прекрасно понимал, речь ее казалась ему хорошо знакомой, и то, что она называла его Андреем, не удивляло. Да, в

миру его и впрямь так звали. Но было это так давно, что он уж и позабыл. А про другое измерение он пропустил мимо ушей, но она все твердила и твердила ему об этом. Да, тоже нечто знакомое. Он что-то начинал припоминать, но информация эта мгновенно стиралась из памяти.

Да и зачем ему все это помнить? О Господи, избавь от этой шелухи. Позволь уйти в затвор! – мысленно вскричал Макарий, и наваждение исчезло. Он принялся истово молиться и класть поклоны.

Но ведь чтобы стать затворником, нужно особое разрешение. Это желание могут счесть гордыней, грехом великим. Сначала нужно испросить совета у настоятеля монастыря. Как быть, как подступиться, и достоин ли он сего. Потом обратиться за советом и за благословением к старцу.

Он вышел из часовни в сумятице чувств. И тут же снова принялся молиться, прося у Господа прощение за свое неровное состояние, и умоляя о поддержке.

«Боже! Пошли знак свыше, как поступить мне, что делать далее!» – беззвучно восклицал он, осеняя себя крестным знамением.

Он поднял глаза, всматриваясь в небо, словно надеялся увидеть там что-то особенное. Небо было затянуто плотной облачной пеленой, которая бугрилась, вздувалась и опадала, словно дышало гигантское распластанное существо. Оно, существо это, было переливчатое, серовато-зеленовато-лиловое, и оно хотело что-то сообщить Макарию, особенное и

очень важное что-то.

Монах снова перекрестился.

– Тьфу, уж не наваждение ли это опять какое? – пробормотал он.

Отец настоятель предупреждал его, что если человек удаляется от мира сего в монастырь, то он тем самым вступает на тропу брани с темными силами, бросает вызов самому Дьяволу и воинству его, и все силы Ада пойдут на него в наступление. Да, это Макарий почувствовал сразу же. Жизнь в монастыре была беспокойной, силы зла устраивали страшные провокации, несчастные случаи, по подземным монастырским ходам бродили призраки, их, случалось, обнаруживали даже в глубоких погребках с запасами маринадов, варений и солений. Несмотря на то, что все помещения постоянно освящались, и проводились особые молебны в защиту от нечисти, она, нечисть эта, все же периодически усиливала натиск. Бывали такие беспокойные дни, разгул бесовской силы, ну и в полнолуние случалось, конечно.

Макарий направился в сторону монастыря, надобно было зайти в келью, привести себя в порядок перед трапезой.

Вдруг в самой выси, где-то в глубине небес, послышался глухой рокот, и в мгновение ока огненный зигзаг сверзся вниз и вонзился в землю у самых ног монаха. Невыносимо ярко сверкнув, он в ту же секунду исчез.

– А-а! – вскричал Макарий и отпрянул. – Не сие ли есть знамение твое, Господи! Или бесовское наваждение это? Как

разобрать, Господь Милосердный, подскажи?

Он стоял, вне себя от изумления, и не знал, что думать. Может быть, это предупреждение ему? Но какие силы его предупреждали, и о чем? Он снова перекрестился и принялся бормотать «Отче наш».

Сзади послышался шорох. Макарий вздрогнул и резко обернулся.

– Что это ты, брат, беспокойный какой сегодня? – спросил подошедший Афанасий. – Меня послал за тобой отец настоятель, что-то ты к трапезе опаздываешь, ждем тебя все. Ой, да на тебе лица нет, захворал ты, никак, либо приключилось чего? – удивился монах.

– Да ничего особенного, так, померещилось что-то, – махнул рукой Макарий и пошел вслед за собратом к монастырским воротам.

– А-а, – протянул задумчиво Афанасий. – А у нас тут такое искушение случилось с этими пьяными зернами. Отец настоятель повелел все их сжечь. Но они странным образом исчезли.

– Как исчезли? – не понял Макарий.

– Да так. Словно сквозь землю провалились. Нет их, и все тут.

– Опять, видно, лукавый мутит, – вздохнул Макарий.

– Да уж, тут без происков нечистого не обошлось, – поддакнул Афанасий. – Как всегда у нас тут.

Монастырские ворота вырисовывались во мгле словно

стены крепости. В этот миг тьма быстро сгустилась, словно некто невидимый заварил густой темный кисель. Воздух стал вязкий и липкий.

– Тьфу-тьфу-тьфу, Господи, спаси и сохрани нас! – вскричали оба монаха сразу и принялись истово креститься.

– Опять вражье наваждение, – пробормотал Макарий. – Нейдется им, бесам...

– Работа у них такая, – молвил Афанасий, и стал хлопать себя по бокам, нащупывая в складках рясы подвешенный на четках массивный серебряный нож-копье с рукоятью-крестом. Это было действенное оружие против натиска нечистой силы.

Из плотной тьмы потянулись к монахам щупальца с присосками.

– Что это? – прошептал обомлевший Макарий.

– Это они наши души высосать хотят, – ответил Афанасий и метнул в густую вязкую субстанцию крест-копье.

Раздался шумный всплеск и грохот, будто с неба обрушился наземь мощный водопад. Все вокруг застонало, загудело. Запахло серой и гнилью. Через некоторое время все стихло, и воздух снова стал прозрачен и чист.

– Ну, путь свободен, с Божьей помощью, – произнес Афанасий и выдернул из ворот свой нож. – Мы еще успеем потрапезничать.

– А почему сегодня такой натиск с их стороны? – спросил удивленно Макарий, когда они входили в монастырь.

– Так сегодня же полнолуние, – ответил Афанасий, кладя поклоны перед наддверной иконой Божьей Матери.

– А, ну тогда понятно, – произнес Макарий, и тоже сделал несколько глубоких поклонов.

В трапезной горели лампы пред иконами, толстые свечи в метровых подсвечниках сияли по углам. Братия уже заканчивала трапезу, когда оба монаха вошли. Они поклонились игумену отцу Евпатию – настоятелю монастыря, и Макарий произнес:

– Опять лукавый нападение учинил, батюшка, прости за опоздание.

Игумен молча кивнул. Монахи сели на свои места, и наполнили густыми рыбными щами глиняные миски. Ох и хороши были щи, ароматные, приправленные кинзой, сельдереем, петрушкой и ароматным рапеуром. Закусывала братия ржаным хлебом с мариартом.

Потом все перешли в смежный храм, и долго молились перед сном. Макарий так устал за сегодняшней день, что последние молитвы читал не особенно усердно. Он с трудом перебарывал сонливость.

Наконец, все разошлись по своим кельям. Лампадка перед иконой еле тлела, но у Макария уже сил не было поправить фитилек, и зажечь новую свечу на комод. Он буквально рухнул в постель и тут же уснул.

Проснулся он внезапно в полной темноте. Была глубокая ночь. Лампадка не горела, свеча тоже. Он хотел было встать

и зажечь, но какая-то неведомая сила прижала его к постели. Ощущение жути сдавило душу. Тьма была тяжелая и упругая, словно живое существо, она пульсировала и шевелилась. От ужаса холодный пот выступил у монаха на лбу, и медленно покрыл все тело. Он попробовал сопротивляться, хотел рывком сесть на постели, но не смог и шевельнуться.

Внезапно в левом углу кельи словно просветлело. Возникло некое тускло серое пятно, оно стало разрастаться и становиться все ярче, превращаясь в светящуюся туманность. Туман этот постепенно сконцентрировался в белую женскую фигуру. Но то была не Жанна, отнюдь. Плотная тьма стала редеть и отступила. Женщина подошла ближе, и зажгла лампадку. Свеча загорелась сама. Но привычный запах ладана исчез, словно его и не было. Келью наполнил аромат необычных духов. Женщина была одета в пышное многослойное платье из тонкой белоснежной ткани. Волосы были уложены в затейливую прическу, украшенную заколками с чем-то, похожим на бриллианты, так показалось монаху.

– Кто ты? – спросил он.

– Как это кто? – ответила она. – Я Счараюнкра.

– Кто? – переспросил он.

– Ты что, не знаешь, кто такая Счараюнкра? – ответила она вопросом на вопрос. – Вижу, что не знаешь. Ну так даже лучше.

– Отчего же лучше? – удивился он.

– Загадочней, – ответила она. – Я вообще загадка, даже

для самой себя. Никто не знает, что я такое, да я и сама этого не знаю.

Она глянула на него своими синими всполохами глаз, и ему показалось, что это зарницы. Ее губы были удивительно пухлые, нежно розовые и влажные, как роса. Она была необычайно красива. Теперь она приобрела совершенно четкие очертания, и больше не казалась туманной.

Он смотрел на нее не отрываясь, позабыв о том, что надо перекреститься и прочесть молитву от наваждения. Он вообще обо всем забыл.

Пламя лампадки вытянулось и принялось плясать, как сумасшедшее. Ладан расплавился и испарился. Со свечой творилось и вовсе нечто невероятное. Но Макарий ничего вокруг не замечал.

Она медленно, словно нехотя, приблизилась к нему. Села на край постели. От ее запаха голова его пошла кругом. Он почти терял сознание. И в этот момент раздалось:

– Прочь от него, бесстыжая, сгинь! Оставь его в покое! Не тронь!

В келье появилась Жанна, она ринулась на Счараюнкру, в ярости разрывая воздух. Обе призрачные женщины вцепились друг дружке в волосы и принялись драться. Из прически Счараюнкры посыпались сверкающие камнями заколки, волосы растрепались. Она с силой оттолкнула Жанну, и тут же набросилась на нее, схватила за горло и принялась душить. Жанна остервенело ударила противницу коленом в

живот. Та с воплями отпустила ее, и поднялась в воздух. Она сверху попыталась напасть на Жанну, но та взлетела к самому потолку, и принялась вращаться вокруг своей оси, словно волчок. Поднялся сильный ветер, лампадка слетела на пол, но не разбилась, слава Господу. Лампадное масло разлилось и вспыхнуло. Массивная свеча заплясала в подсвечнике. Яркая полоска огня побежала по дощатому полу, но призраки не замечали этого и продолжали драться в воздухе.

В этот миг Макарий опомнился, и принялся истово креститься и громко читать молитвы. Пламя погасло. Женщины растворились, словно утренний туман.

Монах встал, поднял с полу лампаду и наполнил ее маслом. Зажег в ней фитилек, и бухнулся на колени перед образами. Он горячо молился до самого рассвета.

На исходе солнцестоя монахов перебросили на древосплав в помощь окрестным мужикам. Макарий, Афанасий и Мисюрь приотстали от прочих и пошли лесом, сокращая путь. Солнце искристо плескалось в зеленоватой глубине небес, где безмятежно парили розовые и оранжевые бригаири, пятнисто-клетчатые ирливги кувыркались и радостно посвистывали, а под ногами путников пышно цвели золотистые лилии и голубые ветродувки. Но долго любоваться этой красотой было грешно, и монахи сосредоточились на внутренней молитве.

К реке они вышли первыми. Густые мощные потоки воды неслись вдоль берегов, с грохотом бились о громоздкие

сооружения из сплаваемых бревен. Мужики, широко расставив ноги и балансируя на мчавшихся плотах, подогревали друг друга руганью, грозили баграми, и азартно гоготали.

Монахи остановились, ожидая указаний. Вскоре подошел игумен, а следом и остальная братия.

– Ну, с Богом, за работу, – сказал настоятель отец Евпатий. – Берите же багры.

Вслед за остальными, Макарий ухватил багор.

Чернецы принялись цеплять баграми одиночные стволы и затаскивать их на берег. Монах Леонид, высокий широкоплечий детина с острым топориком за поясом, деловито осматривал древесину.

– Дубовые бревна дальше тащите, – командовал он. – Правее, правее складывайте... Бойся зашибиться... Сосну тащить и складывать левее... Левее, говорю, эй!

Десятники углем и меловыми камнями размечали бревна. Другие же работные люди опиливали их по нужным размерам. Острый аромат спелого дерева и смолы разливался в воздухе, смешиваясь с запахами бурной реки и травы.

Пацаны занимались досками.

– Миша, много у тебя ребятня досок заготовила? – спросил отец Леонид парня, который увлеченно размечал торцы бревен, подлежащих расколу.

– Да, отче, для бочек-то досок хватает. А вот для лодок маловато будет. Лес плохой поставили плуты. Вели срочно поменять бревна. Они жуком порчены.

– Велю! А откель те бревна будут?

– С Вереи пригнали купцы.

– Миша, а на бочки пустить можно? – спросил парня монаха.

– Работы лишней много будет, но попробуем размеры подогнать.

– Молодец, – похвалил его отец Леонид.

Он окинул взглядом подростков, увлеченных работой, и подумал о том, что скоро вся эта ватага уедет на промысел с рыболовами. Потом его мысли снова вернулись к лесу. Он подошел к монахам, и распорядился, чтобы трое из них занялись отбором древесины для нужд монастыря.

Макарий вместе с Афанасием и Мисюрем взялись за сортировку.

Макарию сладостно дышалось этой свежестью, и работалось в охотку. Душа переполнялась благодатью. Телу было горячо и блаженно. Ничего больше в жизни ему не хотелось, только этого умиротворения, внутренней радости, и размеренного напряжения мышц.

Устал, отошел в сторонку и сел на бревно. Рядом с ним кто-то легко и тихо опустился, обдав его запахом духов. Такой знакомый запах, что он вздрогнул и обернулся. Жанна! Опять она! Из того самого прошлого, где было много боли и горечи, которое он глубоко забыл. Да и было ли оно? Конечно, нет, ничего не было и быть не могло, это опять вражье наваждение!

Он принялся истово креститься и читать молитву святого Киприана от демонической силы. Но призрак лишь расхохотался и положил свою маленькую ладошку на его мозолистую ладонь.

– Ты ошибался, тантрист, смерти не существует. Есть лишь несколько иная форма жизни. А мне без тела легче, я теперь всегда там, где хочу быть, я очень быстро перемещаюсь. И еще я поняла...

– Что ты поняла? – перебил ее Макарий.

– Я поняла, что люблю тебя, дурачок. Хорошо, что на свете есть Небо, море звезд и дожди с облаками. Хорошо что на небе есть Солнце, и земля, и Цветы под ногами! Хорошо, что есть чувства и разум, и любовь, мой чудак, между нами. Жаль, что только не сразу, увы, можем все объяснить мы словами!

– Ты что, стихами заговорила? – удивился он.

– С тобой, Андрюша, не только стихами заговоришь, а чем угодно, ты меня просто поражаешь!

– Одного понять не могу, почему ты не там, куда попадают души умерших.

– Да потому, что туда не все души попадают, – ответила она. – Я выбрала тебя, мне с тобой интереснее, и я тебя очень сильно люблю.

– Тогда оставь меня в покое и не искушай, – отвечивал Макарий. – Здесь моя ниша, здесь я обрел себя, и посвятил жизнь Господу нашему. Успокойся уже.

– Не, не успокоюсь, пока ты не вернешься в наше родное измерение, – заявила она. – Не дело это, по чужим мирам шастать. Ты ж не здешний.

– Здешний я, какой же еще, – сказал Макарий. – А ты есть бесовское наваждение, внушаешь мне что-то, чего, уверен, никогда и не было.

– Вспомни получше.

– Знаю я вас, бесов, вы можете такой морок на человека навести, вспомнится то, чего и не бывало вовсе! – воскликнул Макарий. – Сгинь, сгинь, нечистая сила!

– Дурачок, одно слово, ду-ра-чок, – глубоко вздохнула она и легко вспорхнула с бревна. – Ну ладно, пока, до встречи, миленький мой!

Она махнула ему рукой на прощанье, и исчезла.

Макарий вытер рукавом пот со лба, и отдышался. Сердце колотилось в бешеном ритме. По всему телу выступила испарина, так, что нижнее белье прилипло. Неприятное и странное чувство мешало собраться с мыслями. Он не мог сосредоточенно помолиться. Ему было не по себе. «Почему я не спросил, кто ее убил?» – прорвалась внезапная мысль, но он тут же смял ее и выкинул прочь. Как можно убить того, кого нет? И не было никогда. Никакой другой жизни, никакого убийства, ничего. Ничего не было!

Он поднял взгляд к небесам, таким глубоким и спокойным, потом посмотрел на свисающие к земле длинные сосновые ветви с густой иссиня зеленой хвоей. Сквозь них про-

свечивал берег, река, мельтешащий народ.

Вдруг на берегу что-то разладилось. Люди остановились, взглядываясь куда-то, замахали руками, закричали, и бросились бежать в разные стороны. Макарий различил слова:

– Вепри, спасайся!

– Стадо пьяных вепрей, берегись!

Мимо Макария пронеслось несколько человек, сбиваясь в кучу и спотыкаясь. Кто-то крикнул ему:

– Беги! Вепри нажрались пьяного зерна и мчатся сюда, все сметая!

Макарий вскочил как ужаленный и, не разбирая дороги, побежал вглубь леса куда-то. Он почти летел, не чуя под собой ног. В висках что-то гулко стучало, или это гналось за ним стадо и земля дрожала, он не понял. Впереди блеснуло озеро. Ноги сами несли его вперед.

«Это же Ведьмин пруд, страшное место! Надо остановиться!» – мелькнула мысль. Но остановиться он уже не мог.

Всплеск, каскады брызг, вода, сквозь которую он летел и летел, мягкое зеркало, сквозь которое он прошел как нож через масло, и снова водные глубины, только теперь он не погружался, а поднимался, и наконец вынырнул, теряя сознание...

– Ну вот ты и вернулся в свое измерение, приветик, – услышал он женский голос, и увидел склоненное над собой лицо Жанны. – С возвращеньем, милый! Скажи спасибо, что я вытянула тебя из воды, а то нахлебался бы. Хорошо, что

возле берега вынырнул.

Он смотрел на нее, вытаращив глаза, и ничего не мог понять.

– Сейчас сюда припрутся те типы. Они тебя отслеживали через чип, который вшит под кожу. Ничего-ничего, все наладится. Ты быстро адаптируешься, вот увидишь. Это же твой мир. На, держи на память, – сказала она, сунув ему в ладонь маленький кусочек металла. – Это пуля, она предназначалась тебе, тантрист. Ну так, на память.

Она повернулась и быстро пошла, постепенно растворяясь в воздухе.

Он жутко испугался, услышав нарастающий гул сверху. В небе появились сверкающие серебром драконы. Они увеличивались в размерах, становились огромными, приближаясь. Над спинами вращались круги. В следующий миг из подсознания всплыло слово: «Вертолеты». И пошел поток почти забытой информации. Макарий не знал, что и думать. Все в голове смешалось, сознание замутилось, и он стал проваливаться в рыхлый туман сонливости. Он чувствовал, как его кладут на носилки, несут, втаскивают в узкий проем, как вокруг суетятся врачи. Его ощупывали, прослушивали, присоединяла к телу какие-то приборы. Он ощутил взлет вертолета и мягкое покачивание. Наступило успокоение, словно он покачивался в колыбели, и вокруг суетилась родня. Будто он снова младенец. Окутанный этим нежным, блаженным чувством, он уснул.

Потом было огромное помещение, залы с непонятной техникой. Он постепенно что-то вспоминал. Компьютеры, факсы, аппокорионы, все эти забытые слова и понятия снова возвращались к нему. С ним работали врачи, психологи, но сознание его упорно отвергало эту технократическую цивилизацию. Он просил отпустить его назад. Ему твердили, что это невозможно, и что он нужен для очень важного эксперимента. Ему рассказали, что на спутнике Сатурна обнаружены запасы нефти и газа в 20 раз больше земных, но туда уже наострились американцы. Они формируют экипаж. Доводят до совершенства очередной «Шаттл». Но здесь, в России, созрел план попасть на спутник Сатурна первыми, и без всякой техники. Именно туда теперь хотят переместить его, Андрея. Но он от всего отрекся, он называл себя отцом Макарием, и твердил, что все их слова суть морок и наваждение.

И его оставили в покое, «дозревать». Решили, что он должен приспособиться, принять эту жизнь. Его водили на коллективные занятия, на сеансы гипноза. Но Макарий был словно камень. В своей комнате он подолгу молился.

Однажды с ним разговорилась маленькая брюнеточка. Он понял, что она воспринимает его как священника. Попросила выслушать. И заговорила:

– Вот, батюшка, так вышло, не знаю даже. А потом мне сон приснился такой.

Бог знает, какой год. В мире война. Война с вампирами.

Днём вампиры – простые люди, такие же, как все, днём, даже, если все знают, что проходящий мимо парень или девушка – вампир, никто не осмелится на убийство. А ночью начинается кровопролитие. Люди, в отличие от вампиров, поделены на два лагеря – воины и гуманисты, стреляющие дротиками с вакциной, от которых вампир становится человеком, но после этого большинство кончает с жизнью, не видя смысла существовать.

Днём я училась, ходила на концерты, а лишь наступала ночь, я вместе со всеми надевала форму, и в отличие от большинства моих знакомых, брала револьвер с дротиками.

Вампиры меня, как и остальных из моего отряда, ненавидели сильнее воинов, для них стать нормальным было хуже смерти.

Очередное сражение. У меня кончились дротики, я побежала на базу, но меня взяли в плен. Хотели выведать нашу стратегию. Меня пытали двое – высокий черноволосый парень и девушка с длинными вьющимися тёмно-русыми волосами. Я не сдавалась. Меня исполосовали когтями. Я истекала кровью. Потом мне выстрелили в живот, я упала, но осталась жива.

Вампиров два вида – кровососы и падальщики, отличить их невозможно, разница только в том, чья кровь служит им обедом – живых людей или трупов.

Выхода не было – я притворилась мёртвой. Ко мне кто-то подошёл проверить, бьётся ли ещё сердце, а оно бешено

колотилось, словно желало выпрыгнуть из груди. Почему - то вердикт был МЕРТВА. Я удивилась, где это видано, чтоб вампир не смог понять, жива ли жертва?

Я лежала так долго, как могла. Потом, подумав, что палачи ушли, я встала и открыла глаза (именно в таком порядке). Я ошиблась. В комнате кроме меня было двое. Девушка-вампир и парень высокий, в плаще, надетом поверх белой водолазки, кончики его белокурых волос были в крови, самое кошмарное было то, что я его любила (по сну). Выражение лица красавца говорило, что он здесь главный, спорить с ним – всё равно, что подписать смертный приговор (жалко я не запомнила самого лица, только ощущение)

Тереция (вампириша) предприняла попытку вынуть из-за пояса кинжал, но посмотрев на брата, почему-то остановилась. Меня куда-то повели. Я шла и чувствовала, как жизнь покидает моё тело. Я продолжала идти. Всё, подумала я, конец, я замедляла и замедляла шаги, остановилась. Вот уже поравнялась с идущим сзади парнем. Он тоже остановился. Всё, больше нет сил, совсем. Я хотела только одного – попроситься. Я поцеловала любимого в одну щёку, потом в другую, а затем в страстном порыве я нарушила главный запрет, поцеловала его в губы. Он ответил на мой поцелуй, который, как мне показалось, длился вечно. Я оторвалась от губ и сказала: "Я больше не чувствую боли"

Вампириша тихо прошептала: "Твоя рана заросла – ты теперь одна из нас"

И я не чувствовала больше ничего, ни боли, ни любви, ничего. Даже отвращения, которое было раньше, когда я думала о том, как живут вампиры, больше не было. Я стала холодной, такой же, как они...

После этой мысли я проснулась. Было очень странное ощущение. Казалось, что всё было на самом деле, сон был очень правдоподобный.

Он выслушал девушку, и перекрестил. Потом прочитал над ней псалом 90-ый. И сказал:

– Вечный закон Жизни: что ты сама думаешь и чувствуешь, то ты сама же и облакаешь в форму. Где твоя мысль, там и ты сама, ибо ты – твое собственное сознание, и над чем размышляешь, тем и становишься.

С этими словами он написал ей молитвы, которые нужно читать перед сном и утром.

После этого случая к нему началось настоящее паломничество. Ночью к нему тайком пробиралась на исповедь «паства». И он старался помочь, чем мог. Мужчина лет пятидесяти спрашивал о повторяющихся ситуациях в нашем и в параллельных мирах, он не мог понять, почему одни и те же события могут происходить с совершенно разными людьми там и здесь, причем эти события словно копируют друг друга. Макарий ответил, что это – бесовское наваждение.

Однажды к нему пришла высокая плечистая шатенка с крупными чертами лица. Она принялась рассказывать свою историю.

– Я убила подругу, бабушка, из ревности. Был мой день рождения, а потом Олег повез ее домой, все были выпивши.. – она расплакалась. – На обратном пути он попал в аварию... Насмерть.... Из-за нее... Если бы он тогда не повез ее... Я потом примчалась к ней, я не могла, не могла больше... Я ее ножом... в сердце... И убежала...

Потом она вдруг успокоилась, и принялась рассказывать:

– Сначала был не Олег. Был Илья. Заявление в ЗАГС мы подали одновременно с моими документами в институт. Я просто потеряла голову: Илья был красив, как ангел, и талантлив, как бог. Он рисовал картины, и его друзья прочили ему большое будущее.

Но жизнь распорядилась иначе: год проходил за годом, я закончила аспирантуру, защитила кандидатскую, а большое будущее не наступало. Илья все обдумывал какой-то «гениальный сюжет», продолжая торговать акварельками на вернисаже. Нельзя сказать, что это приносило доход, – по сути, мы жили на мою зарплату.

Однажды Илья впал в депрессию: за три месяца он не продал ни одной работы, после чего потерял всякий интерес к живописи.

Им завладела идея побывать на Афоне: кто-то из друзей-художников подсказал, что там, на Святой горе, указанной Богородицей, можно обрести утраченный дар, вернуть вдохновение. Кое-как мы наскребли денег на дорогу, и Илья улетел в Грецию. Через неделю пришло от него письмо: он

писал, что обустроился в одном из монастырей, «подвизавшись на живописном послушании». И еще сообщил, что там изумительная природа.

Отпуск за свой счет шеф подписал мне без лишних вопросов. Подруга из турфирмы всучила горящую путевку в Салоники. «Оттуда ходит автобус на Афонский полуостров, до Уранополиса, – объяснила она, показывая фотографию каменной башни на морском берегу. – Дальше этого города тебя не пустят: это кордон, за которым начинаются мужские монастыри. Пребывание женщин на Святой горе запрещено».

Утром следующего дня я ступила на греческую землю. «Жду тебя в Уранополисе, у башни», – лихорадочно строчила я телеграмму в аэропорту Салоников, умоляя Бога, чтобы мои слова, наконец, пробили все кордоны и дошли до мужа. Автобус на Афон отправлялся с минуты на минуту.

Каждое утро я ходила к башне и смотрела на мутный морской горизонт – словно жена рыбака, не желающая принять страшную правду. Монахи, отбывающие на лодках в сторону этого горизонта, в этот неведомый, запретный для меня рай, глядели недобро и осуждающе. Будто само мое присутствие нарушало их покой и благодать.

В номере гостиницы, где я остановилась, висел образок Богородицы. Не обученная молитвам, я спрашивала – зачем Она отняла у меня мужа. «Зачем, Мария?» – шептала я в лицо, полное скорби и смирения. Но Мария молчала, слов-

но была какая-то высшая сила – выше всех обстоятельств и выше Нее Самой.

Отпуск заканчивался. На исходе второй недели я зашла в часовню и поставила свечу – за здоровье раба Божия Илии. А потом села в автобус и поехала в аэропорт. Афонская гора тонула в вечернем облаке – и вместе с ней, казалось, исчезала моя душа...

Моим соседом оказался Олег, тридцатипятилетний археолог из Москвы. За несколько часов, проведенных в дороге, ему удалось отогнать от меня самые кромешные мысли. Рассказал о своих родителях, о работе. О том, что недавно получил грант и хотел бы поехать в Лондон – писать книгу о Византии. «Византия здесь, а лучшие книги о ней в библиотеке Британского музея, – улыбнулся попутчик. – Парадоксы истории». И еще как бы шутя добавил, что для такой командировки ему желательно обзавестись женой. Вся жизнь уходит на любимую науку, а любимой женщины не нашел. «Она должна быть умной и непременно красивой, – сказал он уже более серьезно. – Вот такая, как вы, Ирина... А скажите, вы замужем?»

Я смотрела в его карие с поволокой глаза, и мне становилось спокойно, уютно и радостно. Мне с ним стало вдруг так хорошо, и ему – я чувствовала это – тоже... Мы влюбились друг в друга... С тех пор мы прожили вместе восемь лет. Я так и не рассказала ему, почему я тогда оказалась в Греции, о своем первом браке, о прошлой жизни. Да и была ли у меня

прошлая жизнь? Мы так любили друг друга!!! И в тот ужасный вечер, в мой день рожденья, лучше бы я его не отмечала, лучше бы не приглашала к себе Жанку, это Жанка виновата в трагедии!!!

– Вашу подругу звали Жанна? А как фамилия?

– Белянчикова, – выдавила, рыдая, девушка.

«Так вот кто ее убил!!!» – вонзилась в душу мысль, и он до боли сжал в кармане деревянные шарики четок.

Время шло. В исследовательском центре ничего не смогли с ним сделать, решили, что он сошел с ума, и отпустили с миром. И он стал жить как мог. Ездил паломником по мужским монастырям, потом был там трудником, принял послушание. Прошел несколько духовных иерархий, стал священником в одном из московских храмов. Приобрел известность среди мирян, у него многие окормлялись.

***

Пуля вжикнула возле самого виска и вмазалась в не застывший еще бетон. Варенников шарахнулся в сторону. Вторая пуля прошила пластиковое ведро с краской. Густая алая струйка стала растекаться, подобно крови. Александр пошатнулся, захолонуло сердце. На миг он чуть не потерял сознание, но страх обострил реакцию. Он быстро спрятался за нагромождение бетонных плит. Его спасением оказа-

лось стройка. Решил сократить путь, пройти сквозь строительную площадку, благо что рабочий день закончился и не было на стройке ни души, никто его не тормознул. Скрываясь за кучами стройматериалов, он начал пятиться, свернул в какие-то вырытые катакомбы, и внезапно сверзся вниз. Несколько секунд полета, удар. Упал на спину. Боли не ощутил. Сердце бешено колотилось где-то в висках. Понял – его «заказали». Но кто и за что? Неужели за его книгу, за тот детективный роман, в котором он «убил» Совлатова. Но он же не знал, что Совлатов – глава местной мафии, «крестный отец», он просто выбрал фамилию наугад, красивая звучная фамилия, понравилась, только и всего. И вообще, странно, что роман попался на глаза, да еще был прочитан, и обидел... Нет, не может быть, тут что-то другое.

Стрелять перестали. В наступившей паузе слышно было, что кто-то бродит по стройке.

«Меня ищут», – ужаснулся Варенников.

Совсем близко, наверху, что-то глухо стукнуло, послышался звук падающих досок и досадливый мат. Матерились уже почти возле ямы. Александр съежился и забился в угол. Холодная жидкая глина вязко заползала в самую душу...

Что было потом, он помнил словно в бреду. Как среди глухой ночи выбирался из ямы, как метался по стройке, потерял очки, прятался за какие-то выступы, отсиживался в бочке. Его уже давно перестали преследовать, а он все сидел в бочке, дожидаясь рассвета. Наконец, выкарабкался, его

мальчишечья фигурка, вся в известке, глине, краске, выглядела весьма причудливо. Близоруко щурясь и спотыкаясь, он петлял по переулкам, вздрагивал от каждого громкого звука. Он был похож на спятившего бомжа. Домой добрался лишь к вечеру. По пыльной квартире прогуливался сквозняк. Александр выдул полбутылки коньяка, допил водку, и уснул в ванне.

Две следующие недели он пил. Его небольшой бар опустел сразу, пришлось бегать в соседний магазинчик, а в углу возле компьютера росла гора бутылок и консервных банок. Потом – провал в памяти, будто мозги обокрали. Очнулся на каком-то банкете в Московской писательской организации, отмечали юбилей Гусева, там он еще поддал, потом все поехали на дачу к Ольге, его тоже погрузили в машину. Эта Ольга, красивая блондинка, пишущая экстремальные детективы и эротические стихи, открытая и веселая натура, свела с ума всю мужскую половину Союза Писателей. Поговаривали даже, что у нее связь с самим Рамизом Совлатовым. Но Варенников в этом сильно сомневался, слишком уж она независимая, чтобы иметь с кем-то связь. Пожалуй, способен лишь на легкий флирт, хотя жизнь ее обросла немислимыми мифами. Варенников был давно и безнадежно влюблен, пугался этих мифов, но частенько подумывал, как же к ней подступиться. И тут вдруг повезло. Его полубесчувственное тело везут на дачу к Ольге! Счастье привалило так внезапно... Наверно, Бог скинул ему с небес компенсацию

за пережитый ужас...

Очухался в очередной раз он на широкой деревянной лавке где-то на веранде. Тело болело так, словно его, как Христа, прибили гвоздями к этой лавке, а голова и вовсе отсутствовала. Вокруг ходили, сидели, что-то пили, курили кальян, и говорили-говори-говори... Все пространство было туго набито словами, фразами, звуками, каким-то щебетаньем...

– А ведь Христос родился на четыре года раньше, чем это принято считать. И, следовательно, распят был...

– Да, да, да, не в 33, а в 37.

– Роковое число, возраст гибели лучших поэтов, числовой код катастроф, тридцать седьмой год...

– Это у тебя от погоды такой настрой. Да Бог с ним, не думай...

– Бог, модное ныне словечко, Бог! А кто знает, что есть Бог?

– Козырь в политической игре... – прозвучал женский голос

– Не скажи... У американских индейцев тоже был свой Бог – Великий Дух. Впрочем, Бог есть, и есть его посланцы, но кто ж знает подлинное его имя и все такое. Известно только, что Бог – откуда-то сверху, а команду себе вербует на Земле. Кто он, как знать? Высший сверхразум, космический сгусток какой-то суперэнергии? Постичь его невозможно, да и зачем постигать?

– А как же Библия, заветы, молитвы? А посты? – возразил

женский голос.

– Ну какие там еще заветы, он на мелочевку не разменивается. Смешно прямо, сверхразум и какие-то там человечьи правила, молитвы с целью мелкого подхалимажа и попрошайничества, что-то вроде заклинаний, система диеты с названием «пост», и так далее. Наверно, Богу все же важнее что-то более существенное: биоэнергетика души? Хотя, и это, возможно, зависит от питания, и тогда посты вовсе не ерунда, и помыслы наши тоже. И все наши насилия над собственной душой и волей во имя веры, значит, имеют смысл. Во имя веры.

– Да чего ты напрягаешься, – пошел в наступление женский голос. – Даже смешно, честное слово. Хочешь верить – верь. Желаешь – молись. Выбери себе религию по вкусу – и в путь. «И каждому воздастся по вере его». Аминь. И все проблемы. Чего тут философствовать-то. Я, например, верю в Христа. А что, молодой, симпатичный, и не бабник. Принципиальный, с характером, то что надо. Это м о й мужчина! Святые угодники мне тоже нравятся. Ну и все остальные тоже. Сильные личности. Еще мне нравится носить изящный крестик на серебряной цепочке, красить яйца на Пасху, и гадать в Крещение. Также я верю в переселение душ, и надеюсь в следующем рождении появиться в семье какого-нибудь австралийского миллиардера.

– Ну и дождь! Во ливануло!

– Это что. Вот на прошлой неделе было похлеще, та-

кой ураган, чуть окна не повышибало! Это был Бог дождей, страстный, как любовь! – взвился другой женский голос.

– Ольга в своем репертуаре.

– Нет, правда же!

Ольга прошла по веранде и села на скамейку возле Варенникова. У него ёкнуло в сердце и где-то ниже пояса.

– It was super! – продолжала она, чуть откинув голову. – Look: The window бухнуло и распахнулось от удара ветра, like after explosion... Тугая струя воздуха рванула шторы. Они взвились и судорожно забились о стены... Что-то крутилось в бурлящей вспыхивающей тьме за окнами, металось среди молний... Это было еще в Москве, на прошлой неделе, я же сказала. Я высунулась на балкон, чуть приотворив дверь. Порыв ветра накрыл меня с головой, отшвырнул внутрь комнаты, и яростно треснул дверью по корпусу телевизора. В комнате было все не так. Летали рукописи и газеты, раскиданные сквозняком, по полу ползли журналы. На стене трепетала карта мира, и раскачивались тяжелые картины в рамах.

– Ну это уже целая поэма в прозе, – перебили ее. – Знаем-знаем, ты талантливая.

– А Сашко-то наш оклемался, – кивнули на Варенникова. – Оля, это ты на него благотворно действуешь.

Александр потянулся, сел и произнес: « Да ». Ему предложили кальян, и он с удовольствием сделал несколько долгих затяжек. Вода в кальяне бурлила, угольки дымились, слад-

кий дым отдавал малиной и морошкой. «Это запах Ольги», – подумал он. Раньше она носила очень короткие юбки, но сегодня была в джинсах. Варенников отметил про себя, что она слегка поправилась, и это ей шло. Украдкой он то и дело посматривал на нее. Ему страстно хотелось высказать ей все, что накопилось в душе, хотелось трогать ее длинные пушистые светлые волосы, смотреть не отрываясь на ее пухлые красиво изогнутые губы, уголки которых то слегка опускались, то взлетали вверх. Но он не мог, он не смел.

И даже не понял, как сделал это. Он э т о сделал! На глазах у всех он вытащил ее в сад, и там, среди высоченных кустов смородины и малины, возле облепихи и жимолости, он...

Он поведал ей свою детективную историю. Он втянул ее в это! ЕЕ! САМУ ОЛЬГУ!

Она любила всякие приколы. И прикололась. Ведь она ему не поверила. Но притворилась такой простодушно-доверчивой, такой наивной, и посоветовала ...

Такое посоветовала! И он послушал.

И она взялась за дело. Но было это уже потом, после выходных, когда гости разъехались.

Ее тряпки, ее косметика, и парик ее подружки Ирэны, и вот Александр превращен в Александру. Теперь его звали Шурочкой. Он сам себя не узнавал, из зеркала выглядывала хрупкая рыженькая девушка в очках, с длинными накрашенными ресничками и розовыми губками. Шурочка была хороша.

Потом Ольга и Ирэна учили его двигаться по-женски, это было трудно. Впрочем, у многих женщин нынче мужская походка, да и одежда у них «унисекс»: те же джинсы, майки, свитера, кроссы. Варенников все же научился ходить немножко по-другому, ну не так уж чтобы сильно по-женски, а средне, нейтрально. Вполне современная дамочка вышла. Хорошенькая, и вместе с тем обычная, каких много.

Теперь смело можно было возвращаться в Москву, никакой киллер его не распознает. Да. И соседи тоже.

Но все оказалось не так просто.

В Москву возвращались все вместе. В метро расстались. Александру было как-то не по себе в новом обличье. Но ничего не поделаешь, надо привыкать, и он старательно, во всю силу своего творческого пыла, своего недюжинного таланта, пытался вообразить себя женщиной. О чем думают женщины, как они мыслят? Пока добирался до дома, перебирал все возможные варианты женского восприятия. Но куда мужчине до тонкостей женской души, куда уж там! Им не понять... Варенников только воображал, что понимает. Он зашел в парфюмерный магазинчик, долго рассматривал косметику, купил компактную пудру и лак для ногтей, вышел. Остановился возле ювелирного, примерил колечко с топазом и цепочку. Но не купил, дорого. Я бы тоже не купила, хотя очень хочется, у меня нет золотой цепочки, никто не дарит, тоже мне, бой-френды хреновы, ну и пусть, на самом деле мне не нужны всякие там бирюльки, я их просто не ношу.

Ладно, это так, вырвалось. Возле дома на рынке он купил себе сетчатые чулки с широкой ажурной резинкой, черные. Ему понравилось делать такие покупки. «Не так уж и плохо быть дамочкой», – подумал он, расплачиваясь за сумочку на длинной ручке.

Возле квартиры он вдруг спохватился, что нет ключа. Долго шарил по пакетам. Наконец, сообразил, что они в кармане джинсов. Просто сверху было надето модное платьице, которое носят с брюками.

Наконец, он дома. Сразу прошел на кухню, достал недопитую бутылку «кавевека», и ему полегчало. Потом он спал. Долго. Пока в голове не улеглось. Пока душа не угомонилась. И он подумал о том, что надо сходить в храм к отцу Макарию, исповедоваться, причаститься, попросить совета и духовной помощи. Но мысль эта тут же испарилась, и он снова впал в забытие.

Проснулся среди ночи, и потянуло на свежий воздух. Вышел. Тепло, красиво, огни реклам, редкие веселые парочки то тут, то там всплывают. Вышел на проспект, прошелся, свернул в переулок. Взглянул на звезды, на яркую полную луну. Затянулся.

Кто-то неслышно подошел сзади, обнял за талию, шепнул:
– Девушка, почему одна?

Варенников резко обернулся. Его лапал высокий плотный кавказец. Не успел он ахнуть, как стали душить и стягивать джинсы.

– Я люблю, когда сзади, – сильный шепот обжег ухо, дыхание было горячее и тяжелое... Кавказец был не один, еще какой-то тип присоседился.

На Варенникова словно столбняк нашел, но через минуту он пришел в себя и стал яростно брыкаться...

«Надо бежать в храм к отцу Макарию», – промчалась мысль, – давно там не был, вот и началось... Надо срочно в храм...»

Ну не хочу я писать об этом. И не буду. И как он потом снова из Шурочки вернулся в Александра, тоже не хочу. Просто пережил все, и опять самим собой стал. Но через пару дней охота на него возобновилась. Стреляли теперь из «джипа». Промазали. Пришлось бедняге прятаться в заштатном городишке с названием Дберь. Обычный грязный нищий городишка, с безработицей, пьянкой и малолетними проститутками.

Снял там Варенников комнату у старушки. И сел писать детектив. Но его опять затянула пьянка. Спьяну и произошло переселение душ. А случилось это так. Спал себе Александр на травке после очередной попойки, как вдруг на него словно с неба низвергнулась гора металла. Это «джип» слетел в кювет и вмазался в дерево, под которым посапывал себе наш писатель. Дверцу машины вышибло, и прямо на Александра упал московский бизнесмен. В этот миг их души и поменялись телами.

Очнулись оба в местной больнице. И ничего не смогли по-

нять.

С этого момента жизнь и судьба нашего писателя резко переменялась. Дело в том, что душа Варенникова, меняя тело, зацепила клочок еще чьей-то души, случайно пролетавшей мимо, и началась в его теле такая катавасия, что он долго потом не мог очухаться и разобраться в самом себе.

Но постепенно все в нем утихомирилось, новые неведомые ему друзья стали объявляться и разьяснять, кто он есть, перевезли его в престижную московскую клинику, лучшие профессора трудились над восстановлением его памяти, и он, наконец, вписался в свой новый образ. Ему понравился имидж бизнесмена. К новой роли он подошел с творческой радостью и азартом. И стал яростно наслаждаться жизнью, полностью забыв о киллере, и обо всем плохом. Единственное, чего он не мог забыть, это – Центральный Дом Литераторов и буфет в подвальчике, нередко он объявлялся там, но никто его не узнавал. Там он по-новой познакомился с Ольгой. Правда, звался он уже Сергеем. И очень ей понравился. Она сразу стала называть его – Сержиком, Сергунчиком, Сергуночком.

– Люди слишком привыкли к жизни, и боятся смерти. А смерть, это всего лишь увлекательное путешествие в другую реальность, – проворчал киллер и спустил курок.

Пуля просвистела мимо. Вторая тоже. И когда убийца разрядил в него всю обойму, время увязло в самом себе...

– Те, кого я люблю, не погибают от всякой ерунды, от какой-то глупой пули... – сказала Ольга. – Больше в тебя стрелять не будут, мой милый спивающийся бизнесмен, успешно пропивающий свой бизнес. Теперь ты никому не нужен, кроме меня, Сергунчик.

«Я не Сергей, я Саша Варенников», – хотелось крикнуть, но он вовремя прикусил язык. Нет, он Сергей отныне и навсегда, красивый и успешный молодой мужчина, такой, именно такой, на какого она «запала», ей ведь такие нравятся...

Постель – просторная, с высокой резной спинкой, посреди комнаты. Ее они шутя называют «арабский станок». Алые простыни с изображением пантер сбились и взмокли от их тел. Втроем они разметались на смятом белье, а за окном – зной, асфальт плавится, середина июля! А они, истомленные ласками и всем чем только можно, фруктами и коктейлями на журнальном столике, которые вперемешку со свежими «Пентхаусами» и «Плейбоями» и солнцем, они – тихо беседуют...

– ... А у меня еще покруче было, – рассказывает не спеша Сержик. – Я вот тоже летом проезжал через сельскую местность, духота тоже, искупаться бы... Вау! Река за кустами! Припарковался в удобном месте, тишь, безлюдье, ни души кругом. Разделся до гола и – в воду.

– Без трусов?

– Без единой нитки. Даже крест снял.

– Рисковый ты.

– А я такой. Духота, ну представляешь, перед грозой, небо заволакивает, от земли жар идет, вода наэлектризована, я – нырь! Теплая водица, прямо ванна, только легкая и нежная как шелк, тело таскает. Ныряю и возбуждаюсь. Накупался, подплыл к берегу, и тут началось! Выныривает голая девица, встает в полный рост, и спокойненько идет к берегу, ничуть не смущаясь, словно меня и нет. Я от неожиданности вскрикнул: «Ой, мамочка, русалка!», и давай прикрывать ладонями свои места, а она – хохотать. Дачницей оказалась, москвичкой. Вытерла меня полотенцем, веселится, острит... Тут как грохнет над головой, как гроыхнет, гроза разразилась, а мы вдруг так понравились друг дружке, что завалились на траву и сексом занялись. Грохот, молния, а у нас – самый кайф, ну так завелись, не остановиться. Катаемся по траве, совсем ошалели. И вот, когда я был сверху, а мое мужское естество – внутри, когда я превратился в сгусток сладострастия и душа моя упорхнула за пределы Галактики, в этот самый сокровенный миг, вдруг... Вдруг меня ка-ак саданет молния прямо в кундалини, о-о-ой! Боль, кайф, неистовый оргазм, Вселенная брызнула осколками и выплеснулась вулканическим семенем страсти!..

Вот с того самого дня я стал ощущать себя не собой. Я стал как бы женщиной, которая ощущает себя мужчиной. И не мной, а другим мужчиной – поэтом-гением Леонидом Сол-

нышкиным, не написавшим ни единого стиха за свою жизнь.

– То есть как это? – изумилась она.

– А вот так. Он во сне был гением. А по жизни он просто пьющий безработный, такой миляга. Вот так я теперь и живу, втроем с самим собой. Для всех я – Сергей, Серж, Сержик, качок, бизнесмен, а для себя я – женщина, чувствующая себя гением Леонидом, или просто Лёней.

Тут ласковый Сержик притих.

– Ну а дальше-то, дальше! – нетерпеливо воскликнула Ольга. – Что потом-то?

– А что?

– Расскажи про него. То есть, про тебя-нее, которая он.

– Нет, теперь твоя очередь, – вяло произнес Серж, поглаживая ее бедра. – Теперь ты.

– О чем?

– О самом забавном эротическом случае. Ну, о большом приколе.

– Ладно, – согласилась она. – Слушай. Это целая история. Только длинная. Но чур, твоя тоже потом будет не короче.

– Идет, – сказал он.

– Мур-р, – одобрила кошка-Маргошка.

Она была третьей в постели, лежала на смятой простыне между ними словно в уютном гнездышке, блаженно щурясь и прислушиваясь к болтовне. Умная зверюшка.

– А ведь я уже начала писать эту самую эротику, и даже в жанре мемуаров. Вон у меня за пишущей машинкой листы

валяются, видишь? Эротiku я пишу только на машинке, а детективы – на компьютере.

Маргошка встала, потянулась, и вдруг сделала прыжок на письменный стол. Цирк! Они хохотали до слез, наблюдая, как кошка перетаскивает в постель один за другим листки ольгиной рукописи.

– Она хочет, чтобы я читала вслух, – пояснила Ольга.

– Это не кошка, это мистическое животное, – сказал Серж. – Ты ее где достала, в храме Изиды?

– Да что ты, я всех своих зверюшек на улице нашла, а уж кто их мне туда подбросил, Изиды, Озирис или Будда, мне невдомек, но верно кто-то судьбоносный, – сказала она, раскладывая листы. – Вообще-то, это пока не мемуары, но уже на штрих-роман тянет. Слушай. Нет, не буду это читать, это слишком, м-м... слишком откровенно.

– Ну давай, давай, – ожил Сержик.

– Не хочу. Вспомнила один прикол: у меня была приятельница, с ней всегда что-то случалось. А у нее был гинеколог трансвестит, правда он недотрансвеститился, так вышло, денег на операцию не хватило, и внизу у него все мужское осталось, но бюст, лицо, походка – утрированно женственно, дико кокетливо, ну знаешь ведь, как это у них, так забавно! Он, или оно, было ее партнером в сексе, ей это жутко нравилось, особый шарм, причудливость и нежность.

– А трансвестита на женщин тянуло?

– Его на все тянуло, ха-ха-ха! Звали его, или ее, Кики. А

приятельницу мою – Наташа, мы ее Натусиком называли. И вот раз забегает ко мне Натусик посоветоваться, и рассказывает: у нее что-то разладилось там, ну по женски, оказалась молочница, пустяк вроде бы, но лечится с трудом, и Кики посоветовала ей смазывать там себе, ну понимаешь, где, внутри, зеленкой. Натусик старательно мазалась, аж трижды в день, для надежности. В конце недели была она на вечеринке у друзей, и встретила своего прежнего возлюбленного, с которым по дуруости рассталась давным-давно, прошлым летом, приревновав к какой-то. Ну тут новая вспышка страсти, оба податые, чувства вспыхнули с особой силой, и закончилось все постелью. И вдруг, после девятого оргазма, ее возлюбленный вскрикивает словно раненный зверь и взглядом, полным ужаса, показывает на свою позеленевшую промежность.

– Что это? – шепчут его губы.

Натусик так растерялась, что слова застряли в горле. Не могла же она сказать про гинекологию, что делать, и тут она вспомнила мой совет: в затруднительных случаях все сводить на юмор. Вот она возьми да пошути: это, миленький мой, болезнь такая, не опасная, пустяк, «бермудская зеленка» называется, ее с Бермудского треугольника к нам гасторбайтеры завезли. Симптоматика характерная: зеленеет причинное место у мужчин и через пару дней отваливается, а у женщин протекает почти бессимптомно, тоже слегка зеленеет, но остается на месте.

Не успела Натусик договорить, как дружок ее пулей вылетел из постели, подхватил свое шмотье, и только его и видели. Одевался уже на ходу. Смешная история? Теперь давай свою.

– Нет, это не в счет, – заявил Серж и больно хлопнул ее по задку. – Ты обещала рукопись, давай читай. Как там, а, неразборчиво, – он вытащил из-под меня первую страницу. – Клевое названьице: «Интим с секретарем вождя». Читай, раз обещала.

– Ну ладно, – сдалась она. – Слушай.

Он сильно рисковал, когда хотел заняться этим со мной в кабинете хозяина. То была наша вторая интимная встреча. Никого уже не было, кроме охраны внизу и в каких-то специальных помещениях, но ведь всегда мог кто-то из своих (ихних) задержаться, зайти за какой-нибудь надобностью. Хотя, он лучше знает здешние порядки. Он расстегнул верхнюю пуговицу моей ослепительно белой блузки и сказал:

– Тебе идет светлое.

– Терпеть не могу, – бросила я, улыбаясь. – Предпочитаю носить черное.

– Черное сейчас в моде, – отозвался он, расстегивая остальные пуговицы. – Но жемчужный цвет лучше, точно под стать твоей улыбке.

Не знаю уж, зачем я нацепила эту нелюбимую блузку. Обычно ношу черный свитер, а летом – черную майку. Но он прав, блузка перекликается с жемчужным блеском моих зу-

бов, нагло подчеркивает безупречность улыбки. Ко мне давно приклеилась кликуха: Голливудская Улыбка. Это у меня природное: прекрасные зубы, пышные золотистые волосы, и безупречная фигура. Иногда друзья меня дразнят: Кукла Барби, хотя я не очень похожа на эту пошлую куклу.

Он уже добрался до бюстгалтера и расстегнул крюпочки сзади. Прижался лицом к моей груди, коснулся языком родинки...

Этот бюстгалтер презентовала мне подруга, ей друг привез из Парижа, роскошный, нежно розовый шелк с золотым шитьем, и такие же трусики, но ей не подошло, размер не тот. Это белье точно как на меня шито. Мне и досталось. А я ей взамен подарила китайский чайный сервиз из сандалового дерева. Потом мы пили жасминовый чай из моего – ее сервиза, обсуждали вид ее квартиры после ремонта, который длился несколько лет (я свою сто лет не ремонтировала, и когда возвращаюсь к себе, прямо тошно), я зашла в ее туалет, и сидя на изысканном голубом унитазе рассматривала себя в зеркальной двери: зазеркальная я с узкой талией и красивой задницей на красивом унитазе, с изящными бедрами и ногами, в ответ весело рассматривала меня. А еще в тот день я познакомилась в сбербанке с одним прикольным типом, мы меняли баксы и разговорились. Потом он мне звонил, болтали. Раз позвонил днем, а он на звук моего голоса реагировал весьма своеобразно, что-то его будоражило, и всплывали интимные темы. То да се, вот он и говорит, что только что из

ванны, стоит голый и держит в ладони, дословно – «своего горячего мальчика, мальчик напрягся, распалился и рвется в бой».

Жуткое дело! Чтобы его охладить, я стала рассказывать о своих мужчинах, придумывая на ходу всякие невероятные случаи и невероятных друзей-суперменов. Но его это лишь заводило (видимо, себя он считал самым суперменистым и более чем достойным, а его «мальчик» уже готов был взорваться). И тут он вдруг с торопливой деловитостью обрывает мою тираду, и произносит таким будничным и чуть испуганным тоном: «Ну, я пошел, пока», и бросает трубку. Я сразу поняла, в чем дело: пришла на обед его жена, (она педагог, а школа рядом, в двух шагах от дома), и застала дикую картину – мокрый голый муж сидит в странной позе, удерживая между ухом и плечом телефонную трубку, и ладонями сжимает своего «горячего мальчика». Я захохотала и пошла в ванну, погрузилась в ароматную пенку и, растирая себя массажной варежкой, подумала: это готовый сюжет.

Да, но я отвлеклась. Ушла от темы. Секретарь вождя... Ну чего ржешь, слово «вождь» у тебя ассоциируется со сталинскими временами, а между прочим, это понятие относится к любому руководителю страны, партии или движения. Также как слово «президент». Президент государства, президент концерна, президент благотворительного фонда, к примеру. Одна из моих приятельниц была президентом ООО.

– Чего-о? Президентом о-о-о! Что за фигня?

– Не фигня, а Общество с ограниченной ответственностью. С ней такой прикол был! На Новый год друг подарил ей голубую ель полутораметровую, и зеленую ночную рубашку, весьма эффектную, под цвет елки. Мы в тот раз бурно отметили у нее праздник, устроили карнавал, танцевали, в полночь ездили на Красную площадь, оттянулись на всю катушку. В общем, легла она спать в новой ночнушке, одна (она живет одна, а мужик у нее проходящий, на ночь не остается). А проснулась – голая, причем ночнушка висела высоко на елке. Что за фокус, думает, позвонила подругам, рассказала, мы посмеялись, ладно. На следующее утро то же самое: голая, и рубашка на елке. И так все время. Она даже спать перестала, и вот если продержится до утра, все нормально, рубашка на ней, а стоит уснуть – и на елке. А елка эта ей так понравилась – еще бы, ветки упругие, ровненькие, запах на всю квартиру хвойный, и, главное, не осыпается, да еще и молодые веточки пустила, в общем, прихожу к ней на 8 марта, а елка все стоит! Я говорю: да выброси ты ее, не до лета же держать, смех, в марте у тебя все еще Новый год. Ладно, говорит с сожалением, я подумаю. Через день она звонит мне, и сообщает испуганным тоном: елка пропала. Проснулась она голая и с исцарапанной спиной почему-то, стала искать ночнушку на елке, а елки-то и нет! Рубашку она потом у себя на голове нашла. В тот день я гуляла с собакой, мимо шли два парня с овчарками и пивом, их разговор заинтересовал меня, пошла следом. Вот такой диалог, дословно:

– Слышь, вывел ночью Линду, гляжу, голая девка бежит с елкой на спине!

– Брось врать-то.

– Какое врать! Я обалдел! Глючит что ли, думаю, да нет, Линда ее облаяла, та даже глазом не моргнула, бежит себе так медленно, как сомнамбула, сиськи большие трясутся, задница такая, ух, тоже трясется. Совсем голая, босая, с зеленой тряпкой на голове намотанной.

– Ну а ты чего, догнал и трахнул?

– Ты че, не веришь? Да я, блин, сам себе не поверил бы, если б Линда на нее не кинулась. Девка елку бросила и убежала

Тут я поняла, в чем весь прикол. Моя приятельница, выходит, лунатик. Видно, перенапряглась в своем ООО и заболела.

– Да хватит тебе про приятельниц, – сказал Серж. – Ты давай читай, как обещала, про секретаря вождя. Не отвлекайся.

– Ладно, секретаря звали Игорь. Он провел языком ... Мы чуть не согрешили прямо на кресле самого В.

Не хочу сейчас об этом. Нет, начну рассказ не с себя, а с нее. Сначала – о ней. И не потому, что она спала с ним. На самом деле она с ним не спала. Она очень молода, красива и жутко вульгарна. Она через всякое прошла. Не очень-то она мне нравится. Но я с ней повязана. Поэтому...

– Поэтому что?

Не хочу. Не буду.

– Почему же? Рассказывай давай. Растрвила душу, и – в отказ?

Она промолчала.

– Ну правда, что потом? – Спросил он, целуя ей локоть.

– Потом суп с котом, – рассмеялась она. – Теперь твоя очередь.

– Ну ладно.

Он четверть часа собирался с мыслями, и наконец изрек:

– Ведь я уже рассказывал, как стал женщиной, ощущающей себя мужчиной, причем поэтом-гением, который не поэт. Меня, то есть женщину по имени Леонида (она американка), которая одновременно русский поэт Леонид Солнышкин, пытались соблазнить и женщины, и мужчины, причем весьма изощренно. Одна из них, например, заманила меня в парламент, предложив крупную финансовую сделку. Пригласила в свой кабинет, угощала кофе, тянула время, был уже конец рабочего дня. Постепенно почти все служащие покинули здание. Она заперла дверь и виртуозно ввела меня в гипнотический транс, сноровисто раскрепостив мои сексуальные инстинкты.

– А много у тебя этих самых инстинктов? – поинтересовалась Ольга.

– Сейчас увидишь, – сказал он, и неожиданно перевернул ее на бок.

– Ой, ой! Ты что! – взвизгнула она, ощущая в себе торна-

до.

– Сама виновата, – устало произнес он через час, отпуская ее и переворачиваясь на спину.

– Ну тебя, рассказывай дальше.

– А ты не перебивай.

– Ну давай про ту дамочку.

– Дамочку-депутаточку? У, что она творила! Пока мы с ней обговаривали проект, на ее платье не спеша расстегивалась молния, одежда спадала, и внезапно она очутилась на столе в одних чулочках с кружевами и туфельках на высоких каблуках. Изгибаясь и по-кошачьи щурясь, дотянулась до магнитола, включила. Магнитола издала сладострастный вопль, и вскоре мы уже отплясывали на столе ламбаду. Потом я врвался в мою проказницу в бешеном ритме брейка бесконечно много и долго, мы дошли до безумного экстаза и скатились на пол, я бился в ней, а она ударялась о ножку стола, мы катались по полу, покрылись синяками и ссадинами... Потом мы собирали одежду и долго, изнывая от нежности, одевали друг дружку. И беседовали о высшем жизненном смысле, который поворачивается порой самой непостижимой стороной, мы беседовали о превратностях любви, и она раскрыла мне тайную масонскую доктрину, и путем медитации переместила в Сакральную Сферу Акиремы: она схватила меня за руку, и мы оказались в конференц-зале, причем я никак не мог взять в толк, кто же я: Серж, Леонида, или Леонид. Поэтому я решил стать как бы сторонним

наблюдателем и вывел свою душу из брэнного тела, взирая на происходящее сверху. Наблюдая, заметил, что действие переместилось в 1991 год, то есть я, почему-то, попал в прошлое. При этом я ощущал себя матрешкой, внутри которой другая матрешка противоположного пола, а в ней – третья, но пол опять сменился. И тут я почувствовал, что Леня Солнышкин (третья матрешка) невероятно сексуален, он излучает мощнейшие эротические флюиды, прямо-таки убойной силы секс-энергию, но никто этого не понимает. Все видят лишь внешнюю сторону его жизни, весьма экзотичную и, на первый взгляд, не столь сексуальную, хотя на самом деле все это – весьма изощренный секс, а точнее – настоящая порнуха в состоянии соматхи.

– Стой, стой! – вскричала Ольга. – Обожди! Марго, тащи ручку и бумагу, буду записывать! Серж, придумай название и разбей на главы.

– Пиши, – решительно произнес Сержик. – Название. Генный экстаза.

Гений экстаза

Экстаз первый

Его тело содрогнулось от вожделения. Он заметался на изодранной в клочья простыне, судорожно нащупывая одеяло. Нет, одеяла не было. Постель медленно растворялась под ним, реальность таяла, словно мыльная пена, и он куда-то погружался. Холодный пот прошиб, когда он понял, что находится отнюдь не дома, а в каком-то незнакомом месте. Это был конференц-зал. «А, так я в Думе», – вдруг понял он, – «от партии безработных. Надо ж было так вчера нажраться...» – мысленно корил он себя... – «Да, а самогончик-то был недурен...»

Сонм резких голосов окончательно привел его в чувство, и он долго вычислял, какое сегодня число и какой год, потом решил, что где-то начало девяностых, удивился, и с интересом стал рассматривать выступающих.

– Товарищи, давайте голосовать указ, – услышал он реплику.

– За указ, или против указа?

– По мотивам указа...

Необычный шум заставил всех взглянуть вверх. Солнышкин тоже поднял глаза и слегка опешил: на столе петух хлопал крыльями и энергично встряхивался, ероша перья. Все бросились к нему, схватили и вмиг ощипали. Голый петух

конфузливо сжался... Да и не петух вовсе, а пожилой мужчина, прикрывая ладонями наготу, озирался виновато.

– Продолжим, товарищи, – сказала люди. – Так значит, все наши связи, горизонтально-вертикально-перпендикулярные и другие, лопнули и перекошились...

– Шестой микрофон, пожалуйста. Тише, товарищи!

– Буквально два слова! – к микрофону ринулась плотная дама в бордовом пиджаке. Прическа ее напоминала заросли чертополоха, облитого вишневым киселем. – Всего пару слов. Я хочу подчеркнуть, что нам угрожают террористы, сталинисты и сатанисты. Преследуют, обыскивают, щиплют, да еще мы сами щиплем и ошипываем друг друга вместо того, чтобы сплотиться или просто, хотя бы, быть невозмутимыми, как мой знакомый гений Леонид Солнышкин...

На табло замелькали цифры – счет слов. Перевалило за тысячу. Женщина азартно вещала, не реагируя на выкрики – «Хватит, гоните ее!», «Отключите микрофон!», «Отключено давно, уберите эту иерихонскую бабу!»

– А ведь он, Солнышкин Леня, сначала не был гением, – упоенно гремела женщина. – Обычный миляга, флегматик, его все любят, запросто приходят в гости и сами приглашают охотно, ведь он уютен, как мягкий плюшевый диван, а многим так не хватает уюта...

– Да какое отношение к петуху! – заорали из зала. – И к нам!

– И вдруг с ним стало все это случаться... Сначала сны...

– продолжала дама. – В тот раз гости поздно разошлись, правда, замешкалась возле аквариума с лягушкой симпатичная Валентина, но ее тут же умыкнул энергичный Игорь. Тут Солнышкина и сморило. Завалился на диван, накрывшись пледом. И... провалился. Пролетел сквозь слои постельного белья, паркетов и потолков, асфальта, земли, грунта, и очутился в подземном коридоре. Горели свечи, в полумраке со стен взирали на Леонида старинные портреты. Пахло туманной сыростью и пылью. Он двинулся вперед. Коридор казался зыбким, под ногами вился желтоватый туман, и не ощущалось тверди, казалось, что он передвигается по некой вязкой субстанции. В конце коридора взмыла вверх витая решетка, и Солнышкин прошел в просторную пустую залу, за которой следовала другая, потом третья... Проходя через бесконечные залы, Леонид вдруг осознал, что находится то ли в Шереметьевском дворце, то ли в другом, похожем. Где-то в конце помещения слышались голоса. Он двинулся на звук, и вдруг увидел распахнутые двери, много огней над бронзовыми подсвечниками, людей в хорошем прикиде. Он подошел ближе, и тут к нему навстречу устремился осанистый старик.

«Извините, я, вроде, опоздал», – почему-то сказал Леонид.

«Ничего, пустяки», – ответил старик и кивнул на внезапно возникших близнецов лет тридцати. – «Это мои сыновья. Ну, а теперь – за стол».

В мгновение ока Леонид оказался в просторной зале с

хрустальными люстрами. Для него было уготовано место напротив старика с сыновьями. Соседкой его оказалась симпатичная блондинка. Где-то он ее уже видел, но не мог вспомнить. Хотел было спросить, но отвлекся, очарованный прелестями снеди. Он сглотнул слюну. Но нет, не еда, как показалось ему сначала, была в приборах на серебристой скатерти. В бокалах, вазах и кубках находилось что-то не то. Хотя, в кубках-то как раз было нечто, похожее на вино: красное как кровь и другое, белое как яд для коронованных особ. Что-то зловещее наполняло вазы, меняющее очертания, какая-то субстанция. То ли это был туман, то ли яблоки какие особенные... Леониду стало не по себе. Конфузило его еще и то, что очень уж странно вел себя народ вокруг. Каждый общался только сам с собой, будто других и не было рядом. Все говорили одновременно, в воздухе холостыми выстрелами летали фразы: «Мафия подстраивается под нас»... «Полный развал экономики, это пора кончать, нужна крепкая власть»... «Стравливают народы, чтобы поубивали друг друга и сами от себя очистили территорию. Уничтожить население руками самого населения, ничего идейка»...

Что-то знакомое почудилось во всем этом Леониду, читанное в прессе. Он переглянулся с соседкой (опять показалось, что она на кого-то похожа), и тут почувствовал на себе пристальный взгляд старика. За блондинкой тот тоже наблюдал. Старик будто услышал его мысли, по лицу пробежала гримаска досады, и он всплеснул руками, как модерновый

дирижер. Стало тихо.

«Все в сборе», – произнес старик, – «вот и ладно. Перейдем к делу. Сейчас выпьем за именинницу».

Все нейтрально улынулись, словно именинницей было нечто неопределенное или каждый. «Кто же, все-таки», – гадал Леонид, поднимая хрустальный бокал с красной жидкостью. Ему не терпелось чокнуться этой штуковиной и услышать нежнейший перезвон, какой бывает лишь от хрусталя. Но вместо желанного звука последовал, почему-то, глухой тонуший стук, словно столкнулись мягкие кожаные предметы. «Вот ведь», – сказал себе Леонид, глотнув вина. И тут же отставил бокал в сторону. «Вкус тот еще... Терпковато соленый. Кровь, что ли?» Он покосился на блондинку. Та тоже отодвинула свой бокал.

Солнышкин хотел было заговорить с ней, но вдруг ощутил на себе жутковатый взгляд старика и его команды. И прикусил язык.

«А теперь выпьем за родителей именинницы», – с расстановкой проговорил старик, и все подняли бокалы с белым вином.

Солнышкин подумал: «водка, верно», – глотнул и поперхнулся. Рот и горло больно ожгло. Он спрятал бокал за вазу с фруктами и схватил яблоко. Оно оказалось мягкое как вата, и с привкусом воска. Леонид сплюнул, и бросил фрукт под стол.

«Горячая закуска!» – возвестил старик.

Подали тарелки с чем-то аппетитно дымящимся. «Картошечка с мясом», – определил проголодавшийся Леонид, и ковырнул ножом поджаристый ломтик. Под ним лежала фаланга женского пальчика с вываренным маникюром. Он кивнул взгляд на соседку, и заметил, что на ее левой руке нет пальца.

Как ошпаренный выскочил он из-за стола и бросился к дверям.

«Куда?» – жестко прозвучало за спиной, и на плечи ему опустились ладони старика и близнецов.

«Я... это... туда...по нужде...», – пролепетал Солнышкин.

«Нет нужды», – строго сказал старик и кивнул на блюдо с краю стола. На нем посреди румяной картошечки лежало что-то сигарообразное, очень похожее на сугубо мужскую часть тела.

Солнышкин икнул, и судорожно схватился за...

В холодном поту он проснулся, держась обеими руками за свою мужскую принадлежность.

«Слава Богу, на месте...», пробормотал он, прерывисто дыша. «Сон. Тьфу! Кошмар».

И внезапно почувствовал, что его буквально распирает от невероятного, «подвешенного», состояния, будто внутри у него – вакуум. Тут Солнышкин понял, что столкнулся с мощнейшей космической энергией. В этот день он написал цикл гениальных стихов «Осенний экстаз». Так Солнышкин стал

поэтом и гением...

– Товарищи, это выступление не имеет ни малейшего отношения ни к петуху, ни к съезду, ни вообще! – выкрикнули из зала.

– А у меня вчера на даче обыск был! – раздался пронзительный визг слева.

– Выключите микрофоны!

– Где Солнышкин! Тааащите сюда Солнышкина!

– Солнышкина – в президенты!!!

– Страной должен править поэт, а не политик! Долой политиканов!!!

– Ура поэту! Ура экстазу!

Тут Сержик замолчал.

– Ну а дальше? – спросила Ольга.

– А дальше вот что, – прошептал Серж и со всей страстью, на какую был способен, набросился на нее с ласками...

– Я хочу заняться этим в Думе, – капризно сказала она.

– Лады, – согласился он, – можно организовать, хотя и ты, и я это там уже делали.

– И ты тоже? – изумилась она, – а почему молчал?

– Как это молчал? – обиделся он, – да ты не слушаешь просто. Кстати, я едва не стал участником жуткой групповухи, проснувшись раз в Думе 2001-го года. Я спросонья забрел в чей-то кабинет, было часов восемь вечера, дверь была не заперта, слышалась музыка, стоны, хрипы. Я глазам своим не поверил, такое творили депутаты! А как круто резвились мо-

лоденькие путаны из тех, что подъезжают на своих «мерсах» и на поясе носят мобильники, а как истово ублажали «хозяев» пацаны-тинейджеры. Вдруг дверь распахнулась, и секьюрити втолкнули козу... Такого я даже в «жестком порно» не видел, что началось! Меня приняли за кого-то своего, ибо был я в дорогом костюме, и ко мне подкатил с ласками какой-то депутатишка. Я с перепугу выскочил за дверь и, заметавшись по коридорам, влетел в другой незапертый кабинет. Там была дама неопределенных лет, весьма ухоженная и благоухающая дорогим парфюмом. Не буду вдаваться в подробности того, что случилось, но дама эта до сих пор меня периодически преследует, даже когда я прячусь от нее в обличье Леонида (дама-то бисексуалка), или в Солнышкина, уходя внутрь своей «матрешки». Будучи в обличьи поэта-гения, я затаился в своей коммуналке, которую специально приобрел для такого случая и где у меня валяются дешевые шмотки профессионального безработного. Но она меня и там настигла, выследила, змея. Хотя, в этом даже что-то было. Я решил сбить ее с толку, и стал самим собой, бизнесменом, твоим Сержем (кроме тебя, никто меня так не называет, для всех я Сергей Сергеевич). Сначала она предложила очень выгодную сделку. Предложение было настолько интересное и смелое, что я забыл всякую осторожность и подпустил ее слишком близко. После заключения сделки и оформления бумаг, после всех соответствующих формальностей, я вдруг обнаружил, что моя дамочка, госпожа Фаллосуэль (интересная

фамилия, правда? В ней сочетались русские, вьетнамские и английские гены, отсюда – от смешения – и темперамент) весьма недурна собой. Когда мы обмывали нашу сделку в ресторане, она притиснула меня своей мощной коленкой, и тут во мне все сладострастно напряглось. Сидеть за столиком стало крайне неудобно, что-то мешало. Я встал и с трудом, широко расставляя ноги, походкой моряка направился в мужскую комнату. Там никого не было, и я стал приводить себя в порядок, пытаюсь усмирить взбунтовавшуюся плоть. Тут дверь тихо качнулась, и в зеркале над умывальником отразилась она, вездесущая Фаллосуэль.

– Давай помогу, не стесняйся, мы теперь деловые партнеры, – сказала она не терпящим возражения тоном и, быстро приблизившись, склонилась над моим упруго торчащим из брюк стержнем.

Я успел отметить про себя, что ее бедра весьма соблазнительно отражаются в зеркале, кругло вздымаясь над смесителями, но потом уже ничего не замечал, захваченный смерчем сильных ощущений... Я почти терял разум!

Тут Сержик замолк и затянулся сигарой из новой упаковки. Запах был необычный. Он напомнил Ольге один случай, и она воскликнула:

– Вау! Что я сейчас расскажу! Как-то летела я на «Боинге» в Турцию отдыхать. Все как обычно, пассажиры дремлют, стюардесса разносит кофе... Я решила принять душ. Иду обратно, свеженькая, благоухаю гелем и шампунем, словно ге-

роиня рекламного ролика, настроение классное. А в салоне в это время случилось «ЧП» – захват самолета, и я с размаха натыкаюсь прямо на парня в черной маске. От неожиданности мы оба замерли, уставились друг на друга, у обоих глаза квадратные, он тычет дулом мне в лицо, а пистолет в руке прямо пляшет, нервы. А я никак не врубаюсь, что за фигня, и тут мне приходит мысль, что это очередной рекламный ролик снимают, – просто психика у меня так устроена, что страшное воспринимаю не сразу. Ну, я и говорю: «А вы тут что, клип снимаете?» И слышу в ответ: «Нет, самолет угоняем».

Тут «Боинг» делает вираж и ложится на бок, мы грохаемся над иллюминаторами, пистолет проваливается куда-то в потолок, на меня валится парень в маске, мы судорожно вцепляемся друг в друга и куда-то катимся, так как самолет начинает крутиться словно тюлень в цирке, а может, пилот решил приколоться и сделать «бочку». Вокруг вопли, вой, визг, «Боинг» кувыркается, входит в «штопор», выходит из «штопора»! Мы влипаем в потолок, потом куда-то валимся, закатываемся в узкое пространство, угонщик теряет свою маску, и рожа у него как маска, серая и неподвижная, а глаза совсем шальные. Это называется – состояние аффекта. Оно у нас обоих. В этом состоянии люди не ведают, что творят. И вот мой партнер по аффекту... вдруг... распахивает правую полу своей куртки и вытаскивает другой пистолет. Я, почему-то, восклицаю: «Вау, классная пушка!», и вцепляюсь в

дуло мертвой хваткой. Он пытается вырвать у меня свою игрушку, и рычит: «Отвянь, блин, это же «Дезерт Игл», соображаешь?». До меня с трудом доходит, что это – марка оружия, причем весьма крутая, и что для парня она имеет какое-то особое значение. Я лично в оружии не разбираюсь. Но название мне понравилось, и тут я возьми да ляпни: «Звучит сексуально». Зря я это сказала, зря... Мозги этого идиота сразу же свернули на секс. Видимо, от того же аффекта. А может, он вообще был озабоченный. Он принялся сдирать с меня одежду и водить дулом своего «Дезерт Игла» по обнаженным частям моего тела, вот урод, а когда «Боинг» в очередной раз так тряхнуло, что оружие вырвалось из его лап и улетело, этот придурок уже выскочил из штанов... А вообще, экстремальный секс очень заводит, и потенция у парня была сверхъестественная. Я даже не заметила, как нас освободили. Оказывается, мы были заложниками двое суток. Кстати, парня тоже приняли за заложника и не повязали. Его Димой звать.

Ну все, я рассказала свою историю, теперь ты, ну? Не отлынивай, давай-давай.

Серж притушил сигару, погладил кошку, и предложил Ольге заняться сексом. Ее история его весьма взбудоражила. А у него, оказывается, тоже был друг Дима, но это когда сам он был Солнышкиным, (в ту пору Дима был его соседом по коммуналке). Дима был безработным инженером-подводни-

КОМ.

– Ну рассказывай, – сказала Ольга. – Дима, Леня, секс внутри матрешки, что там еще, любовь Димы и Солнышкина, психология секса...

– Психология экстаза, – уточнил Серж. И так, пиши:

Экстаз второй

Сосед Дима, инженер-подводник, зашел утром к Солнышкину с початой «Старкой». Леонид лежал на продавленном диване с тазом на животе и отрешенно разглядывал воздух. Капли монотонно озвучивали эмалированное дно емкости.

– Лучше диван отодвинь, – посоветовал Дима и поставил «Старку» на табурет.

– Зачем? – философски заметил Леня.

Он вовсе не был погружен в глубокую медитацию, как могло показаться со стороны. Он просто размышлял о снах. А конкретно, о том, что ежели и впрямь в этом есть что-то, как пишут в прессе, то быть ему, Солнышкину, либо президентом страны, либо секс – символом, либо гением – рифмоплетом.

Но сии приятные мысли были прерваны посторонними звуками: бухнулся в таз кусочек потолка, будто в бубен стукнули, и капли зазвучали чаще. За стеной заголосил петух. Потом в симфонию родной «хрущобы» втиснулся треск полыхавшей во дворе помойки, словно некто щедро посыпал наваристую мелодию барабанной дробью. От всей этой какофонии Леониду вспомнилось, почему-то, жаркое лето, румяный шашлык над костерком, сонные толстые петухи распушились словно белые хризантемы, хмельная полногрудая подружка в костюме Евы блаженно раскинула ноги, налитая,

загорелая, упругая...

– Вот видишь, – прервал нить видений сосед. – Хорошо, башка цела.

Он принялся вылавливать из таза увесистый камушек.

– Да, неплохо, – рассеянно отозвался Солнышкин.

Дима разлил по кружкам напитков.

– Там где-то консервы были, пошарь под столом, – сказал Леонид, разглядывая муху, присохшую к жестяному дну кружки. «Ну, если эта тварь растворится в водке, и я ее выпью, то уж точно буду «под мухой», да уж», – сделал он философский вывод.

– Нашел! – крикнул из-под стола сосед. – Кстати, слышь, вот бы в кооператив пристроиться, во где «бабки» заколотишь, слышь?

– Верно, можно петухов разводить, бойцовых. Мне один абрек рассказывал, петухи...

– Дались тебе петухи, – разозлился Дима. – Я бы, значит, рэкетом бы занялся. Ну, скажем, кто-то кому-то долг не отдает, а ты приходишь и...

Сосед вдруг осекся и уставился на ворох газет.

– Чо у тя, полтергейст что ли?

Широкие листы прессы крошились и сыпались на пол. Из-под них выполз рыжий помпон и двинулся к горшкам с кактусами.

– Хомяк Миша. Сосед Дима, – представил их друг другу Солнышкин. – Миша любит грызть политику, – пояснил он.

Тут из зеленых недр аквариума вынырнула лягушка и уперлась немигающим взглядом в безработного инженера-подводника. Дима, в свою очередь, уставился на лягушку. Что-то общее в них почудилось Леониду. Может, пристрастие обоих к влаге, а может, еще что-то на глубинном, подсознательном уровне, неведомое Солнышкину.

– Теперь только петуха завести осталось, – сострил Дима.

Лягушка одобрительно пискнула (а может, неодобрительно, жертвенно, или еще как-нибудь, кто ее разберет), и скрылась в густой ряске.

День был мутный и сырой, как вода в аквариуме. И зеленый, как пустые бутылки – их много под диваном, теперь стало больше. Сосед уплелся восвосяи. А Солнышкин продышаться пошел на улицу.

Во дворе за углом магазина звучала музыка из потрепанной иномарки, которая подпрыгивала и скрипела, словно танцевала. Леонида так удивила танцующая машина, что он подошел ближе и заглянул в окно. За рулем никого не было, зато над задним сиденьем торчали тонкие бледные девичьи ножки в симпатичных синяках, и тоже ритмично дергались в танце. Солнышкин долго любовался на это явление, потом надоело, и он принялся гулять по газонам и орошать деревья. Деревья эти, длинные и тощие, как Дима, глазели на уловатого мужика печально-неопохмеленного вида. У него Леонид спросил:

– Мужик, тебе кто-нибудь должен?

– Чего-о! – взъерепенился тот.

– Долги неотданные есть? Я кооператор по рэкету, выбиватель долгов.

Легкий ветерок качнул ветки, нежно прокаркала ворона в ответ на зависший вопрос Солнышкина, слабый свет фонаря высветил в траве смятые женские трусики и презерватив.

– Товарищ выбиватель, пожалуйста, послушайте! – вдруг выскочил из вечерней хмари, как черт из табакерки, щедушный мужчинка. – Мне должен знакомый, давно должен, и опять не отдал, поганец. Вы не подумайте чего, товарищ рэкетир, я не жмот, а он, поганец, вон в том подъезде живет, седьмой этаж, квартира слева...

– Короче, гони полтинник, и идем.

– И я, е, пригожусь, е, – примазался печальный.

Потом они дружно закусывали в квартире должника, который, поняв, что к чему (очень понятливый оказался), проявил гостеприимство. Пропив долг и рэкетную пятидесятку, задушевно беседовали о политике.

– Я сперва за коммуняков был, а нынче я за демократов. А ты? – все приставал печальный к Солнышкину.

– М-м... – Мялся Леонид. – Да разве это не одно и то же?

– Ну ты даешь! – вскричали новые друзья. – Это же разные лагеря! Коммунисты, к примеру, всадили пулю в затылок родины, а демократы ее добились, то есть, тьфу, ты нас совсем запутал...

– Ну вот я и говорю, одно и то же. Получается, страна теперь – труп, а мы все – трупные черви в ней.

– Нет, слушай сюда. Коммунисты, значит, партократическая мафия, а демократы – другая, рыночная, это, ну, за рыночную экономику они.

– Словом, демократическая мафия. Понял, – резюмировал Солнышкин.

– Что-о?! – возмутились все. – Поганец, ты нас сбил с панталыку!

– Побьем его, побьем, это не рэкетир, а долбо... – закричали они и набросились на Леонида.

Солнышкин яростно отбивался и вопил:

– За что, братцы! Ведь хорошо сидели, я вам праздник же устроил, столько выпивки...

– Вот на свои шиши бы и праздновал, поганец, е...

Поздно вечером избитый Леонид в полубеспамятстве всплыл в центре города. Почему-то город не спал, а весело светился кострами. По улицам катались танки, возбужденный народ строил баррикады, похожие на снежные крепости в детском парке. Бодрая старушка напоила Солнышкина крепким кофе из термоса и накормила пирожками. Прохожие, ни о чем не спрашивая, мимоходом проявляли заботу о Леониде, оттирали кровоподтеки на лице, подкармливали бутербродами. Потом вместе со всеми Солнышкин залез на баррикаду и что-то заорал. Было холодно и радостно, как

в Новый Год. Только не было снега и Деда Мороза – ведь лето еще не завершилось. Люди передавали друг дружке флягу со спиртом, отхлебывая понемногу. А Леонид выдул все до дна и свалился с баррикады. Над головой летали бутылки и взрывались как хлопушки, в ушах шумело, в глазах троилось, он принялся было считать человечков с человечками (это оттаскивали и грузили раненых, догадался он потом), но тут его самого подняли и куда-то поволокли... Потом он выпивал с кем-то в бане... Потом летел в самолете... А когда в Прибалтике на таможне его спрашивали, он почему-то отвечал одно и то же:

– С легким паром, Валерий Васильевич...

– Кто такой Валерий Васильевич? Куда вы хотели попасть, переходя границу? – строго вопрошали люди в нерусской форме.

Леониду трудно было ответить на эти, как он полагал, бессмысленные вопросы. В конце концов он скромно сказал, что пробирался через границу к своим, на Кубу, а Валерий Васильевич, это, наверно, какой-нибудь кубинец, или типа того.

– Не морочьте нам голову! – орали выведенные из себя военные люди. – Куба дружественная страна, и пробираться туда незачем.

– Разве? – удивился Солнышкин. – А я вроде в прессе читал, что будто уже и не дружественная, а наоборот... Или это не я читал, то есть, я не читал...

Допрашивающие переглянулись и стали переговариваться на непонятном языке. Солнышкин понял: совещаются, дружественная еще Куба, или уже недружественная. Они схватились за телефоны, повытаскивали из карманов мобильники, а про Леонида забыли. Впрочем, встревожил их, возможно, вовсе не его нелепый ответ, а что-то совсем другое, скорее всего, бумажка, которую в тот момент принесла секретарша. Солнышкин заскучал, и ушел.

На улице он заблудился. На его расспросы, как выйти из города, никто не отвечал. Все спешили. В конце-концов, на автобусе-экспрессе он покинул город.

На попутках Леонид долго добирался домой, но попал в Сибирь, туда, где скважины бурили. Там он устроился вахтером. Ему выдали спецовку и паек. И Солнышкин стал зарабатывать деньги на дальнейший проезд...

Летели дни, а может, недели или месяцы. Как всегда, Солнышкин ощущал себя вне времени. У него были, конечно, точки отсчета: детсад, школа, армия... А дальше он не знал, с чего остчитывать. Дата рождения в паспорте давно затерлась – от частого перелистывания документа кадровиками при очередном приеме на работу. Свидетельство о рождении пропил еще его папа (царствие ему небесное). А дни рождения Солнышкин не отмечал. Поэтому точно не помнил, когда перевалило ему за двадцать – до того, как он стал дембелем, или после, но в общем где-то в том периоде, примерно... И вот вторглась в судьбу новая точка отсчета. А было

это так...

Леонид дремал за своим вахтерским столиком, и грезилась ему пальмы, на которых росли «сникерсы» и «баунти», и видел он жаркие воды океана, из которых выныривали голые смуглянки с большими сиськами и мускулистыми задками, они манили его, возлежавшего под пальмой на мягком, словно подогретая перина, песке, они звали его для райского наслаждения. Но ему лень было вставать, и он сказал, что примет наслаждение от той, которая первая слезает на пальму и нарвет ему сникерсов и коньячных кокосов. И девушки с криками выскочили из воды и помчались к пальмам... Только кричали они как-то странно, по-мужски, сиплыми пропитыми голосами, и матюгались очень уж знакомо... Солнышкин очнулся. Крики раздавались за окнами. Там, вдали, возле свежей скважины бурильщики металась и вопили. Леонид направился туда, к толпе возле дыры в земле. Пробившись к самому месту действия, он напряженно взгляделся в глубину, из которой вырывался вой, скрежет, а на дне в огне и гари что-то мельтишило.

– Это Ад! – резюмировал один из бурильщиков. – Там грешников жарят.

Солнышкин возразил, что Ада не существует, а есть астральная плоскость, куда отправляется духовная суть человека после разрушения его физической сути, а у низко развитых людей с преступными или стяжательскими склонностями духовная суть пребывает в мучительной астральной плос-

кости, своеобразной камере пыток для души, вплоть до следующей инкарнации в уродливом теле, то есть люди с уродливой душой будут затем рождены в уродливом теле, и наоборот...

Но развить свою мысль до конца Леонид не успел. Как раз в тот момент, когда он хотел перейти к самому зерну проблемы «Ада», вдруг из скважины выметнулось темное крылатое существо с человеческим лицом, дико зыркнуло на всех, и с воем ухнуло обратно на дно. Бурильщики отшатнулись. Леонид тоже отскочил, но не в ту сторону, и рухнул прямо в пылающую бездну. Так быстро, что даже не успел испугаться.

Оказалось не так уж жарко. Градусов сорок, не больше, определил Солнышкин. Как в Средней Азии, примерно. И Леонид вспомнил знойные улицы, окаймленные чинарами и тополями, базар и чайхану...

Вспотел, расстегнул ватник и оглянулся. Никакого огня и дыма здесь не было, как казалось сначала. «Наверно, световой эффект», подумал он и поднял голову, вглядываясь туда, откуда только что сверзился. Наверху, над скважиной, было что-то вроде пожара. В чаду и гари маячили перекошенные лица бурильщиков. Леонид махнул им рукой. Лица отшатнулись. Здесь тоже все забеспокоились. Солнышкина накрыли решетчатым колпаком. Темнокрылые существа столпились возле Леонида и принялись сосредоточенно рассматривать его. «Ну прямо ученый совет», – подумал он. – «А

почему бы и нет? Здесь тоже, поди, наука». Поняв, что его изучают, он доброжелательно улыбнулся и стал оглядываться по сторонам. И удивился, что ему все видно. Пространство было многомерно и мобильно. Вокруг вращался подземный город с обилием транспорта – двигались колесницы и дорожки, вращались многоярусные жилища, крылатые детишки резвились в больших песочницах. В школьной обсерватории светились макеты Вселенной с многослойными ярусами цивилизаций (оказалось, что мир устроен вовсе не так, как принято считать, а наподобие слоеного пирога, так что бурильщики добурились не до Ада, а до очередного разумного слоя).

«А наши-то об этом не догадываются, – подумал Солнышкин. – Ну дела, и в науке у нас лажа».

Он принялся было думать, как у этих крылатых с политикой и сексом, и есть ли это у них вообще? Но тут его клетку отключили от приборной доски, а самого извлекли из-под решетки и отправили восвояси. Он снова оказался в дыре, а нижний люк под ним захлопнулся.

Увы, вылезти наружу ему не удалось: оказалось, что верхнюю часть скважины люди законопатили чем-то вроде «саркофага». Вопли и барахтанье Леонида не были слышны ни сверху, на земле, ни внизу, под землей. Никому он не был нужен...

Ненужный и подавленный, Леня побрел в непонятном пустом пространстве, как в трубе, куда-то в бесконечность.

Ему было горько и просветленно-жертвенно, как Христу. «Терпение же до конца искореняет из души все худое», вспомнил он откровение Преподобного аввы Фалассия, которое читал где-то в прессе. И скрепился сердцем. Он понял, что Бог (или Абсолют, Высший Разум, судя по другим периодическим источникам) наверняка выведет его к дому.

Так и случилось. Много времени спустя Леонид вылез наружу через тот самый канализационный люк, что в двух кварталах от его места жительства.

Впоследствии любил он рассказывать про этот случай в дружеской компании, но никто не верил – называли бредовым сном. Но Солнышкин знал, что это не сон, а точка отсчета.

А хоть бы и сон...

А на Николу Зимнего снилось Леониду, будто идет он мимо храма Спасителя и вдруг видит на верху, на самой маковке, вместо креста – видит себя, крестом стоящего, в свитере, но без куртки. «Я это, или не я?», подумал он и, чтобы сравнить, снял куртку и повесил на ограду. – «Точно, я!» Оглянулся, а куртки нет. «Уже уперли! – ахнул он. – В миг! Ювелирная работа!»

Проклиная вороватую натуру земляков, замерзающий Леонид побрел искать метро, чтоб отогреться и живым хоть до дому добраться. А мороз крепчал, и не попадалось по пути ни метро, ни магазинов, ни ларьков, одни лишь бетонные многоэтажки с кодовыми замками на дверях в этом безлюд-

ном жилом массиве торчали, словно роты вставших на дыбы гробов. Наконец, набрел он на открытую платформу, долго ждал вместе с толпой, совсем уж задубел, потом дождался, втиснулся в переполненный вагон и, отогреваясь в густоте талых курток и пальто, в плотно надышанной атмосфере, вдруг углядел единственное незанятое место. Никто, почему-то, не желал садиться. Поезд вошел в тоннель. Зажегся свет. Леонид пробрался к сиденью в конце вагона, плюхнулся на него и... провалился в сквозную дыру. Вот, значит, почему не садились, всюду подвох – искрой промчалась мысль, и тут мозги «закоротило», и приключилось, что плоть его падает в женщину, большую и мягкую с запахом кожзаменителя всю в модном парфюме с названием «Безопасное метро»... Боль от удара о рельсину захлестнула. Последний вагон, в котором Леонид только что был, прогремел вдали и затих.

Солнышкин ошалело озирался. Хотел подняться. Но не мог. Больно. На нем снова оказалась куртка, не то его, а может не его, а той призрачной дамы с запахом кожаных духов... В темноте зашумело... Надвигались два желтых огня... Поезд!

Леня на четвереньках поспешно перебежал на другой путь. Оттуда вылетел встречный поезд. Солнышкин заметался. Обезумев от ужаса, перекатился и вжался меж рельсин. Тоннель кишил гулками железными гадами с лязгающими составами, или суставами, как казалось Леониду, он мчался

впереди, карабкался на стены, перепрыгивал через рельсы, серая куртка клочьями извивалась сзади, как хвост, лицо почернело и вытянулось...

Однажды он нашел газету. Заголовок: «Слухи о двухметровых крысах в тоннелях метро подтвердились. Метростроевцы не вышли на работу». И фото – всклокоченная крыса с рваным хвостом. Он узнал себя.

...Потом он выскочил в проем тоннеля, увидел снег, храм и себя, крестом стоящего – в куртке! – на самой маковке. Это было прекрасное зрелище! Куртка была помолодевшая и обновленная, она кокетливо поблескивала застежками, играя в лучах зимнего солнца искорками бликующих молний, словно опытная кокетка застежками корсета. Леонид испытал невероятное чувство, близкое к экстазу, и проснулся мокрый и утомленный, сжимая сладострастно в объятьях свою куртку, невесть как оказавшуюся с ним в одной постели и благоухающую кожаным парфюмом...

Да что там куртка! С кем только ни приходилось просыпаться Леониду. Страшно подумать. Он даже поделился своим беспокойством с соседом Димой, безработным инженером-подводником. Зря он начал про это, зря. Он и сам почувствовал всю напрасность поднятой темы, и быстренько перевел разговор на другое.

– Знаешь, – задумчиво и как-то обреченно произнес он, чуть замявшись. – Я понял, что такое оргазм.

– Ну, – вяло отозвался подводник. Тяжело груженный пи-

вом и салатом из морской капусты, он целеустремленно двигался к родному подъезду, поглядывая на распахнутое окно с трепыхающейся по ветру цветастой шторкой: оттуда доносились сладострастные стоны и рычание, всплески музыки, а на кустах под окнами покачивались разноцветные презервативы. Зрелище это так увлекло Диму, что он почти не слушал друга...

На этом месте Сергей прервал свой рассказ, и принялся наливать в золоченые стопарики шоколадный ликер. Честно говоря, Ольгу уже притомил его монолог. Она дернула друга за ухо, перекатилась на него сверху, и кинула за подбородок. Сержика обожгла густая волна желанья. Он словно катапультировался в космос... Все закрутилось и понеслось... Он был весь исцарапан ее пирсингом, торчащим из нежного места. Потом они канули в сон, каждый в свой. В Ольгином сне была большая арка с плакатом: «Экстаз третий».

«Меня преследует Солнышкин», – подумала она во сне и села за компьютер. При этом она прекрасно понимала, что это не явь, и даже чувствовала посапывание рядом Сержа, но тем не менее напечатала крупным шрифтом:

Экстаз третий

Солнышкин прищурился, взглянул на арку, и заявил:

– Изучив журнальный вариант Евангелия, я смикитил, точнее, мне открылось, что «оргазм» в переводе с древнеязыческого наречия означает «откровение Ада».

– Ну, – поддержал разговор Дима.

– Понимаешь, Ад, скажу прямо, совсем не то, это вовсе не подземное место для термообработки дефективных душ. Ад – это на самом деле то пространство, в котором мы существуем, и все наши ощущения физические и душевные, все эти муки, это как раз и есть самое оно. Некоторые к ним притерпелись и ощущают только периодами, когда они усиливаются в результате различных несчастий. Я дошел до мысли, что мы, то есть наша высшая суть, наша духовная ипостась за какие-то грехи была низвергнута в несовершенные тела и в дикие условия жизни с гравитацией и всякой дрянью. Правда ведь, так противно ходить, того гляди поскользнешься, грохнешься и поломаешь руки-ноги. И вообще, чтобы выжить, кучу всего надо: жратву, одежду, хату, мебель, работать надо и быть рабом обстоятельств и дурных людей, да еще всякая бесовщина непонятная происходит. Так ведь?

– Ну.

– И чтобы добиться обратного перевода в Рай (то есть в первоначальное место обитания), нужно быть стоически со-

вершенным, как в заповедях: не убий, не возгордись, возлюби, отдай, и ни-ни, упаси Бог, позариться на барахло или бабу чужую, ни Боже мой злословить иль еще че, терпи, и пусть ты по щекам колотят или распнут, как Христа, который, по моему, существовал в качестве эталона для нас – «зэков» этого бытия. И все остальное я понял, как надо трактовать. Например...

Тут они достигли жилища, вошли в комнату Солнышкина и... Почувствовали: здесь что-то не так. Все вроде бы нормально на первый взгляд, но все же...

Первым заметил Дима.

– О... О... Это...

Он выронил пакеты и устоялся в спальный угол.

Леонид тоже взглянул туда и прямо ошалел.

На продавленном диване он узрел самого себя, задумчивого, с тазом на животе и ворохом газет под головой. В таз, как всегда, монотонно капало с протекающего потолка, а газеты были хорошо погрызены хомяком Мишей, и человек на диване вытаскивал поочередно обрывки статей, пробежал глазами, бросал на пол, и ошеломленно замирал. Видимо, в его сознании остатки информации приобретали непростой контекст.

Солнышкин-стоявший в сильном волнении обратился к Солнышкину-лежавшему:

– Извините-простите, но если вы есть я, то я кто же?

А Сосед Дима неразборчиво прибавил:

– О... О... Это...

– Неужели я это он? – спросил всех Солнышкин. – А тогда он кто?

Дима усиленно закивал головой, пятясь вон из комнаты и шепча:

– Эт все из-за демократов... Эт они нечисти напустили... Не было такого раньше, при коммунистах, никогда...

– Тогда я коммунист, – быстро произнес Леня. – Жуть до чего не люблю непонятное.

– И я тоже, – поддакнул с дивана второй Солнышкин, поворачиваясь к двери. – Слушайте, ребята, а может вы оттуда, а? Из параллельного пространства, ну, или время зашкалило? Как вы, вообще, ко мне попали?

– Это ты к нам как попал? – возразил первый Солнышкин. – И вообще, мне здесь разонравилось, то и дело чертовщина какая-то...

– Надо сматываться на Кубу, там коммунисты, а их черти боятся, – сказал второй Солнышкин и сбросил с живота таз.

– О... о! Э! – закричал Дима. – Не подходи, сгинь!

Следом за подводником из подъезда выскочили Солнышкины. Все они помчались в разные стороны с такой скоростью, что старушки на лавочках не очень поняли, кто это был и в каком количестве. Бабуля из сорок шестой квартиры уверяла, будто то произошла материализация группы инопланетян, а ее соседка по этажу твердила, что выскочили коммунисты-перевертыши, обернувшиеся чертями. Третья ста-

рушка ничего не видела, но зато доверительно сообщила, что инопланетяне, коммунисты и черти в действительности одно и то же явление, родственное полтергейсту, та же разрушительная сила, и называется она на современном жаргоне «демократия», а на иностранном – «эм-эм-эм». Бабушки судачили об этом много дней, а может, и месяцев. За это время Солнышкин-первый (так он думал, хотя точно не знал, какой он по счету) тайно пробрался на пароход и достиг Острова Свободы (так ему казалось). По прибытии в конечный пункт Леонид перестал прятаться в ящике с гуманитарной помощью и смело вышел на палубу, на всеобщее обозрение. Там он гордо вскинул голову и завопил:

– Виват Фидель и коммунисты! Интернационал!

Он повыкрикивал еще много других хороших патриотических слов. Но тут случилось непредвиденное. Его вдруг окружили люди в иностранной военной форме, скрутили, вытащили с корабля и впихнули в красивую иномарку. Везли его недолго, и Леонид догадался, что страна маленькая. В штабе растолковали, что он вовсе не на Кубе, а в Бразилии, и режим здесь отнюдь не коммунистический, а наоборот. Лаконично разъяснив, как он влип, поинтересовались фактами биографии и всякими датами, в которых Леонид не ориентировался. И он честно признался, что в математике с детства не силен и что цифры для него навроде китайских иероглифов и каббалистических пантаклей, туманны и загадочны. А вот о смещении пространственно-временных рамок, точках

отсчета и инопланетянах у него есть собственная теория.

И он принялся было ее развивать, но тут взгляд его упал на сочный натюрморт в сытной раме колбасного цвета... Солнышкин проглотил слова, сглотнул слюну, и впал в состояние, близкое не то к медитации, не то к обмороку.

Когда его накормили местной пищей и угостили винами, поразившись необычайной вместимости русского желудка, то Леонид, прослезившись, азартно заговорил о загадочных ипостасях Отечества и бытия соотечественников, способных на штуковины, непостижимые даже для них самих. Вещал он об этом и в машине, когда его везли на специальную фазенду санаторного типа, чтобы отдохнул и наелся (а то невозможно работать, нервный какой-то), рассуждал об этом и с прислугой, ни слова не понимавшей по-русски, и с самим собой, уплетая жаркое из модифицированного крокодила, тушеного в манго с маракуйей, и потягивая виски со льдом.

Это особое желудочно-духовное состояние уже стало переходить в привычное за несколько дней кайфа, но тут опять какая-то высшая сила вторглась и все поломала.

Да какая там сила, просто-напросто второй Солнышкин, переодетый дамой и сильно голодный, нахально возник, сел за стол, тяпнул виски и произнес дурацкую фразу:

– Ты извини, приятель, но, во-первых, я, понимаешь, э-э... Ну, перепутал, кто из нас я, а кто ты. Подскажи, дружище, а то просто жуть, извини-прости.

– Пошел ты! – недовольно буркнул этот Солнышкин и по-

пытался придвинуть к себе ближе стол. Но мебель здесь была массивная и тяжелая.

– А как быть-то, друг! И вообще! Я, понимаешь, извини-прости, пробирался к нашим на Кубу, а попал сюда в лапы разведки, хорошо хоть коммунисты успели похитить, теперь я в подполье. Потому тебя и приняли за резидента. За меньше раздваиваться, приятель! – Продолжал второй, налегая на пищу.

– Вот как, приятель? Извини-прости. Не думал. («Гад, ух как жрет на халяву»).

– Понимаешь, они нашли какую-то грамоту Ельцина за героизм на баррикадах, и полагают, что это наша с тобой. Другая фамилия их не смущает, а наоборот. Они считают, что наши власти через тебя транспортируют в Бразилию международный коммунизм и готовят здесь переворот, – растолковывал второй, судорожно заглатывая горячие куски. – В посольстве неприятности, оттуда получена шифровка: «Этот придурок нас компрометирует, срочно убрать!» Так...

Солнышкин-этот никак не мог уразуметь, какие-такие «наши власти» и какое еще посольство, о Кубе ли твердит второй Солнышкин, или о России, или еще о чем. «Да хрен с ними», подумал наконец, так как находился последнее время только во власти желудка.

А второй продолжал:

– Так что бразильские коммунисты решили тебя спасти. Вот тут женское платье, парик, держи вот, за углом ждет

спортивный автомобиль, давай, ну! Торопись!

– Не хочу! («Как же, держи карман, халявщик»).

– Бежим, время в обрез.

– Куда? («Еще чего», – зло подумал Солнышкин-первый, совсем забыв про христианские заповеди, так нравившиеся ему раньше).

– Домой, на Родину. Вот шмотки, торопись!

– Чепуха («сам туда канай»).

– Конец. Уже идут! – Солнышкин-женщина метнулся к окну. – Убирать идут, пойми!

Тут Леня-первый, взглянув на перекошенное ужасом лицо второго, запаниковал и стал суматошно напяливать женское платье, колготки, туфли, нахлобучивать пышный парик. Другой схватил дамскую сумочку и припудрился, потом вдруг обмяк, забормотал:

– Ой не могу, ой не могу...

И снова принялся набивать рот остатком балыка.

– Тьфу, прорва ненасытная! – выругался этот Леонид. – Не суетись, они нас не узнают. Мы теперь мамзели, словом, мучачи.

В гостиную вошли.

Солнышкины хихикнули и затянулись гавайскими сигарами. В сизом никотинном мареве они загадочно ухмылялись. Вошедшие захлебнулись дымом, закашлялись и, шурясь, окинули «дамочек» пристальным взглядом, при этом тощий смуглый усач подмигнул и дернул усом, а замыкаю-

щий процессию блондин процедил по-русски:

– Пьяные шлюхи.

«Знакомый язык», – подумал Солнышкин-резидент. – «Чистый московский выговор. Земляк, что ли? Спросить бы надо, давно ли оттуда, и как там, на Родине?»»

Но процессия уже скрылась в холле, ведущем в глубь дома, а вылезать из глубокого мягкого кресла и рыскать в поисках земляка в шестидесяти восьми комнатах Леониду не хотелось...

Тянулась бесконечная сиеста, и Солнышкиным, размягшим от обильной выпивки и еды, сладко кемарилось...

Когда бразильские коммунисты захватили фазенду, то хмельной Солнышкин-резидент по тайным каналам, через Израиль и ряд других мелких государств был переправлен в Москву – с доставкой на дом. Там он долго еще не мог очухаться, выкрикивал нерусские слова и требовал прислугу...

Другой Солнышкин навсегда остался в солнечной Бразилии, став впоследствии крупным политическим деятелем и секс-символом.

На этом месте она проснулась от поцелуев Сержа, и произнесла:

– Привет, матрешка. Даже во сне ты меня преследуешь в образе Солнышкина. Этот твой чувак меня задолбал, я настучала на компьютере целый экстаз, а теперь вот проснулась, и ничего нет, на хрен ты меня разбудил?

– Не упоминай хрен в суче, – сказал Серж ...

А потом была ее очередь рассказывать:

– Одна моя подружка, – сказала она, – долго искала работу. Приятель в шутку предложил ей подработать телом, на что она мудро ответила:

– Тело штука одноразовая, выдается в одном экземпляре на душу, так что особенно занашивать не стоит, надо побереечь. А вот тут объявление висит, что это, требуется оператор зала в магазин «Шестерочка»...

– Это магазин для «шестерок», – засмеялся приятель, – ты будешь в зале их оперировать, выдадут тебе белый халат и скальпель.

В общем, стала она работать там, товар на полки расставлять, ценники клеить, да смотреть, чтоб не сперли, зарплата двести баксов. А покупатели – сплошь пенсионеры, вот подходит один нервный и спрашивает, почему сгущенка в банке булькает, сливки с сахаром не должны быть жидкими.

– Почему всякую дрянь продаете? – заявляет он.

Ну, она в ответ:

– Это не я продаю, а хозяин магазина, которому продают поставщики, кстати, все они – такие же граждане бывшего СССР, как и вы, значит это вы сами себе продаете...

– Что-что? Ничего не понимаю...

– А ты СССР не тронь, проשמандовка. Мы за Родину кровь проливали в сорок первом!

– За Родину, за Сталина, огонь!

Словно граната, врезалась в стену бутылка пива и взорвалась мелкими осколками...

Кто-то заорал:

– Банзай!

В потолок полетел кетчуп.

Началась всеобщая потасовка. Пока одни громили прилавки, другие под шумок перли что могли, третьи вызывали милицию, в этом всеобщем бардаке мою бедную подружку какие-то парни решили спасти, затащили в спокойный хозяйственный отдел и поимели все по-очереди несколько раз подряд на полу за ящиками со стиральным порошком. А потом она опять искала работу. Она вообще периодически чего-нибудь ищет.

– Прикольно, – отозвался Сержик. – А дальше что?

– А дальше твой очередной «Экстаз».

– Какой? Я уже сбился со счета.

– Очередной. Ну, допустим, четвертый.

– Ладно. Итак...

Экстаз четвертый

Однажды ночью Солнышкин испытал необычайный экстаз! Ему приснилась Галатея, нагая и прекрасная. Она целовала поэту ноги, истово ласкала своим нежным ротиком его мозолистые пятки и одновременно вязала что-то, виртуозно работая спицами. Возможно, она создавала для гения пуловер, вплетая в него золотистые пряди своих волос. А потом они оделись и пошли в гости.

– Штрафную им, штрафную! – бурно встретили пришедших друзья и налили в чашки самогон. – Ух, девочки, цветочки вы наши! Валентина, где такой свитер добыла?

– Да где ж, сама связала.

– А заказы берешь?

– Она не заказы берет, а минеты. Ой, Солнышкин, и ты здесь? Говорят, в Бразилии побывал? Ну как там, чего привез? Ты бы хоть прибахлился бы, что ли, костюм бы себе купил бы, а то как этот...

Тут Леонид понял, что это уже не сон, а явь пошла, правда, сам момент этого перехода от сна к реальности он как-то упустил. И он ответил:

– А разве с костюмом вам лучше, чем со мной? Помните, Сергей Радонежский говорил: «Под златотканою одеждою часто скрывается невежественное и злое сердце, а под рубищем – великий ум и добродетель».

– Мне он этого не говорил.

– Ну, естественно, он давно жил.

– Тем более. Я не такая старая.

– А сколько вам?

– Иди ты.

– Куда?

– На Птичий Рынок. Купи цыпленка, живого.

– Зачем?

– Вырастет, яичко снесет, не простое, а златотканое.

– И то! – с чувством сказал Солнышкин. Его потянуло на воздух, в радостную суету Птичьего Рынка, где он не был с самого возвращения из-за кордона.

В прихожей из чьей-то сумки торчала бутылка Можайского молока. Целая, не распечатанная. Леонид быстро вытащил, скovyрнул железную крышечку, и залпом выдул. Вкус был не то чтоб хмельной, но приятный. Затолкав пустую стеклотару обратно в сумку, Леня покинул помещение.

Возле рынка мужик с машины продавал цыплят. Одного, подышающего, никто не хотел брать, и подоспевшему Солнышкину его подарили.

Цыпленок оказался симулянтом. Дохнуть он и не думал. Поклевав пиво с консервами, попытался склевать буквы с газеты, потом долбанул Мишу-Первого (хомяка. Сам он стал Мишей-вторым. Потому что шустрый оказался, как в свое время Горбачев. И тоже с пятном на башке).

Второй, к тому же, был обжорой. Вроде самого Солныш-

кина. Ух, сколько он лопал, и все подряд: морскую капусту, сигаретный пепел, цветы в горшках и землю, известку на подоконнике, замазку для окон, брагу, рыбные консервы... Сосед Дима приносил с работы для него и Солнышкина коллективные обеды. А работал Дима на ППП (Подмосковном Подлодочном Предприятии), которое перестроилось и стало называться ПППП (Перестроившееся Подмосковное Подлодочное Предприятие), и вместо подлодок выпускало теперь пивные баночки с импортными надписями для кооператоров, которые делали из нашего самогона ихнее (немецко-баварское) пиво. А кооператоры не жмоты, премируют пивом и закуской, так что обедков хватает.

Особенно Мише понравились напитки с градусами.

– Еще бы. Мое дитя, – нежно приговаривал Солнышкин. – Цыпа мой золотой.

А пьяный птенец топтался на голове Леонида, путаясь в волосах и орошая их теплой жижей из-под хвостика. «Это полезно, от этого волосы растут» – размышлял Леонид, почесывая голову и пытаясь припомнить все, что читал о птичьем помете. – «То есть, что-то растет, кажется, помидоры. Ну и волосы, наверно, тоже...»

Он испытывал почти женское чадолюбие, точнее, мишелюбие, мыл цыпленка в тазике (малыш любил купаться), выводил глистов, отмечал рост на косяке двери. Рос птенец рывками и очень быстро, особенно преуспели в этом лапки – лапищи, чешуйчатые, с кривыми пальцами, как у хищной

птицы. Вообще, Леонид заметил явную диспропорцию в развитии питомца. Для цыпленка он был слишком крупный, с длинной всклокоченной шеей, начавшей покрываться мелкими чешуйками, словно Миша был родственник карася...

Однажды Дима принес научно-популярную книжку и, открыв не изображении птеродактиля, завопил:

– Ну дела, Ленька! Ты выращиваешь первоптицу!

Солнышкин выхватил из рук подводника старую зачуханную книжицу и сравнил рисунок с натурой. Да, сходство было поразительное, если не учитывать мелких деталей... Впрочем, за несколько тысячелетий могла произойти мутация и некоторые внешние изменения...

– Господи! – воскликнул несчастный Солнышкин. – Только этого еще не хватало. Он же будет огромный, не прокормить, да и чем кормить птеродактиля? Может, у него неверное питание?

– Да все отлично, Ленька! – засуетился сосед. – Я сейчас свяжусь с телевидением, с «Очевидным-невероятным», с этой еще, ну как ее, с прессой, в Академию Наук звякну, они там скучают без дела, их всех разгонять собираются...

Для Димы открылось широкое поле деятельности, и он стал действовать...

Вскоре Леонид с Михаилом сделались завсегдатаями телепередач и реклам, симпозиумов и выступлений экстрасенсов, героями газетных статей и научных исследований. Ими как явлением заинтересовались даже зарубежные научные

общества.

И вот настал день, когда Солнышкин снова попал за бугор – на сей раз в качестве хозяина уникального животного.

Весь закордонный мир был смущен Мишей, а еще более – Леонидом, который тоже был весьма экзотичен, под стать своему питомцу.

И вот к ним приковано пристальное внимание, они – объект исследований. Они таинственно и непостижимо связаны друг с другом, они крайне непоследовательны и алогичны в своей правильной, вообще-то, и очень простой логике. Они – явление!

И только на родине о них забыли – там было не до того...

Солнышкин и цыпленок жили теперь в экологически чистом нейтральном государстве, с удивительно аккуратными, как игрушки, домами, с чистыми улицами, пахнущими шампунем, и с ухоженными домашними зверюшками, среди которых не было бродячих. Животных и детей здесь, почему-то, не принято было выкидывать. Не было здесь и нищих. Порой Леониду казалось, что он – где-то в параллельном пространстве. А может, в Раю. Или – опять же во сне.

В общем, Леонид и Миша кайфовали. Питались они теперь с учетом индивидуальных диетологических разработок, соблюдали режим под присмотром научного персонала, и Солнышкин увлекся наукой. Он начитался популярных брошюр, и принялся формировать свое новое мышление. Все шло прекрасно, но...

Но вдруг однажды Леонид заметил, что у его питомца... Ужас... Затормозился рост. Дальше – хуже. Цыпленок стал уменьшаться, как-то сплющиваться, и входить в нормальные куриные рамки! Стали отпадать чешуйки, исчезли жаберные щели. А самое скверное то, что он попытался закукурекать!

Солнышкина прошиб холодный пот. Раю приходит конец, понял он. И принялся приклеивать скотчем чешую на прежние места.

Вскоре в забугорной прессе появилась информация о том, что чистая экология и нормальное питание восстановили естественный облик петуха Миши.

Что было дальше? Солнышкин на родину не вернулся. Он стал деловым джентльменом, президентом Общества Любителей Кайфа, и известным поэтом – уже наяву. Стихотворный многотомник «Экстазы гения» принадлежат его пророческому перу.

Как-то бывший подводник Дима, ныне столичный олигарх, сказал на бизнес-ланче, будто в заграничных газетах пишут, что мистер Солнышкин собирается начать работу над мемуарами, но приступит к этому лишь после того, как окончательно выяснит для себя, где же, все-таки, грань сна, реальности, и экстаза.

Тут Серж замолчал и затянулся гавайской сигарой. Ароматная струйка медленно таяла в воздухе, принимая призрачное очертание дирижабля, вставшего на дыбы.

– Так что же, – нарушила она тишину, – этот Солнышкин

из тебя вычленился, что ли, и стал жить самостоятельно, как в фильме «Чокнутый профессор-2»? А куда же делась Леонида? Что, «матрешка» рассыпалась?

– Нет, «матрешка» трансформировалась. Леонид поглотил Леониду в тот миг, когда он вычленился из самого себя квадратным корнем духовного спорыша и породил, таким образом, Солнышкина-второго. Ты понимаешь, надеюсь, что такое квадратный корень духовного спорыша? – произнес он менторским тоном.

– Спорыш? Знакомое слово. – Ольга напрягла память. – Это, вроде, мочегонная трава. Нудная у тебя эротика. Прямо философия какая-то.

– Точнее, психология, – хмыкнул Сержик. – Психология подсознательного секса.

– Понятно, – сказала она, – на сознательный секс у тебя нет времени. Ну ее, всю эту психологию, философию, пошли ее знаешь куда? Вот в моей жизни такое случилось! Знаешь, я, пожалуй, и это запишу. Все чистая правда, у меня нет всяких там психоложеств, сложных эмоций, как у тебя, нет заумных мироощущений, которые надо расшифровывать. Для бизнесмена ты слишком уж неординарный, не человек, а шарарада какая-то. А я свое приключение назову так: Светящийся секс!

– А у кого что светилося? – сразу же заинтересовался Сержик. – Или ты занималась этим с гнилым пеньком в стадии фосфоресцирования?

– Фосфоресцирование было, – ухмыльнулась она, – но не с пеньком, а с женщиной, и с очень даже классным!

Серж расхохотался:

– Представляю, что он вытворял с тобой!

– Не перебивай. Знаешь, я, пожалуй, назову это лучше:

Неистовый самец!

– Уж такой и неистовый, – протянул Серж. – Неистовой меня не бывает.

– Бывает-бывает, – поддразнила она его. – Еще как бывает-то...

Неистовый самец

Темнота мастерской светилась зеленоватой усмешкой всплывающей луны. Все вокруг было настолько ирреально, что дух захватывало. Со стены выплескивалось яркое ночное небо, волна вставала на дыбы, изворачивалась, излучая зазывный головокружительный свет, переходящий в звук. В этом было нечто жуткое. Рядом мерцал болотными огнями таинственный лес. Поодаль, с другой стороны, из оранжевого марева джунглей кралась огромная черная кошка с горячим взглядом хищной обольстительницы... Картины создавали особое магическое поле. Вглядываясь в них, я стала впадать в состояние, близкое к медитативному трансу, что-то творилось в душе моей. Инстинктивно я двинулась к морю и попыталась войти в засасывающий отсвет волны, из-под которой эхом доносилось русалочье пенье. Уже возле самого полотна художник схватил меня за локоть:

– Стой, куда?

Его голос вернул меня в реальность.

– Это просто светящиеся краски: флуоресцентные, – пояснил он. – Они проявляются в ультрафиолете. Вот видишь, здесь я замаскировал ультрафиолетовые лампы.

– Не вижу, – честно призналась я.

– Да вот же они: одна за рамой, другая у стены.

Он взял меня за руку, подвел ближе и развернул чуть вле-

во.

– А, вот теперь вижу, с этого ракурса заметно. Классно придумано! – восхитилась я.

– Угу, нравится, – деловито улыбнулся он. – Экая хитроумная штуковина.

Хитренький Максик-изобретатель. Сначала я встретила его ненароком на Старом Арбате. Мы с приятельницей шли из бара Тайм Аут, было уже поздно, но, как всегда по выходным, многолюдно. И вдруг я уткнулась взглядом в мерцающие, словно большие звезды, огромные пейзажи. Рядом стоял автор. Познакомились, разговорились. Он пригласил в мастерскую. Недели через две выдалось свободное время, и мы нагрянули к Максиму. Мастерская находилась всего в нескольких остановках метро от моего дома. Там весело угощались друзья художника, и мы как раз нарисовались в самый разгар застолья. Со всех стен на пирушку взирали с любопытством творения Макса, тоже вроде бы участвуя в общем веселье. Соучаствуя.

Провожая, Макс настойчиво упрашивал заглядывать, взял наши телефоны, но названивал, почему-то, одной мне. У нас долго длился телефонный роман, потом – встречи в барах, на вернисажах, где выставлялись его работы, а когда он однажды подвозил меня домой, перепутал маршрут, и припарковался у дверей мастерской.

– Заходи, так угодно судьбе, – сказал он.

Мы общались тет-а-тет за бутылочкой сухого при свечах.

Макс поднял бокал, полюбовался густой красной жидкостью за тонким стеклом и сказал с мефистофельской усмешкой:

– Это не кровь. Это настоящее грузинское. Ну, давай...

Его смуглое лицо в темноте – с дьявольской бородкой – очерченное резкими тенями, светящиеся зрачки и ухмылки картин – нервный язычок пламени над свечой – липкое терпкое вино... Холодок жути...

– Ничего страшного, – ответил он моим мыслям. Просто во флуоресцентных картинах проявляется трансцендентная глубина, и от этого бывает улет за грань реальности. Тут дело не только в особых красках. У меня есть свой секрет, который я никому никогда не открою. Сия живопись раздвигает границы сознания и вводит в медитативный транс, некоторые картины вызывают явления, сходные с расщеплением психики, и полный улет, это покруче наркотиков. Но не все работы так действуют. Есть простенькие пейзажики, которые я пишу на заказ для оформления баров и ресторанов, они не несут особой психологической нагрузки, просто создают ощущение комфорта и уюта...

В барах, в которых мы бывали, висели его пейзажики и натюрмортики.

Макс поигрывал голосом, в котором звучали глубокие бархатистые нотки и слышалась музыка южной ночи, он рассказывал про странности своей личной жизни, и про свои бесконечные путешествия, про русалочки острова и двухкилометровые пещеры. Мы допили третью бутылку и доели

колбасу. И вдруг я ощутила себя высоко над креслом, в котором секунду назад блаженствовала – меня сжимали крепкие руки Макса, он нес меня в маленькую смежную комнату с диваном вдоль стены.

– Здесь удобнее беседовать, – произнес он. – И целоваться.

Его поцелуи оглушили меня. Да, он хорошо это умел. Он знал какие-то тонкости, и он прекрасно разбирался в женской психологии. Он умел быть по-особому ласковым. Чувствовался почерк опытного бабника. Но меня это не отпугнуло. Все, что произошло в следующие мгновения – часы – вечность – выпало за грань реальности. И я поняла, что такое трансцендентная глубина...

– Макс, ты дьявол... – прошептала я.

В ответ он продекламировал:

В белом пламени страсти
зарождается мгла,
сердце рвется на части,
все сгорело дотла...

– Ты сумасшедший, – простонала я.

– Нет, я просто немного чокнутый, как белая роза морфиниста, – сказал он севшим голосом.

С белой розой у этого смуглого жилистого брюнета не было ничего общего, разве что отблеск догорающей свечи в

неистово черных зрачках.

Вот так-то, – заключила Ольга. – Таким уж неистовым самцом оказался один из моих друзей.

– Слушай, сколько же у тебя этих самцов было? – проворчал Серж, и стряхнул сигару на ее плечо.

– Дурак! – дернулась она. – Сколько надо, столько и было. А вот ты пока не рассказал ни одной нормальной эротической истории, все какие-то байки травишь. Я-то правду говорю, как на исповеди, а ты...

Она встала и отошла к окну. Устроилась на подоконнике, плеснула в бокал ликера.

– Какие байки? – обиделся Серж. – Какие байки! Между прочим, самый главный секс в моей жизни, это секс с самим собой, а точнее, с ней и с ним, что живут во мне. Вот когда занимаюсь этим с тобой, то на самом деле я через тебя захожу внутрь себя и ухожу в поэта Леонида, который в это время входит в американку Леониду, и таким образом я трахаю Америку. Чуешь, где подлинная экзистенциальная глубина? Куда уж тебе со всем неистовством твоих самцов.

– Смотри не вычленись из самого себя квадратным корнем духовного спорыша, вслед за Солнышкиными и этой бабой, и не выпади в мочегонный осадок, – хихикнула Ольга, поставила бокал на подоконник и не спеша переместилась на тахту.

– Слушай, тебе не жарко? – сказал он, и метнул сигару в ее бокал. – А то могу натереть тебя мороженым.

– Не-а, – ответила она. – О, вспомнила очень забавную историю. У меня был приятель, детективы писал, Сашка Варенников, его все знают. Как-то он стал болтать, что за ним киллер охотится, ну ему никто не поверил, решили, что глючит с перепоя. А ведь и вправду оказалось. Он спрятался в каком-то захолустье, там его сбила машина, но он оклемался, только «сдвинулся» сначала. Все твердил, что он какой-то бизнесмен. Так ведь потом и впрямь бизнес раскрутил, и киллера этого нашел. И знаешь, кто оказался киллером?

– Кто? – напрягся бывший Александр. – Кто же?

– Киллером была Голый Пегас!

– Что-о-о?

– Ну, Голый Пегас. Кликуха такая. Стриптизерша в ночном клубе для геронтоманов, семидесятилетняя художница, у нее на ягодице татуировка: «голый пегас». Варенников по пьяни имел с ней близость, вскружил голову, а потом ужаснулся и свалил. А она – особа мстительная. Решила стереть его с лица земли. Но потом с ней разобрались.

– Вот как! – засмеялся Сержик. – Она киллер и Голый Пегас, старуха-стриптизерша!

– Ну да, она самая. Помнишь, выставлялась в ЦДХ в нижнем зальчике слева, ну как в фойеходишь, у нее картины еще такие гремучие, ну эта, как ее, Ветта Павлин. ****ь еще та, ее похождения пол Москвы помнит.

«Хороший сюжет для детектива», – подумал он.

Написать детектив о самом себе. Занятно. Нет, не занятно. Паршиво. Странно все вышло. Мистика проклятая. И все из-за его запоев. Но ведь не один же он такой запойный, миллионы людей на земном шаре страдают от этого. Так почему же именно к нему прицепилась вся эта чертовщина? Почему?

Сначала за ним гоняется какая-то старуха с пистолетом, хочет его продырявить. Потом на него обрушивается джип с богатым чуваком, который с ним меняется телами. Видно, чувак-то не простой бизнесмен, он, верно, как-то связан был с магией, что ли. Судя по блоку памяти в его башке, с ним все не так просто.

Да, Варенников не только ощущал себя в чужом теле, он еще и «зацепил» кое-какую информацию и об этом Сержике.

Вскоре он хорошо приспособился к своей новой роли. Он пил, гулял, нанял шофера и телохранителя, разъезжал на черном «джиппере», и успешно проматывал бизнес в казино и ночных клубах. Он чувствовал себя в полной безопасности, и кайфовал. У него не было никаких конкурентов – все они постепенно отпали, учуяв, что соперник спился.

Однажды, после казино и борделя, наш Сержик, как всегда теперь, совершал утренний променад перед сном. В 5 утра он прогуливался в парке возле дома. Жил он теперь в престижном районе на Ленинском, на улице Воронцовские Пруды. Парк был ухоженный, весь в цветниках и подстриженных деревьях. Гулял без телохранителя, один, т.к. писа-

тельская душа Варенникова внутри сержикова тела любила одиночество. Он обдумывал сюжет очередного детективного романа – его снова потянуло за перо. И он чувствовал, что роман будет недурен. Очень даже недурен. Так, размечтавшись, не сразу понял, что на пути возникло некое препятствие.

Сначала он увидел башку в черной маске, сквозь прорези блеснул колючий взгляд. Потом возникло дуло пистолета. И фраза, уже слышанная где-то:

– Люди слишком привыкли к жизни, и боятся смерти. А смерть, это всего лишь увлекательное путешествие в другую реальность...

– Кажется, у меня дежавю, – пробормотал Сержик. – В чем дело-то опять, не пойму, старуху голую пегасиху поймали, тело мое слямзили, обобрали до нитки, всю биографию творческую сперли, что еще-то теперь?

– Вот в теле все и дело, – пояснила маска. – Ну быстро в машину! И чтоб ни звука!

На дорожке парка торчал «Мерседес» с тонированными стеклами. Сержика схватили за шею, пригнули и пихнули в машину.

– Ничего не понимаю, – заныл он, лежа на заднем сиденье. – Что надо, отпустите, я денег дам, я не жадный, скажите хоть, что происходит...

И тут же получил удар рукояткой пистолета по голове. На некоторое время он потерял сознание. Когда пришел в себя,

машина стояла на светофоре.

«Самое время бежать», мелькнула мысль. Он шевельнулся, но его тут же прижали к сиденью.

Ехали довольно долго. Машина прибавила скорость и стала плавно покачиваться, и он понял, что выехали на неровную дорогу где-то за городом. Сидящие с ним на заднем сиденье стянули с себя маски-шапочки, достали по банке пива и, прихлебывая, закурили, перебрасываясь короткими фразами. Открыли окна, стало свежо. Одного, коренастого с круглой башкой, звали Свищ, другого, бритоголового – Курга. Оба были в черных кожанках. «Братки» взялись за дело, – с ужасом подумал Сержик. – На что я им сдался?

Подъехали к дверям кирпичного особняка. Выйдя из машины, Курга осмотрелся по сторонам. Свищ обошел машину сзади и встал напротив Курги. Курга открыл дверцу.

– Приехали, вылезай, – сказал он с усмешкой. – Сейчас тебя вытряхивать будем из тела. Шаман ждет.

Свищ огляделся вокруг, швырнул под ноги сигарету. Приказал:

– Выползай.

Сержик неуклюже выбрался из машины. Ноги плохо слушались. Было жарко.

Курга подтолкнул его вперед. Водитель, такой же бритый, как и Курга, вылез из машины и двинулся к особняку. Сержика повели следом.

Внутри здания было прохладно. Стены мраморные, на по-

лу – ковролин кирпичного оттенка. Огромное фойе, мраморная лестница.

– Вы не понимаете, с кем связались, – неожиданно для себя вякнул Сержик. – Я известный писатель Александр Варенников. Вам за меня головы поотрывают, я полковник казачьего войска... сейчас позвоню атаману и вас в лапшу порубают ...

Тут он полез в карман за мобильником, но его снова оглушили ударом по голове...

Воздух сухо треснул и растянулся, как нейлоновая куртка. Внутри, в распахнувшейся глубине, дымилась смогом земля. Усеянная холодными футлярами жилых домов, холдингов, транспорта, пульсировала она под пленкой сероватого плотного газа.

Суть мягко прошла сквозь все это. Словно камень сквозь массу воды. И погрузилась в оболочку тела, размягшего в постели. Тело напряглось. Подергалось. Стало выходить из сна. Ладонь под небритой щекой сжалась в кулак. Ноги спустились с тахты. Тело вяло поднялось. Двинулось в проем бетонной перегородки. Прошло по переходу в другой проем. Тоненько затренькала вода. Запахло аммиаком. Бухнула канонада кашля. Человек стряхнул остатки сна, поежился, потоптался босиком на холодном кафеле, и пошел искать домашние тапочки. Чертыхнулся, нащупал ступней смятый задник домашней обуви. Душу сжала жесткая лапа злости, неприязни ко всему вокруг. Захотелось напиться.

По ночам наша суть, наши души летают
в бесконечном пространстве,
где космический свет,
и где нету дождя... -

послышалось ему в слабом потрескивании оконной рамы.

Цветы на подоконнике качнулись от сквозняка. В зыбком мареве окна проплыл храм, похожий на огромную речную ракушку.

Это была реальность.

Между трамвайной линией и сигаретным киоском продавец цветов рисовал на асфальте акварельными мелками большое розовое тело женщины, его размывал дождь, и от этого оно зазывно блестело...

Из-за поворота вынырнула церковка – в слабом золотистом сиянии, подкошенная ветром, стремительная, словно «Летучий Голландец», – да, очень напоминала и по форме – она быстро настигла храм, прошла внутрь сквозь левый портал, вышла через купол наружу и вонзилась в смоговую высь, раскачивая сломанным крестом... Многорукая герань на окне повернула ладони к летучей церквушке, к покосившемуся кресту. Мужчина крикнул и поднял банку с водой для полива. Вода засеребрилась как в купели. «Чистая жидкость, без хлорки», – удивился он и понюхал банку. Пахло средневековым дождем. «Многого не замечаем в суете, вот ведь», – подумал, всматриваясь в окно. – «Впрочем, пора идти», – глянул на часы. Стрелки оторвались от циферблата и прыгали,

как кузнечики в поле. «Значит, не пора», – сказал он себе и потянулся за пивом. «Цветы полить надо... Что уж, раз люди – существа с разумом детей и психикой сумасшедших и им нельзя показывать правду, нужна иллюзорность, стройная ложь, иногда назидательная, раз уж...»

Вторгаются не свои фразы в ход мыслей, и от этого все путается, и непонятно, что же сначала – пиво или цветы?..

И приведет их к гибели нелепая мелочность и жадность, никчемная суетность сгубит, беспорядок в поступках и мыслях, сгинут они, несчастные, от собственной жестокости и от глумления над собой, над сущностью своей... Чужие мысли мешают, как Сорина в глазу... Бревно в чужом глазу...

– НУ КАК ОНО, – прозвучало над ухом, и мужчина очнулся. И вспомнил все. Только не мог понять, кто он. Не то Александр Варенников, не то Сергей – Сержик – Сергунчик...

Открыл глаза, и взгляд уперся в чужое толстогубое лицо, обрамленное густыми длинными патлами.

– Я шаман, – шевельнулись губы, и низкий тембр, звуки, слова качнули воздух.

Сергей смотрел прямо перед собой в полном недоумении.

– Не узнал, конечно, – сказал шаман. – Помнишь наш курс? Мы ж учились вместе. Я – Эндэнэ. Вспомнил? Ну жить-то надо как-то, все ведь к чертям полетело в 90-х, вот и пришлось взять профессию от деда, он ведь у меня знаешь... Не переживай, будет нормально.

Варенников теперь узнал своего институтского приятеля. Эндэнэ из Сибири, да, это он. А тот словно отвечал на его мысли.

– Меня наняли, чтоб назад вас телами махнуть, но я решил сделать свой финт. Есть идея. Я всех усыпил, а тебя вывез, ты в надежном месте. Останешься в этом теле при бизнесе, только ты этот бизнес больше херить не будешь. Сейчас удобный момент – все конкуренты отпали и переключились на чувака, который в твое тело одет. Ты как бы вне игры. Но теперь я начну свою большую игру, и ты будешь моей главной фишкой.

– Слушай, я рад тебя видеть, но играть не хочу, – с трудом ворочая языком, сказал Варенников. – Я выхожу из этого. Хочу свою жизнь, свое тело, своих друзей, хочу пить водку и писать детективы...

– Грешишь, друг, – Эндэнэ сузил в усмешке и без того узкие глаза. – Детективы. Зачем умножать зло?

– При чем здесь это? – возмутился Александр. – Сейчас издают только детективы, спрос рождает предложение.

– А ты рождаешь зло.

– Да все это пишут, даже Ольга.

– Ольга пишет ироничные мистические детективчики, довольно добродушные. В них нет отрицательного заряда.

– А ты откуда знаешь?

– Знаю. На то я и шаман. Ладно, отдыхай, ты проделал большое путешествие в астрале, набирайся сил, дремли, а я

пока приготовлю тебе особый напиток, – сказал Эндэнэ и вышел из комнаты.

Александр осмотрелся. Он лежал на полу на ворохе полустлевших медвежьих шкур в маленькой комнатенке. На стенах висели непонятные предметы и пучки сухих трав. Остро пахло специями. Ему стало не по себе. Сделал попытку встать, но сил не хватило. Кружилась голова. Комната словно покачивалась, и он впал в забытие.

Очнулся он от грохота. Казалось, началось извержение вулкана, вспомнилась картина «Гибель Помпеи». Открыл глаза и остолбенел, хотя и так лежал бревном. «Звуки боевых действий...», – отметил он мысленно. В комнате было не продохнуть от едковатого густо-желтого дыма, окна повывлетали, и шкуры были усеяны стеклянным градом. Видимо, снаружи палили из пулеметов по квартире. Эндэнэ сидел возле окна в позе лотос, словно изваяние, похоже, он окаменел. Пули с лязгом отскакивали от него, как от чего-то чугунного. Он то ли полностью ушел в молитву, то ли в заклипания, или это был улет в медитацию. Но за окном вдруг все резко стихло, а спустя несколько минут прозвучало два мощных взрыва. Дом покачнулся, но устоял.

... Потом они куда-то мчались на «джипе», Эндэнэ ожесточенно крутил руль, они сворачивали, пролетали сквозь пустырь, опять выскакивали на трассу, пейзажи за окном мелькали как в калейдоскопе, они уходили на время от преследовавших их двух «мерсов» и «лексуса», но три машины

снова, как собаки, брали след...

Варенников полусидел на заднем сиденье, его трясло. От ужаса, от невыразимой жути он был бледнее труп.

«Джип» перелетел через бетонную плиту и птицей приземлился на широкую тропу, уходящую в перелесок. Александр стал впадать в какое-то непонятное состояние, начался уход в прошлое, в котором он попытался спрятаться. Но в чье прошлое – то ли это была память его души, то ли память мозга Сержика... Неясно. Его страх осел на дно сознания, а просторное, как чужая одежда, астральное тело отразило прежнее его существо и тот стародавний период, когда он частенько гулял по Арбату в обнимку с кокетливой пухленькой Леночкой.

Она, Леночка, застывала возле всех дельцов, торгующих псевдо-авангардной мазней.

– Какая гадость, Лен, идем отсюда, – оттаскивал ее он.

– Пусти, ничего не смыслишь в живописи, – вырывалась Леночка. – Это же авангард, философия подсознания, психофизическая связь цвета и формы!

– Ты бредишь, что ли ? – возмущался он.

– Девушка права, – встрял длинный тощий тип, торгующий картинами. – Этот вид искусства воспринимают люди интеллектуально развитые.

Леночка торжествовала. А он удрученно рассматривал изображение волосатой пятки с глазом посередке, смотрел на зеленый пупок со щупальцами, жадно пожирающий дома,

и бормотал:

– Ничего себе, если бы эти твари вдруг ожили и расплозились по улицам...

– Было бы очень весело, – щебетнула Леночка и шаловливо глянула на тощего типа. Тот осклабился, показывая желтые зубы.

Александр-Сержик пожал плечом. Ну стоит ли объяснять, что дисгармония в искусстве может привести к дисгармонии души и даже, возможно, к перекоосу в экологии, к неизвестным последствиям? Не отсюда ли полтергейст и всякие штуковины такого порядка... Или он что-то не понял?

– А ты, несчастный консерватор, молчи лучше, – сказала, как куснула, Леночка. – На творческий полет ты не способен. Интеллект тю-тю! Уровень не тот.

Может, она права?

В тот день они крепко поссорились, неделю не разговаривали, и в отпуск он ушел один – она не захотела. Она теперь увлеклась торговцем авангардом.

Годы юности, он только после армии, его по блату пристроили в НИИ, работа нравилась, курьер... любовь, Леночка, ссора, которая забылась в отпуске, там были другие...

Лето, родной НИИ, многоэтажка тускло отсвечивает голубым кафелем в грязных подтеках, в холле прохлада и сонный вахтер, которому все равно, кто входит и выходит, в подвале сырость, груды хлама и выводок упитанных комаров, на крыше в ненужной теплице растут заброшенные кактусы самых

причудливых форм, их никто не поливает, но им все равно хорошо. Ни в подвал, ни на крышу никто давно не заглядывает, разве что курьер от нечего делать, из любопытства, однажды. Заняты все очень.

Вот он, курьер, загорелый, в кремовых джинсах и черной майке, вернулся из отпуска. Лаборантка Леночка улыбнулась мило, как до ссоры, шаловливо и чуть виновато блеснула глазками и слегка покраснела. Но курьера это не проняло – что-то главное ускользнуло. Забылось. Только ноющая тоска по прежней Леночке, близкой и привычной, его первой после армии женщины, по всему тому, что он перечувствовал с ней, уже не вернется никогда, хоть из кожи вылезь, – эта тоска пару раз сжала душу...

– Завтра мы не работаем, тараканов травим, – сообщила Леночка, – все химией зальем.

– Вот как? – сказал он.

Сквозь миловидную оболочку девушки просвечивала другая, вдруг показалось ему, уже виденная однажды где-то в авангардной живописи форма, что-то вроде прожорливого пупка со щупальцами... Он зажмурился на миг, и вышел в коридор.

Химией заливать стали с утра. Раствор изобрел заведующий лабораторией, сверхядовитое средство сразу от всего – от тараканов, мух и комаров, зажавших коллектив, которых обычные средства уже давно не брали.

Работали в противогазах. Начали с подвала. Про теплицу

забыли. Туда и влез курьер Александр-Сержик, отдышаться и просохнуть после подвальной сырости и затхлости.

С упоением освободился от противогаза и спецодежды. Взглянул вокруг и... застыл в изумлении. Все цвело. Цвели кактусы! Большие ярчайшие цветы невероятных тонов покрывали игольчатые тела. Ну прямо авангард с Арбата! Курьера кольнуло воспоминание о ссоре. «Черт те что, может, Лена права, Тупой я, интеллект хромает? Ну нет, уж так, как они, и я смогу. Авангард, так авангард. Первый химик-авангардист к работе приступил!»

Он быстро приволок из лаборатории реактивы и, забыв надеть противогаз, принялся суматошно поливать кактусы. С упоением работал полтора часа. Устал. Присел на порог, отер пот, огляделся. Красота! Растения, тщательно орошенные, блестят и странно пахнут – не химическим средством, а по-другому, очень тонкий и настойчивый аромат, непонятный, неземной... От этого голова заболела и стало подташнивать, горло горько драло... Крупный кактус возле перегородки был похож на девичью фигурку в цветковой шляпке. Она была будто в игольчатом комбинезоне. Курьер взял керамический горшок с растением и бережно спустился с ним во двор...

Дома, пристраивая на балконе чудной кактус, он подумал, что комары из подвала поднимутся в теплицу и прекрасно там оклимаются, еще, чего доброго, мутировать начнут от воздействия неизученного реактива. Он же смешивал все

подряд, что под руку попадало. Это была совсем не та химия, которой обрабатывали подвал, там все было проверенное, созданное зав. лабом. А он, курьер, состряпал спонтанный реактив, да ведь вообще могло произойти что угодно, могла получиться взрывчатая смесь, и тогда хана всему! До него только сейчас дошло, что он натворил. Слава Богу, не взлетели на воздух... Но что-то может случиться. А может, и нет...

Отринув мысли, он занялся уборкой балкона, поставил там в угол кактус, потом перестирал накопившиеся майки, трусы и носки, замочил джинсы, принял душ. Потом, усталый, бухнулся в постель, уснул. Просто канул в сон, как в бездну. Без снов. Намертво. Так спят только в юности. А возможно, и в старости, не знаю, не дожила пока (тьфу-тьфу-тьфу, чтоб быть мне вечно юной и живой. Аминь.)

Вдруг среди ночи что-то внезапно разбудило его... Вздрогнул, разлепил веки, ошалело вглядываясь в темь.

Рядом с ним, на краю постели, кто-то сидел. Рука курьера потянулась к ночнику.

– Не надо! – женский голос властно остановил его.

Лунный свет просочился сквозь сбитую ветром штору и слабо осветил ладную девичью фигурку. Александр-Сержик поперхнулся от неожиданности. Слова застряли в горле.

Девушка была без одежды, совсем нагая, но в шляпе какой-то странной.

– Ну, здравствуй, мой похититель, – певуче произнесла

она.

У курьера пересохло во рту, язык прилип к гортани. Хотел ответить, но лишь промычал и закашлялся.

А девушка, чуть помедлив, сказала:

– Так что же это, умыкнул меня, оторвал от родных и близких, а теперь не признаешь даже? Как это расценить? Не думай, я не упрекаю. С тобой все ясно: молодой, горячий, не совладал с чувством. Вы, существа, живущие в большом аквариуме, постоянно подвергаетесь коррозии, влиянию времени и пространства, странные вы. Мне вас жаль. На родине я рассматривала вас сверху сквозь стекло. Любопытно, вроде ящериц бесхвостых на задних лапах. И без конца болтаете.

Девушка придвинулась к Александру, обдав его густым цветочным духом. У него голова кругом пошла. Зажмурился.

– Но ты мне нравишься. Так что я не в претензии, – добавила она.

Курьер протер глаза и сел в постели. И в тот же миг упал плашмя под тяжестью девушки, прыгнувшей на него. Она была горячая и колкая, будто вся – с кончиков ступней до самой шляпки – сплошь покрыта мелкими иголочками... Колкая и прекрасная... Никогда еще ему не было так хорошо... Казалось, внизу живота вспыхнул бенгальский огонь, осыпая все его существо искрами жгучего блаженства...

Лунный свет истаял, утонул в океане темноты. Александр, стиснутый колючей девушкой, опрокинулся на смятое одея-

ло. Незнакомка вдруг оттолкнула его, но тут же стала целовать быстро и обволакивающе, словно на доли секунд он проваливался в вакуум... Потом что-то жгуче и шквально прокатилось по его смуглым плечам, шее, губам, груди, животу... Раскаленные песчинки блаженства сожгли тело, вывернули и скрутили в тугую пружину его чувства, всю его мужскую суть, растворили и выплеснули его душу внутрь неведомого существа... Настойчивый запах неведомых цветов преследовал его во сне...

Утром девушки в комнате не оказалось. Александр обыскал всю квартиру – тщетно. Никаких следов. «Это был сон», – решил он.

Когда принимал душ, заметил, что тело сплошь покрыто мелкими красными точками кровотокащими ранками, будто спал с ежом. «Ни фига себе! Во сны снятся!» – удивился он.

День проскочил как обычно. На работу идти не надо было в связи с «санитарной неделей», так как НИИ основательно протравили и ждали результатов. И он отправился с другом в Тверскую область кататься на байдарке. А когда вернулся, в квартире что-то изменилось. Сам воздух был другой. Следы генеральной уборки, свежесть, цветочный дух.

«Что за фигня?!» – удивился он. – «Или это был не сон неделю назад? Бред какой-то»... Сердце екнуло.

Девушка пришла ночью. На этот раз все было по-другому. Он был в ней так, будто его вывернули наизнанку и подключили к высоковольтной линии. Его трясло, вся его мужская

суть искрила, мозги замкнуло, замыкание было в душе, в сознании, в сердце... Девушка смеялась и сыпала колючими шутками, которые отскакивали от его помутившегося разума... А под утро он стал одинок и измучен... Лишь холодная, нежилая какая-то чистота и цветочный запах, и колючка на полу впиалась в его босую ступню...

Целый день промаялся, слоняясь из угла в угол, его словно отравили. Повалился на постель, проспал до ночи, до встречи с ней... И опять, и опять... Потом она вскочила так неожиданно, что он ничего не понял, легкая и тонкая, скользнула в сторону балкона, как тень исчезла в проеме двери...

Потом была работа в НИИ, как всегда, но не как всегда – ему все стало по фигу, он ждал ночи... Он мучился... Он хотел знать о ней все... Но не получалось... Женщина-мираж... Она не отвечала на его вопросы, только мучила... Каждый раз с наступлением вечера Александр, дрожа от нетерпенья, решал: «Ну теперь уж точно добьюсь ответа, ну я ей устрою, если не будет отвечать, ну вот теперь она не отвертится у меня...» А под утро, истомленный и счастливый, думал: «А, в сущности, зачем? К чему ставить точки над «и»? Мало ли, кем она может оказаться? Потянет за собой проблемы... Нет, лучше уж не ворошить... Не хотела сказать сразу, и не надо. Может, у нее на то есть причины...»

Он ни разу не видел ее при дневном свете. Теперь она приходила без шляпы.

Потом начались холода. Алик перенес свой кактус с балкона в квартиру, поставил на кухонный подоконник. Он отметил с удовлетворением, что растение вписалось в интерьер причудливо и живо, размером оно стало почти с человека, большой цветок отцвел и осыпался, изменилась и окраска: стала зеленовато-матовая, русалочья, потусторонняя, иголки превратились в чуть жестковатые ворсинки, лишь на месте цветка они были длиннее и толще.

«Потрясающий эффект химио-авангардизма», – подумал Александр, и в пылу восторга поцеловал цветочный горшок. – «Ну я прямо Пигмалион! Во даю! Знай наших!»

Дождь размыл средневековые и просочился в дыры, проеденные – словно молью – химическим туманом, в котором тусовались обломки рухнувшей причинно-следственной связи... Средневековый храм болтался по улице, как некая дрянь в проруби, и скручивался в речную ракушку. Нарисованная на асфальте баба была не пуританка, а путанка с ошалелым взглядом, и в лохмах ее запутался сломанный крест... Окно сквозь зеленые пальцы герани украдкой заглядывало в глаза – цвета шоколада с примесью хны – горевшие на небритом лице мужчины... Коллектив НИИ изготовил коньяк и отмечал в лаборатории исчезновение насекомых. Комары спасались наверху, на крыше, в теплице, и, подыхая, сыпали серую крупу яичек в горшки с кактусами. В горячем химическом мареве теплицы жила комариная кладка, зрело непостижимое поколение комаров-мутантов, круп-

ных, диспропорциональных и жизнестойких... Они алчно пожирали малые растения и спонтанно скрещивались с мутирующими большими... Одинокими шумели первые кактумары – гибриды кактусов и комаров, колючие растения-насекомые, кровососы, летающие хищники. Первое, незрелое поколение копошилось в керамических горшках, лакало остатки реактивов в банках, забытых курьером, сосало сок старых погибших кактусов. Но генетическая память о вкусе крови уже пробуждалась... Дни свернулись в спираль и вворачивались в пространство, сквозь которое, дребезжа и качая вагонами, тянулась гирлянда трамваев. Коллектив НИИ на сей раз изготовил альмандинный спирт и стал отмечать юбилей, распахнув окна в очередное лето, никто не желал уходить в отпуск. И молодой курьер тоже. Сейчас он помчался домой, чтобы привести себя в порядок после беготни по жаркой пыльной Москве... Вошел в подъезд своей пятиэтажки, поднялся в квартиру, побрился, переоделся, распахнул балконную дверь, вынес туда – на самый солнцепек – свой чудо-кактус, и увидел за шиферной перегородкой соседа Жору. Жора – тридцатилетний девственник, закомплексованный и общающийся только с мужчинами, был добродушен, неповоротлив, на его круглом лице с пухлыми девичьими щечками почти не было подбородка, узкая полоска рта с блеклыми губами была тоже малозаметна, зато выделялись круглые желтые глаза, что придавало ему сходство с большой совой. В мужской компании он чувствовал себя легко и непринуж-

денно. А женщин побаивался. Александр в душе посмеивался над ним.

– Что это у вас за скульптура, Саша? – спросил Жора, перегибаясь через перегородку и разглядывая растение. – Афродита в цветочном горшке?

– Это кактус, – улыбнулся курьер.

– Да что вы! Он прекрасен!

Александр спешил. Он быстро вернулся в комнату, провел расческой по волосам, и выскочил из квартиры.

К празднованию слегка опоздал. Все уже сидели за столами, сдвинутыми буквой «Г». Шампанское, шипя и пенясь, лезло из бокалов, оно была ярко оранжевое. К розовой скатерти липли красные икринки. Салат – словно луг в снегу – утопал в майонезе. Деликатесы переливались и таяли на сервизных тарелках. Наступал черед более крепких напитков и горячих мясных блюд. В стеклянных графинах нежно пошверкивал спирт. Александр сел на свободное место рядом с лаборанткой Леночкой, раскрасневшейся от вина, с особенно блестящими сегодня глазами, с розовой лентой вокруг головы.

– А я специально для тебя место заняла, – доверительно сообщила Леночка, кокетливо повела плечиком, и вдруг...

– И-и-и!.. – издала она отчаянный визг и вскочила ногами на стул, лицо ее перекошилось от ужаса.

Вмиг оборвался шум застолья, и все обернулись в сторону лаборантки, перепугано утаптывающей каблучками сиденье

стула. Она уже не визжала, звук застрял в горле.

Все посмотрели туда, куда уперлась взглядом девушка. Александр тоже взглянул, и, вытаращив глаза, вскочил. На пирующий коллектив пикировали зловещие насекомые величиной с крупные кактусы. Это и были кактусы. Правда, они очень смахивали на гигантских комаров. Налитые, мощные, с игольчатым покровом и большим жалом, они выбирали жертву, целились, лениво взмахивая скошенными, как у «Боинга», крыльями.

Первой жертвой стала пухленькая Леночка. Вскрикнув, девушка упала замертво.

Научный коллектив взревел, словно взбесившееся стадо. И лавиной, все сметая, покатился по вмиг перевернутым столам и разбросанным стульям, по растекающимся и размазанным яствам... Все превратилось в хаос, в котором мелькали перепуганные землистые лица... В дверях забурился людской водоворот... Стали сигать из окон... Александр бросился на пол, откатился к стене, сработал армейский инстинкт. Вжался в бетонное перекрытие боком, накрыл голову руками... Быть раздавленным и размазанным как салат по паркету – противнее, чем смерть от кактумаров...

Он помнил только, как выскочил через запасной выход, про который все в панике забыли, как добрался до дома, как свалился на тахту и впал в забытье, как отлеживался сутки... Но все это было словно в тумане... будто и не с ним... Потом он выполз на балкон. Отдышался, слегка успокоился. Надо

привести в порядок мысли, полить кактус...

Но кактуса не оказалось. Горшок сиротливо скучал в углу. На влажной еще от вчерашнего обильного полива земле был отпечаток маленькой ступни.

«Чертовщина... Похоже, у кактуса выросли ноги, и он ушел... Продолжение того кошмара? Или я пьян?...»

Блекло-оранжевая муть затянула балкон, за перилами которого зернисто пучилось небо, головной болью вползая в горячий коричневый глаз на пятке сознания...

Предательская бодрость. Ненужная темнота. В эту ночь незнакомка не пожелала явиться. Долго ворочался, ждал, вставал и бродил по квартире, слонялся из угла в угол, зажигал и гасил свет, томился...

С улицы донесся женский смех, и голос соседа Жоры. Да не с улицы, пожалуй. Нет, это с соседского балкона.

Александр неслышно вышел, встал возле перил, там где перегородка, стал всматриваться. И увидел. Да это же...

Там, на соседском балконе стояла молоденькая девушка с короткой прической, с русалочьей кожей, с точеной фигуркой. Рядом с ней сосед-девственник Жора подставлял луне глупо-счастливое лицо... А может, уже и не девственник... Девушка перегнулась через балконную перегородку и, глядя на Александра, произнесла:

– Приветик! Ты все хотел знать мое имя. Так вот, меня зовут Леда. А теперь тащи-ка свой ликер, которым поливал меня. Разопьем уж.

От промелькнувшей догадки свело скулы, жесткая лапа ревности сжала душу. Но он выдержал это...

Всю ночь смаковали стимулятор «Авангард» в Жориной квартире. Задуревший и размягший душой курьер преподнес Леде забытый Леночкой халат и бижутерию. В мешковатом халате и аляповатых клипсах Леда казалась удивительной и пикантной. «Моя Галатея», – нежно плескались мысли, разгораясь и жарко опутывая душу, со дна которой поднималась злость на нелепое присутствие Жоры, на неприятный химический вкус напитка, на утро, неотвратимо вползающее в дом с распахнутого балкона...

Маслянистые лучи солнца заискрились на выпуклых боках канистры с «ликером», и сломались в бокалах. С тяжелым гудением в квартиру влетели кактумары. Сбили на пол канистру. Облепили лужу под ногами...

– Вас они не тронут, – зевнув, сказала Леда.

– Почему?

– Ну это уж моя забота. – Она потерла ладонью нос и чихнула. – Сквозняк здесь у вас...

Пространство вздувалось на сквозняке будто легкие шторы, раздвигалось и съеживалось, оно было подвижнее лабораторной ртути под нагревом... Воздух накалился, растягиваясь, как гармонь, он становился то разреженным, то загустевшем... Химическим маревом подернулось все вокруг... Зазвонил телефон... Никто не шелохнулся. Телефон раздражал. Курьер пнул под столом хмельного кактумара, ластив-

шегоя к ногам, и бросил в сторону Жоры жесткий комок слов:

– А ты, кретин, не понимаешь, что происходит?

– А что происходит? – спросил Жора, осоловело улыбаясь.

Синими папоротниками раскачивались комнатные цветы в горшках... Синеватые блики играли на узком лице Леды, чем-то сейчас похожей на Леночку. Может быть, просто именем: Леда, Лена. Все они твари еще те, – подумалось Александру. – От них всегда проблемы...

По полу пробежала какая-то химера вроде сороконожки и вскарабкалась на кресло. Это был большой пупок в венчике щупальц. Он жадно вцепился в подлокотник и принялся грызть, смачно чавкая. Жора налил жидкость из канистры, которая прыгала по полу, как лягушка. Воздух клубился, розовато сверкая краями и позванивая долгими гранями. Александр потрогал граненый воздух и посмотрел вверх – там за люстру зацепилась волосатая пятка с глазом посерединке. Глаз целеустремленно и хозяйственно уставился на стол. Александр подмигнул ему. Сквозь комнату промчался, дребезжа вагонами, трамвай, и исчез за балконом. Пятка по-кошачьи запрыгнула в вагон и помахала курьеру ресницами. Пупок успел откусить от трамвая дугу и, жуя, поволок ее за шкаф. Паркет шипел и пузырился, как прокисший рассол, вымывая прежнюю лаконичную и будничную быстроходно-трамвайную жизнь, предательски простую. Абсурд

бытия забродил и вытек из отжатого, будто мокрое полотенце, пространства... Внизу, под этажами квартиры, сухо трещал воздух, дымилась земля, начиналась Вечность...

Но не началась... Все вернулось на свои места, и все стерлось из памяти оставшихся в живых, все сначала, только на год раньше... – в игру вступили Великий Шаман и Мировое Шаманское Сообщество... Все вернулось... Но кое-что осталось. Осталось – не простое. Это Великий Шаман вял себе...

Александр вынырнул из прошлого, из своих юношеских воспоминаний. Его сознание включилось со скоростью компьютера «Интел» старого образца. То есть – не сразу. Компьютер глючило как от вируса, случайно залетевшего из инета...

– Хэлло, – обернулся к нему Эндэнэ, слегка поворачивая руль. – Радуйся, мы оторвались от тех придурков, пришлось сигануть сквозь портал. Мы переместились во времени, чуть-чуть, но этого достаточно.

– Вперед или назад? – голос прозвучал неожиданно сипло. – В смысле, кто я теперь, снова Александр Варенников, или Сержик, то есть, Сергей?

Эндэнэ ухмыльнулся и промолчал.

«Почему он молчит?» – подумал Александр, и неприятное сдавливающее чувство стало расползаться по внутренностям. – «Почему ухмыляется? Кто я, вдруг баба какая, или придурок с совиной рожей типа Жоры?»

Он сел и вытянулся, пытаясь рассмотреть себя в зеркале

заднего вида. Но компьютер его сознания основательно «завис».

Потом он осознал, что кем же ему быть, как ни тем, кто он есть.

За окном была ночь, светящаяся от огней реклам, витрин, фонарей, несущихся навстречу, прекрасная летняя ночь огромного города. Автомобиль мягко катил среди этого великолепия, и творческая душа Варенникова, упакованная в чужую оболочку, закайфовала. Он уже ни о чем не думал, полностью уйдя в созерцательность. Он жалел лишь, что не художник, что не может нарисовать все это. Художникам проще, – думал он, – у них гораздо больше возможностей, краски можно смешивать, фигуры рисовать как хочешь, а у писателей лишь слова, которых мало, фразами тонкие ощущения не передашь, и особенное настроение тоже рассказать невозможно...

Машина припарковалась у высотки на Садовом.

– Выходим, – сказал Эндэнэ, выключил зажигание и пробежал быстрыми пальцами по клавишам кода.

Александр неловко вылез из машины, потоптался, разминая затекшие ноги, и двинулся следом за приятелем. Вошли в просторный подъезд с цветами в горшках и охранником в вахтерской комнатке с телевизором. Поднялись на тринадцатый этаж. Эндэнэ отпер стальную дверь квартиры. Зажег свет в коридоре.

– Проходи.

Это было какое-то ковровое царство. Ковры были на полу, на стенах, на потолке. Как в юрте. Квартира-юрта. Тут не было люстр, торшеров, ламп. Только – подсвечники и канделябры. И всюду – лампадки. Странный интерьер. Прошли в комнату с камином. Александра удивило, что камин горел, а на столе, покрытом накрахмаленной цветастой скатертью, стоял поднос с горячими сырными тостами и двумя бокалами с белым вином.

– У тебя здесь кто-то есть? – спросил он.

– Никого. Живу затворником, – отозвался Эндэнэ.

– Но тут для нас уже постарались? – кивнул он на стол.

– Да нет, это так, само.

– Что, волшебная палочка, или слово знаешь?

– Вроде того...

– Понятно. Прислуга поработала, – догадался Александр. – Ты звонил из машины, кажется.

– Угу. Кажется. Бери, угощайся...

После ужина Александр спал, долго и сладостно. Снилось что-то радужное, из детства. Проснулся отдохнувший, в прекрасном расположении духа. Лежал с закрытыми глазами, шевелиться не хотелось. Потом лениво приподнял веки, и увидел посреди комнаты, на ковре, друга, сидящего в позе лотос. Он был погружен в медитацию. Его плоское скуластое лицо, разрез глаз нездешний, как у древнего атланта, лунный цвет кожи, все это, если присмотреться, несколько отличало его от обычного азиата. А ведь форма скул тоже иная, – за-

метил Александр.

Вскоре Эндэнэ вынырнул из медитативного состояния, и предложил позавтракать свежей дыней и арабским кофе. Все опять было приготовлено кем-то невидимым. Варенников, как ни старался, так и не уловил момента появления еды. Дыня была необычайно сочная и ароматная, кофе – бесподобный.

– Кстати, поговорим о делах, – сказал Эндэнэ. – Ты, конечно, не помнишь, да и не можешь помнить наш прошлый ход. Так вот. Мы с тобой поимели хорошие бабки.

– Помню, – неожиданно сказал Александр, и не узнал собственного голоса. В памяти всплывали отрывочные фрагменты, но так, словно то был и он, и не он в то же время. Свяжав все мысленно, он понял, что за дельце они провернули. Дельце на шесть миллионов зеленых. Ну да, была стрельба, охранника грохнули и двух телохранителей. Еще Кольку по кличке Беда уложили, попал под пулю, бедолага. Свой был парень, все тихо сокрушались. А вся заморочка была в латуни. Под шумок купили в воинской части несколько тонн гильз, уже обрезанных с концов и без патронов. Сделка произошла на границе, там орудовали свои люди. Товар продали немцам. Те расплатились налом и быстро погрузили все на самолет. Но потом, когда собрались «крутануть» полученные бабки, оказалась подстава.

– Ну вспомнил, значит, – усмехнулся Эндэнэ. – Только в то время сущность у тебя была другая. Ты был Сергей. И

ныне тоже. Запомни. Ты не Александр, ты Сергей. На тебе его оболочка.

– Она меня звала Сержиком, – вздохнул Варенников.

– Да забудь о ней, – резко произнес Эндэнэ. – Она не одного тебя как-то называла. Не верь красивым блондинкам.

– Да мне она и не нужна, – пробормотал Варенников. – Мне нужна моя жизнь, моя собственная судьба, и мое тело.

– Ты все получишь, и в придачу кучу бабок. Но надо их вернуть, – последнюю фразу Эндэнэ произнес с упором.

– А это сложно? – Варенников почесал затылок. – Что сделать-то надо?

– А ничего. Бабки были вложены в голубой бриллиант, очень редкий. И у этого камня есть имя: Энад.

– Странная кликуха. Что это слово означает? – спросил Варенников. Он слушал вполуха и отреагировал больше для приличия, чем ради любопытства. Он был поглощен тем, что пытался почувствовать себя Сергеем, которого он никогда не знал. Нет, теперь знал, но знал его словно изнутри. Он помнил какие-то моменты его жизни, некоторые его ощущения, в памяти всплывали путешествия, экзотические страны, сауны, массажные кабинеты, какие-то голые тайки скользили тренированными ягодицами и сильными ладонями по его расслабленному от кайфа телу, потом на морском берегу его натирали глиной... События тасовались подобно картам в руках шулера, и он чувствовал, что его поглощает этот Сергей и растворяет в себе. Ему стало страшно.

Все это время Эндэнэ пристально глядел ему в глаза и тихим низким голосом вещал про баксы, про бриллиант...

– Да, конечно. Я Сергей, – произнес Варенников словно сомнамбула. – Не Александр. Сергей.

Он механически поставил подпись на бумаге с печатями, которую протянул ему друг.

– Ну вот, теперь мы партнеры по бизнесу, – с видимым удовольствием сказал Эндэнэ, глубоко и гибко потянулся, и продолжил:

– Я подготовил загранпаспорта. Для нас с тобой. Завтра отправляемся путешествовать. По закордонному миру. С длительной остановкой в одном курортном городочке.

– И насколько длительной? – заинтересовался Сергей.

– А настолько, пока не надыбаем Энад. Тебе придется полностью пропитаться той закордонной жизнью, говорить как они, думать как они, чувствовать как они, разбираться в их жизни полностью и копать в ней, как курица в навозе.

– Что я, агент ФБР, что ли?

– Ты должен быть совершеннее любого агента. Судя по всему, бриллиант – в личном сейфе его доверенного лица. Не то мужчины, не то бабы. Оно, в смысле лицо, весьма осторожно. К нему трудно проложить ходы. Но ты, хоть и Сергей, почему-то не помнишь, кто это. Я прошерстил анналы твоей памяти. Не нашел. Информация закодирована, я так думаю. Я нашел личную жизнь каких-то американок, мексиканца, полицейского в твоей-его башке, но нет ничего про брилли-

ант. Пусто. Может, вспомнишь на местности, как говорится. А сейчас давай-ка прокатимся по магазинам и закупимся к путешествию...

Вероника Мэйсон с трудом очнулась от тяжелого сна. Ей снилась младшая сестра, Леонида. Детство, они с Лео плескаются в морской воде, и вдруг – шторм, и огромная волна уносит сестренку вглубь океана...

Лео всегда была импульсивна и прямолинейна, из детства это просочилось в ее взрослую жизнь. На каком-то курорте она вдруг познакомилась с русским, его звали, кажется, Сергей, у него был бизнес, вроде, полукриминальный какой-то, на родине. Она вложила часть своего состояния в безумную идею Сергея – в покупку бриллианта Энад. Его чуть не грохнули из-за этого камня, и она взялась надежно спрятать драгоценность. Из-за этого покинула Нью-Йорк, и переехала сюда, в этот маленький курортный городок, где жила и работала Вероника. Как Лео могла вот так, безоглядно, влюбиться в какого-то Сергея, гадала Вероника. Видимо, зов крови, ведь и у них были русские корни, прабабушка по маминой линии была русской княгиней. Конечно, она очень – очень рада, что сестра теперь рядом. Хотя за последние годы они как-то отдалились друг от дружки, стали почти чужими. Но теперь, возможно, все переменится. Все тот же зов крови должен сработать. Хотя, бывает, что и не срабатывает. Не у всех все гладко в жизни.

Она открыла глаза. Рядом лежал смуглый молодой мужчина. Как, кто? Ну да, она вчера крепко выпила в баре, она танцевала как безумная, кто-то ее обнимал... Но уж до такого напиться! Этого с ней еще не бывало. Может, ей подсыпали что-то в виски? Зачем? Кому она нужна? Нет, нет, просто тяпнула лишнего... Да, сейчас она припомнила, ее целовали, шептали на ухо, она, смеясь, отвечала, потом они катались в кабриолете по ночному городу, купались в море, обнаженные, лежали на ночном пляже, курили травку и хохотали, как два придурка, хохотали и хохотали от неумемного восторга и ощущения счастья... А сейчас она не помнит даже его имени...

Она высвободила из-под одеяла руку и погладила его густые темные кудри. Стала его разглядывать. Узкое лицо, широкий подбородок, темные брови чуть подняты вверх, мускулистые руки закинута за голову. У правого локтя сбоку татуировка – парящая в небе хищная птица.

Ну и кошка же ты, – сказала она себе. – Встретилась в баре с совершенно незнакомым парнем, и вот уже он в твоей постели. А что вытворяла на пляже, и подумать совестно!

Хаббл, – вспомнила она вдруг. – Его зовут Хаббл! Как можно позабыть его имя после всего?!

И она осторожно погладила его татуировку.

Мужчина открыл глаза, блестящие зрачки и радужка цвета свежей чайной заварки удивили ее, и отчего-то она смутилась.

– Не подумай плохо, я вообще в такой ситуации впервые, – произнесла она тихо.

– Не сомневаюсь, – ответил он и улыбнулся.

«Ему лет тридцать, не больше», – определила Вероника.

– Похоже, в ваших местах не слишком богато с развлечениями, – сказал Хаббл.

– Какие уж тут развлечения, – отозвалась она. – Лас-Косимас не Лас-Вегас. Но все же это не Богом забытое место. Здесь, все-таки, курорт. Так ты здесь недавно?

– Вторую неделю. Ты работаешь дизайнером? – поинтересовался Хаббл. – Интерьер бара, это ведь твоя идея?

– О, я уже столько успела тебе наболтать? – удивилась она. Да, хорошее вино развязывает язык, – подумала Вероника.

В последнее время ее тянуло к выпивке, видимо, сказывались далекие русские гены. Сестра тоже неплохо относилась к винам и коктейлям.

Эти мысли были ей неприятны, и она встряхнула головой, словно пыталась вытряхнуть их напрочь, отчего длинные каштановые волосы рассыпались, упав на плечи и лицо. Она не стала их смахивать, просто потянулась к пепельнице, где лежал недокуренный «косяк» с марихуаной, шелкнула зажигалкой, и с наслаждением медленно втянула дым.

– Не кури больше эту дрянь, – сказал Хаббл.

– А мне нравится, – ответила она, и, снова затянувшись, рассмеялась.

– Смотри, «подсядешь», потом перейдешь на иглу, и все, конец тебе придет.

– Да я уже давно этим балуюсь, и ничего, – игриво сказала она, села и спустила с постели ноги. – Мы с тобой курили это на пляже ночью вместе, забыл что ли? Или мы, по-твоему, что-то другое курили?

Она откинула простыню, которой прикрывалась, и потянулась, глубоко прогнувшись. Он скользнул взглядом по ее тугому плотному телу с узкой талией и крутыми боками, по широким бедрам. Она нравилась ему все больше. Большая грудь с длинными торчащими вверх сосками с тоненьким венчиком темных волосинок особенно возбуждала его. Ему нравилось ее рассматривать, и она видела это. Она повернулась к нему и, поддразнивая, показала кончик языка, потом быстро провела им по губам.

– Ах так, вот ты какая! – весело воскликнул он. – Так я тебя проучу! – он схватил ее за плечи и швырнул на постель. – Я возьмусь за твое воспитание!

Она почувствовала жгучий вкус его шальных поцелуев...

Тело молодой женщины было найдено вечером. Она лежала возле крыльца своего дома, неестественно выгнувшись. Пуля застряла в солнечном сплетении. В спутанных волосах торчал тонкий стебель колючего растения. Блузка намокла от крови и дождя и прилипла к телу.

Возле полицейской машины собралась группа зевак.

– Огнестрельное ранение, один единственный выстрел, – сказал полицейский напарнику.

– Да, вижу, – отозвался тот.

– Могу поручиться, она умерла мгновенно.

– Похоже, что так, – поддакнул напарник, и достал пачку сигарет.

Полицейский нагнулся и осмотрел тело.

– Ограбления не было, – бросил он, заметив золотую цепочку. – Может, сводили счета? Убийство на личной почве?

– Давненько у нас не случалось подобных штук, – сказал напарник, и выпустил из губ колечко дыма. – Что творится, не пойму.

Зеваки все прибывали. Пожилая афро-американка в бейсболке, крутившаяся возле полицейских, проворчала:

– Что тут не понять, все ясно, русские приперлись на отдых. Позавчера два типа в отель вселились. Теперь замучаетесь трупы собирать. Я уж знаю, не первый год в отелях работаю.

– Вы что-нибудь видели? – обернулся к ней полицейский.

– Я знаю убитую, – ответила она

– Ваше имя?

– Мэгги Малз.

– Откуда вы знаете убитую?

– Я соседка ее. А ее звать, то есть, звали, Лео. Леонида Мэйсон. У нее еще сестра есть. Тоже здесь где-то живет. В нашем городе.

– Хорошо. – Полицейский протянул ей визитную карточку. – Придете в участок для дачи показаний. Расскажите все, что знаете.

В это время еще трое полицейских вышли из дома.

– Ну что там? – крикнул им помощник.

– Следы борьбы. Все перевернуто. Что-то искали. Ее убили дома. И вынесли во двор.

– Не логично.

– А в преступлениях вообще мало логики.

– Ты смотри, на теле следы от веревок, – склонился над убитой эксперт. – И синяки. Из нее выбивали информацию...

– Шериф звонил, сейчас подъедет.

Сергей и Эндэнэ прибыли в Лас-Косимас в марте. До этого они три месяца путешествовали. Маршрут выбирал Эндэнэ, и Сергею он казался странным. Они побывали в Испании, Италии, Греции, Англии, две недели – в Венеции, несколько дней – в Париже. В Лас-Косимасе задерживаться было стремно, так как городок «лихорадило». Странная волна убийств прокатилась по этому курортному местечку, убийств бессмысленных и нераскрытых. В квартирах и домах жертв все было перерыто, даже подушки и одеяла вспарывал неведомый маньяк. Или не маньяк Убивали, казалось, случайных людей. Подозревали бразильца русского происхождения, некоего Леонида Солнышкина, который застрял

теперь здесь по подписке о невыезде, и которого без конца допрашивали. С ним была подруга, Валентина, оказавшаяся в том же неприятном положении, весьма нервная особа.

В день приезда Сергея и Эндэнэ было найдено тело Вероники Мэйсон, высокой молодой и довольно милостивой шатенки. По местному телевидению показывали ее фото и рассказывали о том, что ее сестру Леониду постигла та же участь месяцем раньше, показывали фотографии, где обе женщины вдвоем, улыбаются... И Сергей вспомнил... Он вспомнил все.

У них был оглушительный роман на Кипре. Он, Сергей Азовцев, готов был жениться на Леониде Мэйсон. Но она сказала – «Не сейчас». Потом у них появился план. И был голубой бриллиант, его они намеревались продать дороже, и был покупатель. Но они не спешили. Цена росла. Бриллиант Энад лежал в ячейке банка. Леонида обещала не забирать его без ведома Сергея.

Он чуть не взвыл, узнав о ее гибели. Первым позывом было тут же позвонить в полицию и все рассказать. Но Эндэнэ тормознул друга.

– Спятил, что ли? «Загребут» и «повесят» на нас труп.

– Нас же не было.

– Это не алиби. Мы русские. Скажут, банда, припишут нам Солнышкина и его Валентину как исполнителей заказа. Знаешь, с каким страхом относятся к русским, мы во сто раз хуже Коза-Ностры в их глазах. Лучше поднапряги-ка память

еще раз, может, вспомнишь еще что?

– Нет, ничего, кроме того, что я, Сергей Азовцев, охрени-тельно любил Леониду Мэйсон, и что каким-то боком зна-ком с Солнышкиным, будь он неладен. Надо бы вытащить его из этой ситуёвины как-то.

– Он сам выскользнет вместе со своей телкой.

– Откуда ты знаешь?

– Прошаманил ситуёвину, – широко улыбнулся Эндэнэ, обнажив свои крупные желтоватые зубы.

– Ну тогда прошамань насчет Энада, – предложил Сергей.

– Да знаю я все. Но будущее можно изменить. Надо пере-хватить Энад на полпути к финалу.

– Что? – не понял Азовцев. – По пути к чему, ты сказал?

– К будущему. Пока бриллиант не попал в Москву, в руки Ольги, и она не фиганула его в мощи Магдалины.

– То есть как это?

– А просто. Верующие жертвуют любимым святым свои драгоценности. В храмах, где есть мощи в таких небольших гробницах под стеклом, ежели ты был и видел, там лежал золотые кольца, цепочки, перстни, и т.д.

– И не грабят это?

– Случается. Но редко. Грабители святынь всегда очень плохо кончают.

– Что, действительно?

– Я тебе говорю.

Сергей крепко потер виски, и пробормотал:

– Чертов этот Солнышкин с его чертовой Валентиной.
Эндэнэ усмехнулся.

– При чем здесь Солнышкин, при чем тут Валентина.

В это время Валентина, или просто Валюха, сидела в своем номере в глубокой депрессии. И перебирала в памяти всю свою жизнь. Где-то она допустила ошибку, за которую теперь страдает. Где? Может, когда перебралась из деревни в Москву и узнала Солнышкина? Сначала не обращала никакого внимания, неинтересен был, безработный алкаш, хоть и москвич. Московская прописка – это дело, но коммуналка ее не очень-то прельщала. Искала лучший вариант, тусовалась где попало, а попало – к художникам и странным людям. Самым странным оказался Леня Солнышкин, такой финт сделал! Из безалаберного придурка с бредовыми фантазиями превратился вдруг в иностранца, бразильского подданного, причем с деньгами. И Валентина согласилась... Может, не надо было? Ничего не надо? Остаться в своей Лосевке, в своем родном селе с рублеными избами, крашеными в желтые, синие и зеленые цвета, с шиферными крышами. Тут Валя увидела себя и свою прошлую сельскую жизнь как бы со стороны. Вспомнила тот год, когда умер с перепоею муж Витька. Самогоном отравился.

Валя Лосева жила в том доме, который однажды был синим, но в то лето у нее корова сгорела – в лесу пожар был. После этого несчастья она перекрасила его в желтый. Сама

она была невысокая, жилистая, с выгоревшими русыми волосами, вечно пыльными и забранными в хвост, с небольшими узко поставленными серыми глазами и довольно крупным ртом. Зато носик у нее был аккуратный, точеный, и это придавало ее лицу что-то неуловимо миловидное.

Сейчас она почему-то подумала о том дне, когда продала дачникам десяток яиц, и зашла в продмаг. Хлеб не завозили, сразу же поняла она, принюхавшись и метнув привычный взгляд на скучное лицо Вали Карасевой за прилавком.

– Здорова живешь, – поприветствовала Валя Валю.

– День добрый, – отозвалась Валя-продавец. – Куда ходила?

– Да яйца продала. А купить че? Ни мяса те, ни сыра, одни консервы, и все дела,

– Не бери, банки вздулись. Стой, Валь, че я те сказать хотела. Да, Валь, свинья твоя опять убегла, на помойке с собаками дерется.

– Ах она, тварь такая! – всплеснула руками Валя Лосева, которую муж ласково называл Валюхой, да где он, муж, опять, небось, где-то пьяный валяется... – Ах она, тварь перелетная.

«Перелетной» свою свинью Валя ругала потому, что та очень ловко перелетала через забор, удирая со двора. Стоило Валюхе отойти от дома, как Манька вышибала дверь хилого сарайчика, в котором ее запирали, вылетала во двор – словно стрела из арбалета – и с размаху «брала барьер» как

заправская овчарка. Манька была поджарой жилистой тварью (свиньей ее трудно было назвать), по-собачьи обросшей шерстью, с характером бойца. Наверно, ее надо было держать на цепи вместо сторожевого Базлая, старого Валиного песика, добродушного увольня. Базлай как огня боялся Маньку, свирепую и кусачую. Ее боялись многие собаки, рыщущие на помойке в поисках костей и каких-нибудь протухших кусочков. Однажды Манька яростно дралась с десятком собак, кусала их, пыталась затоптать, потом вырвала из собачьей гущи большую кость и помчалась с ней по задворкам мимо картофельных полей, а собаки гнилились за ней по пятам. Манька боялась только хозяйку, потому что Валя каждый вечер лупила ее палкой по впалым ребристым бокам. Видимо, Манька была разновидностью каких-нибудь бойцовых свиней, случайно попавшей в российское село, где никто не мог оценить ее выдающихся достоинств. Где-нибудь за рубежом она наверняка принесла бы своим хозяевам кучу призов и хороший капиталец.

Валя палкой загнала свинью в сарай, а дверь забила гвоздями.

– Ну, теперь не уйдешь, – пробормотала она.

Вечером к ней заглянула мать – она жила через два дома в сторону старого колодца, в котором прошлым летом утонула овца Гусевых. Не тех Гусевых, у которых ребенок на смерть обварился, а тех, которые трактор в складчину купили со всей их, гусевской, родней.

– Валь, наши-то в город завтра собираются, спрашивают, не поедешь ли, а то машина пустая?

– Поеду-поеду, а то как, надо мясо прикупить, не резать же своих несущек. А вы, маманя, тут за домом приглядите.

«Наши» – брат Коля с женой, – иногда с собой на машине кого-нибудь из соседей прихватывали за плату, «оправдывали» бензин. А если машина свободна, то приглашали Валью. Коля, он шустрый. Как школу кончил, так из села и уехал. В район укатил. Там в техникуме учился, работу в городе искал, да на городской и женился. Свадьбу, конечно, здесь отгрохали, все село гуляло! Теперь Николай, на зависть местным соседям, ух как живет! В городе у него квартира с ванной, с плитой, да еще и с батареями! Ни тебе печку топить, ни дров запасать, ни с огородом надрываться да с живностью. Рай, и все дела! А какие там магазины, там – все, как в кино! И работа у них чистая, и зарплаты хорошие. И все у них есть. Сказка, во жизнь! Так размышляла Валя, трясясь в машине на заднем сиденье рядом с Ирой, «братней» женой, добродушной белолицей толстухой. Ира была старше золовки, но выглядела моложе, как, впрочем, многие городские. Валя списывала это на разные условия жизни, и от этого ей становилось горше и жалче себя. О счастливой городской жизни думала Валя и потом, сидя в горячей ванне и ожесточенно растираясь мыльной мочалкой. И за чаем в уютной кухоньке с яркими шторками на окнах. Все десять лет, как Колька женился на Ире, и она гостевала у него, думалось ей об

этой потрясающей жизни, которой лично Валю судьба, почему-то, обделила. А Коля с Ирой свою жизнь воспринимали как должное, и ничего особенного в ней не усматривали. Летом они приезжали в Лосевку на дачу, в дедов дом, и восторгались чистым воздухом и природой. В огороде не работали, а только гуляли за грибами да купались, или в карты дулись на крыльце. Раньше Валентина никогда ни о чем не задумывалась. Жизнь была у нее поспешная, мысли со свистом проносились в ее девичьей головке, не успевая оставить зарубку. Выскочила замуж, родила, схоронила двоих детей, надорвалась на работе и больше не рожала, да и к лучшему. Муж Витька пил, как почти все мужики в их селе. Как пили ее отец, дед, дядья, соседи. Вот Колька не пьет, видать крепко его Ирка держит, да и работа у него интеллигентная, городская, пить стыдно. Колька стал умный и важный, рассудительный. Не чета деревенским-то. Детей они с Иркой заводить не хотят, для себя живут. «Городская жизнь, она такая», – размышляла Валя, носясь по магазинам. – «Че там делать-то? Придешь с работы, и сиди себе у телевизора, слушай всякие умности. Не хошь, а все разуму наберешься»...

Она купила крупу, консервы, кур потрошенных, еле доволокла сумку до братнина дома. Пообедав, стала торопить брата в деревню. Забеспокоилась за хозяйство, хорошо ли присмотрела мать за живностью, полила ли огород, не натворил ли спьяну чего Витька. От этих мыслей Вале стало неуютно. А Коля с Ирой не спешили. Погода портилась, и

в деревню их не тянуло. Они заверили Валу, что завтра уж непременно приедут, отговорившись на сегодня какими-то делами. Пообещали даже сумки ее на балкон поставить, чтобы продукты не заветрились.

– Завтра чуть свет выедем, в шесть утра уже твои сумки привезем, так что езжай налегке и не думай.

Валя надулась, и поспешила на автовокзал. Сердце сжималось от обиды на родню, но больше на свою жизнь. «Ладно, я им покажу, я себе такую жизнь устрою, все сдохнут от зависти!..» – думала она, не особо веря в благосклонность судьбы, но все же вспоминая сказку про Золушку.

Брат с женой приехали лишь через неделю, к Валиным именинам. Занесли ее сумки, пообещали нагреть вечером в гости, сказали, что идут купаться, посоветовали и ей ополоснуться. Да куда ей. Дел не в проворот. Она лишь вздохнула. Затащила сумки в избу, распаковала. Из сумок неприятно запахло. Валя так и ахнула. Куры были склизкие, с прозеленью. И душок от них шел какой-то не куриный. Вале вспомнился запах сыра рокфора. Ей страшно было подумать, что продукты испортились. Но она успокоила себя: «Рокфор же едят, он дорогой по цене и тоже зеленоватый. Пикантный. Значит, и куры пикантные. Как раз и угощу своих, раз они приложили руку к пикантности курей». И она сноровисто промыла кур и подержала тушки в отваре крапивы на всякий случай. Потом разрезала их вдоль, как цыплят табака, бросила в шкворчащее на сковороде масло, по-

солила, поперчила, и засыпала мелко порубленными листьями чеснока, петрушки, сельдерея, кинзы и тархуна. Добавила листья черной смородины, огуречной травы, помидоров. Через полчаса кухню заполнил вкусный аромат дорогого ресторана. У Вали аж слюнки потекли. Она слегка сдвинула крышку, и занялась винегретом и закусками. Слазила в погреб за солеными помидорами и огурцами, за маринованными грибами. Достала из потайного места за сервантом банку самогона. А из-за комода – три бутылки водки. Радостное ожидание гостей омрачило лишь сомнение: куры-то все же несвежие, не отравить бы родню. Хоть и тщательно промытые да сильно пережаренные с приправами, все же... А, ничего. Авось. Ведь желудки у Лосевых крепкие, да еще под самогончик... А вдруг? Вот будут именины, ежели всех пронесет, ничего себе, поспразднуют, вот так праздничек...

Гости не заставили себя долго ждать. Принесли с собой коньяк и красное вино – «для дам», и конфеты к чаю. Вскоре пришел с работы муж, Витька. Он на тракторе работал в те дни, и почти не пил. За ним чуть не следом – мать с сестрой. Потом нагрянула другая родня, соседи, подружки, поздравляли, дарили подарки (в основном нужные в быту вещицы), усаживались за стол. Валя сновала из кухни в комнату и обратно, подавала, убирала, приносила, уносила. Ей помогали мать с сестрой и немножко Витька. А Колька с Иркочкой сидели как господа, и это особенно задевало Валю. «Вот животы-то у вас заболят», думала она, притомившись. «Мне, именин-

нице, и присесть некогда, а они нет чтоб помочь, и в ус не дуют, ишь, барствуют». Коронным блюдом оказались куры. Гости ели да нахваливали. Валя успела схрупать на ходу вкусное поджаристое крылышко. Сесть и поесть толком именинница никак не успевала – подбегала к столу лишь, когда проносили очередной тост. Очень уж много еды она наготовила, приходилось подогреть остывшее, доделывать на ходу и перекладывать в сервизные тарелочки винегреты и салаты, подкладывать маринады и соленья. Валя любила стряпать и угощать, кулинария была ее коньком. Вообще она была личностью азартной, увлекающейся, и порой теряла всякое чувство меры. Работать – так работать, гулять – так гулять, все до упаду. С мужем ругаться – так вся изба ходуном ходит и село гудит. Зная это, муж, захмелев, тихо убрался на сеновал. Валя унесла последнюю смену тарелок лишь после того, как гости принялись чаевничать. Мать с сестрой разливали по чашкам цейлонский. Посреди стола красовался огромный торт, и несколько вазочек с пирожными дополняли картину. Валя присела на табуретку, окинула хозяйским взглядом стол и сытых пьяных гостей, и только тут поняла, как она устала. Хотелось пить, но не горячего чаю, а простой холодной воды. Кружка с водой оказалась прямо перед ней, и хозяйка залпом опрокинула жидкость в рот. Горло ожгло, Валя отчаянно закашлялась, покраснела как ошпаренная, из глаз брызнули слезы. Она качнулась на табуретке, и чуть не упала, вовремя удержавшись за край стола. В кружке был

первач, принесенный кем-то и забытый. Придя в себя, Валя мстительно глянула на гостей. Но тем не до нее было. Гости, размягшие от хмеля, с головой ушли в захватывающие местные разговоры и добрососедские разборки. Женщины взахлеб обсуждали, кто у кого спер в бане нижнее белье: почти новый лифчик и панталоны. А мужчин интересовала политика: сколько чего сперли у государства члены правительства и почему продали за кордон. В сравнении с этим их собственное воровство у дачников, друг у друга и у самих себя (точнее, у собственных жен) казалось до того жалким, что мужики от досады аж кряхтели. Воровской размах правительственной верхушки их восхищал, а политические сплетни по телевизору были их любимейшей передачей. Доходы правительства мужики пытались измерить в местной валюте: в литрах самогона. Получалось много! Таким образом, всем было не до хозяйки, отнюдь. Валя разобиделась на гостей, встала и, хлопнув дверью, вышла из избы во двор. По привычке она направилась прямо в огород. На грядках оказалось воронья видимо-невидимо – наверно, хитрые птицы понимали, что раз в доме гости, то хозяйке не до огорода, и никто их не потревожит. Валя от такой птичьей наглости возмутилась до глубины души.

– Кыш, твари перелетные! – гаркнула она.

Вообще-то, вороны – твари оседлые. Наверно, поэтому они не приняли на свой счет Валины слова, если вообще поняли. А может, просто из-за присущего им нахальства воро-

ны отреагировали так вяло: лениво оглянулись, продолжая разрывать лапками грядки. Валя потянулась за палкой. Но палка отбежала от нее, точно живая.

– Чтоб ты! – пробормотала Валя и, сделав несколько неверных шагов, пьяно рухнула на собачью будку. Из будки с визгом выскочил перепуганный Базлай и бросился в избу, поджав хвост и нервно прижав уши.

«Кто ж его с цепи снял?» – шевельнулась мысль. Оглянувшись, она увидела свинью Маньку в собачьем ошейнике, прикованную цепью к сараю, почему-то. Манька азартно скалилась на разгуливающую возле самого ее пяточка сытую ворону... На следующий день Валя узнала, что весть о ее кулинарных способностях вышла аж за пределы родного села. А от «курей» все были в полном восторге, и никто не отравился. Пронесло только свинью Маньку, которая объелась куриными костями и другими остатками пиршества. А вот кто посадил свинью на цепь, выяснить так и не удалось. Впрочем, Манька так и осталась жить на привязи в качестве охраны, вместо Базлая, который вскоре после того исчез. «Куда запропастился старый пес, ведь на шаг от конуры не отходил, когда с цепи спускали», – недоумевала Валя. Сильно огорченная – она даже не ожидала от себя таких переживаний из-за собаки – Валя принялась искать своего питомца по селу. «Не подох ли уж?» – думала она. – «Или его Манька слопала?» Но вечером, возвращаясь с реки с ведром выстиранного и выполосканного белья, она встретила золовку. Та осоло-

вела от долгого купанья. Заходящее солнце еще припекало, было душно.

– Не видала моего пса?– спросила она безнадежным тоном.

– Нет, Ва... – начала было Ира, и осеклась, увидев странную волну, которая выкатилась на дорогу. Многоцветное колышущееся нечто текло в их сторону – так, по крайней мере, казалось издали. Потом стало видно: это полчище собак. Тьма, псовое нашествие!

– Что это?

– Собачья свадьба. Отойди, покусаят, – предостерегла Валя.

Женщины отпрянули за кусты дикого шиповника. Собаки приближались. Впереди шла маленькая кудрявая сучка дворовой породы. За ней, шагах в двух, катилась собачья орда – псы всех размеров и мастей, кудлатые, гладкие, породистые и нет, огромные, средние, крошечные, и откуда их принесло столько! Сзади всех, порядочно отстав, с трудом ковылял старый Базлай, небольшой гладкошерстный песик, серый с проседью. Спина его при каждом шаге прогибалась, голова тряслась. Казалось, он того гляди упадет.

– Базлайка, миленький! – бросилась к нему Валя, быстро подхватив на руки. – Тебе-то что тут надо, а?

Песик благодарно лизнул хозяйку в подбородок.

Дорога тянулась вдоль холмов, поросших крупными ромашками, колокольчиками, высоченными алыми свечами

Иван-чая. Все это поникло от зноя, пожелтевшая трава клонилась к земле. По дороге уплывала собачья стая, исчезая за холмами...

Почему-то именно этот клочок давней жизни вспомнился сейчас Валентине в американском курортном городке Лос-Косимас, такой привычной, и такой своей жизни, родной и безоблачно ясной, и от жесткой ностальгии она заплакала.

Она решила больше не думать о прошлом. Не вспоминать. Думать надо о хорошем. Вот, она и не мечтала никогда попасть за границу. А теперь побывала в таких местах, о которых раньше и не слыхивала.

И тут ей вспомнилась гостиница, и в холле – убитая девушка в луже крови, ее застрелили в тот момент, когда они с Леней выходили из кабинки лифта. Валя видела, как девушка падала, как заколка отлетела прямо к лифту. Валя нагнулась и подобрала, автоматически, по деревенской своей привычке, чтобы добро на дороге не валялось. Потом уже она рассмотрела – заколка большая, странная, с какой-то выпуклостью сбоку, и тяжеловатая для пластмассы, словно камень в ней какой... Позже пришел страх – ведь улика. Но выбросить не решилась, кто ж добро-то выкидывает, она ж, заколка эта, денег стоит. Ничего не сказала Солнышкину. Спрятала. Но на душе было тревожно. Хотелось домой, в Россию, в Лосевку, где отродясь убийств не бывало. Там она уж пять лет не была. Жизнь так закрутила, что редко вспоминала. А вот сейчас стала думать каждый день. И, как ни странно, тревога

отступала, когда мыслями погружалась она в прежнее...

Так хотелось домой, извелась вся, но подписка о невыезде не пускала. Вызывали на допросы, и она, уже неплохо изучившая разговорный английский, напряженно вслушивалась в обыденные переговоры полицейских. Убивал не маньяк, догадалась она, просто искали что-то. У нее холодок по спине пробежал. Что искал преступник? Ну уж наверняка не пластмассовую заколку. Хотя, в эти дни ей стало казаться, что за ними с Леней кто-то следит. «Нервы», – успокоила она себя, – «просто нервы сдают. Ну ничего, лишь только все кончится, сразу же вернусь домой, в Лосевку. То-то радости будет, всем подарков привезу, а сколько разговоров-то, сколько мне всего понарассказывать-то надо, это жизни не хватит. А то думают, небось, возгордилась Валюха... С Леней приедем, вместе, уломаю уж его...»

Но проклятая заколка вызывала у нее почти мистический страх. «Ладно, вот вернусь, подарю ее кому-нибудь. Она такая необычная. Не надо будет на подарки тратиться лишний раз».

Эта привычка экономить на всем, вплоть до мелочей, осталась у нее еще с прошлой деревенской жизни.

– Мое настоящее имя длинное: Эндэнэ Юынгны Эсадан Друанадо. Никто не может запомнить, да и незачем, – сказал он и протянул другу пиалу с серебристой жидкостью. – Попробуй этот напиток.

– Чай? – спросил Сергей.

– Не совсем. Отвар особых травок. Обалденный кайф. Возврат в прошлое. Освежает память. И через прошлое получишь откровение будущего.

– Зачем это мне? – удивился Сергей.

– Так надо, – заверил шаман. – Я тоже это выпью. Не вредно. Приятный напиток. Просто поговорим.

– О бриллианте? – догадался Сергей.

– Может быть. Еще не знаю. Может, нащупаем подход к нему в прошлом. – В глубине его глаз странной формы, напоминающей раздвоенную волну, зажглись золотистые огоньки.

Они отхлебнули жидкость почти одновременно. Вкус приятный и необычный. После второго глотка Эндэнэ откинулся на спинку кресла, и сказал:

– Ты выдержал гром своего прошлого и молнию настоящего. Доверься ветру будущего, и твой разум приведет тебя к цели.

– Это из Конфуция? – спросил Сергей.

Эндэнэ рассмеялся.

– Нет, из фильма.

– Из какого?

– «Американский самурай».

– А, да, смотрел, – сказал Сергей и залпом допил жидкость.

– Э,э, не так быстро, – одернул его шаман. – Ты чего, так

нельзя.

– А мне понравилось, – заявил Сергей, и расхохотался. – Веселенький чаек. Налей еще, а?

– Тебе хватит, – сказал Эндэнэ. Он медленно отхлебнул из своей пиалы. – Ну чего ржешь, что вспомнил-то?

– Армию. Я в Абхазии служил.

– А, в Абхазии. Там где «дурь» растет, – засмеялся в свою очередь шаман. – Слышал. «План».

– Ага. Ганджубас. «План» просто термоядерный. – Сергей потянулся за сигаретой. – С одной самокрутки, которую на пятерых смолили, прикинь, всего с одной только самокрутки, народ вышибало в лежку. Нет, ты не думай чего, я это, все там, ну ты понимаешь... – он закашлялся, тряхнул головой, потер затылок. – Я чо говорю... А, чо я говорил-то... Ну да, прикинь... С одной, значит... народ вышибало в лёжку. Мне это было неинтересно – я один раз попробовал, прокашлялся и послал всех с их «планами» подальше. Зато смотреть на обкурившихся – прямо цирк. Да нет, круче. Таких номеров ни в одном цирке не показывают. Помню, один контрактник наш укурился, лёг на носилки и задвинул нам монолог об умирании. Жалко, не было у меня диктофона тогда. – Сергей опять расхохотался. – Это было так натурально, что я уже не знал: смеяться мне или плакать. Он лёг на медицинские носилки, и его понесло: «Я умираю... Я знаю, что я вот-вот умру. Я чувствую это. Мне страшно. Возьми у старшины мой домашний адрес, напиши моей маме, что я её люблю... На-

пиши моей девушке, что я её тоже очень люблю, но напиши, что я умер геройской смертью. Я чувствую, моя смерть уже в этой комнате, вот она стоит, башка у нее рогатая, как подводная мина... А-а-а! Она идет ко мне...» И так минут сорок, а то и больше. И всё так натурально, так трагично, прямо Шекспир! Или сидят двое наших под «косяком». Один другому орет, показывая на центр комнаты: "Фикса, смотри, самолёт летает!". Фикса вскакивает, начинает махать ногами и руками в попытках сбить этот самолет, под вопли: да гаси его, блин, попал, добей его, добей, аaaa, блин, улетел..." У меня была громкая истерика со слезами и соплями. Такой номер надо бы на видео заснять бы... – Он поджал ноги, и выпустил изо рта струйку дыма. – А знаешь, как я брал у Родины тот долг, который отдавал уже более полугода...

– Ну и как? – поинтересовался шаман.

– А как мог, так и брал. Скажи мне, где ты работаешь, и я скажу, что ты несешь. Так и мы. Что я мог нести, водитель и санитар в одном тельце? Конечно же, для себя и друзей витамины и глюкозу, ну и для повышения своего благосостояния – бензин на продажу. В Абхазии был топливный кризис, поэтому бензин там скупали бешено, спрос был опофигительный. Литр – три тыщи (в России он стоил 2500). У меня два бака, по 105 литров каждый. Итого-210. Чтобы мне скататься в госпиталь в Адлер или Сочи, хватало одного бака. Но заливал я всегда два. Следовательно, один бак ку-

да? Абхазам конечно, для улучшения топливной обстановки во время топливного кризиса в стране. 100 литров – это триста тысяч. А в Сочи я ездил минимум два раза в неделю, максимум четыре. Да и остальные дни я тоже списывал бензин, не сто литров за день, но 40 точно. Вот и посчитайте. минимум тысяч 800 в неделю я делал, при зарплате полтора миллиона в месяц. Зато кадр из жизни. Стою в Сухуми, сливаю местному аборигену канистру бензина. Подъезжает 525 BMW, почти новая (или, по крайней мере, в отличнейшем состоянии), вылезит водила: «Ара, брат, слюшай, продай канистру бензина, нада пазарез, пожалуйста!" Я, да без базара, сливаю ему канистру. Он: а две дашь? Ноу проблем. Он открывает крышку бака на бэхе и сливает туда канистру армейских помоев, зовущихся бензином, сливает с меня ещё канистру, расплачивается и уезжает. Я в афиге. Как смогла его машина уехать на этой пародии топлива? Понимаю, армейская машина – она и на пиве поедет, но это чудо германского автопрома??? Удивил чувак, не скрою... В общем, долг родине считаю взятым и отданным по максимуму и без взаимных претензий. Хочу сказать, что в машине у меня была автомагнитола пионер, одной из последних моделей, и квадросистема акустики. Которую я легко и просто подарил, при выведении нас из Абхазии в Тулу, на память нашему офицеру, с которым мы бок о бок прошли много всего и выпили много горячительного.

А как мы развлекались! Это супер! Ну я уже говорил.

Да по – разному. Про алкоголь и ганджубас я уже рассказывал. Еще были спортивные праздники по выходным, мы бегали на 1,3,5 или 10 км. Для нас, медсолдат, это было не сложно. Перед кроссом идёшь к санинструктору, и он по тебе пускает тебе глюкозы с аскорбинкой. И ты бежишь всю дистанцию, как заведённый. Пробежишь, придёшь в роту, повторишь процедуру с глюкозой, – и ты снова свеж и бодр. А когда скучно станет, пойдёшь к Мирзе (грузинчик, жил на территории части), закажешь ему обед на всех, и через час несёшь втихаря от его дома в роту тарелки с варёной картошкой и куриными окорочками, да пару пузырей чего-либо запазухой... Весело было... Или была ещё любимая приколка, идешь ночью в палату к больным, шандарахнешь по любой койке ногой, крикнешь: ты чё спишь??? Сразу первая фраза любого солдата, мгновенно, спросонок: Я не спал! Вот как армия людей воспитывает. Ни разу не было, чтобы кто-то сказал что-нибудь другое.

Сергей встал, прошелся по комнате, покрасневшийся, с блестящими глазами, он сейчас выглядел как паренек лет 19-ти. Он с головой ушел в прошлое.

– А когда не на выездах, тогда в парке: ремонт и техобслуживание своего космолета, – продолжал он. – А космолёт у меня был ого – го: на шоссе между Адлером и Сочи я на нём 110 км в час выжимал, готовясь ко взлёту. Жигулисты, которых я «делал», смотрели на меня ООООчень удивлёнными глазами. Зато когда выездов не было, машина стояла

в парке, в ста метрах от пляжа. Утром ротный отправляет нас делать машины, мы с нашими водилами в парк, не подходя к машинам, через кусты и на пляж. Носом поводишь – нету ли офицеров на пляжу, и шмыг спать-загорать... Накупаешься, назагораешься, уже и почти пять часов вечера на дворе. Надо идти на инструктаж водителей, слушать водительские проповеди и заповеди. А заодно и путёвки сдать со списанным бензином, и взять новые, чтоб снова было что списывать. После инструктажа я, обычно, подходил к своей машине, поднимал кабину и залазил своими шаловливыми клешнями в самое её грязное место. Вывозив руки посильнее, мы шли в роту. Там мы докладывались командиру роты: таарищ капитан, машины обслужены, все супер, и, помахивая грязнущими руками перед его носом, слышали в ответ: Молодцы, идите отдыхайте. Ну мы, естественно шли и отдыхали дальше. А как же иначе? А еще к нам приходила Наташка, она всем давала по-очередности, рыжая такая, худюшая, но классно все делала, заводная была, чего она творила! Супер! У нее была большая заколка в волосах. Всегда была с заколкой этой. Налей-ка еще пиалку твоего чаю? – попросил он, снова усаживаясь в кресло.

– Хватит на сегодня, – сказал Эндэнэ. – В общем, все ясно. Завтра будем пить другой «чаек».

– Снова серебряный, или как?

– А вот так.

– А все же?

– Золотой, – ответил Эндэнэ, и задумался. Ему показалось, что он нащупал нить, хотя сумбурный рассказ Сергея, по сути, не имел никакого отношения к Энаду. Но одно слово зацепилось за его сознание. Возможно, в нем и есть ключ к разгадке...

Шаман достал из кармана хамуз, зажал его губами и, медленно ударяя по нему пальцами, принялся издать низкие вибрирующие звуки. Так он делал всегда, когда нужно было принять решение. Это помогало ему думать...

В полицейском участке было прохладно, работали все кондиционеры. Но следователю Рэю Бэкстону было душно. Он замучился допрашивать свидетелей, и ему не давала покоя та русская пара, на глазах у которой было совершено убийство, а они ничего не видели. Рэй чувствовал, что здесь что-то нечисто, что разгадка кроется в этой парочке, но подобраться к ним он пока никак не мог. Ему удалось выяснить, что сестра покойной, убитая месяцем раньше, хранила в ячейке банка крупную драгоценность, но в ходе следствия оказалось, что там была обманка, муляж, поддельный бриллиант – недорогая бижутерия. Значит, настоящий Энад она держала у себя, не доверяя банку. Возможно, она его заменила во время одного из своих посещений, вероятно, она опасалась чего-то. Рэй несколько раз опрашивал прислугу. Женщина, которая приходила убираться, вспомнила, что покойная всегда носила в волосах огромную аляповатую закол-

ку. Она никогда ее не снимала. Эта заколка появилась после того, как Вероника однажды пришла от своей сестры. В тот день она пробыла у Леониды до вечера, и вернулась встревоженная. Она изменила прическу и макияж. На ней был другой костюм. Она стала нервная, и даже некоторое время не встречалась с другом. Потом немного успокоилась, и снова стала общаться с Хабблом.

«Прислуга утверждает, что в день убийства на Веронике была та заколка. Но куда она подевалась? И что девушка делала в тот день в отеле? Возможно, она должна была с кем-то встретиться. Или заскочила проплатить мобильник? В фойе есть кассовые автоматы. Что, если это странное убийство как-то связано с заколкой? Но не могла ж заколка просто испариться? К убитой никто близко не подходил... Да, кроме полицейских и гостиничной охраны...»

И тут он понял, что допустил прокол – он не допросил Хаббла. В ходе следствия его еще не задействовали. «Надо срочно разыскать парня. Как я мог упустить это? Возможно, Хаббл уже скрылся, если это он стрелял...» – от этой мысли Рэя Бэкстона прошиб горячий пот.

– А-а! – вскрикнула Ольга, и тут же поняла: пуля. Она просвистела всего в нескольких миллиметрах от левого плеча. Выстрел был как от шампанского. «Ненавижу чертову бутылку, когда выстреливает пробка. Терпеть не могу шампанское!» – промелькнула сердитая мысль.

Она мчалась под дождем по ночному Арбату... Вокруг – ни души, как назло ни прохожих, ни милиции, лишь машины вжикают мимо по той дороге, которая Арбат пересекает... Откуда палили, из машины, или где-то засел снайпер? Она не поняла. И подумала с ужасом: «Но в меня-то зачем, я-то здесь причем? С кем-то спутали? Или маньяк?»

Она резко свернула в переулок и хотела сунуться в подъезд. Не тут-то было! Второй выстрел прозвучал гулко, гильза лязгнула возле ботинка. Она метнулась за угол, добежала до переулочка, поймала такси...

Не помня себя, влетела в квартиру, заперла дверь. И заварила крепкий чай. Потом позвонила в милицию. И услышала вялый голос дежурного:

- Напишите заявление, принесите.
  - И что будете делать?
  - Зарегистрируем, – последовал ответ.
- «Значит, ничего. Ладно. Настрочу им заявление.

За что же меня, все-таки, хотят «мочить»? Я что-то сделала? Каким образом, когда? Надо во всем разобраться. Во всем: в событиях, в действиях, в чувствах. Может, все же, дело-то как раз во мне? Я что-то не то совершаю, или не так живу?

А что такого, живу как могу, как умею, никому не мешаю, никого не трогаю.»

Собравшись с духом, заставила себя успокоиться. Сначала надо поговорить с собой, ободрить себя, вспомнить все

хорошее, саму себя похвалить.

Она переместилась в комнату и села напротив зеркала. Встряхнула пышными светлыми волосами, улыбнулась своему отражению. И сказала:

– Такое чувство, что я зависла во времени, как муха в паутине. Ну, меня это не беспокоит, даже нравится, хотя немножко обидно, когда говорят: «Неужели вы, такая еще молоденькая, уже и книгу написать ухитрились? И о чем вы можете написать?» или: «Вы так юны и так красивы, зачем вам эти книжки, вы можете неплохо заработать красотой, можете пристроиться замуж, кругом полно богачей».

Какая нелепость! Красота – не товар, и не параметры тела. Красота – это состояние души, духовная энергетика. Это – яркость и радужность внутреннего мира, но вообще-то внешняя красота – это иллюзия. Иногда она ослабевает, эта иллюзорность, иногда усиливается и кажется ирреальной: такое случается в полнолуние. И еще: не такая уж я юная. Просто зависла во времени. Осталась наивной и восторженной. Один мой читатель сказал, что я соткана из лунного и солнечного света, и что земная грязь не прилипает ко мне, потому что я лечу над землей – почти иду, но в то же время лечу. Он где-то прав, со стороны это странное и красивое зрелище, и непонятное, но никто не знает, как мне от этого больно, ведь я все земное пропускаю через свою душу и мысленно чищу землю от грязи, а это мучительно. Ну, да хватит философии...

Она встала, прошлась по комнате, рассматривая картины и фотографии на стенах. Все это закрывало старые пожелтевшие обои, и создавало атмосферу какого-то диковинного музея. Она включила магнитолау, и, пританцовывая под попсовую песенку, заявила зеркалу:

– Ты же знаешь, чем я зарабатываю. Нет, разве? У-у. это большой секрет. Но тебе скажу: продаю свои авторские книги. Коллекционный тираж, экземпляры номерные. Читатели мои – настолько разные, что я просто диву даюсь, есть даже самые экзотические, к чтению не склонные люди. Ты, зеркальце мой свет, и представить не можешь... С кем только я не знакочилась, продавая свои книжки! Мир удивителен и непостижим...

Одной из моих читательниц оказалась стриптизерша, выступавшая по воскресным дням в Центральном Доме Художников (сокращенно ЦДХ) в программе «Арт-стриптиз-шоу». Иногда она угощала меня кофе с мороженым в вечернем баре (вход со стороны «Тахмана», там где дискотека) и рассказывала о себе и о трагичной судьбе своей подружки. Я об этом написала стихотворение «Песенка про стриптизершу», шуточный стишок:

А груди ее были словно ядра,
Что вышибают разум у мужчин.
К ней на стриптиз ходил один заядлый
Любитель женщин, молодой грузин.

Что ж, если Бог создал ее игрушкой
В руках у переменчивой судьбы.
Святая Магдалина, будь подружкой
Для бедной стриптизерши, помоги.

Когда в душе заплакали бураны,
Когда завывали ледяные псы,
Грузин ревнивый ножевую рану
Оставил ей на память о любви.

Она на снег, в своей пушистой шубке,
Упала, как на жертвенный алтарь.
Смеялось солнце, словно милой шутке,
И умирал непройденный январь.

Она выскользнула из одежды и швырнула свое голое тело прямо к мигающей разноцветными огнями рампе. В свете прожекторов тело ее казалось мраморно белым. Она прикрыла глаза и словно под гипнозом принялась раскачиваться в такт музыке, ее узкая талия гнулась будто под порывами ветра, груди ее прыгали вверх-вниз словно мячики. Она вскинула вверх руки и стала похожа на длинное тонкое деревце, попавшее в ураган, в самый эпицентр урагана. Она казалась так хрупка и беззащитна. Незримый вихрь развернул ее и бросил в конец сцены. Она заметалась под быстрые рит-

мы попрыгали, и вдруг остановилась, сделала несколько плавных движений, широко развернув колени, и резко села на шпагат. Она была звездой арт-стриптиз-шоу. Каждый ее номер был спонтанным взрывом фантазии, всплеском эмоций, выбросом энергетического густка. То, что творила она на сцене, резко отличалось от четко отработанных скучноватых номеров других артистов. Выступала она только сольно и всегда непредсказуемо. На стриптиз я забрела случайно, продавая в выставочном зале свои книжки. Забавно это было. Там же, в ЦДХ, давно, еще в 99-ом, я продавала книги в ночном баре, пряча их, словно наркотики, в широких карманах пиджака – это был нелегальный товар, ведь частная торговля там запрещалась. Представляешь, какая экзотика для завсегдатаев: ночной бар, элитное вроде бы место – и вдруг писательница с авторскими книжками, подписывает на память да еще и автограф ставит, вот это да! До такого можно додуматься только с крутой голодухи, шляться по таким местам – мое открытие. Иногда я брала с собой дочку.

Я подошла к столику, за которым сидели два крупных коротко стриженных парня и девушка.

– Здравствуйте, я провожу социологический опрос, – с широкой улыбкой обратилась я к девушке. Это был мой отработанный приемчик. – Скажите, вам нравится наш бар? – я по-хозяйски кивнула куда-то в пространство.

– Не-а, – зевнула девушка. – Скучно.

– Тоска, – поддакнул парень.

– Ну тогда я знаю, как вас развеселить.

Тут я, словно фокусник, выхватила из кармана свою книгу и загадочно расширила глаза. Я заулыбалась словно диск-жокей и сказала:

– Вот моя авторская книжка, ужасно веселая, занятные современные новеллы, короткие смешные романчики, с авторским пожеланием на удачу и с автографом, покупайте!

– Небось, долларов сто стоит? – вяло произнес парень.

– Нет, что вы, всего пятьдесят рублей, – резво чирикнула я. Парень вытащил деньги, я черканула авторские пожелания, девушка взяла книгу с таким видом, будто сейчас из-под обложки раздастся хохот и выскочит пластмассовый чертик на пружинке, раскрыла ее и, разочарованно разглядывая ровные ряды букв, спросила:

– Что это?

– Буквы, – радостно пояснила я.

– Что делать надо?

– Читать.

– А о чем тут написано? – продолжала любопытствовать девушка.

– А это, знаете, очень веселая история о нашей теперешней жизни, – хихикнула я и быстро удалилась, запихивая в карман деньги. В тот момент я чувствовала себя хулиганкой.

В этом баре я встретила свою давнюю приятельницу Лену с ее новым мужем. Знакомых у меня пруд пруди, вот только общаться с ними некогда, вечно решаю свои проблемы.

Правда, иногда урывками работаю над рукописями, но редко. Поэтому книги мои пишутся годами. Эта, с прикольным названием «Не грусти, гад ползучий», создавалась в экстремальной ситуации и чудом была издана. Как всегда, я ночами отстукивала текст на своей старенькой пишущей машинке «Рейнметалл», кошки вздрагивали во сне, собака подергивала лапами, дочка в соседней комнате переворачивалась на продавленном диване, который жутко скрежетал пружинами, и, просыпаясь, бормотала:

– Ма, прекрати в конце-то концов... Сколько можно?

Экстремальная ситуация наступала потом.

Впрочем, я начала о баре, в котором встретила знакомую. Мы сидели за угловым столиком и отводили душу, рассказывая друг другу новости и просто болтая о всяком-разном.

– С упоением перечитываю твоего «Гада», – сказала Лена. – Моя настольная книга. Почему тираж маленький? Отнеси в издательство.

– Носила, – посетовала я. – Ты, небось, знаешь ситуацию: издают сейчас только бульварщину.

– Да, все прилавки ерундой завалены, читать нечего.

– Естественно. Издательствам выгодны книжки-однодневки, причем имена авторов предварительно «раскручиваются», ну, понимаешь: создаются дутые литературные авторитеты, и под них наспех строчатся романы, для чего обычно нанимают «литературных рабов» – голодных писателей среднего уровня. Вот так возникают серые бульварные

романчики в ярких обложках. А настоящая литература выходит коллекционными тиражами за счет спонсоров, такие книги достать трудно, надо знать места.

– Не пойму, какой толк спонсорам бросать деньги на литературу? – удивилась Лена, – это же невыгодно.

– Дело не в выгоде, а в большем, – пояснила я. – Они так душу очищают, у них потом бизнес налаживается и жизнь улучшается.

– Они это понимают?

– Умные понимают. А глупые спонсорством не занимаются.

Я пригубила кофейный ликер, закусила шоколадкой и задумалась о своем романе. Назвала я его весьма символично: «Капкан на тень луны». Он был начат в 1990-ом, и сразу же придумалось название. Обычно назвать роман очень трудно. Мой роман удался. Дважды я носила его в издательства, где он был прочитан с интересом. Читали его по полгода, видимо, всей редакцией. Но печатать не стали – не коммерческий, слишком честен и хорош. Конкуренция «раскрученным» авторам. Я попыталась переделать его на бульварный – не весь, местами. Получилось занятно. Но по издательствам с тяжелой рукописью больше не потащилась. Зачем? Если судьба – книга увидит свет. На все воля Божья.

Когда меня застукали с моими «нелегальными книгами» в ЦДХ и выгнали, мы с дочкой переместились в Дом журналистов (ЦДЖ, Домжур, Гадюшник...). В Гадюшнике книжки

расходились бойко, люди специально приходили, чтобы купить несколько экземпляров, я стала популярна. У меня появились знакомые среди музыкантов и политиков, завсегда-таев Домжура. Администрации это страшно не нравилось, ее это раздражало, такое всеобщее внимание к какой-то девочке-писательнице и ее подружке-художнице, пигалице малолетней (это они мою дочку-старшеклассницу принимали за мою подружку), к этим двум выскочкам, которых еще и в ресторане угощают почитатели, эка дело... Особенно нас возненавидел бармен Слава, низкорослый толстячок в затемненных очках. Потерпев нас в гадюшных пенатах пару месяцев, он яростно выставил нас вон, предварительно избив мою дочку под радостные возгласы двух администраторш, стоявших на входе. Возможно, Слава был гей, а мы были для него как сорина в глазу. Для устрашения бармен помахал перед нами удостоверением сотрудника ФСБ. Мы не стали связываться с шестидесятилетним возможным геем, и ненадолго покинули Домжур, переместившись в ЦДРИ. В гадюшник мы наведываться стали в дежурство лояльного бармена Миши, ироничного невозмутимого мужчины. Точнее, не мы, а я, – дочка больше не сопровождала меня, так как после сотрясения мозга, которое она в тот раз получила и стойко перенесла на ногах (отказавшись идти к врачу), у нее начались сильные головные боли, впоследствии переросшие в тяжелую болезнь. В дальнейшем напряженная учеба в училище и работа интервьюером во ВЦИОМе, уличные социо-

логические опросы на морозе, поквартирные опросы, и какие-то сложные подсчеты, которые ей приходилось делать, ведь она привыкла работать тщательно, полностью выкладываясь, все это окончательно подорвало ее здоровье и привело к осложнению болезни.. Все чуть не закончилось катастрофой. Но спасла сильная вера в Бога, святые мощи, и жизнь в монастыре. В монастырь она ушла навсегда... Но это было потом, потом, потом. А я пока рассказываю тебе, зеркало, ну да, тебе-тебе, мое отражение, я говорю о прошлом, чтобы все понять с этими выстрелами... Может, все из давнего тянется? В те дни события разворачивались так стремительно, что я не успевала опомниться.

Летом я продавала книги на Арбате, заглядывая в кафе – там их быстро раскупали. В одном бистро мой читатель купил сразу все книги, что были у меня с собой – три штуки. Я удивилась, зачем ему столько – ответил: для друзей. И пригласил за свой столик. Его сотовый небрежно лежал на раскрытом меню, рядом валялись ключи от машины. Я улыбнулась, он сравнил мою улыбку с чем-то космически-непостижимым, я ответила, что моя внешность явление чисто земного, генетического характера, и с любопытством заглянула в его глаза. Ответный взгляд вспыхнул, как новогодняя свеча с сюрпризом. Сергей был красив, на вид – не больше двадцати, светлоглазый, с престижным Канарским загаром. От моего пристально-любопытного взгляда смутился, смял сигарету неловко, отодвинул на край столика свой сотовый и

отключил, стал листать мою книгу. По его лицу вдруг пробежала дымка чувственности.

Это была короткая, но фантастичная любовь. Мы ездили по самым престижным ресторанам и ночным клубам, гуляли по предрассветной Москве, а потом была безумно-возвышенная страсть, постельное белье из алого шелка, свечи зажжены на камине, сандаловые индийские палочки пускают в пространство призрачные струйки ароматного дыма. Сережа разлил по бокалам мой любимый шоколадный ликер. Мы пили на брудершафт и целовались по-особому, едва касаясь губ друг друга. К тому времени губы уже распухли и потрескались, а нежные прикосновения вновь будоражили... Когда я в изнеможение рухнула на горячие влажные простыни, Сережа принялся целовать ступни моих ног, поднимаясь все выше и выше, вот губы его скользнули к лодыжкам, к голеням, к коленкам. Коленки он ласкал с особым неистовством, горячим дыханьем обдавая ямочки по бокам, влажно облизывая контуры коленных чашечек. Затем поднялся к бедрам. Во мне все пылало, голова шла кругом...

Белая луна, сияющее серебристым светом ночное небо за окном, облака словно овцы... Издали казалось, что это овцы... Отара кошек на столе вяло пощипывала лунную травку... Кошки были мягкие и пухлые, словно пуфики. Под столом сидел кошачий секьюрити Смокер – большой мохнатый пес непонятной породы. Хотя, почему же непонятной? Порода называлась канадский олмиз, и Смокер был единствен-

ным ее представителем, первым и последним, так как потомства не имел: от кошек он не размножался. Надо сказать, что отара состояла всего из двух кисок: персидской Джаськи (полное имя Джастис) и гладкой трехцветной Мадошки (Мадо), но места они занимали много, так как стол был мал, и кошки постоянно сталкивались. Мадошка, косясь на подружку, думала: «Сейчас я Джаську брысь со стола и фу ее лапой». Раньше кисок было больше, но почти все они растворились в лунном свете: ведь травка сначала дает энергию душе, а потом поглощает тело. А вы думаете, почему у животных, любящих ночь, светятся глаза? С людьми тоже случается... Да что там с людьми, тут даже с ночной тканью творится такое... Знаете, из чего соткана ночь? Думаете, из снов? Как бы не так. И, уж конечно, не из глюков.

Когда луна умирала, она отдала земле свою душу. Эта лунная душа – такие потемки, не приведи Господь. Поэтому на нашей планете жуткий бардак. А в полнолуние творится нечто, совсем не поддающееся логике. Да и не только в полнолуние. Хотя, что уж такого нелогичного в том, что Сережа уехал в Штаты – он прав, в нашей стране бессмысленно развивать бизнес. Конечно, ему там не до меня, забыл и все тут, с глаз долой – из сердца вон. А я умывалась соленым ливнем, глаза превратились в тучи, лицо – в портрет дождя, к губам прилипла шерсть – мои животные переживали за меня и дружно линяли. Раздавленная депрессией, я уже не в силах была тащиться продавать свои книжки. Правда, одна-

жды я все же заставила себя пойти на Арбат. Там я встретила причудливую ма-ленькую старушку с лицом Конфуция, она продавала за гроши старые газеты. Звали ее Мун Сонэй, что значит Луна Солнце. В день, когда она родилась, на небе маячили два светила сразу – Луна и Солнце, поэтому ее отец дал такое имя. Она рассказала мне уйму интересного про эту жизнь, и койчего про будущее. Про знаменитого писателя, который сначала был неизвестным голодным дворником, мел двор в Литинституте, жил в коморке, умер рано, и написал-то совсем немного, не успел, но потом оказалось, что он классик, прозу его перевели на все языки мира. Мы беседовали часа три. О самых разных явлениях. Похоже, что старушка была ясновидящей. Я подарила ей свою книгу, купила у нее старую газету, и мы попрощались как близкие родственницы. Уходила я с легкой и просветленной душой, мысленно поблагодарив Всевышнего и своего Ангела-Хранителя за эту чудесную встречу. С меня вдруг словно тяжелые цепи свалились, те самые, что на время приковали меня ко всему приземленному, и я больше ничего в жизни не хотела. Теперь мне не нужна ни любовь, ни деньги, ничто, исчезли все желания. Я была счастлива и свободна. В моей голове звучали стихи, они вплетались в нежнейшую мелодию, словно кто-то задумчиво перебирал струны арфы, и в этих стихах была вся моя жизнь...

Над восковыми стволами свечей ярко горели пирамидки пламени. Внизу теснился городок, кирпичные малоэтаж-

ки жались к огромным, словно фонарные столбы, свечам. В желтоватых бликах змеино вползала дорога в городок из леса, который густо рос вокруг, а вдали, из-за гор, светила самая яркая свеча. Над этим удивительным пейзажем сияло большое, словно луна в полнолуние, одухотворенное и задумчивое лицо большеглазой девушки с протянутой полусогнутой ладонью. Кто она, эта девушка? Святая ли, ясновидящая, пророчица, или хранительница городка? Кто же? Может, сама Богородица? Картина моей дочки висела против моей кровати в свите других ее картин, и смуглая задумчивая девушка за светлой рамой, словно за окном, смотрела мне прямо в душу. Я не могла отвести глаз. Девушка была настоящая. Это была вполне реальная богиня, а картина, как и все остальные картины, была просто окном в другой мир. На стене против моего ложа было пять окон в другие – разные – миры, и девушка-богиня знала это. И не только это. Она знала все и обо мне, о моих последних злоключениях – я прочла это в ее глазах. И спросила ее мысленно: «Если ты настоящая, ответь, почему я так мучилась, за что мне это?»

Девушка ответила вслух, у нее оказался приятный мелодичный голос. Она сказала:

– Зачем спрашивать? У тебя в шкафу есть книга:

«Будда. Конфуций. Жизнь и учение». Возьми и открой.

– Да листала я ее как-то, – отозвалась я. – Интересная книжка.

– Знаю, – сказала девушка. – Не листать, а читать надобно.

Там ответ тебе.

– Да что ты, быть не может. Я ж ее смотрела.

– Память у тебя плохая, – покачала головой богиня. – Как раз нужное читала ты. Будда говорил: «Все горе и печаль, все страдания в мире происходят оттого, что человек слишком привязывается к чему-нибудь. Где нет привязанности, там нет и страдания... Наша жизнь – следствие наших мыслей, она рождается в нашем сердце, она творится нашей мыслью. Если человек говорит или действует с доброй мыслью, радость следует за ним, как тень, никогда не покидающая...»

Засыпая, я знала, что радость ко мне еще вернется. Просто я делала ошибки – слишком привязывалась. Больше не буду...

«Надо же, – подумала я уже во сне, – моя Людочка рисует живые картины! А лунными ночами варит для картин грунтовку по какому-то особому рецепту, который вычитала в книжке. Она считает, что те грунты, что есть в продаже, некачественные. Все великие художники прошлого сами готовили грунты для своих полотен, и у каждого был свой секрет. Вот отчего картины живые... А может, в них уходит частичка души художника...»

– Ага, – усмехнулась богиня, – прямо через грунт уходит и сквозь краску просвечивает...

Я рассмеялась над ее шутливой фразой и, смеясь, вошла в маленький городок за рамой. Но это мне снилось. Я шла по теплой песчаной дороге и удивлялась, как легко дышит-

ся, такой легкий и нежный воздух, и столько цветов кругом, столько радостных лиц, все прохожие мне улыбались приветливо. Над городком сияли огромные свечи, от них шло тепло, и я поняла, что здесь не бывает ни зимы, ни осени. Вечное лето. Иногда – теплый дождь.

Через несколько лет, когда жизнь моя наладилась, в смысле, стала относительно стабильной, я снова встретила Сергея, странно, что в ЦДЛ. Я тогда уже не продавала свои книги. Голодные годы канули, у меня был свой маленький доход. В тот вечер я сидела за столиком в нижнем буфете. Он подошел, делая вид, что мы незнакомы, но в глазах его была такая нежность, радость, и неуверенность, все сразу, такая радуга чувств! Он познакомился со мной по новой. Я приняла игру. Я догадалась, что ему пришлось прятаться, наверно, от киллеров, или по каким-то другим экстремальным причинам он исчез. Но рассказать не мог. Он много говорил о себе, но все одни байки, ничего важного. Он развлекал меня.

Значит, он искал меня, Сергей Азовцев. И нашел... Но почему сделал вид, что не узнал? Конспирация? И снова свалил за кордон. Правда, сказал, куда. Или врет? Неужели пуля «выскочила» с этой стороны? Нет, быть не может. Просто случайность. Просто кто-то пошутил, или открыл перестоявшее шампанское, и это была пробка. Две пробки. Взорвались две бутылки, бывает. Новый вид шампанского с лязгающими пробками...

Ольга подмигнула зеркалу, и допила остывший уже чай.

Эндэнэ взглянул на уснувшего в кресле Сергея, и закурил.

На этот раз он начинил кальян нэзэканом, особой травой, дающей прозрение. Он сидел на ковре, скрывающем кипарисовые плитки паркета, в позе йога. Короткий шелковый халат с широкими рукавами лилово переливался на его плечах. На скрещенных загорелых ногах с мускулистыми икрами играли блики от пламени большой свечи, которую он всегда возил с собой и зажигал во время медитаций с кальяном.

Мысленно он проследил путь бриллианта. Он нашел его и в прошлом, и в будущем. И понял. Это карма. Энад все равно попадет к Ольге. Что ни сделай, как не поверни ситуацию, камень все-таки окажется в России, в Москве, у нее. А она никогда не поймет его ценности, ей все равно, она ничего не смыслит ни в драгоценностях, ни в деньгах, обходится малым, ей ничего не надо, кроме творчества. К тому же она верующая, а это – особая категория людей. Тут ничего не поделаешь.

Но если ее не будет, тогда все меняется. Русло событий можно сместить. Что, если все перевернуть?

Надо изъять Ольгу, – понял он. – Вернуться в прошлое, и убрать ее совсем. И когда это звено выпадет, быстро заменить его другим.

Кого туда направить? В мыслях он перебрал все доступные кандидатуры. Он листал прошлое и настоящее словно книгу. Из будущего брать нельзя, знал он. Хорошо порыв-

шись в прошлом, не нашел. Если только здесь посмотреть... Из русских никого подходящего, вот несколько мексиканцев, но нет, не годятся, их кармические нити не пересекаются с ней. Есть американец. Случайный спутник бриллианта. Обольститель. Не получит. Не знает, что Энад у него под самым носом. Сейчас камень спокойно бродит себе по Лас Косимасу, неузнанный и невидимый. Казалось бы, так просто взять, но не фига, здесь его отловить невозможно. Все уже запрограммировано свыше, и код этой программы никак нельзя взломать.

Эндэнэ глубоко втянул приторно-острый дымок кальяна, и прикрыл веки, похожие на два лепестка неземного цветка.

Американец Хаббл. Он сможет. Он уже бывал в России. Путешественник. Стрелок. Плэйбой. Отследить, когда он был в Москве, и перевести стрелки на Ольгу. Перекрестить их пути, и дать прицел. Надо создать прецедент... Как бы это сотворить? Сверхсложный ход... Или сверх ложный? Вернуться в прошлое, выйти на Хаббла, свести с Ольгой – ну так, возможно. Это не трудно, она в то время продавала свои книги, купить, познакомиться, пригласить в американское кафе, там в то время часто бывал Хаббл...

Эндэнэ расширил свои длинные узкие глаза, которые сейчас отливали бронзой, взгляд метнулся по стенам, остановился на пламени свечи, и застыл. Зато мысли его суматошно сновали по шкале времени и событий. В душе его происходила странная тусовка чувств. С одной стороны, он не хо-

тел жертв. Он не был кровожаден. С другой – никак не мог найти иной способ решения проблемы. Его внутреннее «я» раздирали эмоции...

«Надо попробовать достать бриллиант здесь», – внезапно решил он. – «Хотя, по логике, это практически невозможно. В полиции уже вычислили, что камень – в заколке, и ее скоро найдут. Потому что эта дура Валентина непременно прицепит эту нелепость к своей пустой башке. А перехватить из-под носа у полиции весьма стремно. Правда, тут могут вмешаться и другие силы. Если произойдет утечка информации. А это весьма вероятно»...

Потоки солнца ласкали ее тело, она с наслаждением шла, но ей казалось, что она неторопливо летит вдоль авеню в своем новом золотистом платье с большим разрезом сбоку, и ее ноги в сабо на пробчатой подошве словно не касаются земли. Блаженство и нега окутывали ее всю. Она только что вдосталь наплавалась в океане, потом вместе с Леной посидела в прибрежном баре и выпила несколько чудесных коктейлей, закусила устрицами. На десерт было манго. А теперь вот отправилась по магазинам. Леня застрял в игровых автоматах, и она с удовольствием шла одна. Валентина любила сама, без провожатых, делать покупки. Присутствие спутника ее всегда, отчего-то, тяготило.

Она вошла в магазинчик с яркой витриной. Молоденькая продавщица услужливо взглянула на нее. В здешних магази-

нах вообще посетителей было мало, чаще всего Валя оказывалась единственной. Ей нравилось пристальное внимание и обходительность здешних продавцов. Едва она подходила к прилавку и чем-то заинтересовывалась, как перед ней тут же выкладывался весь товар ее размера. Размер продавцы определяли на вскидку весьма точно. Ей давали консультацию, вели в примерочную. В первые годы своей заграничной жизни Валу очень смущало такое внимание, но потом привыкла. Она научилась неплохо произносить по-английски расхожие бытовые фразы, даже нужный прононс «слямзила» у американок. Ведь она от природы была способная в этом смысле. Болтовню, манеры, голос – все она автоматически копировала еще с детства, и поэтому легко вписывалась в любую «тусу». Поэтому в Москве ее принимали за москвичку, на западе – за американку.

Она с удовольствием рассматривала вещи, которые продавщица разложила перед ней на прилавке. На этот раз она выбрала льняное платье из тонкой «жатой» ткани, переливающейся, словно мокрый шелк, нежно лилового тона. Довольно дорогое, но очень уж оно хорошо сидело на ее жилистом загорелом теле, очень уж шло к ее небольшим лиловатым глазам и к любимой губной помаде – розовато-лиловой с блеском, густым слоем лежащей на крупных губах. Услужливая продавщица тут же принесла бижутерию к этому наряду – треугольные полупрозрачные лиловые бусы, такой же браслет, и две сумки: большую пляжную, и маленькую круг-

люю на длинной цепочке. Валя примерила на себя все, и задумалась. Искушение было велико. Она и так уже сняла порядочную сумму с кредитки Лени. Но ей хотелось все это, и обе сумки ей очень нравились, не знала, на чем остановить выбор, да еще продавщица притащила просто бесподобный купальник. Как быть? Раздираемая соблазном, она слегка отодвинула шторку примерочной, чтобы получше рассмотреть себя, сделала шаг назад, любуясь платьем и бижутерией, к которой, как ни странно, особенно подходила причудливая заколка, которую она теперь полюбила и стала носить. Да, она была хороша во всем этом, с пляжной сумкой через плечо. Но маленькая сумочка на цепочке тоже обалденно подходила под наряд. Она еще раз окинула себя восхищенным взглядом в зеркале, и тут увидела бритоголового мужчину, который пристально смотрел на нее поверх затемненных очков, словно целился ей в голову. Зеркало отражало его крепкую невысокую фигуру с квадратными плечами, его почти квадратную голову с коротким ежиком темных волос, что делало его похожим на стаффордширского терьера, застывшего в стойке. По крайней мере, так показалось Вале в этот момент. Нехорошее предчувствие шевельнулось и стало расплзаться внутри нее холодным липким киселем, от этого сделалось противно и муторно. Захотелось поскорее уйти. Но уходить просто так было обидно. И она второпях сделала покупку, заплатив довольно большую сумму сразу за весь комплект, включая бижутерию, обе сумки, купальник, да еще босонож-

ки, которые проворная продавщица принесла напоследок.

Валентина выскочила на улицу с большим прозрачным пакетом в руках, в котором лежали обновки. Она стремительно направилась к гостинице. Пробегая мимо супермаркета, она привычно глянула в зеркальную витрину, и... заметила того квадратного типа. Он быстро двигался следом. До гостиницы было всего полчаса ходу, но она с перепугу свернула на другую улицу, хотя это удлиняло путь. Мужчина тоже изменил курс движения. Улица была почти безлюдна. «Стаффордширский терьер» упорно шел следом, и расстояние между ними катастрофически сокращалось. Валентина прибавила шагу, обернулась. Мужчина двигался быстро и размашисто, слегка нагнув квадратную голову, и поглядывая на нее исподлобья.

Следователь Рэй Бэкстон закрыл сейф с документами, пошел к столу, плюхнулся в кожаное кресло, и закурил. Масивная стеклянная пепельница с горой окурков дымилась как вулкан. Душа Рэя тоже вулканизировала. Его люди сбились с ног в поисках Хаббла, который как сквозь землю провалился. Его искали везде и всюду. Только что полицейские вернулись с Каньона Эсмеральды, но и там никаких следов.

И Бэкстон все сильнее утверждался в мысли, что убийца именно Хаббл. Иначе с какой это стати ему исчезать из города?

В гостинице он узнал номер и серию его водительских

прав, и место жительства. Он скопировал заполненную Хабблом анкету. Ну, а если права и анкета липовые? Если все это – полная лажа? Что тогда?

Он с досадой воткнул «бычок» в гору недокуренный сигарет.

– Хэлло, Рэй, – бросила ему приветствие Тина, высокая мулатка. – Ну как?

– Полный ступор, – он мрачно осклабился.

Тина ему нравилась. Ей шла полицейская форма. Ему нравилось ее ладное мускулистое тело. Ему нравилось спать с ней. Правда, это получалось редко и спонтанно, когда подворачивался случай и когда у Тины был настрой. Она спала со всеми в их полицейском управлении, и делала это вдохновенно и мастерски, в постели она выкладывалась точно так же, как и на тренировках, видимо по-другому не могла. Она почти не делала разницы между сексом и тренингом, ибо все это было просто формой существования Тины. Так уж она устроена, тут ничего не поделаешь – думал Рэй и принимал ее такой, какая она есть. Однажды он предложил ей выйти за него, но Тина отказалась. У нее были большие «коровьи» глаза, нос казался несколько широковатым, но это не портило ее а, наоборот, придавало шарма. А главное – губы, огромные, влажные, слишком чувственные для полицейской особы. Эти губы сводили его с ума.

Бэкстон с трудом заставил себя не сопровождать взглядом каждое ее движение. Он прикрыл глаза, и снова всплыла в

памяти большая круглая кровать, он, и Тина на нем верхом, ее гибкое крепкое тело с шоколадным отливом, покрытое испариной. Она похожа на взмыленную лошадку во время скачек, ее влажная мягкая нежность туго сжимает его мужское естество и пульсирует вверх-вниз, и внутри него поднимается волна оргазма...

Тина достала «Дело» и села напротив него, листая папку.

– Ну что за фигня, в чем дело? – она оторвала от страниц глаза и строго посмотрела на него. – Подозреваемый исчез, и все? По базе данных-то, надеюсь, «пробили»?

– Ну не идиоты же. Конечно. Только это ничего не дало. Может, документы липовые, а лицо изменил, сделал грим.

Она глядела прямо ему в глаза, все больше хмурясь.

– В участке никого, все поразбежались, а кто работать будет? Рэй, ведь ты ведешь это дело, вот скажи тогда, что...

– Тина, не напрягайся, лопнешь, – прервал ее Бэкстон. – Что за рвение, ты что завелась с утра? Что за настрой? Подозреваемый пропал, ну ищем, скоро отыщем. Пока установили слежку за русской парочкой. Сдается мне, что они как-то связаны с Хабблом.

– А в федеральный розыск подали?

В это время за дверями послышался грохот, вопли, ругань. Тина встала, захлопнула папку, подошла и открыла дверь.

– Что происходит? – спросила низким грудным голосом.

– Двух наркоманов, уф-ф. Хреновы придурки... Ошива-

лись возле отеля, – отозвались, тяжело дыша, парни в штатском.

Они заломили за спину руки двум тощим длинноволосым типам, и волокли их по коридору, а те матерились во всю глотку и упирались. Один из пойманных был метис с обрывком каната, замотанным вокруг кудлатой головы, другой по виду американец.

– Допросите их, может, видали Хаббла, покажите фотку, – сказал Рэй скучным голосом, встал и подошел к окну.

Он окинул взглядом двор, слева стояла три полицейские машины. Еще одна подъехала и припарковалась справа от крыльца. Дверца распахнулась. А, еще отловили. Толстый низенький Ли и коренастый бородач Спиви выволокли из авто кого-то, и потащили в участок. Через минуту все они были в комнате с деревянной перегородкой. Бэкстон пошел смотреть. Полицейские усадили на стул мужчину с квадратными плечами и почти квадратной головой. Бэкстон с любопытством оглядел его: короткие густые волосы, широкие ноздри, невысокая напористая фигура. Было в нем что-то бойцовское, и Рэй мысленно сравнил его с быком.

– Кого взяли? – спросил он.

– Преследовал русскую туристку, – ответил Ли. – Ту, за которой мы ведем наблюдение.

– Допросите, – бросил Рэй и усмехнулся.

«Похоже, это и есть кончик той ниточки», – подумал он, – «скоро клубочек начнет разматываться».

Его не оставляла мысль, что Хаббл и эти двое русских – одна шайка. А теперь сюда прибавился и «бык». Зачем он преследовал русскую? А может, тут что-то другое? Или у них какие-то свои разборки? Уж не из-за бриллианта ли?

«Пора брать русскую», – решил Рэй.

Хаббл прекрасно проводил время с далеко не молодой, но весьма активной русской художницей. Ее звали Ветта. Несмотря на возраст, фигура у нее была еще ничего. На нижней части ее полноватого тела красовалась татуировка, но Хаббл не разбирался в русских буквах. Он спросил ее, что означает надпись, а она объяснила как-то невразумительно. Он понял только, что речь идет о какой-то голой лошади.

Домик, который арендовала Ветта, был небольшой, но довольно уютный. Она не очень хорошо говорила по-английски, из ее болтовни он сумел лишь понять, что она из Москвы, там бывали ее выставки, и что к тому же она выступает там в каком-то шоу и неплохо зарабатывает. «Деловая», – подумал он. Ему нравились такие женщины.

В постели она творила чудеса. Она была настоящей художницей секса! Две недели они не выходили из дома, наслаждаясь близостью. В свободное от любви время плавали в бассейне, смотрели видео, играли в покер, потом он ей позировал, а она делала наброски. Еду она заказывала на дом из ближайшего ресторана.

– А я забирал все призы на соревнованиях стрелков, – по-

хвалился он. – Из арбалета, из лука, из винчестера. Из любого вида оружия. Я вообще это люблю.

– О да, ты не только красив, ты еще и стреляешь! – воскликнула Ветта. – Настоящий мачо, мечта всех женщин! Мы за это выпьем, я из Москвы водку привезла.

Водочка с солеными рыжиками – русская еда – легли на душу, размягчили сердце и распалили.

В порыве чувств он рассказал ей невероятную детективную историю своего отдыха в этом курортном городке. У него была подружка, Леонида, хорошенькая, но с характером. Следом за ней он и приехал сюда, в Лас Косимас, хотя и не сразу. Правда, вскоре увлекся другой молодой женщиной, Вероникой. Леонида ничего не знала. И он стал встречаться с обеими, это ему понравилось. Но однажды Леонида позвонила ему, и попросила срочно зайти к ней. Когда он припарковался возле ее дома, то увидел, что она лежит возле крыльца. Он подбежал. Женщина была мертва. Он хотел вызвать полицию, но мобильник остался в машине, и он убежал в дом, чтобы позвонить оттуда. Там было все вверх дном, он споткнулся обо что-то и упал. Под ногами валялся будильник. В полнейшем трансе он взял его в руки, повертел, ничего не понимая, и сунул в карман. Потом как шальной выскочил из дома, и уехал. Он понял, что его могут принять за убийцу. В тот день он сильно напился, и к Веронике не пошел. Он никого не хотел видеть, сидел в своем номере и пил. Мобильник отключил. На третий день Вероника сама

пришла к нему в отель. Она поняла, что с ним что-то произошло, но расспрашивать не стала. Принялась успокаивать его ласками, и ей это удалось. Заказали в номер прекрасный ужин. Но вдруг она уставилась на что-то с ужасом, и взгляд ее словно остекленел.

– Откуда у тебя это? – спросила она, указав на будильник. Будильник этот был не совсем обычный, сделан кустарем каким-то, странная штукавина. Я только сейчас это заметил.

– А, это, а почему ты спрашиваешь? – насторожился я.

– Это ты ее убил? – прошептала она. – Ты убил Лео?

– Ты знала Леониду? – изумился я.

И тут Вероника завопила:

– Ты! Ты убийца! Ты убил мою сестру!

Она выбежала из номера, и помчалась по лестнице вниз, я – за ней. Сам не знаю, как это вышло, я выстрелил, и тут же вскочил в лифт, меня никто не успел засечь. Я убил ее. И поднялся к себе в номер. Выпил все спиртное, что было, и уснул.

– Нормально, – ответила Ветта. – Я сама однажды стреляла в бывшего бойфренда. Жаль, промахнулась.

Она откинула одеяло, и встала над ним на четвереньки. Ее огромные груди нависли над Хабблом, также как и складки ее отнюдь не маленького живота. Многоступенчатый живот был сюрреалистичен, и все ее тело, изрытое впадинами и выпуклостями целлюлита, тоже, хотя и довольно еще крепкое. Хаббл глядел на нее как на некую супермодернистскую

скульптуру. Это зрелище его забавляло.

Ветта принялась медленно целовать его лицо, шею, плечи, опускаясь все ниже и ниже. Долго и жарко целовала его мускулистые бедра, сантиметр за сантиметром приближаясь к паху. Наконец она зажала губами его фаллос, и провела кончиком языка по коже вокруг головки. Хаббла словно током ударило, острое блаженство пронзило его насквозь...

Леня Солнышкин никак не мог успокоить подругу. Валю била нервная дрожь. После очередного вызова в полицию и допроса, после очной ставки с преследователем, который признался, что хотел ее ограбить, и после странных вопросов человека в полицейской форме и мулатки с недобрыми глазами, после всего этого у нее началась истерика. Она не понимала, что от нее хотят, и почему ей задают нелепые вопросы о заколке в ее причёске. Мало ли похожих заколок продается в разных уголках мира. А ей инкриминируется, что у нее именно та заколка, которая принадлежала убитой. Но Валентина с упорством партизанки стояла на своем: это русская заколка, вывезенная из поселка Лосевка – езжайте сами и проверяйте, сколько влезет! В нужный момент Валентина всегда врала убедительно, с чувством. Она это умела.

Тем не менее, она все больше убеждалась, что заколка убитой дамочки приносит ей проблемы. Но выкинуть было жалко, че ж добру-то пропадать. Подарить кому, что ль, и побыстрее.

В тот же день она презентовала злополучную вещицу молоденькой афро-американке, убиравшей ее номер.

Но проблемы никак не кончались. Ее снова и снова вызывали в участок, опять интересовались заколкой. Достали уже. И Валентина в истерике заорала, что выкинула эту дрянь к чертям собачьим, чего привязались! Орала она по-русски. Никто ничего не понял, но ясно было, что у нее нервный срыв, поэтому была вызвана скорая помощь, и женщину отвезли в психоневрологическую больницу.

Стены нежно салатного цвета, врачи в голубых брючках и халатиках, а потом ее вымыли под душем и переодели в больничное белье и пижаму. Дальше были примитивные вопросы, сколько ей лет, где проживает, какой сегодня год, число, месяц, время года, просьба посчитать до десяти и обратно, вытянуть перед собой руки и дотронуться до носа. Ее стучали молоточком по коленкам, заглядывали в глаза, и она снова заорала, чтобы оставили в покое, отвязались. Тогда ей вкололи что-то, отчего голова пошла кругом, перед глазами все поплыло, и стало трудно дышать. Казалось, что она умирает. Ее отвели в палату, положили на кровать с деревянными спинками, удобную, хотя и жестковатую. Она лежала ни жива ни мертва, смотрела на бежевые стены и потолок, на вялых нечесаных женщин. Одна из них тут же принялась шуровать в Валиной тумбочке и рассматривать ее вещи.

– Ты теперь моя подруга, – заявила она, – и подаришь мне что-то, что я выберу. Я обожаю подарки. Я просто не могу

жить без подарков. Без них у меня депрессия. Меня зовут Минни, а твое имя мне не важно, я буду звать тебя Лиз, у меня все подруги Лиз, правда, есть еще Бет и Сара...

Валентине было все равно. Ей становилось все хуже, теперь уже болело тело, ломило кости. Она молча кивнула, и закрыла глаза. Слева от нее очнулась и дико завопила женщина, накрепко прикрученная к кровати толстыми веревками.

Леня каждый день навещал подругу и рассказывал новости. Он поведал Валентине, что темнокожую уборщицу нашли мертвой, с перерезанным горлом, в прачечной отеля. Заколки при ней не было. Эта штука бесследно исчезла. Полиция ищет эту странную заколку, как вещ.док. Леню уже замучили допросами. Почему-то его подозревают.

Через две недели Вале стало лучше. Солнышкин принес фрукты, йогурты, и сок. Прогуливаясь с ней по больничному саду, он принялся рассказывать последние новости. А новости были таковы: в отеле задержали проститутку Хоа Минь. Она обворовывала клиентов. В ее вещих была обнаружена и заколка. Правда, вскоре эта штука исчезла из полицейского управления с концами. Пропала из сейфа. Следователь и четверо полицейских утверждают, что были свидетелями, как в помещение вошла странная зеленоватая девица, голая, покрытая с ног до головы мелкими иголками. Она парализовала всех взглядом, подошла к сейфу с вещ.доками, и сквозь стенку вынула заколку. После чего скрылась. Что это было,

наваждение, инопланетянка, гипноз? Не ясно. Тем не менее, был составлен фоторобот и объявлен розыск. Об этом написали в местной газете, но Леня не очень-то верит.

– А еще, – продолжал Солнышкин, – мы не единственные русские в отеле. Есть некая голубая парочка, причем один из них – шаман, вот такие слухи бродят, Валюшечка моя милая. Правда, я этих голубков не встречал. Весело, правда? Какой-то мифический шаман, да еще и гей, к тому же, смею хота!

А шаман, тем временем, вдыхал острый дымок кальяна, наслаждаясь предстоящим моментом. Ему, наконец, удалось-таки перехватить Энад. Заколка у него! Правда, пришлось вызвать Леду. Она прошла через пространственный портал, устала, и теперь спала вместе с Сергеем на широкой тахте.

Возвращаться надо будет всем вместе, также через портал, это проще.

Шаман зажег большую свечу, задернул шторы, и поставил астральную защиту на комнату, чтобы никому не взбрело на ум войти. Теперь этот номер отеля на энное время станет невидим для всех, и вообще сотрется из памяти.

Потом он медленно выпил, одну за другой, три чашечки кофе по-турецки. И только после этого взял в руки заколку. Он осторожно разломил ее. Внутри блеснул большой камень.

– Ага, вот ты и попался, – прошептал шаман и вынул дра-

гоценность. Дыхание перехватило, когда положил бриллиант на ладонь. И тут же почувствовал, что здесь что-то неладно.

«Это не Энад», – резанула отчаянная догадка. – «Это же бижутерия! Подделка! Ну и ну! Ну и хитро же запутаны следы! Ладно, все равно я тебя поймаю, камушек. Все равно ты будешь мой!»

Эндэнэ вскочил и быстро зашагал по комнате. Его распалял азарт.

Хабблу приелась русская художница в годах, надоели ее ласки, надоел этот город, надоело все. Он ушел «по-английски», не прощаясь. Перед этим он подарил Ветте свой «бьюик», и купил себе «рено». Он отъехал от Лас Косимаса километров 150, и решил перекусить. Вошел в небольшой ресторанчик с овальным залом и круглыми, словно иллюминаторы, окнами. Интерьер напоминал нутро «летающей тарелки».

Только что прошел дождь, и стекло было усыпано мелкими бусинами капель, переливчатыми, как мыльные пузырьки. Хаббл сидел у «иллюминатора», пил кофе, и рассматривал двор. Он не успел испугаться, когда увидел, как полицейские машины быстро пронеслись по дорожке, мощеной гравием, и завизжали тормозами, останавливаясь у двери. На крыше пульсировали включенные маячки. Капельки на стекле расцвелись красными и синими огоньками. Двери авто распахнулись, и из них высыпали полицейские. По двое из

каждой машины, с оружием наготове. Два револьвера и два ружья направились к крыльцу. Один револьвер и одно ружье побежали к черному входу. Два револьвера и два ружья ворвались в ресторан.

Полицейский с револьвером остановился в дверях. Припав на колени, он напряженно держал оружие обеими руками, направив его в голову Хаббла. Полицейский с ружьем осторожно приблизился.

– Ни с места! Полиция! – гаркнул он.

Хаббл поднял руки.

Сержант с револьвером направился к нему от двери. Пока его напарник держал Хаббла под прицелом, сержант убрал револьвер в кобуру и, отстегнув наручники, защелкнул их на запястьях Хаббла.

Через кухню в зал прошел отряд прикрытия. Обойдя стойку, они встали вокруг Хаббла. Принялись обыскивать.

«Ничего у меня нет, я же выкинул пистолет тогда, сразу же. Разве что они его нашли» – пронеслась мысль.

– Вы арестованы по подозрению в убийстве, – сказал сержант. – У вас есть право хранить молчание. Все, что вы скажете, может быть использовано против вас. У вас есть право воспользоваться услугами адвоката. Вы понимаете свои права?

Хаббл кивнул. У него возникла идиотская детская мысль – броситься бежать со всех ног к своей машине. Его тут же пристрелят, и на этом все закончится. Все сразу, навсегда...

Иногда судьба меняется, все начинает идти не по плану, это Эндэнэ знал. Человек может выкинуть такой финт, что программа будущего даст сбой. И сбой порой случается самый радикальный. Не впади Варенников в запой в городке Дберь, так не торчал бы он сейчас здесь в обличье Сергея Азовцева, и тогда Эндэнэ быстрее, может, добрался бы до бриллианта. А теперь такая карусель закрутилась, такой лабиринт ситуаций, весь план зашел в тупик. Хаббла какая - то дурь закинула в пригородный ресторан, где его и повязали. Вытаскивай его теперь оттуда, снова Леду подключай, а это не есть хорошо. Леду можно задействовать только в экстренных случаях.

Эндэнэ добавил угольков в кальян, глубоко затаился, и задумался. Да, у каждого в жизни бывают моменты, когда он произвольно делает выбор. Такое может случиться даже во время сна. Во сне человек перемещается в иные реалии, где корректируется программа судьбы.

И он задумался о себе, перебирая карты своей жизни.

Детство его прошло в Бейруте, ведь отец работал в Консульстве, а мама всегда была при нем. Эндэнэ помнит пески пустыни, верблюдов, и бедуинов в чалмах, из-под которых торчали длинные рыжие волосы, и точно такие же рыжие, почти красные, бороды. Он думал тогда, что они красятся в цвет солнца специально, чтобы понравиться светилу, и оно чтобы не сожгло их совсем. Бедуинам никогда не было

жарко, они быстро ездили на верблюдах, он видел много раз, как верблюды мчатся по пескам, такую скорость дают, птиц обгоняют, им бы даже позавидовали супер-гонщики на маленьких гоночных машинках. Верблюды, высокие, с горбами, навьюченные каким-то бедуинским барахлом, они восхищали маленького Эндэнэ...

Потом они ехали в город, отец был за рулем, и что-то случилось, Эндэнэ очнулся в чужом месте, все было белое, такая белая стена, пододеяльник, и страшная белая боль. Чужие смуглые люди во всем белом приходили, втыкали в вену иглу с кишкой, которая тянулась к подвешенной банке, в банке была прозрачная боль, она втекала в проткнутую руку, в грудь, во все тело, которое и так напичкано было болью. Он лежал долго, казалось, тысячу лет, и с ним все время чего-то делали, он измучился от процедур. Папа с мамой не приходили, и он догадался, что никогда не придут, что их больше нет. Когда терял сознание от боли, видел их – папа обнимал маму, они были далеко за песками, он бежал к ним, но пески отодвигались, как мираж, и чем быстрее он бежал, тем больше отодвигались пески. Он кричал и махал руками, звал маму, папу, но они не слышали его...

И он просыпался от ужасной боли. И тогда он стал молиться, чтобы высшие силы избавили его от этого Ада. Он просил смерти.

Однажды, когда он в бессилии умолял о смерти, плача и стискивая зубы, боль отступила, и он заснул. И увидел бес-

конечные жаркие пески, а вдалеке цепочку верблюдов с рыжеволосыми бедуинами. Один из всадников вдруг повернулся, отделился от каравана, и быстро поскакал прямо поперек пустыни. Он приближался к Эндэнэ стремительно, вот остановился в нескольких метрах, и жестами стал звать его к себе. Он улыбался. И снова звал, молча. И Эндэнэ понял – это конец мучений. У него есть выбор. Если он подойдет к бедуину, даст ему руку, тот посадит его на верблюда и увезет в пески, к каравану призраков. И тогда больше не будет боли. Будет смерть.

Нет, хочу жить, пусть с болью, пусть в этой белой комнате. Но я хочу. Хочу. Жить...

Бедуин повернулся и ускакал. Эндэнэ видел, как уменьшается вдали его фигура, как он присоединяется к каравану, и все скрываются в песках...

Он проснулся. Ад продолжался. Но потом стало легче. Он выжил. И его отправили к родственникам на край России, в аул, где не было пустыни и бедуинов, а была бесконечная степь. И дед шаман, который лично занялся его дальнейшим воспитанием.

Ветта Павлин провела ладонью по своим длинным густым волосам, и сняла парик. Она одна, можно расслабиться. Пригладила жидкую поросль темных волос, сквозь которую проблескивала бледная кожа головы. Она привыкла постоянно носить парики, у нее их было много, но из-за Хаббла она не

снимала эту нахлобучку круглосуточно. Устала. И даже была рада, что мужчина на некоторое время отлучился. Не попросался, значит, не навсегда. Ну, на работу срочно вызвали, или еще что. Он жил у нее безвылазно целых две недели, и она изнемогла физически. И это, несмотря на свою хорошую закалку, выносливость и привычку к сексу. Да, она любила это. Как любила громкую жизнь, дорогие сигареты, хорошее вино, и поп-музыку. Она любила быть вдвоем и разнообразно.

Наверно, привычка к такой жизни шла с детства. Девочка из дипломатической семьи, заграничная судьба, потом – МГИМО, как у всех дипломатических детей, своя компания, свой мир, то особое пространство, в котором существовали избранные. Но она считала себя другой, ведь она рисовала. Ее посещала муза. Причем, муза особенная, потому что – ее личная.

Рослая брюнетка с большим бюстом, с длинными, чуть полноватыми, ногами, и широкими бедрами, она в то далекое время была недурна собой. Высокие брови, которые она подщипывала, широко расставленные водянистые глаза, четко очерченный рот с большой нижней губой, очень светлая, почти мраморная, кожа, и полунасмешливое выражение лица – это притягивало к ней мужчин. На многочисленных своих картинах она изображала в основном себя в разных ракурсах, обязательно на фоне зеркал, в которых бледно отражались ее мужчины, какие-то цветы, и натюрморты с фрук-

тами и бокалами с красным и белым вином...

Сейчас ей было семьдесят, и темп ее жизни слегка снизился, это огорчало. Приходилось таскаться по врачам, мучиться с зубными протезами – ведь ей непременно хотелось, чтобы зубы выглядели в точности как натуральные, она долго изводила стоматолога, но своего добилась. Потом она доканывала массажиста, но жировые складки все равно портили форму живота, ничего не помогало. Лицо тоже «поплыло», веки обвисли, а пластическую хирургию она не признавала – слишком любила себя, чтобы ложиться под нож. Да и к чему, ведь она выступает на сцене, в свете софитов, нагишом; избранная публика приходит смотреть на нее, несмотря на дороговизну билетов; дирекция платит ей хорошие деньги, а это значит, что она все еще недурна собой. Она кому-то нравится, и даже очень. На нее «повелся» такой красавчик американец, как Хаббл!

И она с упоением принялась вспоминать свои выступления. Вспоминала, как тело ее подпрыгивало и крутилось вокруг столба, при этом взлетали высоко вверх ее массивные отвислые груди, складки живота, вздрагивали словно взволнованное желе бедра, мелко вибрировали щеки, она вскидывала поочередно ноги и руки, публика визжала от восторга.

«Конечно, я хороша! Не зря же Хаббл подарил мне свой «бьюик», не зря же. И он приедет на мой бенефис в сентябре, несомненно. Даже раньше приедет, наверняка. Мальчик на меня «запал», чувствую...» – думала Ветта, накладывая на

лицо густую зеленоватую маску из глины и водорослей.

Она легла на пестрое покрывало, прикрыла глаза, и поплыла в страну грез. Вспомнила картины Ван Гога, которые он рисовал на скатертях и салфетках – это был период его лечения в психиатрической клинике, там у него не было холстов. «А неплохая мысль», – подумала Ветта. – «Я ничуть не хуже Ван Гога, и придет время, когда мои полотна будут стоить миллионы. Что, если начать рисовать на простынях и пододеяльниках? До такого еще никто в наше время не додумался...»

Потом мысли ее стали скакать и путаться. Всплыл эпизод, как папа мастерски фотографировал какие-то запретные объекты в Штатах, притворяясь рассеянным туристом. Тут же появлялись полицейские и охранники. Они начинали пояснять, что это запрещено, ни в коем случае нельзя это делать, и указывали на таблички с предупреждающими надписями. Папа на ломаном английском принимался путано извиняться. Вообще-то, английский он знал в совершенстве. И тут мама внезапно ломала каблук и с воплями падала, а пятилетняя Ветточка поднимала дикий рев и принималась бегать вокруг мамы, и пока полицейские вместе с охраной бросались на помощь, папа быстренько щелкал фотокамерой. Этот номер был у них давно отрепетирован, как и многое другое. У папы очень важная миссия – знала маленькая Ветточка, – приказ правительства, но это тайна, надо молчать. И она молчала. И чувствовала себя очень взрослой и

особенной.

Потом ее мысли перекинулись на бывших мужей, любовников и подруг. С подругами у нее все обычно кончалось ссорой, так как она считала, что они, сучки такие, уводят у нее мужиков. Всех своих бывших партнеров она причислила к рангу «козлов». Самый большой «козлица» был Вареников, он ее не оценил, да еще после такой-то ночи, она ради него зажгла арома-лампу с эротическим стимулятором – маслом иланг-иланг, она показывала ему свои лучшие полотна, а потом демонстрировала любовный мастер-класс, она даже дала ему несколько уроков, так как в сексе он совсем не разбирался. Или был слишком пьян. Он вообще ничего не понял, стал избегать ее, она была раздосадована, разозлена, просто взбешена, она хотела его убить. Пыталась, по крайней мере. Но промазала. Да, в семьдесят лет меткость уже не та. Это все оттого, что живет она в этой убогой России, где такой низкий уровень жизни, что люди быстро стареют и умирают. Она еще долгожитель, и активность ее невероятно высока. Обычно в этом возрасте уже не женщины, а дряхлые бабульки, еле ползающие с палочкой в руках, или вообще прикованные к постели. А она часть жизни умудрилась прожить за границей, потому и не очень изнасилась.

Потом она стала думать о своих последних любовных похождениях. Незадолго до поездки на отдых она закадрировала симпатичного мужика восточного типа, с таким блеском больших карих, слегка удлинненных, глаз, с невероятно длин-

ными ресницами, с густящими волосами черными и блестящими, в общем, самое оно. Он пригласил в гости, пили щербет, ели розовую дыню. Она с нетерпением поглядывала в сторону спальни. А он, не замечая, вещал о каких-то феноменах:

– Среди современных феноменов, которые совершенно не поддаются пока объяснению, есть такие, которые связаны со структурой пространства, более сложного, чем кажется. Хотя, оккультисты давно уже говорили и писали о тонких мирах, которые незримо пронизывают наш мир. Эти тонкие миры образуют брамфатуру любой планеты. Земная брамфатура называется Шаданакаром. Это многомерный гигантский цветок сложной формы, который, как ореол, окружает небесное тело, – своеобразный флер, полутень, заметить которую не всегда удастся. Вы, наверно, слышали о людях или предметах, которые появляется как бы ниоткуда и исчезают в никуда? Слышали о пространственных порталах? Вот через эти самые порталы...

Ветта ничего не поняла, устала слушать эту внезапную лекцию, распрощалась и ушла, в мыслях проклиная дурацкую ситуацию и своего знакомого, такого сексуального с виду и настолько бестолкового на деле. Ну напрасно она строила ему глазки, и вздыхала, и быстро проводила кончиком языка по верхней губе, и складывала губы сердечком, – все зря, она ничем не смогла его пронять.

Эти воспоминания окончательно погрузили ее в сон. За-

сыпая, она подумала о Хаббле, ее единственным на сегодня кадре, и поняла, что в него стоит влюбиться, а то как же без любви, так и постареть можно. Ведь только любовный гормон продляет молодость.

Хаббл с трудом понимал, что происходит. От внезапного ареста, от полученного стресса на него нашел ступор. Он почти ничего не соображал, когда у него брали отпечатки пальцев, когда фотографировали в трех ракурсах, когда пытались допросить. Он никак не мог взять в толк, о чем его спрашивают и что вообще от него хотят. Наконец, его втолкнули в камеру, закрыли железную дверь и включили замок. Электрические щеколды выдвинулись в пазы. Хаббл застыл посередине камеры, тупо уставившись в пустоту. Потом медленно попятился назад, пока не натолкнулся спиной на холодную стену. Он скользнул по ней вниз, и бессильно опустился на пол. Уронил голову на колени, и замер.

Так он просидел всю ночь, словно в анабиозе. Утром ему принесли завтрак, но он к нему не притронулся. До него доходило словно сквозь толщу льда, что он – убийца, и это не сон, он действительно убил подругу, и его повязали... А может, ничего этого нет, просто приснился кошмар, и теперь надо проснуться. Хорошо бы, если б все так и было.

Потом продолжились допросы, он отвечал невразумительно, он был сломлен. Мысленно он клял себя, что покинул то уютное убежище у русской художницы, в котором

совсем, начисто забыл об убийстве. А ведь она предлагала ехать вместе в Москву, и он даже пообещал, что непременно там с ней встретится, даже сказал, где – в Американском кафе...

Ничего путного не добившись, его снова возвращали в камеру, а утром был очередной допрос. Видимо, следователь ждал, когда он придет в себя. Потом его на несколько дней оставили в покое. И он понял, что сходит с ума.

Он понял это окончательно той ночью, когда увидел стройную женскую фигурку. Она прошла сквозь запертую железную дверь. Нагая, хорошенькая, коротко стриженная. Ее зеленоватое тело фосфоресцировало. Она подошла к нему вплотную, мило и виновато улыбнулась, сказала:

– Ну, идем.

И взяла за руку. Ее маленькая ладошка была колючая, теплая и крепкая.

– Глюки начались, – пробормотал Хаббл.

– Не, все нормально, – убедительно сказала она, и выдержала его из камеры.

Их закрутило словно в турбулентном пространстве. Он сразу потерял сознание.

Очнулся в машине. Он сидел в кресле собственной машины, только сзади. Рядом с ним была та самая девушка, только уже в джинсах и майке.

– Леда, познакомимся наконец. Что вытаращился, Хаббл, я же не инопланетянка какая.

– А кто ты, – с трудом выдавил он.

– Просто Леда. Не такая. Другая. Девушки бывают разные, – усмехнулась она.

Постепенно придя в себя, Хаббл заметил, что в машине кроме них еще двое мужчин.

– А это Эндэнэ, он наш главный, и Сергей, – кивнула в их сторону Леда. – Мы твои друзья. А теперь держись, сейчас снова войдем в портал.

– В какой портал? – выдохнул Хаббл.

– В пространственный, чудак, в обычный пространственно-временной портал. Проскочим, и вынырнем в Москве. Очень удобно, знаешь. Только нельзя пользоваться часто. Это для экстренных случаев.

И она обворожительно улыбнулась.

У Хаббла голова шла кругом.

Ольга открыла глаза. Сквозь тонкие ярко-синие шторы с оранжево-красными полосатыми рыбами проникал свет. Уже давно за полдень, поняла она. Просыпаться не хотелось, во всем теле была разбитость. Весь этот год ей не хотелось вообще вставать с постели. Она слишком многое на себя навалила, и устала, очень устала. Нужен был хороший отдых, какая-нибудь поездка. Она не отдыхала уже много лет, она безвылазно торчала в Москве, все время решая проблемы, которые сыпались на нее как из рога изобилия. Она циклилась на этих проблемах, изматывая себя внутренне. От этого

не хотелось жить... Вот и сейчас...

Чтобы не думать ни о чем этаким – но мысли сами крутились, как мухи над навозной кучей, над айсбергом неразрешимых дел, хотя она гнала, гнала их, все без толку, – лучший способ, это вспомнить что-нибудь приятное. Но ничего не приходило на ум, ничего не хотелось вспоминать. Она спустила с кровати руку, погладила дремавшего рядом большого пса, ладонь утонула в гуще длинного теплого ворса, на душе стало светло, как в детстве. И мысли ее медленно всплыли в нежное лето той поры, когда живы были родители, живы и молоды, а она, худенькая девчонка с двумя длинными тонкими косами, прыгала по кочкам, сплошняком усыпанным рыжими хвоинками, а вокруг стояли огромные прямые, как корабельный мачты, сосны, и запах был такой, удивительный, волшебный, ах как пахли сосны, распаленные июльским солнцем! И был трехпалый трон. Удивительное дерево! Тройное. Трехпалое. Три пальца. Три паденья. Три желанья. Трон. Нужно тронуть и загадать первое желанье. И тогда корявая сосна станет троном лесного царя, который исполнит парочку твоих желаний, самых заветных, вроде мечты о говорящей кукле или о большом шоколадном зайце с жидкой сладкой начинкой...

Она сидела в основании трех сросшихся сосен и, запрокинув голову, смотрела, как три ствола – будто три пальца – тонут в небе, словно в варенье из ежевики. Сроду не ела варенья из загадочной ежевики, в глаза не видала такой вкусня-

тины, девчонки рассказывали, вот бы попробовать, мечта...

Надо трижды упасть с трехпалого трона и загадать второе желание, так придумал папа, и, конечно же, она загадала про ежевичное варенье, наверно, оно синенькое такое, вроде неба, и его лопают Боги на Олимпе...

А вечерами они по очереди читали вслух мифы древней Греции, про этих самых Богов, вот житуха была, не то что сейчас. Они все амброзией питались, это, наверно, и есть ежевичное варенье...

– Оля опять заснула на дереве. Эй, слезай, мы уже в папоротниках ищем маморотники и сейчас совсем уйдем! – кричит братик Игорек.

«В папоротниках – рыжики с зелеными и оранжевыми шляпками, а никакие не маморотники, это опять все папка насочинял», – думает она с раздражением. Ей хорошо на дереве и не хочется никуда идти, искать и собирать, пропади они, эти грибы...

А потом был Волк. Он появился неожиданно, такой же угрюмый, страшный, неудобный, как разгулявшаяся за дверью стихия. Огромный, мокрый, с фосфоресцирующими глазами. Темно-серый. Словно грозовая туча.

Вторую неделю свирепствовал ураган. С домов срывало крыши, деревья выворачивало с корнями и носило по воздуху. На избу рухнул столб с оборванными проводами, все боялись пожара.

Пятистенок, который арендовал папа, был срублен на сла-

ву – крепкий, с мощной дверью. Веранду заперли на крюк, а сами забились на кухню. Там весело потрескивала печка, обдавая всех густым смолистым жаром. Поленья трещали словно выстрелы, разноцветное пламя яростно вертелось, будто дразнило кого-то.

В эту ночь семья не ложилась, так как в счетчик над кроватью ударила молния, и боялись идти в спальню.

Ливень за окнами вдруг прекратился, будто кто-то враз оборубил струи дождя. Лишь страшно громыхал гром.

Мама сказала:

– Вот самая опасная погода. Сухой гром. Особенно страшна молния...

Не успела она договорить, как за окнами полыхнуло.

– Кажется, горим... – произнесла тетя Зина.

– Это молния, – сказала бабушка.

Она распахнула кухонную дверь и высунулась на веранду. Там было темно и влажно. Очередная вспышка осветила помещение, и тут же загромыхало над потолком, будто гром осыпался на крышу. Что-то сильно ударило в дверь веранды, потом еще раз и еще, так что дверь дрогнула, соскочила с крючка и распахнулась. В проеме возник большой мокрый зверь, шерсть висела слипшимися космами, он казался черным, с него лила вода. Зверь спокойно огляделся и не спеша вошел. Он прошел в угол веранды и лег на кучу половиков, которые бабушка наспех посдергивала с веревки, когда началась гроза. Он положил большую голову на лапы и опять

взглянул на людей умными усталыми глазами.

– Это волк! – вскрикнула мама, заталкивая детей на кухню. Оля и братик упирались. – Саша, что же ты, убери детей!

– Не наводи панику, – сказал отец. – Это крупная немецкая овчарка.

– Да что ты-и, глаза-то горят желтым, это дикий зверь! В здешних лесах их видели, волков-то!

– Ну не гнать же его, – сказал папа. – Он промок и, похоже, простудился. К тому же это явно служебная собака, легла на подстилки, и глаза умные.

– Надо покормить, – сказала бабушка, протискиваясь боком в дверной проем из кухни с тарелкой каши.

Бабушка первым делом всех кормила, будь то человек, животное, птица. Возникни вдруг перед ней призрак, она бы и ему сунула под нос тарелку супа или кружку простокваши.

– Стой, куда? – крикнула мама, хватая бабушку за подол и затаскивая обратно на кухню.

– Да отстань ты, Милка! – вырывалась бабушка. – Пусти! Воспользовавшись суматохой, Оля шмыгнула на веранду и бросилась к собаке. Ей хотелось накрыть песика пледом, чтобы он согрелся и обсох. Но отец схватил ее в охапку, унес в комнату и запер. Она заревела в голос.

Наутро ураган утих. Солнце, похожее на тщательно надренную раскаленную сковороду, висело в жарком мареве высоко над крышей, от затопленной земли шел пар. Начинался зной. После бури установилась жаркая погода.

– Это Волк принес с собой хорошую погоду, – сообщил братик. – Он не простой пес, а волшебный.

Волк, накормленный и невозмутимый, лежал во дворе у калитки. Оля бросилась к нему, чтобы погладить, но родители отогнали ее.

– Не подходи, тыпнет за ногу, будешь знать, – сказала мама. – Он еще к тебе не привык.

– А почему вам можно, а мне нельзя? – захныкала она.

– Мы взрослые, – последовал лаконичный ответ.

Все утро она пыталась прорваться к Волку. Сбылась мечта, у них, наконец-то, собака, да еще какая! Большая, важная! Вот бы погладить, поиграть с ней! Не пускают...

А родители ждали, что найдется хозяин собаки, или пес сам уйдет к хозяину. Но все оставалось по-прежнему. Волк не отходил от дома. «Может, его хозяин умер?» – с надеждой думала Оля.

Это был очень умный пес. Похоже, он был хорошо обучен. Соседские ребята бросали ему через забор куски колбасы и кости. Волк и бровью не вел. С земли он пищу не брал. Принимал еду только от бабушки, и только из миски. Наверно, решил, что бабушка здесь самая главная, коли стряпает и всех кормит.

Волк никогда не облаивал прохожих. Но если кто-нибудь хотел войти во двор, он вставал, загородив калитку, и особому страшно рычал. На Олю и братика он не обращал внимания, на кота Алтына тоже. Когда Оля все же попыта-

ласть погладить Волка, он так рыкнул, что она отскочила, а кот, пригревшийся было на солнышке, свалился с крыльца.

Трогать себя пес позволял только бабушке и папе. Оле очень нравилось, что их пес такой неприступный, серьезный. Это не какая-нибудь домашняя собачонка, которую можно трепать, как угодно, все стерпит за лакомый кусочек. Их пес – зверь и почти что человек. Нет, он лучше. Иной человек тоже стерпит все за кусок хлеба, так сказать... А ее пес – вот это зверь! Сильный, гордый! Она восхищалась своим зверем.

Через два дома от них жила семья пастухов. Муж, жена и сыновья пасли по очереди колхозное стадо, ночами гнали самогон и пили запоем. Спохмела шли в лес с дробовиком и палили по белкам и птицам. У них каждый раз была новая собака на цепи. Собак они почему-то убивали. А может, съедали. Мечтали об умной пастушьей собаке, но у них заводились только глупые цепные псы.

Волк им приглянулся, и пастух стал просить, чтобы его продали. Но олина семья наотрез отказалась.

– Дык эта ж не ваша собака, – сказал пастух.

– И не ваша, – ответил отец.

– Наша, – отрезала мама.

– Это не собака, а волк, он к нам из лесу прибежал, – встряла в разговор Оля.

– Ну вот, е-мое, псина чужая, – сказал пастух. – А ежели я хозяина приведу?

– Приводи, – сказал папа и увел Волка на веранду.

Спустя несколько дней, поздно вечером, когда вся семья играла на кухне в домино, а Волк лежал возле калитки во дворе, вдруг послышались какие-то вопли. Они доносились снаружи. Все сразу почуяли неладное и выскочили из избы. После яркого домашнего света тьма казалась непроглядной, ни зги не видать. В тишине вечера звуки словно усиливались – яростный треск, крики, злобное рычанье со стороны калитки. Папа сбегал за фонариком и осветил угол двора. Они увидели пастуха с сыновьями, цепь с ошейником, винтовку. Не винтовку – дробовик. В то время Оля не разбиралась в ружьях, да и теперь тоже.

Она сразу поняла, что произошло. Они хотели в темноте увести Волка, приманив его косточкой. Но пес набросился на них, повалил и принялся катать по земле...

Папа отозвал Волка на веранду. Пастухи пообещали застрелить собаку, выкрикивая, что бешеная псина покусала их.

Папа спрятал Волка в комнате. Потом он отвез его в дальнюю деревню и отдал какому-то человеку. Оля с братом очень горевали, хотели найти, колесили на велосипедах по деревням (им не сказали, куда именно был отдан пес), но тщетно.

Вскоре у них пропал Алтын. Через несколько дней они нашли его мертвым в поле. Он был застрелен из дробовика. Мама долго плакала.

Дачный сезон заканчивался. Они на семейном совете решили съездить в ту деревню и забрать Волка в Москву. Они тревожились за судьбу собаки.

Но Волка там не оказалось. Новый хозяин сказал, что пес ночью оборвал цепь и ушел. Найти не удалось.

– Так вы его на цепи держали? – ахнула мама.

– А как же иначе? – последовал ответ. – Собака, она для цепи и есть.

Больше вспоминать не хотелось. Лицо Ольги было мокрым от слез. «Вот зараза, о чем ни подумай, все какая-то драма вспоминается» – она мысленно чертыхнулась и спустила ноги с постели. Тапочек не было, на них дремал пушистый Рокки, свернувшись и прикрыв хвостом нос. Он был такой уютный, что от одного его вида Ольга стала приходить в душевное равновесие. Босиком прошла к окну, раздвинула шторы. Облачное небо, двор, вид которого до того надоел за все эти годы, что смотреть тошно. Надо умыться и окончательно прийти в себя. В ванне течет душ, от сантехников уже мутит, сколько можно вызывать, а потом целый день ждать, пока придут. Как все надоело!

Пронзительная музыка мобильника резанула уши. Ольга вздрогнула, и быстро направилась в коридор. Мобильник лежал на старом трюмо с потускневшим от времени стеклом. Близоруко щурясь, она нащупала телефон среди множества не очень нужных тюбиков, коробочек и флаконов со спреями. Поднесла к уху, и, сделав усилие, выдавила из себя лег-

кий радостный голосок:

– Алло! Алло!

– Привет, котенок, – чересчур ласковый тон Сергея, нежный словно шелк, медленно выливался на нее из трубки, словно пенистый гель для душа. – Прости, что снова исчез, не мог позвонить, опять неожиданные обстоятельства. Прости, прости, котеночек, зато у меня есть для тебя подарок. Я заеду за тобой завтра, посидим в Американском кафе, потом поедем ко мне, будет романтический вечер с сюрпризом!

– Что, какое кафе? Американское? Ты что, приглашаешь меня в Америку? У меня нет загранпаспорта, – ответила она.

– Глупенькая, Американские кафе есть во всем мире. Это как Макдональдсы. У нас в Москве их несколько штук, целая сеть. Мы поедем на Арбат.

– Я не видела на Арбате никаких Американских кафе.

– Тем не менее, оно там есть. Арбатская, 23.

– Я не люблю Арбат, в меня там стреляли, – воскликнула Ольга.

– Да? Ну тут рядом со мной шаман, сейчас спрошу, почему стреляли. Он говорит, что тебя приняли за принцессу Диану, но поскольку принцессы больше нет, в тебя стрелять не будут.

– Ага, как же, держи карман, еще за кого-нибудь примут. А что это вообще такое, кафе это, что там особенного?

– Экзотика. На стенах висят конские седла и деревянные колеса от телег. И еда своеобразная.

– Ну например? Конские хвосты и ковбойские сапоги под кетчупом? – засмеялась Ольга.

– Почти угадала. Хвосты игуаны. Еще – настоящая мексиканская кухня. Шипящий фахитас, хрустящая свинина на ребрышках, салат Цезарь, американский яблочный пирог.

– Круто! – воскликнула Ольга. – А в Америке тоже это меню?

– Там еще круче, ты что! Например, в Селигмене есть кафе The Roadkill Cafe. Там вывеска: «Вы убиваете это, а мы это жарим!» И готовят они из животных, убитых автомобилистами на дорогах. Это – настоящее "кафе дорожных убийств".

– Во дают! – изумилась Ольга. – Куда Гринпис смотрит?

– Ну наши российские кафушки не столь кровожадны, у нас тут без дорожных убийств все обходится. Так что готовься к приятным сюрпризам. Пока, целую, рыбка, завтра за тобой заеду.

Ольга улыбнулась. Иногда судьба подбрасывает ей подарки, правда, слишком неожиданные. Она уже считала, что Сергей исчез навсегда. Как классно, что он позвонил, что опять будет встреча, да еще с сюрпризом, это просто супер! Наверняка потом, после всего, они приедут сюда, надо срочно прибраться и сделать так, чтобы был полный комфорт. Надо пропылесосить, вымыть пол, протереть столы и полки, отмыть ванну и умывальник, а то все заросло уже, и красиво расставить горшки с растениями. Главное, поставить все

правильно. Все с острыми листьями – сансивьерию, хлорофитум, золотой ус, алоэ – надо переместить в спальню-кабинет, чтобы положительная энергия двигалась быстрее. С круглыми листьями – красулу, герань, авокадо, – в кухню-гостиную. Кактусы расположить на балконе. Возле кровати зажечь лампадку с ладаном. А над постелью повесить красивую пластмассовую бабочку – символ любви и радости.

Она быстро приняла душ, заварила свой любимый зеленый чай «Мишки гамми», и достала из холодильника йогурты. День засверкал всеми красками радуги. «Надо еще вывести Рокки», – подумала она...

Ветта была в полном шоке, когда утром к ней нагрянула полиция. Она плотнее запахнула желтый с лиловыми леопардами шелковый халатик, и спросила:

– В чем дело?

– Мы должны задать вам несколько вопросов, – сказал смуглый черноглазый брюнет, которому очень шла полицейская форма.

– Ну, а зачем? – растерялась она, и глянула на себя в зеркало, рядом с которым стояла. – Что-то случилось?

– Вам знаком человек по имени Хаббл? У вас его машина.

– Ну, он мне ее подарил, документы в порядке, сейчас принесу, – Ветта подошла к секретеру и, порывшись в столе, достала нужные бумаги. – Вот, пожалуйста, можете проверить. Хаббл мой бойфренд, – произнесла она со скрытым

кокетством.

– Вам известно его местонахождение? – спросил второй полицейский. Высокий, рыжий, с аккуратно подстриженными усиками, он был похож на ирландца.

– Нет, он исчез так внезапно, ничего мне не сказал и даже не попрощался. Я решила, что его срочно вызвали на работу.

Полицейские переглянулись и усмехнулись.

– Да, внезапность, это его черта. А где он работает? – спросил ирландец.

– Не знаю, мы об этом как-то не говорили.

– О чем же вы говорили?

– О всяких отвлеченных вещах, – вздохнула художница. – О чем могут говорить мужчина и женщина?

– О чем же, все-таки? – поинтересовался брюнет.

Ветта шевельнула бровями, и снова вздохнула. Она подняла глаза вверх, к висевшей над тахтой миниатюре, на которой она изобразила себя среди цветов с мужскими лицами, и большой подсолнух рядом с собой, у подсолнуха был лик Хаббла. Полицейские тоже взглянули на картину.

– А к чему эти вопросы? – повернулась к ним Ветта. – Что-то случилось с Хабблом?

– Он арестован по подозрению в убийстве. И исчез из камеры, – последовал ответ.

– Что? – ахнула она, – как?! Мой мальчик убийца?! Нет! Этого не может быть!

Она рухнула на тахту и закрыла лицо руками.

– Послушайте, вам лучше сказать нам, где он скрывается, – произнес ирландец. – Он может быть опасен. Он подзревается в убийстве двух женщин, с которыми ранее сожительствовал. Подумайте о собственной безопасности.

– Не-ет! – вскрикнула Ветта так, словно ее ужалили. – Это не он, не он.

– Хорошо. Вот вам визитная карточка, если что-нибудь узнаете или вспомните, сообщите. Извините за беспокойство.

С этими словами полицейские покинули ее дом.

Она была в полном смятении. Ее мальчик, страстный, ласковый и неумолимый в любви, и вдруг – убийца? Этого невозможно представить себе. Но они говорили, что он убил двух любовниц? Может, он киллер?

И не любовниц убивал, а делал свою работу, а полицейские ничего не знают, откуда им знать, кого он «мочит»?

Эти мысли подогрели ее воображение. Она представила себе его с пистолетом, обнаженного, выныривающего из бассейна и стреляющего в ее соперниц. Это так ее завело, что она просто места себе не находила. Направилась в ванну, приняла душ, и не вытираясь, замотавшись в большую махровую простыню, направилась на веранду в свою мастерскую рисовать. Сюжет картины возник мгновенно: она словно Аврора выходит из пены, обмотанная махровой простыней, а на берегу в нее целится из лука красавец Парис с лицом Хаббла.

Она выдавила на палитру краски из всех тюбиков, ведь

картина должна быть очень яркой и многоплановой, это будет кричащий шедевр. Она напишет полотно быстро и вдохновенно, и именно этой картиной откроет свою выставку.

Она писала крупными мазками, а мысли ее уже унеслись далеко, в Москву, на выставку, которая должна будет открыться в сентябре. И она вдруг почувствовала, что ее мальчик, ее Хаббл сейчас в Москве, с нетерпением ждет открытия ее выставки, ну конечно, он решил сделать ей сюрприз, и умчался в Москву. Наверняка, он хочет купить там дом, чтобы встретиться с ней во всем великолепии и чтобы жить рядом с ней, ходить на ее выступления, на ее выставки, ведь он ее безумно любит! А может быть, он действительно киллер, и выполняет какой-то заказ? Как это интересно!

Мысль о том, что Хаббл убийца, сильно распалила ее. Она хотела его немедленно. Она срочно должна вылететь в Москву! Она чувствует, что он сейчас там.

Ветта сунула кисти в банку, и метнулась к телефону, чтобы заказать билеты на ближайший рейс.

Ночь переливалась цветочной лунной свежестью, лучилась огнями реклам и отсветами вспыхивающего зарницами неба. Ольга неспешно шла за своим стареньким псом. Рокки ковылял чуть впереди, нюхая землю. Он уже не в силах был поднимать лапу, и справлял свою нужду прямо на ходу, оставляя извилистый мокрый след, похожий на вереницу арабских букв.

– Добрый вечер, – поравнялся с ней хозяин коричневой таксы.

Он жил в соседнем подъезде, Артем, коротко стриженный парень с фигурой дзюдоиста.

– Привет, отозвалась она.

– Хочешь пива?

– А почему бы и нет? – сказала Ольга.

У нее сегодня было радостное настроение, еще бы, завтра встреча с Сержиком, наконец-то!

Они дошли до беседки. Их старые собачки рыскали в темноте, увлеченные ночными запахами. Артем открыл бутылку и протянул ей. Ольга хлебнула. Это была «Балтика» №3, густая темная жидкость, от которой у нее сразу закружилась голова. Сделав несколько глотков, она протянула бутылку Артему. Он тоже отхлебнул несколько раз. И снова передал ей. От него пахло сигаретами и горячим молодым потом, словно он только что пришел с тренировки.

– А со мной такой прикол произошел, – сказал Артем, – знаешь. Подъезжаю, значит, к светофору. Встал. Вдруг слева выныривает жёлтый малыш «Дэу» и застывает прямо передо мной. Я просто оторопел от такой наглости. Я встал у самой полосы, так что «Дэу» и места-то не было, поэтому ему пришлось притиснуться на самом переходе. Зато – первым, чёрт его дери! У меня сердце ёкнуло от плохого предчувствия. Хотел от греха немного податься назад, а позади трейлер «Рено» пристроился – пути назад нет. Впереди боком

на тротуаре стоит милицейский «форд», рядом гаишник, повернул голову в нашу сторону, наблюдает с интересом. Загорелся зелёный. Ну, думаю, слава Богу, пронесло, ничего не случилось. Но тут «Дэу» трогается с места, только не вперёд, а назад, зараза, и тюкается в меня. О, боги небесные! Вылезаю, иду. В малыше сидит растрёпанная деваха и смотрит на меня невинными глазами. Так и знал – блондинка!

«Что, говорю, мадам, за дела? Какого чёрта?»

Она часто-часто моргает и спрашивает: «А чего это она назад-то поехала? Мне вперёд надо!»

«Иди, говорю, взгляни, что случилось! Я всегда приветствую контакт зада и переда, но только не в этом случае!»

Она выволакивается из машинки, смотрит, понимает, что это ДТП, ужасается и начинает верещать: «Ой, что это, как это? И что теперь делать, ой простите, ой, извините, я не хотела, ей-богу, это не я!»

Лезет в свою кроху, роется в сумке, достаёт мобильник, продолжая причитать: «Я сейчас, я сейчас, не волнуйтесь, всё будет хорошо, я позвоню в милицию, я позвоню в «Ангел», я позвоню в автоклуб....»

Вот, чёрт, где она только не состоит, лучше бы научилась разбираться в коробке передач!!!

Я оглядываюсь. Гаишник, наблюдающий за нами, уже стоит рядом, улыбается во все свои зубы и говорит: «Не надо звонить, я всё видел и уже позвонил куда надо!»

Потом инцидент завершился, и все разошлись по своим

направлениям.

А мне почему-то стало жалко эту чайницу-недотёпу, и досадно было, и смех разбирал. Ну, чем не анекдот! Значит, в народе правду говорят о блондинках, они – народ особенный!!!

– Конечно, мы народ особенный, – рассмеялась Ольга. Она уже порядком захмелела. – А у меня сегодня тоже прикол, представляешь, ни свет ни заря, в полдень, кто-то вздумал вдруг звонить, я взяла трубку, ничего не пойму спросонья. Меня просто убивает, когда кто-нибудь звонит мне в полдень и, узнав, что я только что открыла глаза, недоумевает: “Живут же люди! Ну сколько можно спать! Кто рано встает, тому Бог подает...” и далее. Между прочим, я сплю ровно столько же, сколько и те, кому “Бог подает”. Просто часа в два ночи, когда они видят пятнадцатый сон, мы вместе с музой и компьютером сидим, уютно устроившись на диване, и что-нибудь кропаем. Потому что лучше всего нам пишется по ночам. В районе полуночи у меня всегда начинается бешеная активность, и если еще пару часов назад я чувствовала себя уставшей, то теперь могу свернуть горы. Например, пропылесосить пол во всей квартире (жаль, соседи не одобряют этих моих порывов), взяться за приготовление утки по-пекински, и так далее. А вот самое сладкое время для сна – это с семи утра до часу-двух дня, сколько раз замечала: именно в эти часы просто невозможно раскрыть глаза. Если же по каким-либо причинам приходится совер-

шать этот страшный акт насилия над собой, то вместо меня миру является красноглазый зомби, не способный к мыслительным процессам, адекватным реакциям, положительным эмоциям, да и вообще к жизни в целом. Нет, я, конечно, встану с кровати, выпью чай, накрашу ресницы, потом двадцать минут буду пытаться надеть туфлю с левой ноги на правую, сорок минут искать ключи от квартиры, выйду из дома без телефона и сумочки и через час обнаружу, что ресницы красные. Все-таки эти новые жидкие румяна по форме ужасно напоминают мою тушь! Особенно в девять часов утра. Вот поэтому, дабы избавить окружающих от созерцания “чуда” с красными ресницами в перепутанных туфлях, я живу так, как нравится моим биоритмам...

Они допили бутылку, и пошли в круглосуточную палатку за второй, наслаждаясь душистой сверкающей ночью и той задушевностью, которая окутывала их сейчас.

– Что ты хочешь, кроме пива? – спросил Артем возле палатки.

– Мороженное, – улыбнулась она. – И еще, ананасовый сок. Кстати, где наши собаки?

Собаки топтались на газоне возле дома, куроча пакет с остатками какой-то закуси.

– Вон они, кусошники, чего-то надыбали уже, – кивнул в их сторону Артем. – Кстати, Оль, что ты делаешь завтра вечером?

– Иду с друзьями в Американское кафе на Арбате.

– Неплохое местечко, – сказал Артем. – Я там иногда в бильярд играю. А давай пойдём сейчас ко мне. Видак посмотрим, у меня клевые фильмы.

– Да нет, Артем, – отказалась она. – Спасибо за приглашение, конечно. Давай просто посидим тут в беседке. Пусть собачки как следует выгуляются...

Они вошли в беседку. Артем сел на спинку деревянной скамьи, широко расставив ноги, и натянувшиеся джинсы плотно облепили его накачанные бедра.

– Слыхала, человека-паука взяли, – сказал он.

– Кого-кого? Какого паука? – удивилась Ольга.

– Ну, того француза, который на небоскребы карабкается. Разъезжает по миру и лазит. Ален Роббер, альпинист. В «Москва-Сити» залез на башню «Федерация», а там высота 242 метра, так он за полчаса вскарабкался!

– Во, дает!

– Ну, там его и повязали. Правда, скоро отпустили, когда поняли, кто он. Так этот «паук» потом полез на памятник Ленину, но здесь его постигла неудача – Ленин оказался слишком скользким, его голуби изгадили.

– Ха-ха-ха!

– Ха-ха!

Они долго хохотали.

– Это что. Тут со мной такая веселенькая историйка была, знаешь. Я путешествовал по Индии, из Непала взял билет на «Боинг-757». Было воскресенье. Нас уже погрузили

в самолет, сидим, а он катается по дорожке, и не взлетает. Нас снова выгрузили. Потом смотрю – появляются индусы в оранжевых балахонах, и тащат двух буйволов. Они их в жертву принесли, чтобы «Боинг» взлетел. Вот приколы-то! У них так технические проблемы решаются. Прикинь, международный тамошний аэропорт, а наличии всего два «Боинга».

– Ну и как, взлетел самолет?

– Ну да. После небольшого ремонта. Короткое замыкание, провода закоротило.

– Круто. А ты, вообще, много путешествовал?

– Я был везде. И в самых прикольных отелях останавливался. В отеле на дереве, в подводном отеле на дне океана, в пещерном отеле со сталактитами, в болтающейся на цепях пирамиде, торчащей в стеклянном шаре – правда, такого отеля пока нет, но я его видел во сне. Возможно, это будет мой собственный, первый в мире такой, когда «раскручусь» как следует.

– Ты что, бизнесом решил заняться? – удивилась Ольга.

– Да не просто решил. Уже въехал.

– Ого! Ну, ты даешь, – она оценивающе взглянула на парня.

Эндэнэ, наконец, очнулся от медитации. Он сидел на ковре в позе лотос посреди комнаты. Его квартира, похожая на юрту от обилия ковров, благоухала, казалось, всеми суще-

ствующими на Земле ароматами. На подоконниках и специальных подставках дымилась курительницы, палочки, аромалампы. У непривычного человека тут же разболелась бы голова, но шаману это не грозило. Напротив, это помогало ему погружаться в будущее и прошлое одновременно.

Мысленно он просканировал судьбу бриллианта, и понял, что камень в данный момент здесь, в Москве, и вскоре попадет в руки Ольги.

«Надо спешить. Пора проворачивать ситуацию», – мелькнула мысль. Но как это сделать, он еще не знал. Он снова ушел в инобытие, и понял, что Энад где-то здесь, совсем рядом, и так близко, стоит протянуть руку, но где именно, это оставалось скрыто. Он не все мог видеть, увы! Почему это не дано ему, что он не так делает? Почему он не столь искусен, как покойный дед? Этого он никак не мог понять.

Он поднялся с ковра, и прошел в гостиную. Леда уже заваривала крепкий кофе.

– Знаю, о чем мыслишь, – сказала она. – В крайнем случае, подсоблю. Не грузи себя, справимся.

Она села на шелковый пуфик, расшитый замысловатыми узорами, и закинула ногу на ногу. Взяла в ладонь фарфоровую чашечку, и медленно поднесла ко рту. Прикоснулась к краю чашечки губами, напоминающими переливчатый зеленоватый жемчуг, и блеснула болотными огнями зрачков на Эндэнэ. Ее нереальная, фантастическая красота снова ослепила его. Он пил горячий кофе и заводился.

– Остынь. Сейчас не время, – усмехнулась она. – Прибереги свой пыл на ночь. Лучше давай о деле покумекаем. В крайнем случае, эту бабу можно выкрасть.

– Похищение? А не провороним ли мы камень? Неизвестно, в чьи руки он тогда попадет.

– Может, в наши, – сказала Леда.

– А может, и нет. И что тогда? Он может так уканать, что мы до него не дотянемся вовсе. Ведь ты не всюду можешь проходить, и есть стены, недоступные тебе.

– Ладно, не будем морочиться, – недовольно поморщилась Леда. – Так, сколько время-то? Тебе скоро на стрелку, гляди.

– Успею.

Она бросила взгляд на прозрачные длинные шторы – они вздулись как от сквозняка, хотя все окна были наглухо закрыты.

– Что происходит? – перевела она взгляд на шамана. – Ты что творишь?

Он промолчал.

По гостиной пробежал ветер, дверь завертелась вокруг своей оси, словно карусель, то и дело проходя сквозь стену.

– Совсем рехнулся, забавляется как дитя, – буркнула Леда, и глаза ее изумрудно полыхнули. – Оттянуться решил, да? Знаю я твои штучки, кончай.

– Кончать буду ночью, – сострил он, и громко расхохотался. – Ох, как я буду кончать, готовься! А может, прямо сей-

час, а? Иди-ка сюда...

Сегодня Ольга проснулась рано, в одиннадцать. Перевернулась на спину, закинула руки за голову и потянулась так, что хрустнули суставы. Нажала клавишу плеера, и принялась под музыку болтать в воздухе ногами. От ожидания радости сердце колотилось. В полдень она уже выгуляла собаку, и помчалась в «Парфюмерию» за хорошей туалетной водой, так как у нее осталась одна дешевка со слабым цветочным запахом.

Как всегда, проскочила между машинами, которые парковались напротив подъезда. Прошла мимо серебристого «бумера» с тонированными стеклами. Машина медленно двинулась следом, огибая газон. Ольга проскочила в арку на противоположном конце двора, и переулками заспешила в сторону магазина. Она уже свернула на узкую и почти безлюдную улочку, когда навстречу на полной скорости вылетел «бумер». Она шарахнулась в сторону, и отскочила на газон. Машина повернула прямо на нее. Ольга успела увернуться, прыгнула на дорогу и побежала. Автомобиль вырулил с газона и сорвался с места. Расстояние между ними сократилось за минуту. Ольга сиганула влево за мусорный бак. Через секунду бак отлетел в сторону. Ольга помчалась через строительную свалку, прыгая почти как кенгуру.

В магазин она влетела вся красная, тяжело дыша. Посто-яла у витрины, медленно приходя в себя. Она никак не мог-

ла понять, что происходит, кому вообще она нужна и зачем на нее этот наезд. Потом решила, что никто ее давить не хочет, просто подростки развлекаются, пугают для потехи, это вероятнее всего. Успокоившись, выбрала туалетную воду, и вышла на крыльцо. Посмотрела по сторонам. Машины не было. Она медленно, с оглядкой, пошла в обход, по самой людной улице. Постояла на переходе, дождалась зеленого света, и ... увидела серебристый «бумер». Автомобиль сорвался с парковки на угловой улице и помчался в ее сторону, не обращая внимания на предостерегающий цвет светофора. Ольга побежала через дорогу сломя голову.

Домой она тащилась обходными путями, выбирая маршрут так, чтобы не смог проехать автомобиль. Прошла через открытое кафе, вскарабкалась на высокую насыпь, перелезла через забор, окружающий детскую поликлинику, пробежала собачью площадку. «Кажется, оторвалась от машины. Да, точно, «тачка» потерялась», – мелькнула мысль.

Вот уже подъезд, все, почти дома!

На дороге возле газона парковался серебристый «бумер», Ольга заметила это, когда уже подходила... Она резко остановилась и достала из кармана мобильник. Машина дала задний ход, развернулась и уехала. Ольга не успела рассмотреть цифры номера. Вернее, это пришло ей в голову уже потом, когда пыталась дозвониться до участкового. Но на том конце провода не отвечали. Пришлось идти. Там, как всегда, было заперто. Она принялась названивать в ОВД, но потом реши-

да, что не стоит тратить время, так как тащиться туда и писать заявление все равно некогда, да и без толку.

Дома она сразу же приняла ванну с персиковой пенкой, выпила пару чашек жасминового чая, включила плеер, и принялась наводить марафет. Скоро заедет Сержик.

Он позвонил, что будет через полчаса. Но появился позже, застрял в пробке. Она уже успела несколько раз подправить макияж и переодеться – никак не могла выбрать, что же лучше, гардероб был бедноват...

Он появился с таким громадным букетом оранжевых лилий, что не видно было лица, и с пакетом спелых манго. Она подпрыгнула и повисла у него на шее...

В кафе они приехали на вишневом «Ягуаре». Столик возле окна был накрыт клетчатой скатертью. Официантка принесла меню, и зажгла круглую свечу, стоявшую посередине стола.

– А вот и мои друзья, – кивнул Сергей на двух мужчин, подошедших к ним. – Эндэнэ, шаман-интеллигент, и гость с дикого запада Хаббл.

– Очень приятно. Ольга, – кивнула она, мельком взглянув на них.

Эти люди были ей сейчас неинтересны. Она вся сосредоточилась на Сергее. Она не сводила с него глаз, и совершенно не замечала восторженных взглядов, которые бросал на нее американец.

– Ну, что заказываем? – спросил Сергей. – Оль, я советую

тебе...

– Хочу жульен, – весело перебила его она. – Обожаю жульен.

– Они здесь разные. Есть из курицы, есть из грибов.

– Желаю грибной, – улыбнулась она. – И ананасовый сок фреш...

Она хотела было рассказать Сергею про серебристый «бу-мер», но все ждала удобного случая, а потом забыла. После нескольких коктейлей стало совсем весело.

– Знаете анекдот про Вовочку? – спросила она.

– Это про Путина, что ли? – сострил Эндэнэ.

Она пожала плечами:

– А кто их, Вовочек, разберет. Ну, так вот, вызывает учительница его родителей и говорит: «У вашего сына большой талант, он так хорошо нарисовал муху, что я все руки о парту отбила». «Это что», – говорит его мать, – «он в ванной такого крокодила нарисовал, что я с перепугу вылетела оттуда в нарисованную дверь».

– Ха-ха-ха!

– Ха-ха-ха-ха!

– А вот вам реальный случай. Можно сказать, житейский анекдот. Один мужик купил ящик пива, взял бутылку, хотел было открыть, глядь – там кто-то плавает. Смотрит на просвет – а там презерватив. Он бутылку на экспертизу, все точно – презерватив. Подал в суд на пивную фирму, потребовал пятьдесят кусков!

– Не может быть! Прикалываешься.

– Да нет, вот у меня газета в кармане, только сегодня прочел. Смотрите сами:

«Житель Москвы подал в Перовский суд иск о взыскании 50 миллионов рублей с одной из российских пивоваренных компаний, после того как нашел в бутылке пива презерватив, сообщается в пресс-релизе межрегиональной коллегии адвокатов "Закон и человек", распространенном во вторник. В августе 2006 года мужчина купил ящик пива, "в одной из бутылок просматривался презерватив и упаковка от него", говорится в сообщении. "Мосэкспертиза" проверила бутылку. Эксперты подтвердили, что указанный товар действительно не соответствует требованиям... Центр гигиены и эпидемиологии в Москве подтвердил также, что посторонние предметы попали в пивную бутылку именно на предприятии-изготовителе", – приводятся в пресс-релизе слова адвоката Сталины Гуревич. Как утверждает в сообщении, покупатель пива получил тяжелую моральную травму и до сих пор не может употреблять любые напитки заводского производства из-за боязни отравиться. Он обратился за помощью к психологу, и сейчас проходит курс психотерапии", – сообщает коллегия адвокатов».

– Ха-ха-ха-ха!

– Ха-ха-ха!

Принесли американский яблочный пирог.

– Отнюдь не совершенство, – сказала Ольга, попробо-

вав. – Я пеку гораздо лучше.

– Да, твои пироги яблочные просто потрясающие, – подтвердил Сергей, и кивнул друзьям: – Ольга великолепно готовит...

– Надеюсь, в сей пирог не запекли чего-нибудь эдакого презервативного. Хотя это и американское кафе, а повара – то наши...

– Ха-ха-ха!

Эндэнэ время от времени переводил Хабблу разговор. Потом американец принялся расспрашивать его про Ольгу. Она прислушалась, и только теперь заметила, какие взгляды бросает на нее мужчина.

«А он ничего, даже очень ничего», – подумала она, и улыбнулась.

Сергей сразу просек это, и нахмурился. Он мрачно жевал свой пирог, и о чем-то думал. Потом сказал:

– Наш иностранный гость наверняка когда-то служил в армии. Слушайте, я вам такой прикол сейчас прочту, обхохочетесь!

Повернулся, порылся в барсетке, вытащил блокнот, полистал.

– Только переводить это не надо. Слушайте вот:

«Электронные письма американского солдата.

E-mail №1

Здравствуй, дорогая. Сегодня у нас на военной базе праздник – летим в Ирак! Это очень далеко. Ребята говорят, даже дальше, чем Мексика. Командование предупредило, что война будет очень тяжелой, потому что там очень жарко. Сержант утверждает, что Ирак находится на самом юге Африки. Но полковник, который раньше преподавал географию старшеклассникам в колледже, сказал, что сержант неуч и что Ирак не на юге Африки, а на севере Индии.

Утром к нам с речью по пейджеру обратился президент. Он объяснил, что иракский лидер не хочет делиться нефтью, а это значит, что он против демократии. Теперь главный долг Америки – принести иракцам демократию, поскольку мы – американский народ – главный разносчик демократии в мире. Полковник сказал, что наш президент очень мужественный человек, раз отважился воевать со страной всего в двадцать раз меньше.

Словом, мы все уверены в скорой победе, потому что у нас есть благословение президента и самое современное оружие: противопехотные памперсы, взрывчатка со вкусом лесных ягод, гранаты без сахара...

Только одного не можем понять: как все-таки правильно

говорить – Ирак или Иран?

И еще одна радостная весть. Теперь ты меня будешь довольно часто видеть по телевизору. TV будет показывать бои в прямом эфире, между телесериалом “Смерть от зубочистки” и ток-шоу “Влияние солнечных бурь на целлюлит у самцов калифорнийских черепах”. Обещаю тебе махать рукой во время каждого боя.

И не волнуйся за меня, я взял защитный крем от солнца.

E-mail №2

Здравствуй, милая. Мы прилетели в Ирак. Здесь действительно очень жарко. Судя по всему, это все-таки не Индия – жители совсем не похожи на индейцев. Зато полковник уточнил в командовании, что правильно страну называть Ирак. А Иран, оказывается, такое радиоактивное вещество “иран-238”.

Сержант предупредил нас, что завтра начнутся боевые действия. Это он узнал по радио. Еще он сказал, что с нами будут воевать англичане, испанцы и поляки. Но не сказал, на чьей стороне.

Конечно, нас напугало командование тем, что на этой войне будут нечеловеческие лишения: в блиндажах нет кондиционеров, окопы без душевых... но мы – американцы – герои! Мы выдержим все! Даже если во время боя не будут разносить кока-колу со льдом.

А вечером в лагерь с песнями и визгом въехали камуфли-

рованные телеги с волами. Это прибыл воевать украинский батальон химзащиты. Они очень красиво смотрятся на фоне пустыни в своем лесном камуфляже. На всех зеленые маскировочные костюмы, на головах ветки от деревьев, у некоторых – пеньки... Говорят, это у офицеров, чтобы их можно было отличить во время бомбежек.

За ними прибыли какие-то эстонцы, литовцы и латыши. Сержант утверждает, что это такие племена из американских резерваций, которые находятся в задней части Европы. Впрочем, вожди этих племен очень добрые, они даже прислали гуманитарную помощь иракским детям: эстонцы – две фуры с детским питанием, литовцы – четыре фуры с детской одеждой, а латыши – двести фур с учебниками латышского языка!

Но самое главное – к нашему взводу прикрепили роту юристов. Так что ты не волнуйся, если меня даже чуть-чуть ранят, иракцы вынуждены будут выплатить приличную страховку.

К сожалению, боев пока не было, и я не мог помахать тебе рукой.

E-mail №3

Сегодня мы вышли впервые на позиции. Нас не предупредили, что здесь будут стрелять, поэтому многие наши солдаты срочно требуют вернуть их домой. Эти иракцы оказались настоящими дикарями, они не понимают, что мы занимаем

их деревни легитимно, с одобрения сената США. Позавчера они вообще вероломно обстреляли наш самолет, мирно бомбивший их города.

Командование строжайше предупредило нас, чтобы никто в плен не сдавался. Иракские военные страшно наших пытаются: не дают попкорна, отбирают DVD-плееры, запрещают класть ноги на стол и пользоваться ниткой для чистки межзубного пространства.

Зато мы чувствуем себя героями. Говорят, весь мир уже откликнулся на войну с Ираком. Бритни Спирс учит иракский язык, а Мадонна отрастила бороду и выпустила новую книгу “В постели с Хусейном”.

Еще сегодня к нам должен прибыть полк “абрамсов”. Сержант опять оказался не прав – это танки, а не евреи. Причем танки с новейшим тефлоновым покрытием. Поэтому по ним можно стучать только деревянной лопаточкой.

Но самое страшное – нам раздали украинские противогазы. Они так пропахли салом и чесноком, что мы решили: лучше будем дышать ипритом и зарином.

Скажи сыну, что папа обязательно вернется живым, если ему не наденут украинский противогаз.

E-mail №4

С каждым днем нам приходится здесь все тяжелее. Уже месяц мы чувствуем по запаху чеснока, что где-то рядом находится украинский батальон химзащиты. Однажды, когда

ветер подул с их стороны, у нашего сержанта так закружилась каска, что он упал с бронетранспортера. Медсестра хотела сделать ему противостолбнячный укол. Но он подал на нее в суд за сексуальное домогательство. Правда, сильнее всего из-за этого запаха сдурели наши зенитчики, которые сбили английский самолет.

Идиоты! Зачем они это сделали? Все же знают, что за уничиженного иракца платят двести долларов, а за англичанина не платят ничего.

Иракцы же оказались совсем варварами. Они не знают, что мы сильнейшие в мире, и все время продолжают на нас нападать. Наши новейшие лазерно-позитронные устройства для сбоя вражеских прицелов не работают, поскольку у этих дикарей нет прицелов.

На прошлой неделе нам прислали сверхновые вертолеты, которые летают так низко, что не засекаются никакими системами слежения. Так позавчера какой-то иракский крестьянин, которому этот вертолет мешал обрабатывать поле, сбил его мотыгой. Пентагон подал на него в суд за использование оружия, несанкционированного ООН. Президент уже выпросил у сената пять миллиардов на противомотыжную защиту и противополопатную доктрину, поскольку прошлая устарела, так как она была антисовковой.

Но больше всего жалко сержанта. В бою ему разрывной пулей подбили рулон туалетной бумаги, и он вызвал санитарный вертолет с биотуалетом.

Сейчас наш сержант очень плох, уже семь часов терпит, ждет вертолет.

Мы не знаем, доживет ли он до вечера.

Дорогая, я знаю, ты волнуешься обо мне. Не надо. На днях к нам приходит подкрепление. Еще две дивизии юристов.

E-mail №5

Сегодня самый страшный день: где-то заблудилась походная попкорница и полевой “Макдоналдс”. А наступление наших танков приостановилось, так как у самого Багдада на светофоре загорелся красный свет. Оказалось, у этих дикарей испортились светофоры. А мы простояли на перекрестке до самого вечера. Сержант утверждает, что если бы не было иракцев, мы бы давно Ирак победили.

Но обиднее всего, что телезрители нашей войной недовольны. Говорят, прошлая война была интересней, в ней было больше жертв. Слава Богу, скоро Пасха. Президент обещал в честь нее начать праздничные бомбардировки Багдада. Причем в честь праздника к бомбам будут привязывать гуманитарную помощь. Сами бомбы тоже будут праздничными: с хрустальной крошкой, обвязанные лентами с бантиком. Некоторые бомбы будут красить луковой кожурой и с боков писать “Христос Воскресе”!

Возможно даже, что вокруг штаба командования будет организован танковый крестный ход.

Журналисты просят, когда войдем в Багдад, залить его на-

палмом, чтобы им хватило света для съемок. Единственно, нам запрещено бомбить север Багдада, так как Голливуд снимает там эротический триллер о взятии Хусейна “Секс с Хусейном в большом городе”. Первоначально в роли Хусейна собирались сняться Арнольд Шварценеггер, Том Круз, Джулия Робертс и Маккалей Калкин. Но гонорар был такой, что согласился сняться сам Саддам Хусейн.

В отчаянии, что война скоро закончится, а я так и не попаду на телеэкран, я стал махать перед камерой тебе уже двумя руками.

Журналисты наконец заметили меня и показали по телевизору с титрами:

“Американцы героически сдаются в плен под Багдадом”. Ура, я стал телезвездой!

E-mail №6

Вплотную подошли к Багдаду. По пути встретили много сухих деревьев со скрюченными листьями, множество дохлых птиц, насекомых и кротов с выпученными глазами. Значит, здесь проходил украинский батальон. Он нас и выручил. Не выдержав запаха лука, иракские войска бежали из города. После чего наши войска геройски в него вошли.

Нам приказано захватить Хусейна, которого мы должны определить по усам. Даже обещали денежные премии тому взводу, который захватит больше Хусейнов.

E-mail №7

Дорогая, можешь нас поздравить. Благодаря находчивости сержанта мы захватили тридцать четыре Хусейна. Это на одиннадцать Хусейнов больше, чем захватил соседний с нами взвод. Украинцы же захватили всего восемь Хусейнов, из которых две женщины и один кот. Все Хусейны в настоящее время отправлены на кастинг ДНК усов. Приятно, что первое место занял один из наших Хусейнов. В жюри установили точно, что это – он. Теперь устанавливают, кто он.

Обидно только, что, кажется, зря мы воевали и терпели все эти лишения, поскольку ядерное оружие инспекторы ООН так и не обнаружили.

Оказывается, что бы ни делали иракские ученые-ядерщики, у них всегда получалась анаша.

Зато президент прислал нам всем на пейджер SMS-ки – поздравил с успешным завершением операции. Он подчеркнул, что мы – миролюбивая держава. Поэтому не оставим мир в покое. И скоро понесем его в Северную Корею. Сержант сказал, что Северная Корея – это озеро в Тихом океане. Но мы к войне с ней еще не готовы, потому что туда не завезли фанту.

P.S. (Вечер того же дня.)

В Багдаде началось мародерство. На нас неожиданно напал украинский батальон химзащиты и попытался отобрать все, что мы отобрали у иракцев. Оказалось, украинцам вообще не платят зарплату, сказали: “Что добудете в Ираке, то

и ваше”. Таких сильных боев не было за всю войну.

Если я не вернусь, скажи сыну, что его отец был настоящим американцем – героическим разносчиком демократии».

Сергей замолчал, помахал блокнотом словно веером, и построил смешную гримасу.

Все, кроме Хаббла, захохотали. Американец вопросительно взглянул на Эндэнэ.

Ольга мотнула головой и подмигнула Хабблу.

Он в ответ тоже подмигнул и заулыбался во весь рот.

– Принесите счет, пожалуйста, – неожиданно сказал Сергей подошедшей к столику официантке.

– Подожди, а мороженное с чаем? – возразила Ольга.

– Принесите даме мороженное...

– Клубничное, пожалуйста, и жасминовый чай, – сказала Ольга.

Эндэнэ, который до сих пор молчал со странной усмешкой, теперь заговорил.

– Зря ты так американцев, Серега. Ведь Америки скоро не будет, – сказал он как-то монотонно.

– С чего ты взял?

– Скоро, это относительное понятие. Я просто просканировал будущее. Америка как континент исчезнет, погрузится в океан. Но американцы будут, только жить станут на территории Российской Федерации и Китая.

– А где же тогда будут жить русские и китайцы? – недоверчиво спросила Ольга.

– Русских не будет, а китайцы будут существовать с американцами, также как и японцы, африканцы и тому подобное. Начнется великое смешивание наций и рас.

– Как это русских не будет? Куда ж мы денемся?

– Вымерем. Наше уничтожение уже всюю идет, согласно программе ЦРУ.

– То есть как это?

– Просто. На Земном шаре сейчас девять миллиардов человек, перенаселение, и численность народа растет. Чтобы предотвратить катастрофу, разработаны определенные меры по сокращению народонаселения: несчастные случаи, стихийные бедствия – искусственно создаваемые, а также боевые эпидемиологические вирусы, например СПИД, атипичная пневмония, и так далее. Все это проходит обкатку на нашей территории, она подопытная. Кроме того, ее расчищают для американцев, так как там в соответствующих структурах уже известно о грядущей катастрофе.

– Не верю, не верю, не верю! – закричала Ольга. – Эндэнэ, вы нас разыгрываете! У вас такой своеобразный юмор, просто ха-ха-ха...

– А почему хотят стереть с лица Земли именно нас? – спросил Сергей.

– Да потому что славяне считаются нацией агрессивной, неуправляемой и невосприимчивой к американской культу-

ре.

– Но у них же нет своей культуры! – воскликнул Сергей. – У них синтетическая поп-культура!

– Угу, что-то вроде попкорна, – хихикнула Ольга, доедая мороженное. – А хотите анекдот...

Из кафе они вышли уже поздним вечером. Арбат сиял огнями реклам. Дошли до парковки, любуясь этим великолепием. Сергей отключил противобульварное устройство, подошел к своей машине, и услышал, как Хаббл о чем-то договаривается с Ольгой. Он чертыхнулся, досадуя, что не знает английского.

– Сержик, я хочу прогуляться, а вы с ребятами езжайте, – сказала она, взмахнув сумочкой.

– То есть как это? – опешил он. – Одна, ночью, да ты что! Я тебя привез, я и отвезу обратно.

– Не надо, зачем?

– Ну, так не делается, и вообще, я что-то не понял.

– А я, во-первых, не одна, а с Хабблом, и к тому же еще не ночь. Просто он пригласил меня в один интересный клуб.

Сергей нахмурился и полез в карман за сигаретами, но они кончились.

– Сигареты есть, – сказал Эндэнэ, словно услышав его мысли.

Сергей направился к нему. Они отошли к ночному тоннару, возле которого стояли Ольга и Хаббл, он ей покупал что-то.

В этот момент раздался взрыв, и машина Сергея взлетела на воздух.

Они остолбенели от ужаса.

Первым пришел в себя Эндэнэ.

– Такого даже я не предвидел, – произнес он каким-то мертвым голосом. – Ольга, тебя хотят убрать. Но в твоём будущем этого не было. Не ясно, почему оно так изменилось. Я этого не прогнозировал.

Он действительно не заказывал этот взрыв. У него был иной план.

– Черт, мы чуть не погибли! – вскричал Сергей. – Надо срочно убираться отсюда.

Через несколько минут подкатили две милицейские машины, за ними «Скорая», и «аварийка».

Ветта не сразу вылетела в Москву, как сторяча хотела сначала. Ей пришлось закончить кое-какие формальности, сдать особнячок, который она арендовала в Лас- Косимасе, продать машину, к тому же ей удалось хорошо загнать пару своих картин. Так что в Москву она попала лишь спустя три недели. Потом занималась домашними делами, разбира- ла вещи, пылесосила, и все такое. Про Хаббла она на время забыла. Но вскоре ощутила начинающуюся осень, одиночество, вспомнился курортный роман и нежный друг. Они же собирались встретиться в американском кафе. Но в каком именно? Их несколько в Москве... Договаривались как-

то вскользь, полушутя. Даже время не обозначили, и она не знала, когда он появится в городе. Но чуяла, что он уже здесь.

Несколько раз она заходила в «Starbucks» и пила кофе из картонного стаканчика, закусывая круассонами с корицей. Потом заглядывала в другие похожие местечки. Но Хаббла там не было. Тогда стала заходить в Американском кафе на Арбате. И однажды повезло! Она его увидела! Правда, не одного. Он был в обществе блондинки.

«Ну и что?» – подумала Ветта, и подошла к его столику.

– Хэлло, май лаф! – вскричала она, широко улыбаясь.

Он поднял голову и удивленно взглянул.

Он ее не узнал!

– Ит из ай, Ветта! – воскликнула она с жаром. – Ты что, забыл? Хаббл, мальчик мой, любовь моя, ты забыл свою малышку? – перешла она на русский.

Он посмотрел на нее как на безумную, и блондинка тоже.

– А это кто такая с тобой? – почти закричала она. – Ты что так смотришь, не узнаешь, что ли? Делаешь вид, что мы незнакомы?

На них стали оглядываться. Подошел охранник и схватил ее за локоть.

Не сразу Ветта пришла в себя. Обернулась, стоя на пороге этого чертова кафе. Улица была будто в темной дымке. Тихая ярость накатила на нее. Она медленно пошла к своей машине. Все вокруг словно сбавило темп, прохожие двигались как в замедленной съемке, звуки стали глуше. Она открыла

дверцу, втиснулась за руль, и ощутила себя подстреленным тюленем.

Она петляла по улицам и мысленно расправлялась с Хабблом. Потом решила оставить его в живых, и уничтожить блондинку. Эта идея показалась очень удачной, и она стала успокаиваться. «Надо ее отследить», – подумала Ветта.

Она свернула в переулок, и поехала назад, к Американскому кафе. Припарковалась напротив входа. И стала ждать. Она набралась терпенья. Хаббл и его баба не спешили выходить. Она включила транзистор. Музыка раздражала. Переключила канал. Опять идиотская музыка, другая, но такая же гадостная. Дверь кафе открылась. Она напряглась. Нет, не они. Черт бы их побрал. Она выключила транзистор, и нажала кнопку телевизора. На экране возникли жуткие фотографии инопланетян, и ведущий уфологической передачи стал вещать о каких-то имплантированных под кожу людей миниатюрных приборчиках, сделанных на таком уровне, который недоступен никаким земным спецслужбам.

– Впервые это обнаружили на курорте случайно, при медицинском обследовании отдыхающих, у которых в одних и тех же местах оказались такие штуковины.

Ветта слушала рассеянно, но потом заинтересовалась. Ведущий продолжал:

– Версий о том, зачем нужны эти имплантанты, существует множество. Например, что вживленный прибор – это некий энергетический блок, который способен снимать са-

мую разнообразную информацию с человека. Или что программы-имплантаты выкачивают из человека психическую энергию, а может и программируют его поведение.

О том, что во Вселенной есть миры, паразитирующие на чужих энергиях, говорилось и раньше. По этой версии, и преступность, и бесконечные войны на Земле – это тоже своего рода огромное поточное производство энергий страха и агрессии, которыми великолепно подпитываются паразитические миры. Правда, традиционная наука, как и раньше, отказывается даже обсуждать такую вероятность...

«Вот у меня сейчас как раз полно агрессивной энергии, но инопланетян тут что-то не видать», – усмехнулась Ветта. – «Кстати, чувствую, они не только этим всем подпитываются, но и сексуальной энергетикой тоже, пусть ко мне обращаются, отвалю сколько угодно. Эй, пришельцы, где вы, готовьте сумки...»

Дверь кафе снова открылась. Вышли два парня, закурили, обнялись и не спеша ушли.

Ветта опять чертыхнулась. Выключила телевизор, и нажала клавишу транзистора. На этот раз передавали происшествия. Диктор тараторил:

– Когда мама Радика Гафарова дождалась сына из армии, ей казалось, что сейчас вся семья заживет счастливо и спокойно. Но она ошибалась. Почти год Радик провел в Чечне. И вернувшись в мирный Челябинск, он продолжал воевать. Сын угрожал смертью младшему брату, пытался насиловать

мать... Война не отдала сына матери. И тогда Маржана Макарова сама отняла жизнь у человека, которому ее дала. За убийство сына ей дали 10 лет.

«Что за дрянь», – подумала Ветта. – «Инопланетяне, бандиты, куда ни плюнь, дерьмо».

Она переключила канал, и услышала:

– Легионеллез, или болезнь легионеров, это редкая разновидность пневмонии. Возбудитель заболевания – легионеллезная пневмония. Болезнь впервые зафиксирована в 1976 году в США в Филадельфии, где среди делегатов съезда Американского легиона возникла вспышка пневмонии (отсюда название болезни).

Ветта напряженно вслушивалась в слова, которые в ее сознании сразу же распались на звуки, и смысл доходил не сразу. Это казалось забавным.

– Легионелла – это граммотрицательная палочка размером до 3 мкм, имеющая жгутики. Место естественного обитания бактерии – пресная вода, организм человека является для возбудителя легионеллеза биологическим тупиком. – вещало радио.

Ветта тряхнула головой, и принялась шарить в бардачке в поисках очередной пачки сигарет. Ей представились жгутики, они подпрыгивали и резвились в воде, наскокивала друг на друга и размножались.

– Таким образом, как отмечают медики, инфекция не может передаваться от человека к человеку. Пути передачи ле-

гионеллеза – алиментарный и ингаляционный, сезонность – летне-осенняя.

«А сейчас вот уже и осень начинается», – подумала Ветта обреченно, достала упаковку сигарет, и принялась ее вскрывать.

– Групповые вспышки возможны при проживании вблизи открытых водоемов, посещении бассейнов, контакте с кондиционерами, увлажнителями воздуха, системами принудительной вентиляции (метро, вокзалы, аэропорты, универмаги и др.). Таким образом, легионеллез – это болезнь больших городов индустриально развитых стран. Длительность инкубационного периода составляет от нескольких часов до 11 дней.

«Чертовы жгутики», – со злостью подумала Ветта.

– Начинается заболевание остро, с первых дней появляются немотивированная слабость, потеря аппетита, упорная головная боль, возможна диарея, при этом симптомы поражения дыхательных путей, как правило, отсутствуют.

«Проклятая болезнь. Ну вот, голова разболелась. С чего бы вдруг?»

– После непродолжительного периода появляются озноб с повышением температуры тела, сухой болезненный кашель и одышка. Часть заболевших жалуются на кровохаркание, боли в суставах и мышцах. В тяжелых случаях на первый план выступают психоневрологические расстройства: заторможенность, дезориентация, бред, галлюцинации, наруше-

ние сознания.

«Только бреда не хватало. Что за гадость творится, не пойму» – подумала Ветта, и выключила транзистор. Она продолжала внимательно разглядывать кафе.

Дверь распахнулась в очередной раз, и на пороге появилась Хаббл. Следом вышла блондинка. Она показалась Ветте двуногим жгутиком.

Бабье лето, оглушительное, звонкое, яркое, необычное, и этот великолепный вечер с американцем, проведенный в кафе, все казалось Ольге таким замечательным! Она не очень хорошо говорила по-английски, но вполне достаточно, чтобы поддержать беседу. Потом они катались по Москве, останавливались, чтобы пройтись и заглянуть в круглосуточные магазины, Хаббл покупал для нее духи, золотые цепочки, сувениры. «Куда мне столько цепочек», – думала она. – «На шею, на руку, на ногу, на пояс самую длинную с маленькими изумрудиками, вот приколы!»

Когда они остановились возле царицынского парка, рядом припарковалось серое «Пежо», из него высунулась пожилая женщина, и уставилась на них. Ольга узнала ту сумасшедшую, которая в кафе к ним подскочила с воплями. И показала на нее Хабблу.

– So what? – ответил он невозмутимо.

«Ну и что?», – мысленно перевела Ольга его ответ. И подумала: «Странно-странно. Она ведет себя как ревнивая об-

манутая баба. Неужели у Хаббла что-то было с этой старушенцией? Хотя, кто их, мужчин, разберет. Она ухоженная, одета со вкусом, на вид весьма самодостаточная и скандальная, такие могут нравиться мужикам, несмотря на возраст. Может, он геронтофил, и ему нужна подруга-мать... М-м... Но эта годится в бабушки...»

Они вошли в парк. Залюбовались воротами. Не спеша пошли к Большому дворцу. Болтая, Ольга, незаметно для себя, перешла с английского на русский. Хаббл внимательно слушал. То ли он что-то понимал, то ли ему просто интересно были звуки незнакомого языка.

– Его в восемнадцатом веке отгрохали, – Ольга махнула рукой в сторону дворца. – Архитектор Казаков постарался. А сначала здесь был Главный корпус дворца Баженова. Его разобрали тогда. Чтобы этот построить. Там несколько вариантов было, этот упрощенный, не такой гигантский. Сначала хотели соорудить восьмикилометровый дворец. Замечаешь, здесь есть элементы готики. Смотри, какие там колонны по углам башен, ничего себе, да? А там, смотри, аркады лоджий – стрельчатые такие, видишь? Там дальше есть галереи, знаешь, где, во-он там...

Она обернулась, и заметила ту самую старушенцию в нескольких метрах от себя.

– Нас преследуют, – сказала она. И повторила эту фразу по-английски.

Хаббл оглянулся, и захохотал.

Ветер гнал по аллее табуны желтеющих листьев. Валентина шла по старому парку, и ничего не хотела. Она одна вернулась в Москву, распрощавшись с Солнышкиным и со всеми своими закордонными знакомыми, как ей казалось, навсегда. Сначала она побывала в родной Лосевке, на время став там местной знаменитостью, великой путешественницей и Золушкой одновременно, но в поселке ей теперь было тесно и уныло. Надоело без конца рассказывать о заграничной жизни и приключениях. Больше говорить было не о чем. Местное бытие ее уже давно не интересовало. Вернулась в Москву. Но, после всего, дома ей было грустно. Осень, предзимье, скоро и листьев не будет, промозгло, пасмурно, в душе муть. Аллея, газон, дорога, тротуар, магазин, электронные двери распахнулись, вошла... И ничего не захотела. Дорогие и скучные тряпки, намного дороже, чем за границей, и она может купить любую, только зачем? Ей нравятся джинсы и просторные свитера, которых у нее полно, и курток тоже хватает. Она вошла в кафетерий, села в большое мягкое кресло, и заказала капучино с пенкой и пирожные. Официантки были все из ближнего зарубежья, она стала их рассматривать, на вскидку определяя национальность. Две киргизки лет под тридцать, украинка, толстушка из Белоруссии. Наконец, толстушка принесла на подносе крохотную чашечку кофе и пять мизерных пирожных, порции прямо французские, придется повторить. Валя пригубила горячий кофе,

надкусила пирожное, и принялась рассматривать посетителей. За столиком справа болтала по мобильнику тучная армянка. Прямо напротив сидела компания кавказцев и бурно обсуждала что-то вроде бизнес-плана, в запале они переходили с русского на свой язык и обратно, сами того не замечая. Свободный столик справа занял прыщавый парень лет двадцати пяти, по виду коренной москвич. Он распечатал сигареты и задымил, разглядывая зал. Потом уставился на Валентину. Она окинула его скучным взглядом, и отвернулась. «Кажется, он хочет стырить мою сумочку», – залетела мысль. – «А может, и нет. Кто знает, что у него на уме. Маньяк, должно быть». Она снова бросила взгляд на парня. Он сидел в той же позе, откинувшись на широкую спинку кресла, и продолжал глазеть на нее. «Или я ему понравилась? А почему бы и нет? Я, вообще-то, еще ничего». «Ага, особенно после заграничной психушки», – иронично дернула она губой.

Видимо, парень расценил это, как знак. Сгрел свои сигареты и зажигалку, и подсел за ее столик.

– Макс, – отрекомендовался он. – Просто Макс.

– Что, рекламы насмотрелся? – поддела она его.

Встала, и пошла к стойке рассчитываться за кофе. Потом погуляла немного по залу, заглядывая в различные отделы с электроникой, посудой, массажными креслами, обувью. Снова вернулась к креслам. Попросила продемонстрировать, скуки ради. Села. И расслабилась, ощущая приятные

вибрации и поколачивания. На миг ей показалось, что она манекен, демонстрационный экземпляр, и теперь ей вечно придется торчать в этом трясутся кресле. «Так. Хватит эмоций», – жестко приказала она себе. – «И зачем я вернулась в эту страну? Конечно, родина, но неудобная она какая-то стала. Все так изменилось...»

Вечером Валентина разбирала старые вещи, и нашла свой давнишний затерянный дневник. Раскрыла посередке. Когда это было? Она в то время работала в дурацкой фирме, которая потом распалась... С интересом полистала, и принялась читать:

«День первый.

Сегодня, пытаясь разукрасить косметикой противное лицо из зеркала, заметила белый волос. Старею, наверное. Надо меньше читать новостей. Каждый день читаешь всякие ужасы и удивляешься потом, что седая вся. Надо работе отдать больше времени – глядишь, карьеру сделаю. Или стараться не заходить без нужды в бухгалтерию? Может их блондинистость заразна? Хе-хе-хе... А зато до чего весело слушать их заумные рассуждения о мироустройстве... Как там было у Ани? «Мужчины не дают женщинам политические посты, потому что им стыдно, что женщины умнее их и потому что они придурки». Чуть не упала когда услышала. Рассказала мужикам в курилке – гогот стоял полчаса. Потом они стебались над каким-то сериалом по ящику. Насмеялась на два года вперед. Хорошие все-таки мужики на работе со-

брались.

День уже не первый.

Белых волос все больше. Вроде как и не седые. Просто белые. И много. Все вырывать – облысеть можно. Тогда прощай карьера. Лысых бизнес-леди не бывает. Верней, может и бывают, да не видно их на людях. Смысл становиться бизнес-леди, если нельзя будет куда-то выйти? Сегодня сидела в бухгалтерии, пила с девчонками чай. Нормальные люди оказались. Анька подарила степлер. Прикольный такой – розовый с белым. Пытаюсь разобраться, как туда скобы зарядить. Производитель мог бы и поставить отметки – где и чего открывать и чего куда загружать. Решила бросить курить – это вредно для цвета лица.

13 марта.

Вся в красивых белых перьях. Очень нравится. Лицо, конечно, осталось прежним – усталость в глазах и вообще. Но прическа!! Устала объяснять, что это никакое не мелирование. Девчонки из бухгалтерии обижаются, что не говорю мастера. Дуры. Специально приносила им Космополит-эн, где умные люди объясняют, что такое может быть вызвано стрессом, нарушением обмена веществ и озоновыми дырами. Анька спросила – как в озоне может быть дыра, если озон – это газ. Долго думала. Права Анька – в газе дыры быть не может. Еще про дыру в кислороде бы написали. Носила к

программистам степлер и скобы. Сказали, что для того чтобы зарядить скобы в эту модель степлера, нужен специальный загрузчик скоб. Анька сказала, что степлер ей дали без загрузчика. Ходили на склад, показывали степлер, требовали загрузчик скоб. Кладовщик ржал как конь, но загрузчик скоб не дал. Хамло он и никто больше.

Вторник!!

Здравствуй, ослепительная блондинка из зеркала! Как к лицу тебе эта новая помада! Как идет тебе эта прическа! Анечка! Милая Анечка! Я так тебе благодарна за этот рисунок на ногтях! Вчера в лифте сосед, тот что этажом выше, всю дорогу смотрел сначала на мои ногти, потом на лицо, потом смотрел на ноги. Есть же еще мужчины, которые разбираются в женской обуви!!! Я сама, когда увидела эти сапожки не могла от них оторвать глаз. И недорого. Всего-то четыреста долларов. Девчонкам из бухгалтерии сказала, что восемьсот. Пусть позавидуют! Кладовщик сегодня на работе сказал, что он не кладовщик, а завскладом. И предложил сходить с ним в сауну. Хамло! Я ему так и сказала – Найди себе грязную женщину и с ней ходи мойся, а я и дома моюсь! Он ушел в курилку и оттуда целый час разносилось мужское ржание. Им бы только поржать и покурить! Степлер скобами зарядить некому. Смотрела «Не родись красивой». Глупый фильм про какую-то уродину. Завтра надо не пропустить и посмотреть следующую серию.

Скоро выходные

Уже третью неделю как блондинка. Анька советовала как-то сменить прическу, а то девчонки тайком хихикают, что я зимой и летом в одной прическе. А еще подруги... Думаю теперь – может не стричься, а перекраситься в брюнетку? То-то девчонки ахнут...»

Захлопнула дневник. Швырнула в мусорный мешок. Туда же полетели кассеты, дурацкие детективы в мягких обложках, открытки, старые фотографии, весь ненужный хлам. А раньше она это все берегла, вот дуреха! Этот хлам был ее жизнью. Или жизнь ее была хламом, скорее всего так, судя по дневнику. Ощущения были так же убоги, как эти идиотские книжонки, которые она буквально «глотала». От них она сама становилась идиоткой.

Оторвалась от уборки, села за компьютер. Подключила скайп. И услышала болтовню. Слезливый женский голос жаловался на какие-то заумные сны, неизвестно что значащие. Баритон, глубокий, нежный, успокаивал, философствуя. Потом в разговор вступили другие. И пошел дурацкий треп ни о чем. Она отключилась, полазала по Интернету, заглянула на сайты, ничего стоящего не нашла, единственно, что ее заинтересовало, это сообщение о космической валюте: « Британские ученые разработали новую валюту вселенского масштаба. Расплачиваться ей будут космические туристы и межпланетные путешественники, которые, по прогнозам британцев,

должны появиться уже к 2050 году. Называется валюта – квазиуниверсальная интергалактическая деноминация, сокращенно – куид. Дело в том, что в космосе не сможет работать ни одна современная платежная система: пластиковые карточки могут быть повреждены космической радиацией, а монеты, парящие в невесомости, представляют риск для самих космонавтов. Новые деньги абсолютно гладкие и выдерживают все космические нагрузки. В обменники можно идти уже сегодня, передает НТВ. Курс куида – 12 долларов 50 центов».

Почему это так зацепило ее? Непонятно. Ей вдруг показалось, что она где-то видела эти куиды, и даже держала в руках. Но нет, не может быть.

Потом заглянула в виртуальный журнал, и наткнулась на статью о любимом артисте: «еженедельник "Жизнь" выяснил, что все несчастья знаменитого актера Александра Абдулова, который борется с раком четвертой степени, начались с мистического случая. Дело в том, что несколько лет назад на похоронах своего отца Гавриила Даниловича артист положил в карман пиджака покойного семейную фотографию, не подозревая, что это плохая примета. А через два месяца погиб средний брат актера Владимир, чье лицо также было на том снимке. "Не знаю, может, это мистика какая, – вспоминает сосед семьи Абдуловых Олег. – Тогда, на похоронах, Саша в гроб положил отцу в карман фотографию, на которой вся семья вместе. Нельзя ведь... А потом Воло-

дю убили... Опуская в могилу гроб с Володей, мы вспомнили о том случае с фото. И зачем Саша это сделал, почему я его не предостерег тогда?.." Как пишет газета, нарушив мистический запрет, Абдулов совершил роковую ошибку. Подтверждают это и православные священники. "Считается, что очень плохо, когда сердобольные люди кладут фотографии живых в гроб к умершему родственнику – например, снимки внуков в могилу к бабушке или детей к отцу, – пояснил изданию священнослужитель, профессор медицины Анатолий Берестов. – Это считается очень дурной приметой: именно так можно навлечь болезнь и даже преждевременную смерть».

Ужаснулась. Встала, и пошла на кухню. Заглянула в холодильник, достала йогурт, и, устроившись на диванчике, включила телик. Там шли скучные сериалы, передачи «для домохозяек», и поток реклам. Было уже поздно, но спать не хотелось.

На этот раз Ольгу пригласил на свидание Эндэнэ. Она была удивлена и польщена. «Надо же, я пользуюсь оглушительным успехом», – подумалось ей. – «Я прямо нарасхват! Сергей, Хаббл, и даже шаман. Вот уж не ожидала! И что во мне такого уж особенного, не пойму».

Он заехал за ней на черном «форде». Салон машины был драпирован оранжевым бархатом. Кресло было на редкость удобное, работал кондишен, было тепло и уютно. Эндэнэ

включил тихую романтическую музыку. Выехали на Ленинский. Мелькали огни, рекламы, по краям шоссе проплывали дорогие магазины.

– Хочешь что-нибудь купить? – спросил шаман.

– Не взяла денег, – ответила она.

– Не проблема. Хочу сделать подарок. Что ты любишь?

– Зеркала. Особенно старинные.

Он усмехнулся.

– Все красивые женщины балдеют от зеркал, – сказал с грустью. – Опасное пристрастие.

– Почему? – удивилась она.

– Зеркала накапливают психическую энергию, часто негативную, фокусируют ее и сохраняют. А потом отдают ее тому, кто в них смотрится. Это влияет на судьбу не самым лучшим образом.

– Ничего себе!

– Особенно опасны старинные зеркала. К тому же, в давние времена их изготавливали с помощью ртути и серебра, а пары ртути ядовиты. Так что держать дома такие штуки не стоит.

– Надо же, а я так люблю свое маленькое зеркальце в серебряной раме, дореволюционное еще, прабабкино, оно хоть и треснутое немножко сбоку, но очень хорошее.

– Треснутое стекло – это энергетическое лезвие. Оно притягивает большие проблемы, – сказал Эндэнэ.

Некоторое время они ехали молча. Потом Ольга попро-

сила:

– А расскажи еще о зеркалах.

– Ну, что ты хочешь знать?

– Все.

– Ладно, начну с простого. Например, через зеркало можно связаться с ноосферой. Ноосфера – это банк данных обо всех событиях прошлого, настоящего и будущего, это – хроника акаши.

– И что, все можно узнать? А как?

– Очень просто. Через вогнутые зеркала. В их фокусе происходит изменение пространственно-временных структур. И если человека поместить между двух таких зеркал, он все увидит. Это типа ясновидения.

Они остановились на светофоре. Ольга молча смотрела на шамана.

«А он симпатичный», – отметила она. – «Какие у него густые волосы, иссиня черные, жесткие, похоже на шерсть животного, только длинную очень. Какие резкие черты лица, кожа такая смугловатая. А глаза пронзительные, черные. Губы резко очерчены, слишком резко... Интересная внешность, сильная, и необычная. Очень странный разрез глаз. Если присмотреться, этот парень нетипичный, это не «чурка», это что-то новое...».

– А у тебя есть вогнутые зеркала? – спросила она.

Он молча кивнул.

– И что ты в них видел?

– Тебя.

– И что я там делала, в твоих зеркалах?

– Нечто опасное ты делала, детка, – он дернул уголком рта. – Если хочешь жить, не делай этого.

– Чего не делать? – забеспокоилась она.

– Не вскрывай часы, которые тебе подарит американец. Внутри них осколок старинного зеркала, которым пользовались для черной магии, вызывали мертвецов, это страшное энергетическое лезвие. Американец ничего не знает, часы диковинные. Как только эта штука попадет к тебе в руки, сразу же тащи ко мне, срочно, поняла? Только я смогу нейтрализовать негативную энергию и спасти тебя, твоего американца, и других.

– Зачем это я стану вскрывать какие-то часы, с какой стати? – возмутилась она. – А после твоих слов я вообще их в руки не возьму.

– А вот это зря. Ты должна их взять, это же подарок, Хаббл обидится, а обижать никого нельзя, а то плохо будет.

– Жуть какая-то. Ты меня пугаешь, – Ольга поежилась.

– Ладно, не думай. Давай я тебе что-нибудь куплю. Скоро зима, хочешь шубку, заедем в «Снежную королеву», а?

– Это дорогое удовольствие.

– Не думай, я же шаман, деньги беру из ниоткуда, так что забудь слово «дорого».

– Странно, – сказала Ольга. – Не нравится мне все это.

– Ну ладно, давай заедем в ресторан.

– Я не голодна.

– Ну, хочешь, в Большой театр. Или тебе больше нравится Театр Сатиры?

– Нет настроения, вообще.

Они проскочили Ленинский и выехали на кольцевую. Рекламных щитов стало больше.

– А ты была когда-нибудь в логове шамана, куда не ступала нога человека? – неожиданно сказал Эндэнэ. – Приглашаю!

– Хватит меня запугивать, я вообще не верю в шаманизм и всякую фигню, – отмахнулась она.

– Тогда тебе будет интересно, – сказал он. – Взглянуть на то, во что не веришь. Хочешь ты, или не хочешь, все...

Листья словно мягкие и хрупкие разноцветные зеркала, они лежат сплошняком, будто ковровая дорожка, уходящая в темноту. Но темнота эта яркая, светящаяся, выпуклая, она вбирает в себя Ольгу, и ей легко и радостно скользить по листовенному настилу в неизвестность. Она даже не удивляется, все кажется ей родным и ласковым, и даже этот дождь, теплый, с гранеными бриллиантинками капель, которые стекают с ее волос, так и не намочив их, дождь с запахом жасмина, удивительный. Рядом скользит высокая и легкая фигура Эндэнэ. Он говорит:

– Сейчас откроется портал...

– Не хочу я ни в какой портал, – отвечает она. – Мне здесь хорошо.

- Мы войдем туда. Сначала ты встретишь женщину, ее звать Валентина. Она протянет тебе куиды.
- Что еще такое?
- Это галактические деньги. Валюта будущего. Будут иметь хождение на Земле и в космосе...
- Так мы отправляемся в будущее?
- Не перебивай.
- Постой, что происходит, где мы, вообще?

Он не знал, что и думать. Вот уже три недели, как шаман отпустил его. Теперь Сергей был свободен, жил у себя, мог делать что угодно, но какая-то подспудная тревога мешала. Ему хотелось одного – снова стать самим собой, и вернуться к прежнему бытию. К той точке своей жизни, когда он был писателем, когда у него выходили книги, когда он выпивал в ЦДЛ с друзьями, и так далее. А нынешнее красивое и непонятное существование, запутанное, словно в странном сне, пугало его. Да так, что даже выпить не хотелось, а это уж тяжелый для него симптом.

Так пролетела еще неделя. И вдруг шаман вспомнил о нем.

Он позвонил, и сказал, что заскочит. Но появился не скоро – проторчал в «пробке».

- А почему ты не прошел сквозь пространство? – удивился Сергей.
- Не стоит злоупотреблять, – бросил Эндэнэ. – Лишняя

трата энергии.

– Ну а чего ты пропал-то на месяц? – поинтересовался он.

– Дела были, дела, – шаман устало отмахнулся. – Пришлось поработать над Ольгой.

– Ну и?

– А, все напрасно. Баба есть баба, они все неуправляемы.

– Почти все, хочешь сказать? Леда не такая.

– Ну да, почти.

– А как звать твою маму? – неожиданно для себя спросил Сергей.

– Макоши, – ответил шаман невозмутимо, ничуть не удивившись вопросу.

– А что ты хочешь от меня? – Сергей подозрительно взглянул на приятеля.

– Да ничего я от тебя не хочу. – Шаман прошел в гостиную и плюхнулся в кресло возле разросшейся монстеры с огромными глянцевыми листьями.

– Кофе я хочу, вот что, сделай кофе, – приказал он. – И еще, хочу вернуть тебе тебя, как Сергей ты мне больше не нужен, а вот как Варенников, может, и сгодишься. Будешь лазутчиком, зашлю тебя к Ольге. Ну, где кофе-то, шевелись, давай! – прикрикнул он.

Сергей отправился на кухню в полном смятении. Он был так взволнован, что сыпанул в кофеварку слишком много кофе, и получился зверский напиток. Но Эндэнэ это варево понравилось.

– Наконец-то ты сделал что-то нормальное, – одобрил он. – А теперь слушай сюда.

Он развалился в кресле. Закинул ногу на ногу и, медленно пригубивая кофе, продолжал:

– Тот чувак, который сейчас твое тело носит словно комбинезон какой, он, видишь ли, объявил на нас охоту. Поэтому мы и слонялись по Европе словно неприкаянные. Потом нас стали отлавливать там, и мы вернулись сюда. Он мне не простит никогда, что я его «кинул». Я для него – враг номер один, два и три. А ты – приложение.

– Ничего себе, дела! – воскликнул Сергей.

– А знаешь, как она себя называет?

– Как?

– Алекс!

– Ой, ё-моё, так я теперь Алекс?!

– Нет, ты пока Сергей. А кем будешь, зависит от обстоятельств. Я же не всесилен, не Бог же я. Могут быть сбои. Это как в компьютере...

– Ну ты чего, сперва обнадежил, а теперь обламываешь, так нельзя! – возмутился Сергей.

– Ха-ха, он теперь Алекс. Тело Александра Варенникова придумало себе кликуху. Алекс, ха-ха-ха!

– Это не тело мое придумало, а его душа, его эго, – в сердцах бросил Сергей. – И давно он Алекс?

– Давно, с тех пор, как смирился с твоей шкурой, и стал «ваять» для нее новый образ.

– Тьфу ты, бред какой-то, – досадливо бросил Сергей.

Киллера звали Олег. На вид – ничего особенного, довольно высокий, лет тридцати, прямые темно-русые волосы, серые глаза, правильные черты лица, родинка на подбородке. Парень как парень. Часто меняет куртки – то в синей, то в коричневой, то в серой. Джинсы всегда черные. Кроссовки (их он тоже нередко меняет) – носит в любую погоду. Вместо черной вязаной шапочки, которые так любит молодежь, синяя бейсболка, иногда – бандана. В потрепанном дипломате – снайперская винтовка фирмы «Кольт» – AR-15A2HB калибра 5,56 мм. Лет десять назад фирма предложила ее в качестве оружия для городской полиции. Вещь изящная и легкая: pistolетная рукоятка и приклад отлиты из вязкой пластмассы. Демаскирующие факторы невелики: значительно уменьшены вспышка пламени, звук выстрела и стук деталей механизма. Длина – метр. Весит не более 3 кг, бьет на километр. Емкость магазина – 20 и 30 патронов. Изюминка изделия – так называемый тяжелый ствол для придания высокой точности стрельбе. Поэтому промахов у него пока не было.

На этот раз ему был заказан шаман. Олег усмехнулся. Заказчика он не знал – работу брал через Интернет на сайте «Записки киллера», там есть рубрика с бессмысленным трепом, но если знаешь код, легко расшифровать, на какой сайт потом зайти, и уже по следующему коду получаешь условия,

и сообщаемые координаты своей карты, на которую заказчик перечисляет аванс. Итак, аванс он получил, фотки и координаты шамана тоже.

Олег не верил ни в колдунов, ни в магию, все это было для него из области сказок, но сейчас ему показалось занятным «замочить» такого клиента. Убийство для него было чем-то вроде компьютерной игры, и в то же время это была обычная работа, приносящая весьма неплохой доход. Он любил убивать, это у него как привычка курить. Он искренне считал, что надо очистить землю, и что просто так никого не «заказывают». Сбоев в работе не случалось, он был профессионалом высокого класса.

На «объект» он поехал на своем «лексусе», припарковался возле магазина, отошел за угол и поймал такси.

До пункта назначения осталось два квартала. Отпустил машину, и пошел пешком.

Поднялся по лестнице вверх на чердак. Огляделся. Расположился. Достал из кармана сигареты, закурил.

Слева от него выпорхнули два голубя.

Не спеша раскрыл дипломат, вытащил винтовку, быстро собрал ее, глянул в оптический прицел.

Клиента все еще не было. Отложил винтовку в сторону. Пришлось прождать около двух часов. И чего он там возится, в конце концов?

Наконец, шаман появился. С ним был еще один тип. Они остановились возле «форда мондео», и клиент принялся

хлопать себя по карманам. Было время хорошо прицелиться. Точно в лоб.

Спустил курок.

Ддуп! – почти неслышно прозвучал выстрел.

Сейчас клиент рухнет в лужу как швабра, мысленно Олег уже видел эту картину.

Что за чертовщина? Быть не может!!!

Олег спускал курок снова, и снова, и снова...

Шаман как ни в чем не бывало достал из кармана ключ, машина дважды пикнула.

Он открыл дверь, и медленно, словно издеваясь, стал усаживаться в свою «тачку».

Голубь на чердаке странно посмотрел на киллера, взъерошился, покрутил головой, и упорхнул.

Олег в панике проверил винтовку. Все было в норме. Он сунул ее под куртку, захлопнул дипломат, и быстро сбежал с чердака, промчался по ступеням дома, выскочил, поймал машину, и сказал шоферу ехать за «фордом». Авто шамана словно ждало киллера. Клиент катил неспешно, будто специально поддразнивая. Вскоре «форд» припарковался возле магазина, у которого Олег оставил свою машину. Эндэнэ вылез из кабины. Он постоял, закуривая, потом вынул из кармана мобильник.

Киллер расплатился с водителем и бросился к своему «лексусу». Он сел в машину, и подкатил к «форду». Вокруг никого не было, кроме «тачки» объекта. Шаман уже сидел в

кабине и курил, рядом с ним был тот, другой. Олег быстро вытащил из-под куртки винтовку, и, почти не целясь, спустил курок.

Ддуп!

В этот миг автомобиль шамана исчез, словно его тут и не было! Прямо как мираж.

Олег оторопело уставился на то место, где секунду назад стоял «форд».

Впервые он не выполнил заказ. И первый раз в жизни задумался о существовании чудес.

– Ну вот, теперь на нас охотятся прямо возле норы, – горько усмехнулся шаман, и включил кофеварку.

– В каком смысле? – насторожился Сергей.

– В прямом. Из дома не выйти, киллер в окне торчит.

– Это как?

– Просто. Вернее, торчал. Пришлось послать фантом, чтобы выманить этого придурка с чердака. Ладно, с киллером разделались на время, долго будет очухиваться. Давай-ка попьем спокойно кофе. И подумаем, как быть.

Он поставил на журнальный столик кофейные чашки. Кофеварка выключилась. Запах жареных зерен наполнил комнату. Эндэнэ разлил напиток по чашечкам, и задумчиво развалился в кресле.

– Надо успеть обменять вас телами, пока тот кретин не придумал что-нибудь еще.

Он замолчал, смакуя дымящийся кофе. Сергей крутил на блюдечке свою чашку, ожидая, пока остынет. Смутная тревога рождалась в нем. С одной стороны, он хотел вернуться на круги своя, с другой – он уже настолько сросся со своей нынешней шкурой, что отдавать ее тоже не хотелось. Эта двойственность рвала его напополам, и казалось, что он сойдет с ума.

Эндэнэ поставил на столик полупустую чашечку, и подмигнул Сергею.

– Брось, не думай, – сказал он. – Слушай анекдот :

Встречаются два грузина. Один и говорит:

«Вано, мне приснился страшный сон!..»

«Мужчина с женщиной?»

«Нэт, хужэ...»

«Жэньшына с жэньшыной?»

«Нэт, хужэ... Я и я!»

Сергей хохотнул, и сказал:

– А вот еще, тоже про грузинов:

Едут как-то три девушки в купе поезда.

Первая говорит:

«Я бы вышла замуж за спортсмена, они такие сильные...»

Вторая говорит:

«Я бы вышла замуж за военного, они такие стройные...»

Третья говорит:

«Я бы вышла замуж за индейца, они такие сексуальные...»

В этот момент со второй полки спрыгивает грузин и говорит:

«Рад представиться, мастер спорта подполковник Чингачгук!»

– Ха-ха, старый анекдот, но все равно занятный. Кстати, о девочках. Придется задействовать Ольгу.

– Не понял, – сказал Сергей. – Зачем?

– Чтобы выманить того, кто зовется Александром. Ведь Варенникова она давно знает.

– Поймать на живца, понятно, – кивнул Сергей.

«А ночь не такая уж темная» – отметила про себя Ольга. Она выгуливала собаку, и наслаждалась тишиной, свежестью, шуршанием сухих листьев под ногами. Никого вокруг, только прошли мимо бомж с бомжихой, потом попала навстречу пьяная компашка. На каруселях одиноко сидела женщина, курила. Ольгин пес подошел к ней, обнюхал.

– Собачка у вас, видать, старенькая, – сказала женщина. – Как ее звать?

– Рокки, – ответила Ольга.

– А меня – Валентина, – сказала она. – А вас?

– Ольга.

– Скучно тут, – сказала Валентина. – Вот в Лас-Косимасе было не до скуки.

– А я ни разу не была за границей, – отозвалась Ольга. – Но меня и не тянет. А как там, в Лас-Косимасе?

– Курортное местечко, но не самое лучшее. Мне больше понравилось в Реджио Калабрии, хоть это и считается самым криминальным районом Италии.

– Да ну?! – оживилась Ольга. – А что там такого криминального?

– Ну как, мафия, наркотики, оружие, киндепинг. Туда едут наши, русские, из регионов, на уборку апельсинов и сбор оливок. И исчезают. Иногда они оказываются задействованы в каких-то криминальных экспериментах и теряют память.

– Вот как?

– Ну да. Правда, со мной ничего такого не случилось, да я была с другом, мы просто отдыхали.

– В отеле остановились?

– В замке. Это в одиннадцати километрах от аэропорта. Просто отель – в замке. Готические окна, смотрю в них – фиолетовый берег, Мессинский пролив, вдали виднеется Сицилия. Красота, старинный замок, магическая среда, глубокая древность и вдруг – следы будущего, картины всюду такие своеобразные висят в тяжелых рамах, растения, в общем, красота. А какая там кухня! Изыск. Там такой классный ресторан есть, мой любимый, DUE MARI. И бассейн. Еще мне понравился бар в замке. Мы почти все время проводили на пляже Коста Виола. Там Шиппа и Каридди вызывают желание остановиться во времени, – мечтательно произнесла она и чуть прикрыла глаза. – Просто великолепно! А на пляже

не песок, а галька разноцветная. В пятистах метрах от отеля-замка. Я набрала этих камушков целую сумку... Мы сначала жили в голубом номере Suites, потом в роскошном розовом Suite Fata Morgana.

– Да, представляю себе, вот это жизнь! – произнесла Ольга печально. – Надо же! А я ни разу не была нигде.

– А что вам мешает?

– Обстоятельства. А там есть музеи какие-нибудь? – спросила она.

– Да, были мы в музее. Запомнились две скульптуры. Два мужика античные. Из бронзы. Молодой Фидий, и Поликлет. И еще там что-то было, вроде. Да, помню, «Святой Иероним», и «Троица».

– А чьи?

– Что?

– Ну, кто автор?

– А-а. Ну, этот. Сейчас. Как его. Антонелло.

– Антонелло да Мессин, наверно?

– Точно, он.

– Какая у вас жизнь интересная, – вздохнула Ольга.

– Наша жизнь от нас же и зависит, – ответила Валентина, – и не говорите мне про обстоятельства, их нужно выметать как мусор, метлой, метлой.

– Всякие бывают проблемы, – возразила Ольга.

– У вас звонит мобильник, – сказала Валентина.

Тут Ольга услышала музыку в своем кармане, и достала

телефон. Низкий голос произнес:

– Узнала? Эндэнэ. Поздновато для прогулок с псом. В общем, есть дело. Позвонишь Варенникову.

– Зачем?

– Просто. Поболтаешь, пригласишь в гости. Так надо. Все, договорились.

– Ну, ладно, – растерялась она. – Приглашу.

Она давно ему не звонила, и вообще не видела. В ЦДЛ он не появлялся, в Московской Писательской организации – тоже. Ходили слухи, что он ушел в большой бизнес, но она, зная его, не очень-то верила. Она тут же набрала его номер, но никто не ответил. Его домашний телефон изменился, мобильный тоже. Поговаривали, что у Варенникова теперь «прямой» би-лайн, а не мегафон. И что у него машина «бентли». «Чепуха, – подумала Ольга. – Не мог он так перевоплотиться. А не отвечает на мой ночной звонок, что очень странно, ведь он тоже «сова» и в это время обычно пишет, но у него, должно быть, запой». Решила позвонить завтра. Но потом забыла.

На следующий день было свидание с Хабблом, заезжали в игровые клубы, в «бойлинг-клуб», наигрались, поехали в «Американское кафе». Сели за столик возле окна, заказали пирог в шоколаде, клубнику со сливками, капучино. Ольга смеялась, разглядывая в окно вечерний город. Хаббл рассказывал ей анекдоты, которые она плохо понимала, поскольку не успела достаточно хорошо изучить «америкэн инглиш»,

но из вежливости хохотала.

Они были так увлечены друг другом, что не заметили, как к их столику стремительно подошла пожилая женщина в широкополой черной шляпе. Это была Ветта. Она молча выхватила из кармана маленький револьвер, и направила в лицо Ольге. Та отпрянула, прижалась к спинке стула, вытаращила глаза. Хаббл побелел, открыл рот, но слова застряли в горле. Ветта держала пистолет на вытянутой руке, пальцы судорожно сжимали рукоятку, ладонь с оружием прыгала, она никак не могла прицелиться. Немая сцена длилась минут десять. Внезапно за спиной Ветты возник крепкий молодой мужчина. Пистолет полетел на пол, шляпа свалилась. Вмиг женщину скрутили. Тут подбежали официант и два охранника. Началась разборка. Ветту повели к выходу. А спаситель подошел к Ольге и сказал:

– Привет. Все в порядке? Ты как?

Она узнала Артема.

– Привет, все нормально, – ответила, медленно приходя в себя. – Ты как здесь оказался?

– Да я здесь почти каждый день в бильярд играю. Несколько раз видел тебя с компанией, но не стал подходить, чтобы не мешать. Так, издали наблюдаю, люблюсь тобой. У тебя столько поклонников!

– Да нет, это просто знакомые. А ты подходи, не стесняйся! Знакомьтесь: Артем, Хаббл. Садись с нами, я тебе расскажу один приколу. Тут одна сумасшедшая открыла на нас

сафари, как на слонов, жуть просто, ты только что имел честь поучаствовать в этом...

В этот момент у Ольги зазвонил мобильник. Она вытащила его из сумочки и отозвалась.

– Все хорошо, что хорошо кончается, – раздался в трубке голос Эндэнэ. – А теперь пригласи всю честную компашку в ресторан Дома журналистов. Там ты случайно встретишь Вареникова. Выйдешь с ним на контакт.

– Зачем мне этот алкаш? – недовольно пробурчала она.

– Э-э, у тебя устаревшие сведения. Он давно уже не алкаш. Он теперь крутой.

– Ну да, как же. Так не бывает.

– Бывает еще и не такое. Скоро увидишь.

Артем ревниво покосился на нее, и сказал:

– Поклонники тебя совсем задержали, называют весь вечер.

– Да нет, это так просто, – отмахнулась Ольга. – Пригласили в одно место, кстати, можно сейчас дернуть туда. В Дом-жур. Там неплохой ресторанчик.

И она повернулась к Хабблу, чтобы перевести ему свое предложение. Но тут гул в кафе смолк, и все уставились на экран телевизора над входом. Шла программа «Вести города». Ольга тоже бросила туда взгляд, и тут же забыла про свое намерение. Ведущая говорила о новых реформах и постановлениях правительства, очень странных. Согласно одному из них... Дикторша на миг замолчала, затем продол-

жила:

– Семьсот пятьдесят тысяч пациентов психиатрических больниц были распущены по домам, последствия не замедлили сказаться. Бывшая пациентка, молодая девушка Лия Наумова, зарезала свою мать, разделала тело, зажарила и съела. Она уверяет, что получала команды через свою домашнюю кошку...

На экране возникла черная кошка, девушка, и соседка, которая воодушевленно стала давать интервью...

Потом показали больничную палату и пациентов, и снова возникла дикторша. Она продолжала:

– В России около четырех миллионов психически больных людей, и около тридцати миллионов находятся в пограничном состоянии. Сейчас в больницах остался один миллион семьсот тысяч человек, но на содержание их не хватает средств, так что подготовлено постановление о том, чтобы количество пациентов было сокращено вдвое...

– Ничего себе, – выдохнула Ольга. – Так не оттуда ли та бабка в шляпе, что кинулась на меня с пистолетом?

Артем захохотал. Хаббл вопросительно взглянул на Ольгу, она, смеясь, перевела, и он тоже расхохотался.

– А я знаю прикольные анекдотики про психов, – сказал Артем.

– Ну расскажи, я переведу Хабблу, – сказала Ольга.

– Ага. Сейчас... А, вот, например. Шизофреник качается посреди больничной палаты.

– Что вы делаете? – спрашивает медсестра. – Физкультуру?

– Нет, я измеряю время.

– И который час, по-вашему?

– Три тридцать.

Сестра смотрит на часы:

– Ошибаетесь, уже ровно четыре.

– О, черт побери! я отстаю! я должен качаться быстрее!

– Ха-ха-ха!

– Хы-хы-хы-хы!

Женщина на приеме у психиатра:

– Знаете, у моего мужа явный сдвиг. Он думает, что он – это не он, и я – это не я.

– Хорошо, приведите сюда вашего мужа.

– А зачем приводить? я и есть мой муж...

– Ха-ха-ха, постой, дай, переведу ему.

– Доктор, у меня борода не растет.

– Ничего удивительного. Ведь вы – женщина.

– Что? я еще и женщина!?

Так они просидели до закрытия кафе. Потом Хаббл подвез Ольгу домой. Артем поехал следом. Договорились встретиться на ночном выгуле собак.

Ночь была прозрачная и прохладная, как родник. Она словно обмывала душу. Собаки истово нюхали и лизали землю. Ольга и Артем молча прошли через детскую площадку, и сели на вращающуюся карусель.

– Знаешь, – сказал Артем очень тихо, – я хочу подарить тебе одну вещицу. Только не разворачивай пакет, пока не придешь домой. Сунь это в карман...

Они молча крутились на карусели почти час. Потом взяли на поводок своих собак, и пошли домой. Возле своего подъезда Ольга попрощалась с Артемом, пожелала спокойной ночи, и поднялась к себе.

Она достала из кармана подарок Артема, развернула, и ахнула! Это был изящный, тонкий золотой браслет с натуральным рубином. Камень был небольшой, овальный, удивительно яркий, он пылал словно костер! Ольга тут же надела его на руку, браслет был великоват, так как запястье у нее слишком узкое, да и ладошка почти детская. Но смотрелся он великолепно. Она почувствовала себя легко и радостно. «Наверно, жутко дорогая штука, – подумала она, удивляясь. – С чего это вдруг такой дар?!»

Тут раздалась веселая музыка мобильного. Она ответила, и услышала голос шамана:

– Что же ты не в Доме журналистов?

– А-а, совсем забыла, а что, это так важно? Ну, в другой раз уж, тогда.

Она выключила мобильник, и положила его на трюмо. По-

том заварила жасминовый чай, взяла большую кружку, и села за компьютер. Надо было заканчивать детектив, но писалось плохо, мозги словно заклинило. Она отхлебнула горячего чаю, и подключилась к скайпу. Ей хотелось поболтать неизвестно с кем и неизвестно о чем, или хотя бы просто послушать чужой треп. Она «щелкнула» по графе «В эфире», и прошлась по строкам. В одной теме молчали, число участников 0, в другой болтали все сразу о какой-то ерунде, в теме «Поговорим за жизнь» был один участник, и она подключилась.

– Алло, алло, тут что, я один, что ли? – услышала она хрипловатый мужской голос.

Голос ей понравился, и она сказала в микрофон:

– Ну, если не считать меня, конечно...

– А кто ты? – заинтересовался голос.

– Я? Ну, блондинка с зелеными глазами, – ответила она, – а ты?

– Я брюнет, наводящий ужас, – проникновенно произнес он.

– Мне не страшно, почему-то. Ты призрак, что ли?

– Нет, я киллер.

– Какая экзотика. Расскажи о себе, а то у меня детективный роман заклинило.

– Ты пишешь детективы? – спросил он заинтересованно.

– Да. Как тебя звать?

– Олег.

– А меня Ольга. Мы тезки, прикинь?

– Ну и что?

– Круто. Ты убиваешь, а я пишу про убийства. Судьба? А ты взаправду киллер, или врешь?

– Это правда, – сказал он серьезно и печально. – Так получилось.

– Ну, расскажи.

– А что рассказать? Неделю назад замочил ювелира. А потом его кто-то ограбил. Не я.

– А подробнее можно?

– А ты не из ментовки? Чую, что нет. У меня нюх собачий, потому до сих пор и жив. Я вообще фартовый. Хотя, все надоело, все.

– Ну расскажи, как живешь-то?

– Да так. Нормально. В полдень открыл свой имейл. Туда поступил новый заказ.

– Как, прямо открытым текстом поступил?

– Нет, у нас свой шифр. Я получаю информацию не от заказчика, а от менеджера, и гонорары от него же, естественно. Какой процент мой, а какой – его, я не знаю. На этот раз мне надо было устранить трех братьев, все трое бизнесмены, в последнее время влезли в политику.

Я не знаю, кто хочет их убрать. Но это не в Москве. Надо лететь в Азербайджан. Прилагается множество фото, и деловая информация.

В общем, надо этих братьев устранить за 3 недели. Срок

небольшой, но и не маленький. Вскоре я был в Баку, в приготовленной для меня квартире. Расположился, все нормально. Закурил сигарету, вышел на балкон. От солнца прищурил глаза. На следующее утро получил свои 79 тысяч баксов, их перечислили мне на карту. У меня их несколько, «viza», «master kart», и другие. Я снял часть денег, и вернулся домой. Сажу у себя на квартире, раскладываю деньги.

Потом спустился вниз, сел в «тачку» и поехал к морю в сторону поселка Фатмаи.

По дороге заехал в сельский кабак, заказал шашлык, поел, выпил водки граммов 150, запил его минералкой "Бадамлы", и направился к берегу моря.

Стою, дышу воздухом, в трех метрах от меня волны, свежий бриз, крики чаек, собаки рядом виляют хвостом.

Под ногами скрипят ракушки. Мне не хочется думать о смерти, и о жизни тоже.

Мне незачем об этом думать. Мой принцип: кто успел, тот и съел.

Днем получил полнейшую информацию об этих братьях. И чем же они не угодили а? Ё – мое!

Решать это не мне.

Завтра иду их смертовать. Видимо им уже пора, зовет Бог к себе их.

После обеда стало что-то грустно мне. Вечером решил устроить дома пир. Сам на сам. Приготовил себе солянку.

В небольшой казан налил кипяток, добавил масла, на-

кромсал туда любительскую колбасу граммов 300, свежих и соленых огурчиков, насыпал красный перец, болгарский перец, потом курятину, картошку, рис, немного рыбы, лаврового листа, а сверху зелень – кинзу.

Получилось нечто, особенно с самогоном.

С утра проснулся рано, принял контрастный душ, стал собираться.

Поймал через 2 квартала такси и поехал в район Гянджлик.

Поглядел в бинокль, осмотрелся, прозондировал почву.

Братья живут в красивой усадьбе, с высокой стеной. Напротив такие же холеные дома.

Лишь левее в метрах 50 стояла чахлая изба с красной старой крышей.

Я разузнал, расспросил, там жили старик со старухой. Одни, без детей. Вот и хорошо. Хорошо дожить до старости.

Ну как, не надоело слушать?

– Нет-нет, забавно, продолжай, – быстро сказала Ольга. –

Что дальше-то?

– Покончил с братьями.

– А как? Поподробнее, пожалуйста, это так прикольно, прямо как в кино.

– Да все обычно. С утра сложил винтовку в чемоданчик и поехал на Гянджлик.

Представился тем старикам водопроводчиком.

С собой взял пару булок и бутылку "Аквавита".

Стал якобы чинить там трубу. Потом поднялся на чердак, смотрю в бинокль.

Перед воротами стоит охрана, в окнах через шторы вижу молодую светловолосую жену среднего брата.

Она красуется перед трюмо, стоит, любит себя в тонких белых трусиках "стринги", с большими грудями.

Я облизнулся как кот, стал есть булку, запивать ее водой. Рядом промяукал черный котенок – мяу, мяу – смотрит на меня умоляюще.

Я ему подложил пол булки, он начал есть.

Гляжу в бинокль, старший брат засобирался, сейчас уже выйдет. Пора!

За ним средний, потом младший. Они вместе позавтракали, теперь готовятся на работу ехать.

На улице три «джипа», и двое в черном – это охрана.

Один из них в темных очках, осматривается по сторонам, говорит по мобильнику.

Я в два счета собрал винтовку, вытянул оптический прицел, вытер рукавом испарину со лба.

Ага, вот и они, братья. Рядом еще двое. Кто они, эти двое, я не знаю.

Смотрю, гляжу на них через прицел, они как будто у меня на ладони, я чувствую их дыхание, слышу биение их сердец.

Я прицелился. Пошли, поехали.

Ддуп! Ддуп! Ддуп!

Три трупа упали ниц, как охотничьи колбаски. Три брата

– три трупа. Я отправил братьев поближе к Богу.

Охрана засуетилась.

Ддуп! Ддуп!

Еще два трупа.

Зачем мне лишний шум? Дом же рядом, они могут вычислить меня.

Гляжу, раненный телохранитель весь в крови, ползет к машине, достает красным от крови рукой телефон...

Ддуп! Ддуп!

Он лег навсегда. Пять трупов, неплохо на сегодня.

Я перевыполнил план.

Сегодня с моей помощью 5 людей от шахмат и книг перешли натурой к Богу.

Потом целых 10 дней прошло в холостую. Заказов нет, я отдыхаю.

На пятый день поехал в Грецию, Салоники, хотел отдохнуть.

Покупался в Эгейском море. Загар, море, песок, пляжи, девушки, маришка (это марихуана), здорово! Кайф полный!

Два дня я думал о смерти. Зачем мы живем? К чему мы родились?

Это то же самое, что смотришь фильм, длинный сериал, и знаешь заранее, что рано или поздно он закончится.

Всему приходит конец.

Даже такому длинному сериалу, как "Санта Барбара".

Он замолчал.

– Ну, а потом что? – не унималась Ольга.

– Что потом? Не стоит рассказывать, – ответил он.

– Ну почему же?

– Тебя покоробит. Ну ладно. Ха-ха. Потом я вернулся в Баку, и бешено тратил деньги.

Три дня не просыхал, потратил 5000 долларов.

Мне один товарищ передал номер дорогой проститутки, зовут ее Фарида.

Я видал ее только на фото. Шатенка, глаза серые.

Она не ходит в ночные клубы, сидит дома, ждет вызова по сотовому телефону.

За ночь она берет 400 долларов.

Воистину, разница между порнографией и эротикой – в освещении.

Я звоню ей, мне отвечает ангельский голос, чуть заспанный, хотя время было пять вечера.

«Это Фарида?»

«Да. А-а-а... Кто это?»

«Меня зовут Фарид», – сказал я нарочно. – «Я от Эрика.

Мы сегодня можем встретиться, или как?»

(После паузы) «Вы знаааа-ете о сум-ме?» – спрашивает она растягивая слова, как бы хочет запеть песню.

«Да, конечно, 400 баксов за ночь».

«А вы хотите на ночь?»

«Да, а что?»

«...Ничего...только деньги, пожалуйста, вперед. Не обижайся, солнышко, это мое правило»...

«Прекрасно. Я съем тебя вместе с твоими правилами. Хо-хо-хо! И когда мы встречаемся, значит?»

«Когда вы позвоните. Желательно к девяти часам вечера. Я должна принять душ, ванну».

Мы встретились у ресторана "Сона", это в 9 микрорайоне.

Когда я ее увидел, у меня коленки сдвинулись назад.

Она было что-то.

На такую не жалко и 1000 баксов.

Высокая, на шпильках, мяукает, голос возбуждает, крутые сексапильные бедра, волосы ниже спины, в глазах огни.

Я приехал на такси, мы уселись сзади.

Она мне улыбалась пухлыми клубничными губками, подав вперед свою мощную грудь. Ей примерно 25 – 26 лет, от нее пахнет дорогими духами.

Мы едем в сторону моего домика, она мне шепчет на ухо:

«Вы деньги принесли?»

Я достаю с кармана 4 стольника Бенджамин Франклин.

Она их быстренько сует в свою голубую сумочку.

«Заедемте в одно место, я быстро, ладно, солнышко?» – она опять мне шепчет на ухо.

Мы подъезжаем к красивому особняку, это в районе поселка "Монтино", она выпрыгнула из салона, скрылась за углом.

Мы с шофером ждем ее.

Фарида появилась буквально через три минуты, я даже засек время.

Перед машиной развернулась, как в доме моделей на показе мод Пако Рабанае, шофер чуть не растаял. Видимо, он кончил в трусы.

Короче говоря, мы приехали ко мне, в мой домик. Я его так называю.

Это моя очередная обитель.

Люблю я менять места проживания, это полезно для здоровья. Как бы обновляешься после этого.

В общем, к делу.

Сидим с Фаридой друг против друга, кушаем шоколад, пьем шампанское. Она курит сигареты "Муратти".

«Фарида, скажи честно, ты ведь те 400 баксов на всякий случай оставила в том особняке, да? Верно?»

«Да, угадали. Я же вас не знаю», – выпуская из своего маленького ротика круги сигаретного дыма.

Я бросил ей на стол еще 200 баксов.

«На, бери, я не жадный», – и тоже закуриваю.

Ее глаза расширились как лепестки тюльпана, зрачки распахнулись как ворота рая, раскрывая всю полноту ее изумления.

«Ну, а если будешь меня слушаться, я тебе дам еще столько же», – улыбаюсь я.

Она закашлялась от сигареты.

«А что я должна сделать?» – сдавленным голосом спро-

сила.

«Ничего. Скажи мне, Фарида, ты веришь в Бога?»

«Да», – прячет деньги в свою миниатюрную сумочку.

«А родители у тебя есть?»

«Только бабушка».

«Она старая?»

«Да, ей 78 лет».

«А тебе сколько?»

« 24 года».

« И ты любишь трахаться?»

«Ну...смотря с кем», – жует оливки.

« И деньги тоже любишь?»

«А кто их не любит?»

«Я их не люблю».

«Ого! Я вам не верю».

«Тогда смотри».

Я вытащил свой возбужденный член и стал мастурбировать перед ней.

Она жует оливки и наблюдает, не понимая, в чем дело.

Я кончаю в бокал шампанского, белая сперма сгустилась в шипящем напитке.

Я стал багровым, она стреляет глазками. Потом я сто долларовую купюрой вытираю головку своего члена от спермы. Я смял купюру в кулаке и бросил на пол. Гляжу на бокал с моей спермой.

«А теперь пей это», – с одышкой говорю я ей.

«С удовольствием», – она одним махом хлобыснула весь бокал.

«На тебе еще 100 баксов, если ты выпьешь мою мочу. Иди сюда», – встаю я перед ней.

Она приблизилась неуверенно, продолжая стрелять в меня глазами.

Мой член уже упал, но писать хотелось. Я раздвинул ноги, она села передо мной на корточки, и я спустил всю свою мочу ей в рот.

Струя желтой горячей жидкости билась об ее щеки, носик, ушко, и направлялась ей в глотку.

Я отошел от нее, закурил сигарету из ее пачки "Муратти".

«А теперь убывай отсюда!» – скомандовал я.

«Как? И все?» – она даже не удивилась.

«Да, все! Не ****уй никогда. Не надо! Это нехорошо. Тебя родила родная мать – женщина, а не обезьяна или курица».

Она засобиралась, но была довольна собой. 700 баксов за пару часов – великолепно!

Хотя, конечно, не все деньги идут ей лично, и все же хорошо.

Я остался один, вечер подходил к концу.

Боже, как все остошындрило!

Хоть плачь, хоть вой.

Потом, наконец-то, я получил новый заказ.

Группа людей едет в Закатала на охоту. Их человек 15.

Прилагается фото лишь троих. Убрать надо именно их.

Если мне довелось бы встретить их на том свете, я б тоже присоединился к охоте.

Кроме этих троих, остальные – гарнир.

Надоело, все надоело! Сколько можно убивать?! Хотя я уже привык, и без этого не представляю себя. В Азербайджане было много заказов, в Москве – меньше. С шаманом прокол вышел, а с ювелиром нормально. Но после меня его «почистили» слегка. Знаешь, я сегодня пьян, и хочу говорить, я в жопу пьян...

Тут голос пропал. В системе скайпа что-то нарушилось. Выскочила надпись: «На нашем сервере произошел сбой». И как Ольга ни старалась, ничего не получалось, канал «Сейчас в эфире» не восстанавливался.

Было уже довольно поздно, но спать не хотелось. Зато пришло вдохновение, и она снова взялась за роман. Насчет того, что с ней общался действительно киллер, она сильно сомневалась. Скорее всего, кто-то просто развлекается и выплескивает свои фантазии. Какой-то идиот. Хотя, возможно, некий одинокий стрелок действительно разоткровенничался, но тогда он очень рискованный субъект.

Она полюбовалась браслетом на запястье, которое казалось еще более узким. Рубин в изящной окантовке неистово пылал, словно внутри разгорелась адская топка. Ольга потрогала камень. Он был теплый.

Валентина откинулась на спинку глубокого кресла, положила ноги на журнальный столик, и нажала пяткой на пульт. Экран телика стал светлеть, поплыли картинки. «Новости», определила она, продолжая ковыряться ложечкой в клубничном мороженном. На экране всплыла дикторша, рассказывая об очередном убийстве. Потом появилось тело ювелира, он лежал лицом вниз, раскинув руки. Дали крупный план. Валентина взглянула на розовую горку в своей ложке, и отправила ее в рот. Ювелир был убит и ограблен. Украли какие-то серьги с топазами, кольца, подвеску и браслет с рубинами. Остальное оставили. Схватили первое попавшееся, определил следователь. Потом показали Путина, потом взорвавшийся автобус, погибло восемь человек и девушка-камикадзе, остальные с ранениями различной тяжести попали в больницу. Потом последовал репортаж о демонстрации в Мексике, переросший в потасовку. В общем, как всегда. Ничего интересного, запомнился лишь мертвый ювелир с дырой в затылке, он так нелепо лежал. «Забавно», – подумала она, доедая мороженное. Потом она «прощелкала» другие каналы, но ничего занятного больше не нашла, выключила телик, и решила пройтись.

Был холодный и солнечный день. Ветер сдул с деревьев последние листья, и они, слегка раскачиваясь, показывали стриптиз. Мысли Валентины перескочили на стриптизеров, потом она вспомнила, как кто-то ей рассказывал про старушечий стриптиз – там дрыгаются голые толстые старухи, по-

тряся дряблыми телесами, и зрелище это стоит весьма дорого, потому что находится немало любителей поглазеть на сей ужас. Да, извращенцев хватает в этом городе. Валентина ухмыльнулась. Вот ведь, бабки не стесняются, зарабатывают всем чем можно, и, наверно, неплохо зарабатывают-то.

Она дошла до беседки. Постояла, закуривая, и вошла внутрь. Там сидел парень с ноутбуком, и увлеченно работал.

– Не помешаю? – спросила Валентина.

Парень взглянул на нее, улыбнулся.

– Нисколечко, – ответил добродушно.

Она села напротив.

– Мне так одиноко здесь, – произнесла она, растягивая слова. – Я недавно из-за рубежа, долго путешествовала, наконец, вернулась домой, и места себе не нахожу. Все здесь изменилось. Как вас звать-то?

– Артем, – ответил он. – Мне тоже сегодня никак.

– А почему?

– Такая штука вышла. Познакомился с писательницей, втюрился в нее насмерть, а она так, непонятно, не знаю, как она ко мне. Она со всеми дружит. А меня вот вдруг прорвало, вдохновение накрыло, сию и кропаю.

– Ну и что накропал? Давай на «ты»? Если что-нибудь веселенькое, прочитай.

– Да это моя первая проба, так сказать, юмор.

– Ну давай же, читай, ну пожалуйста, – пристала Валентина. – Мне так не хватает юмора!

– Ладно, слушай: «Было это в Швеции, а точнее – в славном городе Стокгольме в не слишком незапамятные времена. В таверне "Рай Каннибала" сидел некий волосатый субъект, известный всей округе под зловещим именем МАЛЫШ. Люди его побаивались, ибо он был жутким наркоманом и алкоголиком, а рассказами о его ночных прогулках по кладбищу с бензопилой и лопатой заботливые няни пугали на ночь маленьких непослушных шведских детишек. Малыш торчал за столиком, методично опустошая восемнадцатую банку пива, как вдруг к нему подсел странный гражданин весьма антитрезвого вида и почему-то с вентилятором на спине.

– Можно тут у вас приземлиться? – поинтересовался он и, не дожидаясь ответа, плюхнулся на стул, опрокинув сразу три банки пива.

"Альтернативщик", – подумал Малыш.

"Хорошее пиво", – подумал гражданин и представился:

– Я, чисто, Карлсон – чувак в полном расцвете сил.

Что такое "полный расцвет сил", Карлсон и сам толком не знал, но Малышу сообщил, что это такое состояние души, когда организму нужно как можно больше пива. Это известие Малыша немного огорчило, потому что, от денег, отнятых у бомжа Свантессона, осталось только пять грин.

– У меня больше денег нет, – сказал Малыш, – может, пойдём, потрясем бабулек у метро?!

– Не-е, непонтово! – отпарировал Карлсон, – давай луч-

ше завалимся ко мне, у меня всегда найдется лишний ящик пива

– Ладно, идет! А ты на тачке? – спросил Малыш, которому влом было тащиться пехом.

– В какой-то мере да, – они вышли во двор, где стоял красно-коричневый вертолет в синий горошек с полупедальным приводом.

– Альтернативно, – подумал Малыш, недоверчиво забираясь внутрь.

Изнутри вертолет был обклеен плакатами PANTERA и ROLLINS BAND, и казалось, что из каждого угла сейчас вылезет сразу по два зловещих Генри Роллинза с вытатуированными на спинах солнышками, и все они заорут что-нибудь на чисто английском языке.

Вертолет плавно парил над крышами, распугивая ленивых голубей и не менее ленивых кошек. Карлсон слегка вспотел от постоянного верчения педалей, но утешался мыслью, что дома его ждет возжеленное пиво. Наконец машина приземлилась на одну из крыш; при этом у вертолета отвалилось одно колесо и полвинта. Карлсон не обратил на поломки большого внимания и, гаркнув:

– Добро пожаловать, дорогой друг Карлсон! Ну и ты тоже заходи! – прямо в ухо Малышу, проследовал к огромной дыре в крыше.

"Нехилая нора," – подумал Малыш, все еще оглушенный, и нырнул внутрь. Карлсон уже успел включить свой

Panasonic 68 года выпуска, из которого через шум, помехи и шипение доносились приглушенные вопли, отдаленно напоминающие Obituary.

Друзья моментом залили внутрь пол-ящика пива, оставив другую половину напотом.

– Может, «кислотой» закинемся? – предложил Малыш, задумчиво глядя на дымящийся в углу Panasonic.

– Есть маза, – согласился Карлсон, доставая из кармана синенький квадратик.

Закинувшись, друзья пошли прогуляться по крышам, мотивируя это тем, что на воздухе глюки крупнее и отборнее. Но! Они совсем забыли о пожарной безопасности, не выключив Panasonic. Ведь даже ребенку известно, что в 68 году во все мафоны встраивали функцию самоуничтожения, а у Карлсона она полностью совпадала с автостопом. Домотав Obituary, дряхлый мафон взорвался и поджег крышу своими горящими останками. Малыш и Карлсон, естественно, ничего не заметили, и, сидя на краю крыши, смеялись над ездившими внизу красными машинками. Вдруг из одной машинки вылезла лестница и целеустремленно поползла на крышу, по ней карабкались какие-то людишки.

– Карлсон, у тебя что, осталось пиво? – спросил Малыш.

– Нет, совсем не осталось ...

– А какого хера ты тогда позвал пожарников?

– Каких пожарников? А, этих ... да они, вроде, уже ершиком побаловались – видишь, двое уже с лесенки упали.

– А вон еще трое лезут! Настойчивые какие-то,– сказал Малыш, и заорал пожарникам:

– У нас нет пива!

Но они не слушались.

– Вот что, Карлсон, давай в них бутылками швырять, – предложил Малыш.

– Давай,– и Карлсон прицелился, – Прицел 120, Огонь !!! Один готов! Заряжай! Еще один!...

Через минуту все пожарники уже валялись на земле, а между ними бродили бомжи, собирая дефицитную стеклотару.

Потом друзья решили немного поразвлечься путем пугания доверчивых шведских граждан замысловатым детищем геной инженерии, в обиходе известным как "приведение с мотором". Для этого Карлсон обмотался простыней, оставив только дырки для глаз, а Малыш всучил ему только что выломанный мотор от вертолета с торчащими в разные стороны педалями.

Затем они стали ходить по квартирам, предварительно сочинив сценарий своего внезапного появления: Малыш звонил в дверь, жилец ее открывал, не подозревая абсолютно ничего, и тут откуда-нибудь из-за угла выскакивал Карлсон и довольно доходчиво орал жильцу в ухо: "Я-а-а-а – привиде-е-е-ние с мотор-ррром-м!" При виде субъекта в простыне и с непонятной конструкцией в руках жилец обычно ронял газету, икал, давился бутербродом, пытался выскочить

из пижамы и убежать, но в итоге падал в обморок под дружный хохот заговорщиков.

Они подошли к тридцать пятой по счету квартире и позвонили. Дверь открыла нехилая чувиха в кимоно со стаканом чаю в руках.

– Я прив-в-иден-н-ние с мотор-ррром!!! – заорал Карлсон.

– Да неужели? – вполне равнодушно сказала чувиха.

– Я приведение !!! С моторррром !!! – доходчиво повторил Карлсон, дыша в лицо хозяйки перегаром и пряча под простыней зловещую ухмылку.

– А! – просекла она, – тогда заходите, чайку попьем.

Через минуту они сидели за столом, потягивая Pickwick. Карлсону пришлось для этого проткнуть в простыне еще одну дырку – там, где у людей обычно располагается рот. Правда, пирожные в это отверстие пролезать упорно не хотели, застревая на подступах и размазываясь по некогда белой простыне.

– А-а-а-а ... как вас м-м-м .... зовут? – спросил Малыш у хозяйки, сдирая с Карлсона заляпанную кремом и дырявую простыню.

– Бок. Фрекен Бок, – сказала Фрекен Бок. – А вы, наверно, Малыш – и она смерила Малыша взглядом, – Крупноват ... А я, кстати, за вами давненько уже наблюдаю, – продолжала Фрекен Бок.

Когда-то она работала в детской комнате полиции, и до

сих пор проявляла интерес к бандитам и прочим привидениям, в особенности, с мотором, ибо шведский автотранспорт ежедневно терял по этой причине несколько десятков дефицитных двигателей. Но теперь Фрекен Бок уволилась из полиции с целью провести остаток жизни в поисках эликсира вечной молодости. Из-за этих поисков и испытаний взгляд у нее был затуманенным, а нос – красным, по той простой причине, что Фрекен Бок главным компонентом всех своих эликсиров считала спирт.

– А не хотите ли вы поиграть в одной дэтовой команде, – спросила вдруг Фрекен Бок, – а то два чувака знакомых ищут вокалиста и барабанщика.

Карлсон подумал с минуту и сказал:

– Давай, чисто, телефон.

– Записывай: 223-322-223-322

Карлсон оторвал кусок простыни и грязным пальцем вывел на нем вышеупомянутые цифры...»

Артем закончил, и перевел дух.

– Очень прикольно, – одобрила Валентина. – Мне нравится. Это новелла?

– Это роман, – сказал Артем, улыбаясь. – Вернее, его начало. Первая глава. Я написал пока три. Вам, тебе... Правда, понравилось?

– Очень. Ты классно передразнил «Малыша и Карлсона, который живет на крыше». Вообще, талант.

– Что-то я засиделся тут, пойдем, побродим с моей соба-

кой. Она, кажется, опять на помойку умчалась.

– С удовольствием поброжу с тобой и собакой. Меня, кстати, Валентиной зовут. А с писательницей я тоже тут на днях познакомилась, у нее пес такой большой, лохматая такая псинища.

Они вышли из беседки. Валентине показалось, что темнота окутала их нежным плащом, соединяя и баюкая. Это была незримая близость, но хотелось большего...

Планы Эндэнэ рушились один за другим. Ничего не получалось. Леда капризничала и не хотела помогать. Оптимальное время приближалось, а его дела словно заклинило. И он понял, что есть только один путь – отправиться через пространственно-временной портал в далекое прошлое, в жизнь предков, и добыть Рыжий Камень. Где точно эта штукавина, он плохо себе представлял, но надеялся, что чутье выведет к нему. Ему уже случалось бывать там, и он кое-что знал. Было соответствующее снаряжение, одежда. Но очень уж не хотелось ему ввергаться во все это снова. Он тянул с путешествием, как мог. Но теперь уже припекло.

Переделся, собрался. Сел в позу «г- цукхи», сосредоточился, направил центр своей внутренней энергии в космос. И силой мысли создал окно в пространстве. Бушующую ярость портала. Завихрение энергий, внутреннее торнадо, которое мгновенно втянуло его в себя, закрутило... Он сжался в комок, подтянул колени к подбородку и обхватил их ру-

ками, спрятал голову, чтобы не быть раздавленным этой стихийной силой... Его выплюнуло на другом конце времени, в другом месте, неизмеримо далеко от его дома.

Он лежал в заснеженной степи, в глубоком снегу. Поднял голову, выковырял из ушей снег, и услышал где-то вдали:

–Ой-бай, ой-баяй! Алла, Алла! Уходи! Шик! Иди домой!

Эндэнэ сощурился, вглядываясь вдаль. И увидел на ледовой дороге военного смотрителя. Тот размахивал трещеткой и суетливо бегал вдоль заснеженного Яра-лба.

– Господи помилуй, – сокрушался он, – алланщик кельде! Убогий пришел! Все! Плохой день будет мне!

Эндэнэ оглянулся и заметил между тальниковых кустов подростка. Он стоял нелепо, дурашливо, на лицо сползла черная шапка из козьего меха. Алланщик сердито сшиб рукой с себя шапку, и замотал головой. На его губах появилась пена. Он хрипло рыкнул. Звуки ехавших невядалеке повозок пугали и раздражали паренька. Он принялся развязывать пояс чапана, утепленного халата, подбитого тем же козьим мехом.

Чутье подсказало Эндэнэ, что Рыжий Камень болтается на шее подростка, под одеждой. Надо как-то подобраться к нему и попытаться взять. Но сделать это довольно сложно, парень неадекватен. Сейчас алланщик шел, нелепо ставя ноги и покачиваясь, в сторону смотрителя. Он был похож на черного вороненка с распущенными до земли крыльями. Утренний ветер-сиверко задувал по сторонам полы чапана.

Они метались при ходьбе между туловищем и широко расставленными руками слабоумного подростка.

– Кет! Уходи! Ультрем! – махал на паренька смотритель Шамиль, угрожающе морща лицо.

Утро еще только-только занималось. Вдоль реки зависла хмара.

Эндэнэ поднялся, прошел несколько метров до тальника, и встал среди деревьев, присматриваясь к местности. Он увидел тяжело груженные сани караванщиков, от их полозьев на заснеженном льду рисовались извилистые следы. Слышались понукания лошадей, ругань, «брех» собак. Потом возгласы, крики. Люди увидели идущего поперек оживленной дороги полоумного подростка, услышали вопли смотрителя Шамиля. Ближние сани остановились. Образовался затор. Караван внезапно встал. Суета, крики. Те, кто, не заметив алланщика, проехали мимо, спешно остановились, боясь нехорошего знамения. Подросток подошел, и принялся дергать за поводья лошадей. Те храпели от испуга и пятились, создавая еще большую, великую «кучу-малу». Псы вдруг перестали лаять. Над Яиком, скованным льдом, замолкали голоса людей. А кто же захочет связываться с блаженным ребенком? Уж лучше потерпеть. Неписанные законы Велико-го Поля требовали – уступи дорогу алланщику, Всевышний ему судья, а не люди. За малейшие нарушения законов между здоровыми и больными людьми, на здоровых накладывались великие проклятья. Это хорошо знал Эндэнэ. Кесмет!

Судьба!

Незамеченный, Эндэнэ подошел к каравану. Местные приметы были ему знакомы: с одной стороны, встретиться со слабоумным – к невезухе, но если предложить ему подарочек, и он возьмет – хорошая примета: удача впереди дарящего ехать будет.

Возницы выставили для блаженного подношения: съестное, мелкий товар. Алланщик заинтересовался. Что-то брал и укладывал в карманы чапана, а что-то пинал своими сапогами-ичигами, наводя страх на караванщиков.

Середину реки занимали повозки ямщиков. Их отличали особые вымпелы-бунчуки на хомутах и дугах с изображением вышитого на шелке воробья.

Вестовой посланник Архип услышал сочувственные восклицания товарищей, которым посчастливилось быть позади или впереди беды. А он стоял к ней первым.

– Мя! Аркан мя! Возьми веревку! – закричал Архип в сторону бесноватого. И тот двинулся к ямщику. Аркан был хорош: длинный, из конского волоса.

Дурачок взял подарок и счастливо заулыбался, замычал обрывки слов. Слюни с его губ спадали застывшими сосульками. Архип вынул из-за пазухи тулупа льняной платок, обер им лицо алланщика, и закрепил его на шее паренька. Потом снял со своей головы белобаранный малахай-шапку, и одел ее на голову подростка:

–Носи, дарю! Любо?

– Лю-лю-бо! – радостно загоготал гусем блаженный.

Эндэнэ смешался с толпой и наблюдал за поворотом событий. Он заметил, как с саней дарителя спрыгнул на снег огромный рыже-палевый пес, волкодав.

– Ка, ка! Шава, нельзя! – осадил его Архип.

Пес повернул голову, удивленно и внимательно взглянул в глаза хозяина.

– Нельзя, нельзя! – успокоил Шаву ямщик.

И вздыбившаяся шерсть на загривке волкодава улеглась вдоль туловища.

– Ша...ва, кх..к..а.. ...ка! – залопотал счастливыми руладами дурачок.

Шава с радостью подбежал к нему и стал лизать языком лицо. А блаженный, обхватив псину обеими руками и запрокинув голову к небу, восторженно смеялся.

Эндэнэ подбирался все ближе к алланцику. Он присматривался к распахнутому вороту его рубахи. На шее подростка виднелось два черных шнура. Один с крестом, понял шаман, а другой – с рыжим камнем, на котором искусно выбиты лики святых Киприана и Иустины. Это то, что надо, осталось только незаметно сдернуть это с паренька, придется подрезать шнур...

Эндэнэ был уже совсем рядом с дурачком. Но тут раздался крик:

– Васька-а! Гугня-а! Иди ко мне быстрее!

С берега бежала юная монашка.

Все православные купцы и ямщики в караване, который шел на зимнюю ярмарку близ Сарайчик-града, сняли шапки и низко поклонились монашке.

Эндэнэ мысленно просканировал пространство, считывая информацию. Монашку звали Мария. Ее, также как и других монастырских из лечебного монастыря Кнез-кала, порой видели на ярмарках. Степняки доверяли им осмотр своих младенцев. И игуменью Ягаву все хорошо знали. Мария ей помогала. Монашка хоть и была юницей, а дар-то великой целительницы имела от Богородицы. Много джигитов вздыхало по ней. Но она Христова невеста, ничего не поделаешь тут.

– Спасибо, дядя Архип! – молвила Мария. – А сам-то как поедешь? Холодно, озябнет голова.

– Да я ж их сам и шью! – успокоил монашку ямщик.

Затем он отступил к подводе, открыл накид воза, и сказал:

– Видишь, сколько у меня овчины-то? Накось и тебе тулупчик.

Он накинул на монашенку тулупчик, который, казалось, словно по ней сшит.

Эндэнэ с любопытством разглядывал девушку. Черный платок плотно закрывал лоб и щеки, видны были лишь красиво изогнутые темные брови, прозрачные синие глаза, покрасневшее лицо, яркие пухлые губы.

«А она хороша, эта монашка», – отметил он про себя.

– Спаси Господи за тулупчик, дядя Архип! А ты, охаль-

ник, иди домой!.. У-у, алланщик! – журила Мария Ваську.

Подталкивая в спину кулачками, она заставила его бежать к берегу, чтобы быстрее избавить караванщиков от затора.

Эндэнэ медленно, как бы невзначай, двинулся за ними. Дошел до тальника, свернул в кусты. Он понял, что снова не фортит ему. Надо возвращаться домой. Вздохнул, справил малую нужду, постоял, вдыхая свежий морозный воздух. И сел в позу «г-цукхи», сосредоточенно набирая энергию...

Ольга терпеть не могла, когда ее будят по утрам. Но сегодня она забыла отключить мобильник – ночью, лежа в постели, слишком долго болтала. Артем и Валентина, похоже, хорошо выпили в эту ночь. Они звонили такие поддатые, и несли такую ахинею, просто прикол какой-то... Засыпая, она потеряла мобильник в постели. И теперь вот ни свет ни заря он завопил и завибрировал где-то ниже спины. Утро началось в полдень. Она выловила из постели телефон, и сказала:

– Кой хрен в такую рань...

– Это я, – услышала она глубокий низкий голос шамана.

– Эндэнэ? Привет, – удивилась она.

– Ты же любишь тайны, – произнес он. – Вставай. Сейчас буду.

Она потянулась, и подумала: «Что значит «сейчас?» Через час?» Но все же встала, приняла душ, и накинула длинный мягкий халат фисташкового цвета. Тут раздался звонок в домофон, одновременно – щелчок второй кодовой двери,

звонок в квартиру, и звук открывающегося замка. Все сразу. Она ахнула. На пороге возник ухмыляющийся шаман.

– Не стал тебя утруждать, ты ж не любишь возиться с многочисленными дверями. Идем на кухню, твой чай уже заварился, и пирожные прилетели.

– Я, вообще-то, ничего не заваривала и не покупала, и вообще я еще сплю, – пробормотала она.

– Значит, я бесцеремонно вторгся в твой сон, хотя это уже явь, – небрежно бросил Эндэнэ, проходя в кухню.

Ольга двинулась следом. И ахнула второй раз. Стол был накрыт, в фарфоровом сервизном чайничке чувствовалась потрясающая заварка, в чашечках дымился чай, в вазочках красовались пирожные. Ее зачуханная кухня, страдающая по ремонту, превратилась в элитную гостиную.

Она плюхнулась на стул, который почему-то оказался креслом, и придвинула к себе пирожные.

– Не спеши, – сказал шаман. – Выслушай меня.

– Ну да, говори, – пробурчала она с набитым ртом, и схватила чашечку с чаем.

– Так слушай, – он понизил голос. – Ты хорошо знаешь своего коллегу Александра Варенникова, и знаешь Сергея Азовцева.

– Ну, да. И что дальше?– спросила она.

– А то, что, с некоторых пор, и уже давно, Александр не Александр, и Сергей не Сергей.

– А кто ж они на самом деле?– недоверчиво взглянула на

него Ольга.

– Случилось так, что они поменялись телами. То есть, Варенников на самом деле Азовцев, и наоборот, Азовцев – это Варенников. Поэтому произошла такая дикая перемена в их судьбах...

– Что-о? – она поперхнулась чаем. – Как это могло быть?

Эндэнэ рассказал все, что приключилось с писателем и с бизнесменом. Ольга захохотала.

– Такое бывает только в моих романах, – произнесла она сквозь смех.

– Вот ты и притягиваешь подобные ситуации, ты энергетический магнит, – сказал шаман. – Прикинь, ты же знала и писателя, и бизнесмена еще до того, как с ними произошла такая оказия. Когда они не были знакомы друг с другом, и вращались каждый по своей орбите.

– Я контактировала только с Сержем, и то давно, он потом исчез, – попыталась оправдаться Ольга.

– Но ты же его и вырвала из почвы, невзначай, ты «зако-ротила» его судьбу.

– Я не хотела, я ничего в этом не смыслю, – отбивалась она.

– И вот теперь надо вернуть им самих себя. И тут снова нужна ты. Я тебе давно говорил, я упрашивал тебя выйти на контакт с...

– Ну да, помню. И что теперь, найти и пригласить сюда Варенникова, который не Варенников?

– Нет, сейчас ты допьешь свой чай, дожуешь пирожное, и поедешь со мной...

– Неохота мне никуда ехать. Тут так уютно стало, так красиво, вкусно. Я не хочу вылезать из своего любимого мягкого халата. Сюда бы еще конфеты шоколадные с ромовой начинкой...

В этот миг что-то произошло. Перед глазами Ольги вспыхнул огненный круг, толстый, словно бублик, состоящий из сросшихся знаков «инь» и «янь». Причем, она знала, что на самом деле ничего этого нет. Зажмурилась. Пылающий как июльское солнце «бублик» ослеплял. В этот миг она оказалась в бесконечном туннеле, в котором лежало дерево. Из-под него вылезла женщина, отломил ветку, протянула ей, и сказала:

– Возьми, это осина. Она лечит.

Но это была верба, темная, мертвая. В Ольгиных руках она стала оживать, из черных почек появились серые пушистые «лапки».

Она понюхала ветки. В миг все исчезло, и появился шаман. Он вел за руки Сергея и Александра. Он швырнул их на пол, которого не было, и они ничком упали в пространство. Тут снова появилось дерево, а за ним – женщина. Но выглядела она теперь как-то не так: зеленоватая, голая, вся покрытая мелкими иголочками, и довольно красивая. Это была странная красота. Женщина легко подняла дерево и бросила его на двух лежащих мужчин. Вытянула руку, растопы-

рила ладонь, и все вокруг вспыхнуло. Но огонь не был огнем. Это оказалась какая-то иная стихия. Она бушевала, и медленно выплавляла их тел парящих в пространстве мужчин их души. Дерево вспенилось и растеклось, заслоняя происходящее. Эндэнэ схватил Ольгу за руку и потащил вглубь тоннеля.

– Тихо, – произнес он, – сейчас они меняются телами.

– Что? – переспросила она.

– Все возвращается на круги своя.

– То есть как?

– Они снова станут сами собой.

– То есть, Сержик снова станет Сержиком, а Варенников – Варенниковым? Я правильно поняла?

Шаман кивнул.

– Да, ради этого стоило вытащить меня из постели, – сказала она. – Вот это приколы так приколы!

– Кстати, ты не доела конфеты. Вернемся? – предложил он.

– А разве были конфеты? – удивилась она.

Через несколько дней Ольге позвонила Валентина. Она завопила счастливым звенящим голосом:

– Слушай, случилось чудо!

– Опять чудо? – отозвалась Ольга. – Да это урожай на чудеса какой-то.

Но Валентина не слушала.

– Оль! Я влюбилась! И, кажется, взаимно! Его звать Артем! Мы всю ночь выгуливали его пса, а потом пошли ко мне...

– А-а, так это вы от любви такие пьяные были, когда звонили мне в тот раз ночью? – сказала Ольга. – А я думала, от коньячка...

– В этом было нечто тантрическое! – не слушала ее Валентина. – Это необъяснимо, это вообще непостижимо, мы, правда, были словно два тантриста, сорвавшихся с цепи!

– С какой еще цепи? – не выдержала Ольга. – Где ты видела тантристов, сидящих на цепи? Если ты имеешь в виду собаку по кличке Тантрист, то возможно, но что-то я таких собак не встречала. И вообще, знаешь, что такое «тантрист?» Это, говоря простым языком, человек, занимающийся расслабухой и удовольствием. А по-научному, это когда человек использует накопившуюся энергию для освобождения от энергетических блоков – в смысле, от психологических травм, комплексов и деструктивных установок, ну, для самообновления. Загляни в интернет, там ты прочтешь, что Полигамную Тантру практикуют люди, у которых нет стремления создавать постоянные пары. Они похожи на людей, которые пришли в баню и помогают друг другу лучше пропариться и чище отмыться, ведь нам всегда тяжело самим себе потерять спинку. Люди, практикующие полигамный тантрический секс, на энергетическом уровне просто трут друг друга спинку и парят друг друга вениками. Но как только они

выходят из бани, каждый из них обновленный идет своей дорогой, неся в сердце благодарность партнеру за оказанную услугу. В следующий раз, когда настанет время самообновления, человек найдет себе другого партнера для энергетической бани или снова обратится к своему старому коллеге по цеху, опять-таки не испытывая к нему глубинной привязанности, но чувствуя искреннюю благодарность и даря своему партнеру безусловную любовь. А для супружеских пар существует Моногамная Тантра.

Ну, понятно тебе теперь? Кстати, в твоем случае это была действительно именно разновидность Тантры. И тебе, и Артему надо было просто расслабиться. Спустить пар. Так что никакой любовью тут и не пахнет. Здорово я тебя осадил, а?

– Да откуда ты знаешь, что между нами происходит? – продолжала верещать Валентина. – Со мной такого никогда еще не было, никогда!

– А может, ты просто забыла? – поддела ее Ольга.

– Да нет, выслушай меня.

– Знаешь, чего по телефону-то трепаться, давай просто встретимся в кафе и поболтаем, закажем себе чего-нибудь вкусенького, а? Как ты на это?

– Давай! – согласилась Валентина.

– Встречаемся вечером.

В то самое время, когда Ольга болтала с Валентиной, происходили бурные события в жилище шамана. Импульсив-

ная Леда обрушила на Эндэнэ торнадо негодования! Она выяснила, что шаман с ней неоткровенен. Он не раскрыл ей свою главную жизненную цель. Она считала, что ему всего лишь нужен бриллиант Энад, так просто, для престижа и в качестве дополнительного капитала. И лишь недавно, гадая в тридцатые лунные сутки на шаре из хризопраза, и внимательно всматриваясь в его зеленые как океан глубины, она увидела сконцентрированное желание шамана...

– Подлец, ты мне не сказал! А ведь мы же одна команда! А ты скрыл от меня, что Энад не простой камушек! Что он обладает могущественной силой, если его соединить с Рыжим Камнем! – вопила она. – Ты хочешь стать президентом!

– А с какой стати я должен отчитываться перед тобой? – повысил голос шаман. – Ты что мне, жена, или кто, в чем дело, вообще, прекрати орать!

– Я тебе больше чем жена! Я больше, чем женщина! Я твоя боевая подруга, твое секретное оружие, и я твой оргазм, к тому же! А ты меня, словно метлу, в темный угол! Ты меня постоянно используешь!

– Подожди, давай разберемся, – спокойно произнес Эндэнэ. – Что ты еще видела в своем шаре?

– Ах, вот теперь как заговорил! – вскричала Леда. – Опять меня использовать хочешь?

– Не хочу. Ты не поняла. Я собирался сделать тебе сюрприз. И не хотел тебя разочаровывать, если ничего не получится. Я хотел знать наверняка.

– Ну, если наверняка, то знай. Не получится.

– Как? Да с какой это стати? Я просто еще не все принял, – сказал он.

– Я видела будущее. Я видела Энад в храме, в раке с мощами Марии Египетской, он был ярче всех тех штучек, которые там навалены, он сиял как звезда.

– Ну, еще не вечер. Ситуацию мы с тобой изменим. У нас в запасе кактумары, а есть еще и кое-что почище.

– Угу, знаю я твои пакости. Хочешь подсунуть Ольге книжку с пропитанными ядом страницами. Это ты хочешь, да?

– Ты чего опять завелась? Какое тебе дело до нее? Ты же людей не любишь? – сказал шаман.

– А может, я решила завести подругу. У всех есть друзья, приятели, а я что, должна, как зомби какой, жить ради твоих приказов, ради твоей похоти, что ли, вечно? Я тоже хочу личную жизнь, – взвинчено заговорила Леда.

– Какая тебе личная жизнь? Да ты взгляни на себя в зеркало, ты же колючка, правда, симпатичная колючка. Но ты больше похожа на кактус, чем на женщину, – ухмыльнулся Эндэнэ. – Кто с тобой дружить-то будет?

– А вот Ольга и будет, – возразила Леда. – Я ей понравлюсь. Она любит всякие неожиданности, я читала ее романы, это по мне, и мы подружимся.

До вечера было еще полно времени, и Ольга села за ком-

пьютер. Заглянула в свою электронную почту, но ей никто не писал. Она надеялась увидеть весточку от Хаббла. В последнее время они встречались редко, их отношения пошли на спад. «Конечно, языковой барьер – серьезное препятствие. Сначала интересно, потом – не очень», с грустью подумала она.

И тут засигналил скайп. Она переключилась. И услышала знакомый голос:

– Привет, это Олег, тот самый, киллер.

– Ой, привет! – обрадовалась она. – Куда ты исчез? Я о тебе вспоминала.

– Да? Чем обязан?

– Ничем, – ответила она. – Просто прикольно общаться с киллером. Кстати, мы с приятельницей сегодня в кафешку собираемся, присоединяйся, познакомимся визуально. Давай? Хотя, по скайпу тоже визуально можно. Но хочется в реале.

Он ответил не сразу. Пауза длилась минут пять. Потом он хмыкнул, сказал:

– Э-э-э... М-м-м...

И снова замолчал. Наконец, решился:

– Ладно. Я заеду за тобой. И за подругой. И поедем в нормальный ресторан. Пока, – сказал он и отключился.

Ольга тоже «вышла» из скайпа, и отправилась «гулять» по Интернету. Заглянула в новости, там было что-то про инфляцию, которая превысила десятипроцентный порог и про-

должает набирать обороты: «... Ну, а на 2007 год ожидания становятся неделя за неделей все хуже. Наш прогноз на 2007 год – 11,5%».

– Не хило, – произнесла она, и выключила компьютер.

Подошла к трюмо, достала косметику, слегка подкрасилась. Скинула халатик, и натянула джинсы и свитер.

Вечером они с Валентиной стояли возле подъезда, так как Ольга пообещала «карету». И «какета» подъехала точно в назначенный час. Это был бежевый «шевроле». Дверца распахнулась, и высунулся симпатичный молодой мужчина.

– Это я, – сказал он таким тоном, каким обычно говорят с хорошими знакомыми. – Ну, вперед.

Они на миг растерялись. Но тут же взяли себя в руки, и нырнули в машину. Салон автомобиля был драпирован темно вишневым бархатом. Они расположились на заднем сиденье.

– Можно поехать в Американское кафе, – предложила Ольга.

– Нет уж, – ответил Олег. – Позвольте мне решать. Я знаю отличное место. Кстати, как подругу звать?

– Валентина, – ответили они почти в один голос, и рассмеялись.

– Ясно. А я Олег.

– Так мы в ресторан едем? – спросила Валентина, – а в какой?

– В тот, из анекдота, – хмыкнул Олег.

Ольга снова засмеялась.

– В анекдотичный ресторан, в общем. Хотите анекдоты на эту тему?– сказала она.

– Ну, – отозвался киллер.

– Давай-давай, – подхватила Валентина.

– Ну вот, значит. Зашел мужчина в ресторан, сел за столик. Подошла официантка:

«Здравствуйте, что заказывать будете?»

«Как обычно: первое, второе, третье, и на десерт что-нибудь»...

«Первое есть, а вот второго нет, хоть сама ложись.»

«Тогда два вторых.»

– Ха-ха-ха! А вот еще анекдот, – сказала Валентина. -

«Официант, у петуха, которого вы принесли мне, одна нога короче другой!»

«А вы заказывали его для того, чтобы есть, или для танцев?»

– Прикольно. А вот, слушайте. Был объявлен конкурс на самого галантного мужчину, участникам дали задание:

Вы с любимой девушкой сидите в ресторане, и Вам надо срочно выйти в туалет. Как ей это за столом объяснить?

Первое место получил молодой человек, сказавший:

«Извините, я должен на минутку выйти, чтобы помочь своему старому другу, с которым я Вас обязательно чуть позже познакомлю».

В ресторане разговаривают посетитель и официант. Посе-

титель, возмущенно:

«Официант, где мой бифштекс?»

Официант, с чисто английским спокойствием:

«Под лимоном ... с-э-э-э-р».

– Ха-ха-ха-ха...

Ресторан находился в конце Ленинского проспекта, на первом этаже кирпичного дома Хрущовской застройки. Внутри – ничего особенного с виду, обычный антураж, овальные столы с розовыми накрахмаленными скатертями, стулья в розовых чехлах, завязанных на спинках большими бантами, что придавало им изящество барышень.

Они заняли место в углу, в самом конце зала. Олег сразу сел лицом к двери. На столах громоздились большие вазы с букетами огромных искусственных лилий. Олег передвинул вазу так, что его не очень-то было видно.

«Интересно», – подумала Ольга. – «Чувствуется привычка профессионала. Засел, как охотник в зарослях».

Официантка подошла на удивленье быстро. Ольге показалось, что киллер здесь частый гость, как говорится, постоянный клиент. Принесла меню в толстых кожаных переплетах.

– Девчонки, не морочтесь, я сам выберу. Здесь есть коронное блюдо.

Он ничего не заказал, но тем не менее через некоторое время к ним направилась официантка, она несла нечто пылающее. Пламя взвилось чуть ли не до потолка над блюдом на подносе в ее руках. Ольга подумала, что металлический под-

нос наверняка раскалился и жжет ей ладони, наверно, бедняжке приходится терпеть этот жар.

– Коронное блюдо, – прокомментировал Олег. – Огненное мясо. Очень вкусное, с острыми приправами и свежей травой. А из напитков будет чача и сакэ...

– А разве это совместимо? – усомнилась Ольга.

– Почему нет? И то, и другое – водка. Только сакэ – японская, ее теплой пьют, а чача – грузинский самогон, покрепче будет. Международное меню!

– Ну, что ж, неплохо, – сказала она.

– Давайте закажем сок, – предложила Валентина.

Официантка не отходила от их столика, так что сразу заказали ананасовый сок фреш, и лаваш.

– Классно, – сказала Ольга. – А я как-то была в ресторане «Рога и копыта», там было блюдо с таким названием, фирменное, ну конечно состряпали его из фарширо...

Тут она замолчала, открыв рот и вытаращив глаза. Весь ресторан тоже мигом затих. Точнее, затих он на несколько минут раньше. Воздух словно напрягся и остекленел. В зал влетели странные насекомые величиной с крупные кактусы. Налитые, мощные, с игольчатым покровом и большим жалом, они выбирали жертву, и целились, лениво взмахивая скошенными, как у «Боинга», крыльями. Они словно кого-то искали, не спеша осматривая зал. Внезапно они направились к столику, где сидела Ольга с компанией. Вся стая этих существ мгновенно оказалась рядом. Еще минута, и послыша-

лись приглушенные звуки:

Ддуп... ддуп... ддуп...

Насекомые разлетелись на куски прямо в воздухе, и ошметками пошмякались на стол. Олег крутанул в ладони пистолет, дыхнул в дымящееся дуло, и сунул оружие за ремень джинсов.

– Ну, вот и приправа к мясу, – усмехнулся он, вылавливая ошметок кактумара из своей тарелки.

Подруги ошеломленно смотрели на него.

– Ничего не получается, – буркнул шаман. – Дрянная история.

– Просто у Ольги очень сильный Ангел Хранитель. За нее дочь молится, а молитвы чистой душой девственницы всегда мощно укрепляют защиту. Особенно молитвы дочери, – пояснила Леда, и включила кофеварку.

– Без тебя знаю, – мрачно проворчал Эндэнэ. – Что ты все время болтаешь? Помолчать не можешь, что ли.

Он был раздражен до предела.

– Молчу, молчу. Ты сегодня злощий, – хихикнула Леда. – Где же твоя шаманская сноровка? До сих пор у тебя все получалось.

– Почти все, – сказал Эндэнэ, с трудом владея собой. Он готов был взорваться, подобно нейтронной бомбе. – Придется снова лезть в этот чертов четырнадцатый век за Рыжим Камнем, сатана его раздери, и с какого астероида он свалил-

ся, и чего ему надо на нашей планете.

– Не ему надо, а тебе надо, – снова хихикнула Леда. – Без него все твои грандиозные планы обрываются.

– Слушай, не зли меня, женщина, – прорычал шаман.

– Какая же я тебе женщина, – с сарказмом возразила Леда. – Ты же сам меня обзываешь колючкой, кактусом. Так что я не женщина, а цветок.

– Точнее, болтающее глупости растение на ножках, – огрызнулся шаман. – Я бы тебя по стенке размазал, если бы мог.

Он оттолкнул чашечку кофе, которую она подала ему, и ушел в свою комнату, хлопнув дверью.

Когда Леда заглянула туда, его не было. Он уже находился в далеком прошлом.

На этот раз он попал не точно по назначению. Из-за того, что был сильно зол, выплеснул слишком много энергии, и отлетел на несколько миль дальше. Пришлось принять обличье птицы. В этом виде он и полетел к обозам. Еще издали он услышал визгливый лай собак. Пролетая над заснеженной степью, Эндэнэ увидел бегущих детей – монашку и придурка. За ними гнался рыжий волкодав, сорвавшийся с подводы. Молодой пес решил поиграть, в этот миг он был опасен. На оклики с подвод, на зов и команды вернуться он не реагировал.

Мария и Васька бежали что есть духу. Уже перед берегом Васька стал оседать, его коленки согнулись, он почти падал

навзничь на снег. Мария сильно толкнула его в спину, но он все-таки повалился, только вперед головой, оставляя на льду лишь ноги, обутые в сапоги-ичиги. Девушка подхватила подростка за плечи и затащила в овражек, русло которого – видел сверху Эндэнэ – под острым углом упиралось в левый берег Яика.

Тем временем рыжего волкодава догнал другой, черный, посланный с подвод в догонку. Собаки издавна враждовали, как и их хозяева – торговые соперники. Завязалась драка. Через несколько минут тело молодого пса, все в снегу и крови, безжизненно распласталось в двух дюжинах шагов от устья овражка. С противоположного берега зазвучал трубный голос Шамиля – смотрителя:

– Адымлер, тратршишьз? Всем мужикам стоять! Чьи собаки?

Черный пес, расправившись с соперником, послушно вернулся, лег на тюки с овчиной, и затих в санях.

Эндэнэ покружил над степью, и полетел в сторону беглецов. Он увидел, как Мария затащила полуобморочного Ваську Гугню в волчью нору. Дорогу в логово уступили три матерые волчицы. Эндэнэ сел на нижнюю ветку, присматриваясь и удивляясь, но тут же понял, что это вовсе не волки, а особая порода собак, которые сторожили на кнезкалинских пастбищах стада овец и телят, он их там видел однажды летом, во время одного из своих путешествий сюда.

Первая мысль – залететь в нору и снять с лежащего без

сознания подростка рыжий амулет – была отброшена. Собаки мигом разорвут любую птицу, зверя, человека.

Опять не получилось! Шаман был в ярости. Он снялся с ветки и полетел в укромное местечко, чтобы принять свой обычный облик и вернуться домой.

Они вышли из ресторана, в котором продолжалась суматоха в связи со случившемся, никто ничего не понимал, была настоящая паника. Ольга и Валентина, бледные и молчаливые, цеплялись за Олега. Он быстро овладел собой. Помог подругам сесть в «шевроле», и завел машину. Обе молодые женщины съезились на заднем сиденье, прижавшись друг к другу.

– Ну что, едем ко мне? – предложил киллер.

– Лучше ко мне, – сказала Ольга. – Мне еще собаку выводить, а одна я теперь боюсь.

– Ладно, выведем вместе. А что вы такие напуганные, все же кончилось, я расстрелял этих неизвестных животных, – сказал Олег.

– Могут появиться другие, – сказала Валентина.

– Не факт. А если появятся – замочу.

Олег улыбнулся, достал из бардачка фляжку коньяка и передал подругам.

– Промочите горлышки, птички, и давай пощечечем.

Ольга отхлебнула довольно много, и передала Валентине. Та тоже сделала несколько изрядных глотков. Вскоре фляга

была уже пуста, а женщины порозовели и заулыбались. Валентина запела:

– Эх мороз, моро-оз, не морозь меня-а...

Ольга подхватила.

– Девчонки, а расскажите лучше о себе, – сказал киллер. – Так будет интереснее. Вот ты, Оль, я ведь о себе в тот раз рассказывал, помнишь, по скайпу? А ты о себе ни гу-гу. Так нечестно. Давай, выкладывай, ну? А то законспирировалась тут, видите ли, – произнес он шутливо.

– А чего говорить-то? – сказала Ольга совсем пьяным голосом.

– Да все. Как живешь, кто твои папа-мама, как тебя в детстве дразнили.

– Ну, если это кому интересно, лады, – отозвалась она, все больше пьянея. Коньяк снял с нее стресс, ей стало легко и свойски с этими людьми, захотелось поболтать. – В детстве я часто одна в квартире торчала. Предки сваливали по делам, а я – одна. Тоска! Сяду к батарее, и слушаю. А там что-то бурчало, гудело, бормотало внутри. А однажды послышался приглушенный говор, наверно из квартиры под нами. Сперва ничего не различить. Голоса переплетались, всплескивали и стихали, будто люди спорили о чем-то или словно волны бились о берег. И вдруг кто-то внятно произнес: Человек – это замок с кодом.

Она замолчала.

– Интересно, – сказал киллер. – А кто твои родители?

– Их давно нет. Умерли, – пояснила Ольга. – Они были странные. Такие они были чудаки, не поверишь, да я и сама бы ни в жизнь не поверила, не будь я их дочерью, а они – моими родителями. Даже в раннем детстве я удивлялась, ну что за чудаков мне Бог послал, ведь не бывает же так! А может, бывает?

– Например? – спросил он.

– Ну, например, они, вместо того, чтобы кормить обедом меня и Игоря – нас с братом, – они прилипли к стульям в своей комнате, склонились над столами, и строчат: Отец – поэму, мать – роман. Рукописи по всей комнате развалены, на полу, на тахте, кресле, рояле – у нас большой старинный рояль был, «Мильбах», полкомнаты занимал, на нем груды нот и рукописей, вазы с цветами. Мама любила цветы, они у нас всюду были. Она любила мимозу, ландыши и сирень. Под роялем – склад консервных банок, весь год копили на лето, на дачу, так ведь нет магазинов. Иногда они ссорились, мама с папой... Ну, не буду надоедать воспоминаниями, не хочу свою душу растравливать, – сказала она и замолчала.

– Да ты давай продолжай, – сказал киллер. – Нам интересно. Я понял, ты была писательским ребенком. И пошла по стопам предков. Верно? Ну и что предки?

– Они никогда не работали в штате, – продолжала Ольга заплетающимся языком. – Они жили на гонорары, свободными художниками, «на вольных хлебах». В доме у нас то ни крошки, то – пир горой, веселье и гости. Но концы с кон-

цами все-таки сводили, занимали и перезанимали, а потом враз отдавали долги, ухали половину гонорара. В то время можно было так жить. Родители любили праздники, и гонораров хватало на неделю, но зато какую неделю! Это были «обжорные» деньки! Мы объедались, и у нас болели животы. Мы «всем кагалом» каналы в кино, прихватив с собой рыжего кота Алтына – он тоже обожал кинофильмы. В зал проносили его в сумке, а во время сеанса он лежал на мамином плече как воротник. Никого это не смущало. То ли люди в те времена были добрее, то ли оттого, что наш кот очень уж напоминал лису, такой пушистый, рыжий, ну просто воротник и все тут. Никто же не подумает, что живая лиса лежит на человеке. А может, из-за того, что наш кинотеатр находился во дворе писательского дома, и в зале были в основном творческие семьи, привыкшие ко всякому...

У нас в семье были всякие всякости и непредсказуемости. Землетрясения, цунами, полтергейсты. В переносном, конечно, смысле. Чего только не случалось. Но не хочу больше болтать об этом. Не хочу! – повторила она капризно. – Пускай теперь Валя о себе расскажет.

Но Валентина окончательно закосела и не могла произнести ничего внятного.

– Подъезжаем к дому, – сказал Олег. – Видно, твою собаку придется выгуливать мне, – обернулся он к Ольге. – Если она пойдет со мной, конечно. А вас, девушки, надо будет уложить.

– Нет-нет, мы одни не останемся, ни за что, мы боимся этих летающих тварей... – пролепетала Ольга.

– Б-боимс-ся, – отозвалась Валентина, и съехала с сиденья на пол.

– Ну и наклюкались же вы, девчата, ха-ха, – хохотнул Киллер. – Придется мне вас обеих на собственных плечах тащить. Вот связался, на свою голову. Смешные вы, девчонки, ей-богу.

– А мы уже не боимся, – сказала Ольга. – Ты наш Киллер-Хранитель.

– Ну конечно. Вместо Ангела-Хранителя у вас я теперь, – ответил Олег.

В полном раздражении Эндэнэ ворвался в свою комнату.

– Где кальян! Почему не готов! Разожги угли для кальяна! – заорал он на Леду.

– Чего злишься? – спокойно ответила она. – Что, не вышло с кактусами, и психуешь?

– Заткнись! Подай кальян! – неистовствовал шаман.

– Сам виноват. Мог бы направить кактусаров прямо к ней на дом, там она одна торчит. Не считая полудохлой собаки.

– Ничего бы не вышло, – сказал Эндэнэ уже спокойнее. – У нее полно кактусов в квартире.

– Ну и что? – возразила Леда. – Причем здесь это?

– Неужели непонятно? – сказал шаман, снова раздражаясь. – Кактусары усядутся на кактусы и заворкуют, ты же

знаешь их привычки.

– Ах да, точно. И чего она кактусов наразводила, энергетику, что ли, чистит?

– Видимо, да.

– Ну и что теперь делать будешь? – не отставала Леда.

– Есть у меня в запасе еще несколько штукек, – сказал он. Леда принесла кальян и кофе. Но шаман поморщился, бросил:

– Не хочу!

И вышел.

– Чего раскапризничался, как маленький, – проворчала Леда.

– Пойду на голубятню! – бросил он, натягивая куртку, и выскочил за дверь.

Внутри у него клокотал вулкан и кипела лава. Успокоить его сейчас могли только голуби.

Он спустился во двор и направился на задворки, подошел к голубятне, отпер дверь. Из клетки повыскакивали наземь турманы. А желтохвостый голубь с песочного цвета головкой – кукун – взлетел на плечо Эндэнэ. Шаман взял птицу в ладони, погладил ее с головы до хвостика, а затем резко выбросил голубя в утреннюю высь. Захлопали щелчками крылья кукуна. Яон взлетел, набирая высоту, и сделал круг над голубятней. К нему присоединились еще три птицы. И вот уже четверка голубей красиво парит над крышами домов, поднимаясь все выше и выше. Следом взлетели турманы. Ша-

ман, улыбаясь, задрал голову, любуясь ими. С самых дальних высот голуби садились на хвосты и кубарем вертелись вниз, потом делали еще несколько кругов, и заново вели игровую круговерть. Эндэнэ, провожая их взглядом, вдруг заметил с четверкой своих кукунов чужака. Пугливая пестрогрудая и белохвостая бабочка из породы голубей-высотников то смешивалась со стаяй, то вертушкой замирала на месте, часто-часто порхая крыльями не прежней высоте. Спуск с высот ей давался с трудом.

«Будет моя», – решил шаман, наблюдая за ней. Тут ему в голову пришла интересная мысль. Он вытащил из кармана куртки мобильник и позвонил Ольге.

– Алло, это Эндэнэ, привет, – сказал он в трубку. – Хочу тебя видеть, и рассказать тебе нечто. Как тебе эта идея?

– Ну, ближайшие дни я занята, – ответила она. – А что ты хочешь рассказать?

– Это не по телефону, – ответил он.

– А о чем? Ну все-таки, о чем же? – стала она выяснять.

– О тебе, – ответил он.

– А-А... Ну, давай завтра встретимся в ЦДЛ.

– Где-где? – переспросил он.

– В Центральном Доме Литераторов, в нижнем кафе.

– Договорились. Вечером. До завтра.

В Центральный Дом Литераторов Ольга отправилась вместе с Валентиной. С ней было весело болтать, она знала мно-

го анекдотов, развлекала бесконечными рассказами о своих путешествиях, и вообще она была забавная. Они заказали кофе и фирменные пирожки с яблоками, и сели за столик в углу. Народу никого не было, если не считать пожилого сухонького мужичка с высоченной юной толстушкой, на которую он глядел с вожделением, и ей это очень нравилось.

– Эти, похоже, из Института Мировой Литературы, он рядом здесь, они все сюда ужинать притаскиваются, – сказала Ольга подруге, кивнув на парочку.

– Почему ты так думаешь? – удивилась Валентина.

– Вижу. Не из наших. наших я всех знаю. Девчонка явно ассистентка этого типчика, он ей платит, она держится за него.

Тут вошел Эндэнэ.

– Ну как вы, девчата? – бросил, присаживаясь за их столик.

– Нормально, – отозвалась Ольга.

– А что так грустно на столе? – сказал он. – Сейчас закажем что-нибудь этакое.

– Этакого здесь не бывает, – возразила Ольга. – Только пирожки и бутерброды, да еще шоколадки и конфетки.

В этот миг на столе сам собой, словно из воздуха, возник роскошный торт с пышным кремом сверху. Тут же материализовались фарфоровые тарелочки, торт распался на дольки, и расположился на тарелочках.

– Круто, – произнесла Ольга, и обернулась к Валентине: –

Знакомься, Эндэнэ, шаман.

– А я Валя, – сказала растерявшаяся Валентина.

– Ну, теперь расскажи мне обо мне, – сказала Ольга шаману. – Что ты видишь в моей судьбе, например.

– Вижу все, – сказал Эндэнэ.

– Ну, например. Вот скажи, когда я родилась, кто по гороскопу, хотя бы, – улыбнулась она, поддевая ложечкой кусочек торта.

– Ты-то? Родилась? На границе двух знаков, Стрельца и Козерога, 22 декабря ты родилась, – ответил шаман.

– Точно. Ну и что из этого? – заинтересовалась Ольга. – Это что-то значит?

– Конечно, – ответил он. – Это напрямую влияет на твою судьбу.

– Ой, как же? – вступила в разговор Валентина. – Расскажите про это подробно, пожалуйста, если можно?

– Для вас можно все, – шаман повернулся к ней, пристально заглянул ей в глаза, и начал: – если Вы родились на границе 2-х знаков, то возможно, что Вы живете по Верхнему, второму Зодиаку. Верхний Зодиак проявляется исключительно на стыке между двумя любыми знаками нашего привычного Зодиака, к примеру: Овен – Телец – Близнецы, и так далее. Два Зодиака, верхний и нижний, соприкасаются именно на границе одного знака с другим. Каждый знак второго Зодиака "вмешивается" в первый, в идеале как бы раздвигает границы другого знака, и у человека-"пограничника" мо-

жет проявиться абсолютно другой знак – знак верхнего Зодиака с совершенно другими характеристиками. Как только в истории мы видим какого-то очень необычного человека, человека-легенду с какими-то таинствами, у него обязательно будет соединение планет на границе знаков. В жизни таких людей просто иногда невозможно понять. К ним должен быть применен более сложный критерий оценки. Кого бы мы ни взяли из знаменитых гениальных личностей, отмеченных печатью некоей необычности, астрологи обычно пытаются загнать их в рамки нашего Зодиака, а они этому не поддаются, так как в них всегда есть нечто еще, находящееся выше. Люди, у которых проявляется верхний Зодиак, будут людьми как бы "не от мира сего", в какой-то степени наш мир будет для них даже чуждым.

Если вы родились на границе обычных знаков Зодиака, то как найти подтверждение того, что у вас проявился Знак Верхнего или второго Зодиака. 12 печатей, связанных с этими двенадцатью знаками второго зодиака, должны быть в форме группы родинок, напоминающих по форме очертания созвездий, соответствующих этим знакам. Это и есть знак отмеченности.

– Ой как интересно! – воскликнула Валентина. – А точнее, к примеру?

– Ну, если точнее, то на примере Ольги. Она, выходит, знак древа, созвездие Кассиопеи. Люди этого знака и созвездия очень неординарны, это настолько сложные личности,

что трудно себе представить. Впрочем, я об этом только что сказал.

– Я сложная личность? – переспросила Ольга.

– Многоуровневая, – ответил Эндэнэ. – Кроме того, ты ухитрилась родиться в час Черепахи, в минуту Тхтхау. Раз в тысячу лет в часе Черепахи появляется лишняя минута. И рожденный в этот миг обладает особыми свойствами. Но и жизнь у него складывается по-особому. У него может быть много знакомых, но нет близких друзей. А его судьба порой делает фантастические скачки. Эти люди долго остаются молодожавыми. Им не грозит дряхлость и серьезные болезни, во второй половине жизни судьба осыпает их радостями и дарами.

– Правда? – перебила его Валентина.

– Это так, – ответил Эндэнэ.

– А расскажите про все необычные знаки, которые на стыке, можно? – Валентина вплотную придвинулась к шаману и смотрела на него широко раскрытыми глазами.

– Не проблема, – усмехнулся он. – Слушайте:

Родившиеся 20, 21, 22, 23 марта – это Созвездие Цефея.

Получившие рождение 20, 21, 22, 23 апреля – Созвездие КИТ.

Появившиеся на свет 20, 21, 22, 23 мая – Созвездие ОРИОН,

Те, которые вылупились 20, 21, 22, 23, 24 июня – Созвездие КОРАБЛЬ,

Высочившие из утробы матери 21, 22, 23, 24 июля – БОЛЬШАЯ МЕДВЕДИЦА,

Увидевшие этот свет 22, 23, 24, 25 августа – РЫЦАРЬ, или Геркулес,

Рожденные 22, 23, 24 сентября – Созвездие ВОЛОПАС,

Вылупившиеся 22, 23, 24, 25 октября – Созвездие ВОРОНА,

Увидевшие свет 22, 23, 24, 25 ноября – ЗМЕЕНОСЕЦ,

Те, которые 21, 22, 23, 24 декабря родились – Знак ДРЕВА. Созвездие КАССИОПЕЯ,

Родившиеся 19, 20, 21, 22, 23 января – Созвездие ЛЕБЕДЯ,

Ну а 19, 20, 21, 22, 23 февраля – Созвездие ПЕГАС.

Теперь все понятно? – обратился он к Валентине, и перевел взгляд на Ольгу.

– Занятно, – отозвалась Ольга. – Я эту информацию и в Интернете могу надыбать, так что ты не сделал никакого открытия для нас.

– А мне было ужасно интересно. Вы такой потрясающий человек, и очень-очень симпатичный, – сказала Валентина, не сводя с шамана своих заблестевших глаз.

Она и оторвала, наконец, взгляд от Эндэнэ, и закинула ногу на ногу.

Между ней и Ольгой оказался свободный стул, а на нем – книга.

– Зюскинд, Парфюмер, – прочла Валентина на обложке,

и взяла книгу в руки.

– Передай ее Ольге, – произнес шаман. – Кажется, это ее.

– Не моя, – ответила Ольга. – Я читала Зюскинда, он где-то дома у меня затерялся.

– Возьми и посмотри, – сказал Эндэнэ немного напряженным голосом. – Валь, передай ей, пусть листанет.

– Да не нужен мне Зюскинд, – сказала Ольга. – Я занята тортом. Валь, тебе что, торт не нравится? Или ты так любишь классику?

– Я не читала Зюскинда, – ответила Валентина, открыла книгу, и принялась перелистывать. И вдруг выронила ее из рук, и сползла со стула на пол.

– Эй, что с тобой? – склонилась над подругой Ольга, и увидела, как стало бледнеть ее лицо.

Валентина судорожно дернулась и затихла, взгляд остекленел...

– Что такое? – потерянно пробормотала Ольга. – Надо врача, срочно!

Она полезла в сумочку за мобильником.

– Поздно, – произнес шаман. – Она мертва. Остановка сердца.

Он нахмурился и стиснул зубы. Взгляд его стал жестким.

Ольга неделю не выходила из дома и не отвечала на звонки. Сидела и плакала. Нет, конечно, выводила гулять собаку, но ненадолго. Заглядывала в продуктовый магазин. Но де-

лать ничего не могла, все из рук валилось. Ей было до боли жаль Валентину. Приехавшая в тот раз скорая подтвердила диагноз, интуитивно поставленный шаманом. Врачи решили, что у Валентины было слабое сердце.

Потом она успокоилась и ответила на надрывный телефонный звонок. Это был Хаббл. Он сказал, что возвращается в Америку, и хочет попрощаться.

«Надо отвлечься, хватит рыдать, этим никому не поможет», – решила она, и согласилась встретиться с ним. Но только не в ресторане, и не в Центральном доме литераторов. Решили пойти в Консерваторию на концерт классической музыки.

Встретились в Бетховенском зале, возле бюста. Хаббл достал билеты в партер, места были в самом центре пятого ряда.

– Я люблю пятый ряд, – сказала она. – Просто я люблю эту цифру, пять. Это мое число.

Хаббл не совсем понял, что она сказала, так как сегодня она путала английские слова с русскими, но из вежливости он улыбнулся и кивнул.

До начала концерта было еще полчаса. Они побродили по консерватории, посмотрели фотографии на стенах. И Хаббл произнес вдруг:

– Ольга, я хочу подарить тебе на память маленький сувенир. Это часы странного вида, они не ходят, но очень забавные. Это будильник.

Он сказал эту фразу на ломанном русском.

– Ты стал учить русский? – удивилась она.

– Пока только несколько фраз, и много разных слов, – ответил он.

– О, это мне нравится, – сказала она. – У нас трудный язык, ты просто герой! А часы я почию, я умею. Мой прадед был знаменитый часовщик, золотые руки, и мне тоже передалось от него кое-что в этом плане...

Она взяла сверток, который Хаббл вручил ей, и развернула. Будильник действительно был совершенно необычный. В куске причудливо застывшей лавы был оранжевый неровный многоугольник – циферблат, с черными римскими цифрами и черными стрелками в виде рыбок.

– Потрясно! – воскликнула Ольга. – Это просто класс!

Тут прозвенел звонок, и они пошли в зал. Объявили арии из классических опер, и имя:

– Исполняет Михаил Гужов.

Зал взорвался аплодисментами.

На сцену вышел большой полный молодой мужчина с нежной как у младенца розовой кожей, и запел таким глубоким басом, что зал завибрировал.

Зрители замерли. Хаббл зажмурил глаза и стал слегка раскачиваться в такт пенью. Ольга почти полностью растворилась в звуках, это было блаженство... Она парила в небесах, плыла в океане, растворялась в солнечном свете, танцевала среди нежных теплых языков пламени, она сама была части-

цей пламени, лучиком света, сияньем морской волны...

После концерта они, осиянные чудесными звуками и счастливые, бродили по улицам и молчали, впитывая в себя краски поздней осени и начинающейся зимы...

Потом поймали такси и поехали к Ольге. Был прощальный вечер с шампанским и долгими ласками. Ночью они гуляли с собакой. Утро пришло незаметно. Хаббл распрощался и поехал в аэропорт. Ольга легла спать.

Ей снилось, что она в Домжуре берет интервью у хорошенькой юной блондиночки, и вдруг понимает, что это она сама и есть. Она интервьюирует саму себя. А блондиночка рассказывает, да так гладко, словно читает. Она говорит что-то там о своем детстве:

– Снег, до боли в глазах яркий, мелко бугрился на газоне, деревья зло корячились в холодном солнечном пространстве. Из-под ног выпорхнула синица, резко взлетела, пронеслась, рассекая воздух, над фотомастерской – облупленной многоэтажкой. Там на крыше сидел, свесив ноги, Савка-Сопля из шестого подъезда. Увидел меня, спрыгнул, пошел навстречу. «Сейчас треснет по балде», поняла я и приготовилась драться. Савка всегда почему-то цеплялся ко мне.

Шагах в пяти от меня он вдруг остановился, шмыгнул носом, слизнул прозрачную, посверкивающую на солнце соплю над губой и крикнул, как будто я глухая:

«Беги домой, у тебя дома беда...»

С Савкой мы летом стырили булку из ларька...

Дальше Ольга не слушала, а потом снова «врубилась».

Блондиночка вещала:

– Кряжистый краснолицый мужчина притушил о ствол липы «бычок» и сказал:

«Да у нас вся страна сидела. Тюрьмы, лагеря, знаешь их сколько?»

«Зона», – отозвался другой.

«Зона» – подумала я и сразу вспомнила фильм «Сталкер». Там тоже зона, другая. А еще есть шальная зона – это когда деревья и птицы дуреют от талого снега. Разные есть зоны. Вот тот любимый мой «Гамлет» из сугроба, из зоны... Ту растрепанную книжку я выловила из сугроба в тот раз...

Я швырнула портфель на скамейку, прислонилась к дереву и стала думать о Гамлете. Он был высокий, немножко лысый, с удлиненным аристократическим лицом и толстыми губами. Он очень худой, ладони его большие, а пальцы длинные. Гамлет улыбнулся, взял меня за руку, мы оказались за столиком в каком-то прокуренном зале, и он сказал:

«Ты что, оглохла?» – сказал Савка-Сопля и ткнул меня локтем в бок. С сигаретиной в уголке рта, небрежно прислонясь к скамейке, Сопля стал глядеть куда-то мимо и говорить:

«Ты чего не в школе, с уроков смылась?»

«А где твои сопли?» – злясь, спросила я.

Нигде нет спасенья, даже в чужом дворе. Хочу одиночества!

«А ты читала «Синюю птицу»?» – печально спросил Савка.

«Я ела паштет из Синей птицы!» – крикнула я, схватила портфель и убежала.

– Да это же фрагмент моих мемуаров! – вскрикнула Ольга и проснулась.

Был уже вечер, за окном стемнело. Надо было срочно кормить и вести гулять собаку. Рокки терпеливо лежал под письменным столом, послушный пес, и ждал. Она встала, пошла на кухню, включила чайник, заварила крепкий чай. «Надо срочно прийти в себя», – подумала, и достала из сушилки керамическую кружку. Мысли ее сделали кульбит и вернулись к Хабблу. Вспомнила про подарок. Сумка валялась на стуле. Вытащила странный будильник. Поставила на телевизор. «Будет время, вскрою и попытаюсь починить», – подумала она.

И еще подумала, что надо непременно сходить в храм к отцу Макарию.

Эндэнэ в ярости переломил бамбуковую трость, и швырнул обломки на ковер.

– Не бурли! – миролюбиво произнесла Леда. – Да успокойся ты, наконец. Не все потеряно. Я заглянула в шар, пока ничего не происходит, Ольга ведь непредприимчивая. Так что у тебя есть время.

– Уйди! – выкрикнул шаман. Пошла вон!

– Что, опять в четырнадцатый век сиганешь? – поняла Леда. – Зря. Там ты ничего не надыбаешь.

– Не твое дело! – снова вспылил шаман.

Леда вышла из его комнаты и закрыла за собой дверь.

Эндэнэ переоделся в одежду странника, попытался успокоиться, но вместо этого распалился еще больше. На сей раз он оказался в 1519-ом году.

– Что за дрянь, – пробурчал он, оглядываясь вокруг. – Надо теперь как-то вписаться с эту бытность... Может, это и не зря, может, здесь как раз и найду Рыжий Камень-то...

А в это самое время Боровский диакон Макарий с Симановского холма вслушивался в птичий гомон на Огубяньских заливах. Ему в эту ночь не спалось. Занятия над переводами книг в монастырской библиотеке утомили дух и тело. Глазами Макарий пил едва различимые в предутренней мгле очертания поймы реки Протовы. На противоположной стороне займища слышался колокольный звон Феодоровской звонарницы. И стая уток с шумом опустилась на плесик меж густых зарослей камыша. Он спустился с коня, пустив пастись животину в понизовье, где догорал ночной костер. На половинном бревне у огня сидели два боровских собрата. И до полного рассвета братья не скажут друг другу ни слова. Каждый из них понимал другого, «ибо в молчании было Слово».

Эндэнэ, всматриваясь в предрассветную темень, различил фигуры Макария, и сидящих у костра монахов. И ему вдруг

показалось, что он знает их.

Он двинулся вперед, на ходу соображая, как повести разговор, но тут же понял, что не следует ему пока появляться здесь. Ему вдруг ясно стало, что Камень он тут не найдет, он где-то недалеко, Камень-то, но в руки ему не дастся нынче.

«Опять ни с чем возвращаюсь», – подумал он, но прогулка ободрила его. Он решил еще немножко побродить по старине, подышать свежестью и ароматом глубокого прошлого, поболтать со случайными путниками. Его гнев испарился, душа утихомирилась. Чем дальше он шел вдоль поймы, тем светлее становилось на сердце...

Ольга поднялась с компьютерного кресла, и направилась на кухню за чаем. Устала, голова не работала, глаза болели. Зато сегодня она написала хорошую главу. Она была довольна. С чашечкой горячего крепкого чая она вернулась в комнату, прошлась, прихлебывая на ходу, опустилась на постель. Возле ног спал пушистый старенький Рокки. Она обвела взглядом комнату. Посмотрела на странные часы в серванте, подарок Хаббла.

«Забавная вещица», – вновь подумала она. – «Надо попытаться отремонтировать».

Допила чай, и полезла в стол за отверткой.

Часы удалось вскрыть не сразу, пришлось повозиться.

–Так вот почему будильник не фурычит! – Воскликнула она в полном изумлении.

Колесики механизма плотно упирались в крупный прозрачный камень. Ольга достала его, и все поняла. Это был бриллиант!

Она ошеломленно уставилась на находку. И тут же в памяти всплыла фраза Эндэнэ, предупреждающего о том, чтобы она не развинчивала часы.

«Выходит, он знал?» – возникла тревожная мысль. – «Он охотился за камнем? Так вот для чего он вызывал меня на свиданья то и дело, вот почему расспрашивал. А я -то думала, с дуру... Так он же шаман, а не смог нашаманить... Что-то с этой драгоценностью не то...»

Ей стало не по себе. Вспомнились непонятные инциденты, странные случаи, которые клубком разматывались в ее судьбе последнее время.

Ольга сунула камень обратно в часы, но потом снова вынула его, и принялась пристально рассматривать. Ей показалось, что он живой, но только это какая-то совсем иная форма жизни. Бриллиант словно хотел ей что-то сказать...

«Этот камушек тот еще», – подумалось ей. – «Наверняка он тянет за собой «хвост» преступлений. Такие безделушки всегда связаны с криминалом. Надо от него срочно отделаться, да так, чтобы самой не стать жертвой. Отнести в милицию? Нет, чревато, можно так влипнуть, что мало не покажется... Что же делать-то? Как быть? Вот влетела в историю, просто ужас!..»

Она потерянно топталась на месте, держа на ладони свер-

кающий Энад, и напряженно думала. Потом лицо ее прояснилось, она заулыбалась и сказала, поднеся бриллиант к самому лицу:

– Не переживай, малыш, все будет о'кей, я пристрою тебя в святое место. Тебе понравится. Я познакомлю тебя с отцом Макарием.

Злаякукла! Но! Ангел добрый!

психологический роман

Я просто обалдеваю от всего, что происходит. Потому что такого вообще не может быть. Никогда. Но ведь это же происходит!!! Как, почему???

Денег не было. Мы с подругой гадали, где достать. Пили водку с томатным соком – «Кровавую Мэри» – и размышляли вслух. Мэри – Маринка травила анекдоты. Я – для фона – изображала смех, но звуки получались какие-то стрёмные, наподобие хохота идиота. Взгляд упал на рога – они валялись посреди всякого хлама в комнате Мэри. Куча одежды, игрушки-зверюшки, тахта со смятым покрывалом, разломанный торшер, книги. Я сказала:

– А давай продадим рога через инет. На Авито. Кстати, чьи это рога?

– Сама не пойму. Какого-то парнокопытного. На коровьи не похожи, и на бычьи тоже. Может быть, бизон их тут потерял?

– Да уж, такой бедлам могло устроить только стадо бизонов.

–)))))

– А как они вообще здесь оказались, рога?

– Не помню. Да кто их купит? Вот если бы они были с

историей...

– Ну, история в моей жизни была. Один знаменитый поэт, мировая известность, правда, очень уже пожилая... Ну, да я ж тебе рассказывала о своём давнем романе, когда я была ещё совсем юной девчушкой...

– А, да-да, помню-помню. Он тебя ещё в постель затащил...

– И не раз.

Я тут же сочинила объявление для сайта Авито: «Продаются рога странного парнокопытного – рога эти в своё время передал поэту N африканский шаман, они зашаманены на защиту от врагов и на плодовитость. Эффект был грандиозный – враги поэта не смогли причинить ему никакого вреда, да и количество этих врагов сократилось, а сам поэт, от природы страдавший бесплодием, очень сильно расплодился. Однажды, находясь в состоянии эйфории, он подарил эти рога мне. Все мои враги исчезли, даже жаль, без них жизнь потеряла свою остроту».

Хи-хи, если бы они у меня были. Я – самое миролюбивое существо на свете...

– Ничего объява? – обернулась я к Мэри.

– Нормально. За секс надо платить. Вот пусть и платит.

– Он даже не подозревает, вот бы взбеленился, если бы узнал!

Ну, это, конечно, не очень-то хороший поступок, но, на мой взгляд, совершенно безобидный прикол. Однако совесть

моя шевельнулась.

Домой я вернулась за полночь – ладно, что Мэри живет в соседнем доме. И принесла рога – небольшие, покрытые лаком, обшарпанные, с трещиной и с тремя дырками по центру (наверно, висели где-то). Я сфоткала рога, и закинула объяву на сайт. Через полчаса там было уже 16 просмотров. Интересно, что за зверь носил эти рога, и кто его убил. Несомненно, носитель был из Африки. Были пляски вокруг костра, туша зверя лежала на траве, которая остро ипряно пахла, вождь племени беседовал с шаманом перед началом ритуала... Они обсуждали охоту... Вся эта картина ярко и яростно сверкала в моём мозгу. Я поднялась с компьютерного стула, и тут взгляд мой упал на какую-то маленькую штучку на полу. Это был охотничий билет, пустой, не заполненный. Я страшно удивилась. Откуда? Как? Этого не может быть! За порог моей квартиры никогда не ступала нога охотника, да и мужчин здесь давно уже не было. Но охотничий билет – был. Хотя ещё утром его не было, и днём тоже – я делала уборку.

Я тут же позвонила Мэри. Она сонно промямлила:

– Мой бывший гуру говорил: учись видеть знаки. Это знак, Ника.

– Что за знак? – насторожилась я.

– Ну, это... – тянула она, всхрапывая, – либо на тебя кто-то охотится, либо ты влюбишься в охотника. Или он – в тебя. Прости, я сплю.

Ну вот, спит. Она вообще засыпает сразу. Не то что я. А

я всегда долго маюсь, сна ни в одном глазу, и лишь под утро меня, измучившуюся уже, смаривает.

Села за комп, проверила почту, поторчала в новостях. Побрела на кухню пить чай. Нет, надо всё-таки завалиться в постель с книжкой. Утром засну...

Снилось, мы мчимся на иномарке. Мы? Ну, я и ещё кто-то. Да, за рулём мужчина, но в виде неясного силуэта, хотя – кто-то родной и любимый. Вдруг впереди – что-то происходит, народ на дороге толпится. Авария какая, что ли? Мы тормозим, выходим из машины. Ничего непонятно. Оглядываюсь – машины нет. И я понимаю, что всё – уехал, а меня забыл. Позвонить? Но моя сумка осталась в машине, со всеми вещами – с мобильником, кошельком, ключами... Я в панике озираюсь. Люди, автомобили, и какой-то прохожий говорит мне: «Хотите позвонить? Вот, звоните», – и протягивает мне игрушечный мобильник : кусочек жёлтой пластмассы, но мне сначала кажется, что это будильник. Опешила. Я беру и кричу в эту жёлтую игрушку: «Алё, ты меня слышишь?», и оттуда раздаётся: «Да, я тебя забыл, но я уже далеко. Я тебя не слышу, в пластмасске нет микрофона!» Я в полной растерянности – как же быть, что делать, меня не слышат, я без документов, без денег, без ключей, и не знаю, где вообще нахожусь, и что происходит...

Проснулась в ужасе. Сердце колотится где-то в горле, во рту горечь... К чему этот сон? «Учись видеть знаки». Бред какой-то. Встать, принять ванну... Вылезать из постели

ли неохота, ведь так уютно на большой мягкой тахте, с красивым постельным бельём, под пушистым одеялом... Потянулась глубоко, с хрустом... Зевнула. Нет уж, спать, спать, спать. Сквозь лёгкую штору пробивается дневной свет. Глянула на часы. Полдень давно миновал. Подъём! День уже в разгаре! Пододеяльник с оранжевыми петухами, как я люблю это постельное бельё! Приятельница мне как-то рассказывала про петуха. Её соседка по даче, бабка, всё переживал, что петух топчет лишь одну курицу, а других игнорирует. Петух был влюблён, и не на шутку. Что только бабка ни делала, ничего не помогало. Тогда она зарубила курицу, и сварила себе вкусный супчик. Она была уверена, что петух уже топчет других кур. А он взял и покончил с собой – повесился вниз головой, зацепившись лапками за жёрдочку. Вот ведь, и у кур бывает так – любовь не на жизнь, а на смерть. Наверно, это был оранжевый петух. Очень жалко петуха. Я покемарила ещё минут сорок, и нехотя вылезла из постели. Потом долго лежала в ванне с морской солью, заваривала крепкий чай, неспешно завтракала яичницей с луком, потягивала ароматный чай с бергамотом и глазела на телеэкран. Сибаритствовала. А что ещё делать одинокой безработной женщине? Искать работу? Это бессмысленное занятие уже давно в прошлом. На спинке стула с ветхой, кой-где прорвавшейся обивкой, висела моя любимая ярко красная кофточка с небольшим треугольным вырезом, махеровая – наследство от моей старенькой тётушки. В ней меня можно принять за

хипстера. Да, хипстеры – они любят винтажные вещи. Они вообще – против ханжества, дистанцируются от общества, у них свои приоритеты. О, как я их понимаю! Но они ведь все очень юные –пятнадцать-двадцать пять годочков. Это не наша возрастная группа. Отнюдь. Хипстеры. Лобстеры. Хи-хи.

Где же достать деньги? Когда-то я «толкала» пиратские диски. Ничего, на жизнь хватало. Но потом появились они. Они разогнали пиратские диски (они так думают), ну так возникли торренты. Тогда они принялись разгонять торренты. Блин, да русский человек скорее научится передавать файлы силой мысли, или через электрочайник, чем будет за это платить... Торрент – это ведь просто суперская программа для быстрого скачивания файлов! Да, у нас в России всё вот так вот. Само пространство у нас искривлённое, а время представляет собой некий клубок. И у нас полно фриков – странных людей, больших оригиналов. Самый большой фрик – это Мэри. Всё в ней, начиная с внешности, странное. Представьте себе абсолютно бледное существо – с мертвенно бледной кожей, с выбеленными волосами, с длиннющими тонкими ногами и такими же неимоверно длинными и тонкими руками, но при этом всё в золоте, и в блестящих, словно на маскараде, одеждах (золото наследственное, Мэри не рассталась с ним даже в самые лихие времена, а одежда – из комиссионки). Она похожа на гламурный призрак. Призраков она любит. Также, как и свою большую белую собаку Призи. Мэри и Призи спят в одной постели – собака в

ногах. Она тёплая, греет. Сама Мэри из семьи дипломатов. Но в бурные криминальные годы всё у неё исчезло: родители, мужа, квартиры, имущество. Осталось одно-единственное трёхкомнатное жильё, давно и настойчиво требующее ремонта, заваленное всяким странным барахлом, попавшим сюда, видимо, в период пьяных тусняков. Мэри любит выпить. Были деньги за проданные квартиры – были друзья, веселье, кайф. Потом всё кончилось. Но периодически Мэри находит работу – она не хило переводит с английского. Мы с ней познакомились лет пять назад – в очереди на Бирже Труда. Точнее – в Центре Занятости Населения, так это называется. Разболтались. Про проблемы, про собак. У меня когда-то тоже был пёс, умнейший и красивейший двортерьер, собака-философ с печальным человеческим взглядом. Ральф. Я любила гулять с ним. Он ждал меня возле магазина, пока я выбирала продукты. Он сидел не шелохнувшись, словно статуя, и ни на что не реагировал, лишь внимательно смотрел на дверь. Когда я выйду. И радостно бросался мне на встречу. Вот так мы и болтали, обо всём, две сорокалетние лохушки. Две блондинки, только Мэри с прямыми короткими волосами цвета лески, а я – с длинными волнистыми переливчатыми, с золотинкой. В отличие от подруги, я невысокая, розовощёкая, с полными губами в яркой розовой помаде, и вообще я просто супер женственная. Да, люблю похвастаться, чего уж тут. После неудачных попыток найти работу – предлагали всякую низкооплачиваемую ерунду: ночным

диспетчером, няней в детсаду, уборщицей в фирме, ну кому сейчас нужны переводчики, даже с дипломом МГИМО, или филологи с дипломом МГУ? Разве что блатные. Маринка даже писала в своей анкете псевдоним, под которым она переводит иногда – если повезёт – книги: Мэри Бар (её фамилия Баранкина). А когда не удаётся добыть в издательствах работу, она лепит из пластика собачек и привидений, и пытается продать их – предприимчивая такая, но обычно раздаривает. Как-то мы сидели у неё на кухне – шторы в кружевах, старинный матерчатый абажур, красный с бахромой, всё такое винтажное, – пили грузинский коньяк и предавались воспоминаниям. Маринка, то есть, Мэри Бар, сетовала, что так нелепо всё у неё сложилось. Была большая семья, и вдруг – на тебе. Где все, ау!!!! В девяностые, когда всё это в стране началось – случилось и в их семье, как, кстати, и у многих. Умерли друг за другом бабушка, дед, отец, мать, словно не желали они видеть того, что произойдет с государством. Муж сбежал в Австралию, прихватив с собой сына. Сказал, посмотреть, ненадолго, вышло – навсегда. Вот такие они, мужики. Ненадёжный народ. Ну, не все, наверно. Её двоюродная сестра умчалась в Штаты и осела там, вышла замуж, развелась. Другая родня тоже разбежалась кто куда. Еще остались родственники в Сибири где-то, и в украинской области. Иногда Мэри с ними общается по инету. Когда хорошенько выпьет, она тогда общительная. Бывший муж изредка вспоминает о ней и шлёт небольшие суммы денег, пи-

шет о сыне – взрослый, работает где-то в фирме, у него свои дела, своя жизнь. Потом Мэри снова вышла замуж, но её новый суженый – красавец, фантазёр и большая бестолочь – влюбился в проститутку и ушёл к ней. Этот мечтатель любил романтику, красоту, любил барствовать: набросит на голое тело шубу, развалится в огромном мягком кресле, в одной руке – гавайская сигара, в другой – бокал красного вина. На столе обязательно ваза с цветами и ароматические палочки в изысканных подставках. И чтобы Мэри играла и пела ему под гитару – о, она это умеет, и гитара у неё была когда-то. Но та проститутка знала толк в мужчинах, она оказалась неплохим психологом. Муж забрал у Маринки гитару и её любимого пуделя. Пудель затосковал и вскоре умер. Вот ведь гад, жалко собачку! Невинная, преданная душа, ласковый малыш. Маринка была просто в жуткой бездне отчаяния – гада этого любила до опупения, а пудель был для неё как маленький ребёнок. У неё была страшная истерика, которую она глушила водкой... Несчастливая Мэри. Жуть!

Вот так мы и болтали. А я рассказывала о своём неудачном замужестве. Мой выпивал. В девяностые затеял было бизнес, но не получилось. Растяпа. Ушел в запой. А у меня умер дядя. Родители-то ещё до этого отошли в мир иной. Дядя был одинокий. Оставил квартиру. Я её продала, и купила мужу иномарку. Чтоб не пил. На ней он и разбился. Мгновенная смерть. Кошмар!!! Я металась в полном ужасе, рвала на себе волосы, потом впала в ступор. Долго не могла прий-

ти в себя. Весной оклемалась, помчалась на кладбище. На такси. Всю дорогу думала. О нём. Не купи я ему тогда машину. Не сделай такой щедрый подарок. Был бы жив. Или нет? От судьбы ведь не уйдёшь? Моя тут вина, или так уж ему на роду написано? Попал бы спяну под машину... Может, ему суждена смерть в автокатастрофе? Или нет?.. Вот и кладбищенские ворота. Выскочила из авто. Вошла. Где там нужный ряд, аллея, участок? А, вот. И тут заметила, что сумочки-то моей и нет. В такси забыла. А там – деньги, проездной. Ключи и мобильник в кармане, слава Богу. Но как обратно доберусь? Ладно, об этом – потом. Возле могилы мужа – какой-то человек. С ребёнком. Незнакомый. Мужчина. Кто? Бывший сотрудник? Хотела спросить, что он здесь делает, но почему-то вырвалось: «Который час?» Он повернулся ко мне с таким видом, словно опешил. Ребёнок – не поняла, мальчик или девочка – протянул мне игрушечный мобильник, пластмасску жёлтую. Но мне сначала показалось, что это какие-то часы странные, будильник, что ли?

Мэри потягивала водку и рассеянно слушала, бледная, светлоглазая, с бесцветными тонкими губами, в ней было что-то inferнальное, демоническое, и в то же время притягательное. Было полнолуние, бессонная пора, Мэри сотворила очередного призрака из бархатного пластика, весьма милovidного, и подарила мне. Я назвала его Марибар. Славенький такой Марибарчик, очень даже ничего. Он у меня теперь на компьютерном столе сидит, вольготно развалив-

шись в кресле, такой красавчик, вроде Мэриного второго мужа, только вместо шубы – саван. Маринка так и слепила его – в кресле, с сигарой в тонких пальцах, изысканного и печального. Класс! Да нет, разве это призрак? Это, скорее, мужик в простыне из сауны вышел и отдыхает. Нет в нём ничего потустороннего. Да и на бывшего её не очень-то похож, она мне фото показывала – нет, другой, совсем другой.

Так я размышляла, сидя за монитором. Глянула в почту – сообщение с Авито: «Доброе утро. Там рога господина поэта ещё живы? Или приросли к кому?» Письмо отправлено явно утром, а получила я его в два часа ночи. Долго же шла эта весточка. Неужели покупатель? Я тут же отстучала: «Рога пока ещё ни к кому ни приросли, живут-поживают». Надежда вспыхнула во мне ярким пламенем! А на следующий день, днём, я получила ответ: «Осталось выздороветь, и пора встречаться смотреть рога. Не каждый день с поэтов рога спиливают». Я тут же отстучала: «Выздоровляйте побыстрее, наступает радостная предновогодняя пора, яркая и жаркая! Приходите смотреть африканские зашаманенные рога, которые когда-то висели у поэта в Переделкино, он их так смешно сдирал со стены, грохнулся навзничь, ухочешься!» Ответ пришёл тут же: «А Вы в это время наблюдали за старичком))))))) и не помогли ???» Я ответила: «Я сначала отбивалась от похотливого старичка – хотя, в то время он ещё не совсем и старичком был, давно это было, да и я была ещё юным созданием, – а потом просто прика-

львалась и от души смеялась». Он написал: «Но судя по подаренным рогам крепость пала ???)))))) Но наверно оно того стоило ???» Я: «Да, это была фантастика! Словно на меня высыпали огромное ведро разноцветных пылающих звёзд! И долго-долго, так долго длилось это...» Он: «Вот, а говорите, старичок))))» Не иначе, рога помогали))))» Я: «Не сомневаюсь, всё дело – в рогах. Они довольно странные». Он: «Сейчас-то общаетесь со "старичком" ???». Я: «Уже давно не общаюсь – он был страшно оскорблён тем, что я отказалась выйти за него замуж и уехать с ним в Штаты. После моего отказа он так прикольно вёл себя – да ладно, при встрече расскажу». Он: «Сейчас об этом жалеете ???» Я: «Нет, напротив, очень рада. У меня очень интересная жизнь, полная неожиданностей, небольших чудес, всяких весёлых штук. Я вообще – против брака. Люблю свободу». Он: «Понятно))))» Тогда ждем моего выздоровления и начинаем осмотр.....рогов .)))))» Я: «Отлично. Ждём!» Он: «))))))». Я: «))))))». Он: «интересно пообщаться с женщиной, любившей классика))))». Я: «Точнее, это он меня... хотел. А я – так как-то, легкомысленно общалась». Он: «Так всегда происходит... только с годами осознаешь, какая была...» Я: «Да, так оно и есть». ». Он: «Сейчас рада бы, чтобы кто-то возжелал, но возраст берет свое... И остается только память...». Я: «Самое интересное, что сейчас желающих намного больше – блондинки всегда в моде. А раньше я была очень художочной шатенкой. Сейчас хоть бюст появился. А раньше я

ходила в ботинках на большой платформе – представьте себе этакое чудище тощее, длинноволосое, высокое. Я смахивала на хиппи. Сейчас – другое дело. Почему-то, когда превращаешься в самодостаточную дамочку, мужики стремятся захомотать тебя в семейную жизнь. Странно». Он: «А хочется что-то другое ???? С порога не разговаривая ....и без прелюдий .....». Я: « Нет, всё, чего хочется, у меня есть. Ну, можно ещё немного романтики, изыска». Он: «Можно за Вас порадоваться». Я: «Спасибо». Он: «)))))))))» Я: «)))))))))».

На этом переписка закончилась. И я, как всегда, стала рыскать по инету, выискивая что-нибудь интересенькое. Вот – о пользе хурмы. Она, оказывается, мочегонная, антираковая, с согревающим эффектом, и т.д и т.п. Многогранно целебная. А вот – очень интересенькое: «Профессор Роберт Ланц из медицинской школы Университета Северной Каролины заявил, что после смерти человек переходит в параллельный мир.

Исследователь говорит, что жизнь человека похожа на многолетнее растение, которое всегда возвращается, чтобы снова зацвести в мультивселенной. Все, что мы видим, существует благодаря нашему сознанию, считает ученый. Роберт Ланц подчеркнул, что люди верят в смерть, потому что их так учат, или потому что сознание ассоциирует жизнь с функционированием внутренних органов. Ланц считает, что смерть не является абсолютным завершением жизни, а представляет собой переход в параллельный мир.

В физике давно существует теория о бесконечном числе Вселенных с различными вариациями ситуаций и людей. Все, что может случиться, уже где-то происходит, а значит, смерть не может существовать в принципе».

Ну, это я и без Ланца давно знала, или догадывалась. Хи-хи. Ланц- сланц-дрицацанц.)))).

Надо придумать себе какую-нибудь потрясающе великолепную ситуацию, и занырнуть в неё!!! Да-да, вот именно!!! Только вот как это сделать???

И я стала придумывать себе счастье... Но мысли разбегались в стороны, и вдруг образовалось какое-то течение, которое понесло меня назад. Назад. В прошлое. В воспоминания. К Маринке. Мы пьём из её красивых золотистых рюмок и болтаем. О детстве. О школе. О семидесятых. Я училась в обычной, пролетарской, а Мэри – в дипломатической за кордоном. В девяностых – институт. Выпускной бал. В стране всё рухнуло. Сумятица чувств и событий. Фирмы-однодневки. Наша выстояла целых семь лет. Оказывается, мы работали в одной и той же фирме, но в разных отделах. Мэри – в переводческом, я – в редакторском. И не знали друг дружку. Возможно даже, пересекались, обменивались репликами, но не были знакомы. После гибели фирмы были случайные подработки. Временами. Но возраст работает против нас. Подросло поколение молодых, шустрых, продвинутых, жёстких, целенаправленных. Других. Нас отодвинули. Мы сидим за столом с тёмной клеёнкой, золотистые бокалы, бесцветная

водка, кроваво-красный томатный сок. И молчим. Маринка вдруг говорит:

– Слышь, куколка, хочешь тест?

– Какой?

– На гибкость мышления?

– Давай.

– Ну, вот. Летит самолёт. На борту с 500 кирпичей. Один кирпич выпал из самолета. Сколько кирпичей в самолёте осталось?

– Ты что, Марин, вообще, думаешь, я в школе не училась? 499.

– Правильно. Следующий вопрос. Как положить слона в холодильник всего навсего, подумай хорошенько, за 3 шага?

– Просто. Открыть холодильник. Положить туда слона. Ну и, разумеется, сама понимаешь, взять и закрыть холодильник!

– Верно. Да ты, небось, знаешь этот тест!

– Не, не знаю.

– Ладно. Дальше. Как положить оленя в холодильник за 4 шага? ?

– Открыть холодильник. Вытащить слона. Положить оленя.

Закрыть этот самый, несчастный, да чтоб его, холодильник!

– Отлично! Следующий вопрос. У царя зверей, льва, день рождения Пришли, конечно же, все, ну все вообще, живот-

ные, кроме одного. Почему?

– Ну как, почему? Потому, что олень все еще в холодильнике!

– Ну ты знаешь, знаешь ведь, сознайся?

– Не, не знаю.

– Ну ладно. Поверю. Тогда скажи. Может ли бабуля сама, без посторонней помощи, пройти через болото с крокодилами?

– Конечно, может! Ведь все крокодилы на дне рождения льва!

– Хорошо! А теперь последний вопрос. Бабуля прошла через пустое болото, прошла, да, но все равно она умерла! Что с ней случилось?

– Бедная бабуля, мне её так жалко, прямо плакать хочется. Болото могло её затянуть, там такие топи, жуть! Но на самом деле на неё упал кирпич, который выпал из самолёта!

– Ты знала этот тест! – возмущённо завопила Мэри. – Знала, знала, признавайся!!!

Я захохотала. Да, я знала этот тест.

Хорошо, что я не та бабуля, и мне не надо пробираться домой через болото. Что она делала на болоте, клюкву собирала? На продажу. Тащила потом с тяжёлым ведром этой самой клюквы на электричку, ехала на рынок, а там полицейские рынок крышуют, бедную измученную бабку гоняют, она – к метро, встала скромненько в переходе, а тут опять – полиция, плати, бабка, или убирайся. Хорошо хоть отмучи-

лась, когда судьба её кирпичом долбанула. Это, наверно, её Ангел-Хранитель пожалел. Теперь она в Раю. Наверно, верующая была. Интересно, что она видела во сне? Единорога? Или единорог видел во сне её?

Сны единорога. Сны единорога... Он, похоже, реально существовал, этот зверь, о нём много раз упоминалось в древности и в Индии, и в Африке, и в Китае, и в Греции, и в Риме, и в Европе, даже на Руси в 16-ом веке: «Зверь, подобен есть коню, страшен и непобедим, промеж ушью имать рог велик, тело его медяно, в роге имать всю силу. И внемгда гоним, возбегнет на высоту и ввержет себя долу, без накости пребывает. Подружия себе не имать, живёт 532 лета...» Вот бы мне жить 532 лета! (А зимы – спать). Сколько бы интересного узнала, сколько бы сделать смогла! Но чтобы при этом всё время быть молодой, здоровой, сильной. Почему люди так мало живут, только что-то понимать начинают, только дело важное себе найдут – а тут и старость подкатила, болезни, одряхление, смерть. Это не честно, это жестоко, нелепо, неправильно! А ведь если бы столько жить, можно бы заняться поиском портала времени, и через него проходить везде, в прошлое, в будущее, в зиму, в лето, на греческий пляж, или ещё куда-нибудь, поплавать в Эгейском море, позагорать, увидеть спящего единорога и накинуть на него золотую уздечку... Этот зверь, наверно, давно вымер. Впрочем, может, где-то в глубине джунглей и осталось ещё несколько экземпляров...

Кажется, я задремала за компом... Надо встряхнуться... Главное в жизни – все повороты судьбы превращать в зигзаги удачи... О чём это я?.. Ой, уже 5 утра! Ну, как всегда. В постель, в постель, в постель...

В мире нет вечных двигателей, зато полно вечных тормозов. Таким тормозом оказался тот мужик, который хотел купить рога. Да, хотел. Но не рога. Просто болтал и клеил меня. На моей аватарке классная фотка – такая нежная кукольная моя мордочка. Я офигенно фотогенична. Зря я надеялась, тратила время, мысленно уже пересчитывала денежки – новенькие хрустящие купюры, такие приятные на ощупь. Зря. Всё зря. Тормоз, блин. Господи, помоги! Пошли мне покупателя, о Боже! Ну, пожалуйста! Я знаю, врать нехорошо, но эти рога настолько уже пропитались легендой, что изменили свои качества, и действительно будут приносить удачу, отводить врагов, и всё-всё-всё, удача уже началась...

Уснула. Утром разбудил резкий звук мобильного. Приятный мужской голос. Вы продаёте рога? Да. Я подъеду через час, где вы живёте? Назвала адрес. Вскочила, душ, кофе, банан. Наскоро подмела пол. Натянула джинсы и футболку. Сигнал домофона, звонок в дверь, высокий симпатичный парень в оранжевой куртке. Осмотрел рога, спросил, действительно ли... Да, конечно! А как же вы без них, они же... О, у меня удача уже есть, я счастлива, мне больше ничего не надо! Поторговался. Сто баксов, больше нет. Да, я согласна. Кивнул, мягкая улыбка, протянул купюру. Ушёл. Благодарю

тебя, Господи! Схватила телефон, звоню Мэри. Ура! Боже, прости меня за всё, что я в жизни делаю не так.

Всё произошло спонтанно и стремительно, время словно ускорилося. Или это мне спросонья? И вот мы с Маринкой уже обмываем успешную сделку. Она не удивилась. Ничуть. Белая Призи лежит в Мэриной постели, потягивается, зевает, распространяя густой собачий дух. Мэри растягивает рот в странной извилистой улыбке. Томатная водка в её бокале – как кровь. Я тоже в свой томатный сок плескаю водки, но немного, самую малость. Я всегда добавляю чуть-чуть. Вроде тот же напиток, хоть и символический. Зато у Маринки – настоящий, классика. Она хмелеет. И бледнеет ещё больше. Бледная Мэри пьёт Кровавую Мэри. Прикольно. Нам хорошо. Лениво перекидываемся обрывками фраз. Иногда замолкаем, погружаясь в свои мысли. Моя совесть по-собачьи сворачивается клубочком где-то на самом дне души, вот-вот задремлет. Но бродячее воспоминание будит её, и она начинает меня подкусывать, совсем как Призи. Я вдруг вспоминаю тот вечер в МГУ – встречу выпускников филфака, Эллу – в студенческие годы мы не очень-то общались, но с того вечера, с радостной болтовни обо всём на свете, с общих воспоминаний, с рассказов о себе и о приятелях, у нас вдруг случилась дружба. Настоящее имя Эллы – Лиза. Елизавета. Но ей это имя жутко не нравится. И понятно, почему. Дело в том, что Лизкина мать назвала её так в честь своей любимой сестры. А Лизка эту свою тётку Елизавету невлюбила. И с

тех пор стала зваться Эллой. Хотя домашнее её имя – Лиза.

Элла-Лиза. А что, звучит. Есть Мона Лиза, а есть Элла Лиза. Последняя – намного красивее. Или Лиза Элла. Тоже неплохо. Лизэлла. Я придумала новое имя, прекрасное. Лизэлла!

Однажды я решила познакомить обеих своих подруг. Зря. Они слишком разные. В моей маленькой кухне за накрытым столом, с коньяком, винегретом, нарезками, было уютно. Элла-Лиза и Мэри-Маринка разговорились, и тут у них началось какое-то соперничество. Элла вошла в раж, она умела говорить красиво и весьма живописно, у неё вообще очень извилистый ум. Она рассказывала о древних обычаях, о старинных обрядах, потом встала, статная, рослая, встряхнула своими длинными, по пояс, жемчужными волосами, блеснула бирюзовыми глазами, и на распев стала читать какое-то древнеславянское заклинание. Вздохнула, села, взяла бокал, и тут Маринка, глядя на неё в упор, произнесла:

– У тебя волосы цвета вши.

Лиза застыла с бокалом в руке. У неё сделалось такое лицо – нет, передать это невозможно... А дальше было ещё хуже...

Это я виновата. Зачем вообще надо было их знакомить? Говорила же моя покойная мамочка: «Никогда не наводи мосты». А я всегда пренебрегала этим мудрым советом. И всё получалось плохо. Я вообще всё делаю хреново. Хочу как лучше – а выходит какая-нибудь гадость. Из-за меня погиб

муж. Из-за меня возненавидели друг дружку обе мои подружки. Я придумала продать с ложной легендой эти дурацкие рога, и продала их. Обман. Я, когда ещё в школе училась, ухахатывалась над сочинением подружки, особенно над ее фразой: «Базаров вскрыл труп, порезал палец и умер. Это значит: не лезь в чужой труп, а то свой потеряешь». Я это всюду цитировала и ржала до слёз. Подружка плакала. Я с детства была злой.

– Ну, что взгрустнула, куколка? – прервала мои мысли Мэри.

– Я не куколка. Я злая кукла, – отозвалась я.

– Чего это ты? – удивилась она.

– Я носитель зла, – бормотнула я.

– Да ладно. Ну тебя. Давай-ка тост.

– Я не просто злая кукла, я – «злаякукла» в одно слово.

Она вновь наполнила бокалы. Призи соскочила с постели и принялась игриво подкусывать меня. Я бросила ей игрушку в угол комнаты. Собака сиганула вслед за мячиком.

– А знаешь, – сказала я, – у меня с детства была дурная привычка над всеми смеяться. Я буквально доставала школьную подружку из-за нелепой фразы в её сочинении.

– А, школьные сочинения – это хохма! У меня соседка – училка в школе, биологию преподаёт, так она такие сочинения притаскивает, супер! Одно я даже отсканировала и распечатала, гостей веселю, это почище любого анекдота будет. Вот, сейчас, поржёшь...

Она выдвинула ящик стола, порылась в нём, и протянула мне листок бумаги. Там корявым детским почерком, с жуткими ошибками, было:

"Вопрос 1. Каркодил – он как яшперница, только большая. У него есть чехуя. Каркодил свои яйца зарывает в песок, потомушто если он спит ими на ружу, они портятся.

Вопрос 2. Лисы ходют па адиночке, и лишь иногда парами, когда им нужно заесть молодого тюленя заползшего в лес."

– Я не поняла, а зачем тюлень в лес заполз? – спросила я. Мэри захохотала.

Поздно вечером я, как всегда, была дома, долго пила крепкий чай, чашку за чашкой, и тупо смотрела телик. Тут мне позвонила Элла. С удовольствием я поболтала с ней. Она, как обычно, утром плавала в открытом бассейне, нежась под солнечными лучами, потом в сауне слушала болтовню элитных баб, обвешанных золотом, а после этого поехала на своём «Пежо» на выставку-продажу камней. Камни были замечательные, некоторые вставлены в перстни, были и бусы из натуральных камней, и она купила кое-что. Вечером Элла-Лиза была в театре на весьма занятном спектакле. Она принялась описывать мне сие зрелище, приправляя рассказ остроумными комментариями. Её обычный день. Как он отличается от моего! Элла – очень деятельная натура. Слушая её, я в который раз давала себе зарок встать завтра хотя бы в полдень. Но никогда вот не получается.. Проснувшись и глянув на часы, я понимаю, что это для меня дикая рань, ес-

ли учесть, что засыпаю я лишь под утро. Я заворачиваюсь в одеяло и снова проваливаюсь в сон. Конечно, так будет и завтра, и всегда.

– Эл, а как же эти бабы в сауне, не пойму, они же в золоте, неужто металл их не жжёт?

– Вот в этом-то и загадка. Сама удивляюсь. Сидят там, и хоть бы хны, болтают обо всём на свете.

– Ну, о чём, например?

– Сегодня о том, чего мужики любят и чего не любят.

– ???

– Вот, одна говорит: мужикам не нравятся дамы с короткими стрижками и с афропричёсками. Дамы с дредами кажутся им опасными хищницами из племени людоедов, а короткие стрижки вызывают ассоциации с их мамами и бабушками. Ну, тут вокруг этого возникла целая дискуссия.

– Ну, а ещё что?

– О джинсах клёш, что они делают фигуру грузной, хотя смотрятся очень сексуально.

– Почему? А что ещё про клёш?

– Ну, что джинсы клеш стройнят, но! Только клеш от колена! Это единственная стройнящая модель для тех, у кого широкие бедра. Клеш от бедра даже худенькие ножки превращает в слоновьи столбы.

И о политике. Представляешь, они так хорошо секут в этом, всё знают, все нюансы, и даже будущее. Конечно, они ведь жёны и любовницы бизнесменов и политиков. Все друг

дружку давно знают, из бассейна всем прайдом идут обедать в рестораник там рядом. И представляешь, они удивительно молодо выглядят. Как-то беседовали они о своих годах, ну я поражена! В 65 выглядеть на 40, это да-а-а!

– А что они говорят про политику?

– Ну, много всякого.

– Например?

– Ну, вот, что в будущем экономическую власть в мире получит Россия. Это государство способно функционировать в автаркии, а граждане его не слишком требовательны. Они не верят в демократию, они привыкли к жёсткой царской власти. Поэтому у России есть все шансы оказаться «мирной гаванью» – в тот неприятный день, когда «рухнет мировая экономика».

– Что-что? Какая ещё автаркия?

– Автаркия, это независимость от внешнего мира, в том числе и от людей.

Одна дама там процитировала Салтыкова-Щедрина: "Российская власть должна держать свой народ в состоянии постоянного изумления." Потом они обсуждали косметические салоны.

Ерунда какая-то. Причёски, шмотки, политика, развлечения, рестораны, косметические салоны. На что тратят время! А сама-то я, да ещё осуждаю. Я ведь вообще его трачу ни на что. И тоже отлично выгляжу, ну уж никак ни на 40. А важно ли это? А что важно? Наверно, всё. Смотря как к

этому всему подходить... Или не всё?..

Мы проболтали полтора часа, и пожелали друг дружке спокойной ночи. Элла пошла спать, а я села за комп и зависла в инете. Тут звякнул мобик. Пришла sms-ка: «Я живу в доме напротив, давай познакомимся. Влад».

Хи-хи. Кого-то разобрало, на ночь глядя. Небось, после армии только что, не спится пареньку, рассылает sms. Ответила: «Я живу в доме напротив морга, и меня пугает такое соседство». Хи-хи. Ответил: «Прикольно. Но я знаю, кто ты и где живёшь. Встречались и в магазине, и во дворе. Ты меня, почему-то, не замечаешь». Написала: «Видимо, ты очень незаметный. Призрак?» Ответил: «Не совсем. Приглашаю в ресторан. Жду у твоего подъезда». Написала: «Ну и жди себе, сколько влезет. Не дождёшься. И не надо оккупировать мой подъезд. Я это не люблю». Ответил: «Не ждать?» Написала: «Нет, конечно. С незнакомцами не общаюсь». И отключила мобик. В инете у меня аккаунты на нескольких сайтах. Общнулась лениво там-сям, посмотрела ролики, заглянула в фотогалерею. И пошла спать, прихватив книжку. Почитаю на сон грядущий.

Проснулась поздним днём. Долго нежилась в ванне, пила чай. Потом мне позвонила Элла, бесконечно болтали. Всё как-то длилось. Обсуждали общих знакомых, говорили о лжи и правде.

– Путь чистейшей правды часто топит, а путь чистейшей лжи ведёт в облака, – резюмировала Элла – Лиза.

В общем, да, иногда. Убеждалась. Случалось.

– Ну, а если любишь человека, как же ему лгать? Ведь в любви должна быть только правда. Ложь убивает любовь, – ответила я.

Элла хмыкнула и сказала:

– Эх, нет у тебя житейской мудрости. Ты слишком простодушна.

– Почему? – удивилась я.

– Да потому что.

– ???

– С мужчиной вообще нельзя быть правдивой, это губит всё. Тут нужна игра, театр. Театр одного актёра.

– Да как же так? А как же искренность, духовная близость? Как вообще можно жить, не раскрыв любимому свою душу, без этого же нет настоящей близости, нет сокровенности, пустота! – воскликнула я.

– Ха-ха-ха! – расхохоталась Элла. – Да что ты все «как» да «как», не надоело какать? И вообще, если любишь – отпусти, не вернётся – поймай и убей. Ладно, уже поздно, спокойной ночи.

После болтовни с Эллой стало немного не по себе. Я подошла к окну, отдернула штору. Над тёмными крышами висела огромная, немного театральная, луна. В домах синева-то светились окна лестничных клеток. В одном из них, прямо напротив моего окна, торчал тёмный силуэт с биноклем у глаз. Фигура явно мужская, широкоплечая. Он наблюдал

за мной. Что, зачем, почему? Что ему надо? Закопошились тревожные мысли, всколыхнулось виденное в фильмах: за-казали, хотят убить, киллер... Нет, чепуха, кому я нужна? А может, кто-то хочет присвоить мою квартиру? Сразу вспом-нилась масса случаев... Да вот, хотя бы, моя соседка. Давно её не видно. Исчезла. Но кто-то входит в её квартиру, слышу, как отпирают дверь, из-за стены иногда доносятся звуки, ти-хо воркует музыка, а однажды, когда выносила мусор, узрела мужскую спину, исчезающую в проёме двери... Что-то слу-чилось? А может, родственник? Тревогу поднимать рано?

Да и зачем встревать, мало ли что? На всё воля Божья.

Задёрнула шторы и переместилась на кухню. Включила телик, налила горячего крепкого чаю, привычный терпкий вкус и детективная муть сериала принесли умиротворение. Тут завопил мобильник.

– Что же ты не спишь в сей поздний час? – чувственный баритон, – Луна мешает, или телевизор?

– Кто это?

– Влад, жаждущий знакомства. Из дома напротив. Но я солгал. Я живу не там. Там у меня друг. Кстати, моё предло-жение в силе. Есть прекрасный ночной ресторанчик. Айда?

Я выключила мобик. Хрень какая-то. Опять этот, кото-рый sms-ки писал. Тоска. Луна тускло проникла сквозь ку-хонную шторку. Надо что-то менять в своей жизни. Не что-то, а всё. Но это невозможно, я слишком инертное существо. Ночное. Как эта луна. Как вся эта жизнь. Но тут вдруг ка-

кое-то больное, тревожное чувство ворохнулось во мне. Я выключила телик и переместилась в комнату, плюхнулась в постель, стянула со стола книжку, раскрыла и впилась глазами в ряды тонких, словно муравьи, букв. Муравьиные тропы букв шли ровным строем, одним, вторым, третьим, шеренги букв... Или это я засыпаю...

Проснулась поздним днём. Надо же, вот и лето. Полежала в ванне, посмотрела телик, и так далее. День лениво прочапал мимо, спустились сумерки. Вышла во двор. Густой запах свежей, прогретой за день, травы и листвы, смешанный с духом большого города. Нежное тепло обволокло меня. Я села на резную скамейку в центре двора, окружённую цветущей сиренью. С наслаждением погрузилась в нежный аромат. На соседней лавке кто-то истерично рыдал. Девушка, совсем молоденькая, растрёпанная. Ну что ж, бывает. Вечер, длинные тени фонарей и деревьев, красота. Но эти рыдания меня уже достали. Я встала и переместилась в беседку. Хорошо, время летит незаметно. Мысли умчались в детство, в море, в Крым... Я плавала взахлёб, мне было девять, слегка штормило, я с упоительным азартом подныривала под волну, но вдруг меня накрыло с головой, я неожиданно хлебнула жгучей солёной воды, и тут меня потащило, поволокло всё дальше от берега, всё дальше... Я пыталась вынырнуть, орать, но не тут-то было... А мама на берегу увлечённо болтала со смуглым мужчиной и ничего не видела... И никто меня не спасёт!!! Вот ужас-то!!! А ещё было так: мама взя-

ла у меня красивую радужную косынку, которую мне подарил на Восьмое Марта мальчик (мы были влюблены), я с ней никогда не расставалась, даже во сне. Но мама взяла, и всё, повязала вокруг своей головы и уплыла. Я долго ждала её на пляже. Очень долго. Потом я увидела, как она идёт по парапету откуда-то, без косынки. Я спросила – где? В ответ равнодушное – потеряла, смыло волной. Я так плакала, так горевала...

В таких воспоминаниях прошло часа два. Но что-то мешает, какой-то фон... А, это та девушка зашла в плаче, так громко. Что с ней? Надо посмотреть. Я подошла, спросила. Она только махнула рукой, и снова бурно зарыдала. Сказать она ничего не могла, задыхалась, голос прерывался. Я долго пыталась выяснить, в чём дело. С трудом разобрала слова:

– Он меня не простит, не простит... Я так его люблю. Не могу жить без него...

В конце концов удалось понять, что девушку выгнал её парень, которого она безумно любит. Парень живёт в наших домах, а девушка – из Подмосковья, но ехать домой она не хочет, и вот уже два дня живёт на улице и всё плачет.

Успокоить её было сложно. И увести с улицы – тоже. Мне с трудом удалось затащить её к себе домой. Действовала я прямо как заправский психолог. Девушку звали Настя. Невысокая, подростковая угловатость, густые вьющиеся каштановые волосы, глаза цвета моря блестят в опухших от слёз веках. Я сказала, что погадаю ей и подарю талис-

ман. Любовный. Дома я напоила её крепким чаем, нагадала по руке любовь Максима (так звали парня). На самом деле, ладонь была очень сложная, всё было не очень понятно, но значительно выраженный крест на большом пальце выдавал огромную способность любить, а звезда на холме Венеры – сильно развитую чувственность, сексуальность. Впрочем, опыт у меня небольшой. Но я очень надеялась, что любовь Насти взаимна. Конечно, гадать – грех, и я давно этим уже не занимаюсь, просто было одно время модно, но вот, не удержалась. Я ободрила Настю и подарила, в качестве талисмана, жемчужное ожерелье. Из искусственного, но очень симпатичного розового жемчуга. То самое, которое мне муж купил ещё в пору ухаживания. Как давно это было... Я убедила Настю в том, что завтра днём всё будет отлично. Уложила её на диван, а сама, как обычно, нырнула в инет. Пробежалась по сайтам, по форумам. Потом немножко покрутилась на стареньком велотренажёре. Попила чаю. Подошла к иконе Богородицы, зажгла перед ней свечу и горячо помолилась за Настю. Посмотрела – девушка крепко спит. Я легла в другой комнате на тахте.

Проснулись мы обе в час дня, я сварганила лёгкий завтрак. На лице Насти, сильно опухшем от долгих слёз, читалась надежда. Я развлекла её всякими житейскими историями, а потом посоветовала сделать макияж, и предложила свою косметику. Когда девушка окончательно пришла в себя и поднакрасилась, я убедила её позвонить Максиму.

Оказалось, у неё разряжен телефон. Она позвонила с моего. Тут выяснилось, что парень её искал, звонил, но не мог дозвониться. Конечно, её мобик ведь вырубился. Естественно. Максим переживал. Настя подпрыгнула от радости и, счастливая, умчалась.

Нет, я не Злаякукла. Я Ангел добрый. По крайней мере, для Насти. Я даже – Ангелдобрый в одно слово.

Вечером позвонила Маринка. Предложила пойти продышаться. И вот мы уже – в беседке, наслаждаемся холодным пивком с сушёной рыбкой, и болтаем, болтаем... Мэри, она уже под лёгким хмельком, она улетает в своё детство. Почему в этой беседке всегда детство всплывает? Вот она, шестилетняя, с родителями-дипломатами в Бейруте. Посольский дом, окна закрыты, кондиционеры работают. Никакой живности держать здесь нельзя, даже аквариумных рыбок. Маринка тоскует. И вдруг, откуда ни возьмись – муха. Живая, настоящая, своя! Бурная радость! Мухе тут же даётся имя – Мурка. Муха Мурка. Родители пообещали не прогонять Мурку и никому про неё не говорить. Это теперь – их семейная тайна. Мурке сделали кормушку, там – хлебные крошки, крышечка с водой. Всё Маринкино внимание теперь сосредоточено на этой родной животинке. Это оказалась очень умная муха: когда приходила уборщица, Мурка пряталась. Но однажды родителей послали по делу в другое место на пару дней, Маринку взяли с собой. А Мурку пришлось оставить дома, но ей положили угощение – крошки хлеба, сы-

ра, шоколада, оставили воду. Маринка очень переживала, но мама успокоила малышку: мы же всего на пару дней, скоро вернёмся, с мухой ничего не случится, она даже и не заметит. А когда вернулись, мухи нигде не было. Вскоре нашли её трупик – на Маринкиной подушке. Девочка очень горевала, она решила, что её Мурка умерла от тоски. Грустная история. Но следом появилась весёлая – как Мэри в девичество весело жила без родителей (они тогда работали в Турции), в их огромной квартире собирались весёлые тусняки, были песни под гитару, дефицитные зарубежные пластинки вопили, коньяки, марихуана, анекдоты, хохот, радость, кайф! И конечно же – толпы влюблённых мальчиков. Мэри была местной королевой. Она и одаривала всех по-королевски. В многочисленных посылках от родителей было много всякой радости: жвачки, пластинки, джинсы, майки с надписями и рисунками, кожаные куртки, и так далее, много-много! А у Мэри – широкая душа. Никто без даров не уходил. Однажды прибился к их тусовке во дворе тощий захудалый бард, неухоженный, с длинными сальными патлами. И вместе со всей компанией припёрся к Мэри домой. А дом был дипломатический, под охраной. Но пропустили. Тусняк был, как всегда, шумный и яркий. А когда пришла пора расходиться, Маринка, как обычно, всем сделала маленькие подарочки, а барду достался какой-то странный, экзотического вида перстень, серебряный, массивный, с чернью, и с тёмным турмалином. Похоже, старинный. Внутри камня словно кипела

непонятная жизнь, вспыхивали разноцветные искорки, бежали лучики. А на кольце – арабской вязью – что-то типа заклипания. Кольцо было из Бейрута. Куплено на рынке недорого. Бард был счастлив невероятно, никогда с перстнем не расставался, в Маринку влюбился, много раз делал ей предложение, но она всем всегда отказывала. После этого случая парень изменился – у него появилась модная стрижка, белый костюм. В дальнейшем он стал крупным бизнесменом. Следы его затерялись.

– А у меня всё было наоборот, – сказала я. – Не очень-то счастливое для меня было время. Всё так печально складывалось...

Но я не стала думать о грустном, а с головой погрузилась в фееричную Маринкину жизнь.

Домой я вернулась поздно. После пива с рыбкой очень хотелось пить. Я включила чайник. Тут завопил мобик.

– Алё, кто это так поздно? – недовольно буркнула я трубку.

– Ну так уж и поздно? – голос Влада, я узнала.

– В чём дело? – холодно произнесла я.

– А что, уже есть дело, и в чём? – парировал он.

Мне стало как-то не по себе. Кто он, вообще-то, и почему названивает мне, и вообще, похоже, он за мной следит. Кто он, бандит? Фээсбэшник? Что ему от меня надо? Значит, он и про Маринку знает, и про Настю? А если им теперь грозит опасность из-за меня? А, в сущности, что я? Может, я

чего-то о себе не знаю, тут какая-то тайна, какая-то жуткая тайна? Всё хреново...

Меня аж передёрнуло. Я быстро отключила мобик, и погасила свет.

Нет, бред, чепуха, я просто накрутила себя. Наверняка, названивает какой-то малолетний придурок, развлекается, или, что скорее всего, паренёк после армии, озабоченный, случайно натолкнулся на мой номер телефона, нафантазировал себе чего-то, может мой голос ему что-то навеял, вот и мучает мобильник. Нечего беспокоиться, фигня всё это.

Я снова включила свет, и налила себе чаю. Мне взгрустнулось. А вообще-то, интересно, кто звонил, зачем? Может, тайный поклонник? Я включила мобик. Меня ждала sms-ка: «Если стало вдруг хреново и грустно, подумайте про осьминога. У него и ноги от ушей, и руки из жопы, и жопа с ушами, и голова в жопе... И ничего, не жалуется...»

Это послание меня жутко насмешило. Я захохотала как сумасшедшая. Наверняка, Влад. В следующий раз впихну его номер в контакты. Он прикольный. И ведь точно угадал, а может, почувствовал – мне было и хреново, и грустно. Но сейчас я развеселилась.

Днём меня разбудил телефон. Маринка. Она с утра ездила в редакцию и ухитрилась заполучить работу, перевод очередного детектива. Я, конечно же, в доле – в качестве редактора. Получу свой процент с гонорара. Мэри была хмельна и говорлива. Она ругала конкурента и приводила примеры

из его книги:

– Ну ты представляешь, Ника, ну как вот можно так переводить???. Вот как тебе такие перлы: «Он был похож на сморщенную птицу». Ты когда-нибудь видела сморщенных птиц?

– Птиц – нет, а вот сморщенных мужиков с птичьими мордами – видала.

– Да нет же, сморщенная птица – это жуть, не бывает сморщенных птиц! Или вот – «она – словно лягушка на корточках». Ну где ты видела лягушку на корточках???

– По-моему, нормальный образ, так обычно сидят дети, – отозвалась я.

– Или вот, в переводе знаменитого «Великого Гетсби» – костюм цвета яйца малиновки. Ты знаешь, какого цвета яйцо малиновки? И кто, вообще, видел эту малиновку, а тем более – её яйца. Какое яйцо у малиновки?

– Ну, наверно, э-э, малиновое. Малиновый костюм.

– Оно синее. Надо было так и написать, обозначить цвет. Он был в синем костюме. Я бы так и сделала. Нет, ты представляешь, кому дают переводить!!! К тому же там полно опечаток! И грубейших ошибок -грамматических и стилистических! Похоже, рукописи вообще не корректируются и не редактируются! И вот такой литературой в кавычках, вот этим говном засоряют нашу страну. Да это просто сплошная диверсия! Мало того, что выходят миллионы книг крайне низкого художественного уровня, куча переводного гов-

на, нам сливают помойку со всего мира! Ну, за редким исключением. Про классику я не говорю.

– Ну да, – согласилась я, потянулась и зевнула. – Я, вообще-то, ещё сплю. Перезвони, когда проснусь. Пока.

Я ещё немного подрыхла, потом поползла в ванну, и мой день начал не спеша раскручиваться. Вечером решила прогуляться. Сунула ноги в шлёпанцы, вышла, и стала запирать дверь. Тут из соседкиной квартиры неожиданно вынырнул мужчина. Высокий, плечистый, светлые волосы стянуты в хвост. Я выронила ключи и изумлённо уставилась на него.

– А где Анна Николаевна? – пробормотала я, холодея. Мысли, одна другой ужаснее, вихрем пронеслись в моей башке. «Убийца, киллер, авантюрист, соседки нет в живых...»

– Привет, – весело блеснул он глазами. – А теперь я ваш сосед, временно. Вот, снял квартиру.

– А, вот оно что, – «а не врёт ли?»

– Я Влад, – сказал он.

– Влад?.. Тот самый?..

– Ну да, это я вам звонил. Очень хотелось познакомиться. Так, просто, по-соседски. И дурацкую sms-ку тоже я прислал, вы уж извините меня, идиота.

– Извиняю, sms-ка меня рассмешила. Мне действительно было грустно в тот момент. Иногда глупые приколы очень веселят.

Мы стояли в коридоре и болтали. Влад предложил поужи-

нать на Арбате в открытом кафе. Но меня потянуло в любимую беседку. И вот мы уютно восседаем в беседке под деревьями, попиваем квасок, поедаем черешню, и весело общаемся. Незаметно перешли на «ты».

– А у меня интересные соседи. Любимая соседка – моя подруга Мэри, переводчица с английского. Экзотическая личность, я как-нибудь тебя с ней познакомлю, – щебетала я. – У неё есть два любимых персонажа, Анатолий Вассерман и граф Дракула. А в детстве она дарила подружкам чёрные карандаши.

Влад округлил глаза, наклонился ко мне, и зашептал в самое ухо:

– А ты знаешь, что Вассерман завёл рабочий жилет с карманами. В любое время дня и ночи он знал, в каком кармане и какого цвета у него лежит карандаш. Но однажды чёрной-чёрной ночью он проснулся, и захотел записать чёрную-чёрную мысль самым чёрным карандашом, и засунул руку в тринадцатый карман, но там был... Дракулла!!!

– Ха-ха-ха!

Он быстрым движением стянул с хвоста резинку, светлые пряди рассыпались по плечам. Встряхнул волосами. От него исходил густой мужской дух. Меня захлестнула волна вожделения, стало жарко. И я слегка отодвинулась от Влада.

– К слову, у меня тоже была подруга Мэри. Давно, лет так двадцать назад. Ну, не совсем подруга, просто приятельница. Весьма состоятельная девица, друзей у неё было немере-

но, почти каждый день – тусовки, одна жила, и всех одаривала. – В глазах Влада сверкали игривые искорки. – Мне подарила невероятный перстень. Мистический. У меня с тех пор вся жизнь переменялась. Был успешный бизнес. Потом меня подставили. Всё рухнуло. Недвижимость, семья – всё прахом. – Он повёл широкими плечами и придвинулся ко мне. Меня обдало теплом его разгорячённого тела. – Долго жил в Штатах, вернулся, снял жильё...

– А где перстень, можно глянуть?

– Жене подарил, теперь уже бывшей. Она любит такие вещицы. После этого всё и началось... – Он закинул руку за голову и собрал волосы в ладонь.

– А где жена и дети?

– Жена в Штатах, детей нет.

– Печально, – я хлебнула из бутылки квас.

– Ничего, всё уже в прошлом. – Он разжал ладонь, опустил руку. Волосы снова рассыпались по плечам. Его большие губы искривились в усмешке.

Удивительно тёплый вечер, неожиданно южный, нежный, ароматный вливался в беседку и в самую душу. Насыщенный запах сирени и внезапная соловьиная трель вызывали восторг. Не хватало большой яркой луны – но её не было. Небо казалось лилово тёмным, теплым, вязким, словно черничный кисель. Да и сам воздух был густой и вязкий. Влад мягко положил ладонь мне на плечо. Провёл рукой по спине. Невероятно приятно, аж мурашки пробежали по всему телу.

Он слегка склонил голову в мою сторону... Не-е, так нельзя. Слишком быстрое развитие событий.

– Ой, ну пока-пока, – выпалила я, и выскочила из беседки.

– Стой, что, куда?! – заорал он, и бросился следом.

Но я уже скрылась в подъезде, влетела в лифт, благо он стоял на первом этаже, и через минуту уже была дома. А ещё через пару минут он принялся звонить мне в дверь, на мобильный, снова – в дверь, и орать:

– Что случилось? Что-то не так?

Ужасно захотелось крикнуть ему какую-нибудь гадость, типа: «У меня понос», но я сдержалась.

Наконец, всё стихло. Я услышала хлопок его двери. Всё, ушёл. Я хихикнула и победоносно прошествовала на кухню. Включила чайник и телик. Мне было очень весело. Налила в тонкую фарфоровую чашку крепкий, красновато-коричневый чай, пахнущий радостью, нежностью, мятным юным утром – классно ночью пить изысканное утро из лёгкого фарфора! Как хорошо, что я одна!

Тут завопил телефон. Домашний. Наверно, Маринка, или Элла. Взяла трубку. Страстный баритон с придыханием. Влад. Ну, вообще! Уже и мой домашний разнюхал! Шпион. Но мне стало приятно. И любопытно.

– Знаешь, очень хочу пригласить тебя на Мальдивы. Махнём? В любое время, как скажешь.

– Зачем? Мне и здесь классно.

– Ну тебе понравится, очень даже, я уверен. Представля-

ешь, на Мальдивах ни гопников, ни мотороллеров... острова 100;150м. Пальмы, птички, и океан полный рифов, тропических рыбок, там обо всём забываешь, полностью отрываешься...

– Да не хочу я никаких рыбок. Я сама рыбка. Золотая переливчатая.

– Пойми, там совсем не как в Турции или Испании, там нет шопинга, развлечений. Я туда случайно попал, просто зашёл в турагенство и попросил куда-нибудь где тепло, поменьше людей. Нашлась путевка горящая. Вылет на следующий день утром. Шведский стол, выбирай чего и сколько хочешь, пиво, спиртное. Перелет от Москвы до Мале 9 часов, в аэропорту встретили, затем около часа на скоростном катере, на островке было человек тридцать отдыхающих, по периметру острова маленькие коттеджи, у каждого "свой" кусочек пляжа, лежаки, вода в океане теплая, видимость метров сорок-пятьдесят, в маске плаваешь, красота-глаз не оторвать!

– У меня тоже красота, как гляну в зеркало – глаз не оторвать! Мальдивы отдыхают! Глаза – ярче моря, носик – острова от зависти утопятся в океане.

Ясно, он меня клеит, хочет за Мальдивы купить, фига ему с маслом.

– Могу свозить тебя на Кубу, или ещё куда. Но, скажу откровенно, на Кубу, Доминикану, Ямайку что то сильно не тянет, за пределами курортов не так все красиво, население

бедное, постоянно что-то впаривает туристам. – Он тяжело задышал в трубку. – Особенно на Шри Ланке, огромный цыганский табор, да и океан пустой, не на что посмотреть, а пить ром под пальмой и ходить по их рынкам надоело. – Он чихнул. Вот ведь расхвастался, дескать и там побывал, и там, и везде. Хочет произвести впечатление. Ну, валяй, старайся. – На Мальдивах кроме отеля зачастую на острове нет ничего, персонал живет в отдельной зоне, тихое забвение от мирских хлопот, о тебе вспоминают лишь, когда предупреждают открыткой под дверью: завтра отправка во столько-то часов, собирайте вещи... На кровати выложат из лепестков гуд бай, мы ждем Вас снова... Один раз уборщица из Индии, зная, что мы из России, пыталась написать на русском, ошибка куча, но она так старалась, дал ей 5 баксов, а она просит: напишите печатными буквами на листочке, я буду выкладывать лепестками эти слова для гостей из России. – Ах какой щедрый. Ну и хвастун. – Что удивляет на Мальдивах: не сталкивался с воровством, деньги бросал, дорогие часы, авторучки, мусульмане строго чтут мораль. А вот на Шри Ланке тащат все.

Во даёт. Из кожи вон лезет. Как красноречив! Соловьём заливаётся. Нет, нигде я ни была, и не собираюсь.

– Мальдивы – моя страсть, – почти прорычал он в трубку.

– Всякая страсть питается глупостью, – сказала я со смешком.

– Да что такое, в конце-концов, я тут распинаюсь, расска-

зываю, а ты смеёшься, – обиженным тоном.

– Умный не говорит и половины из того, что знает, глупый не ведаёт и половины из того, что говорит. Это не мои слова, это Али Апшерони.

– Ах ты, коза!!!

– Какая? – спросила я игриво.

– Сидорова, бляха-муха!

– Хи-хи! Не знаю я никакого Сидора, ме-е-е!

– Да что тебе надо-то, в конце-концов, ёшкин кот!!! – в ярости.

– С детства мечтаю увидеть трёх животных: сидорову козу, бляху-муху, и ёшкиного кота. Хи-хи.

С этими словами я аккуратно положила трубку на рычажки, и выдернула из сети вилку телефона. Он взбешён, сейчас разнесёт мою дверь и ворвётся в квартиру. Прикольно.

Но он этого не сделал. Небось, злобно пинает ногами свою кровать. Я с наслаждением отхлебнула чай и сунула в рот карамельку.

Следующий день прошёл, как всегда. Вышла во двор. Насыщенный теплом и запахами листьев, травы и города вечер, нежный как суфле, вызывал томление души. На аллее стоял, словно светофор, длинный тощий мужик в яркой жёлтой майке и красных шортах, он опирался на велосипед. Физиономия у него была какая-то птичья и сморщенная. Ну вот же! Сморщенная птица! А Мэри возражала. Я усмехнулась и не спеша двинулась к детской площадке. Там можно покру-

титься на тренажерах.

– Привет! – знакомый радостный баритон.

И прямо передо мной возник Влад. А, так он с работы возвращается. Ясенько. Он был в светлом костюме (слегка морщит в плечах, заметила я), из-под которого виднелась нежно голубая рубашка с жемчужным галстуком, светлые волосы стянуты в тугий хвост, в серых глазах лукавая искорка, тёмные широкие брови вдруг дрогнули. Брови – словно две пушистые лесные тропинки. Я метнула на него острый взгляд, словно уколола. Ещё и ещё раз, пытаюсь найти несоответствие. Нос длинноват, губы толстоваты. Да что там, просто толстые, как велосипедные шины. И нежные, как облако... Наверно, классно целуется. Плечи широковаты, ноги кривоваты, хоть и длинные. Да ну его, больно нужно. Тут внутри меня что-то ёкнуло, обдало жаром.

– Привет-привет, – отозвалась я. – А мы тут, с подружкой, она меня ждет, я бегу...

С этими словами я развернулась на 180 градусов и помчалась в сторону Маринкиного дома.

Нет, Влад, нет. Не дождёшься. Знаю-знаю. Догадалась. Затящишь в постель, заласкаешь, разнежишь, пока не стану мягкая как воск, а потом влезешь в мою квартиру, в мою душу, в мою жизнь... Знаю, проходила. Нет!

Маринки дома не оказалось. Стала звонить на мобильный. Она торчала где-то в магазине. Я завернула в сторону школьного двора. Там с криками носились подростки в май-

ках – местная футбольная команда разминалась. Тренер то и дело свистел и что-то орал. Рядом со мной остановились две девицы с сигаретами в зубах, в коротеньких шортиках, у одной на ляжке была татуировка – дракон. Я мысленно хихикнула. Скоро нас ждёт поколение курящих бабушек, не умеющих печь пирожки, да ещё и с татуировкой на заднице. Девицы обсуждали своих мужей.

А вот моего благоверного больше нет. А мне его сейчас очень не хватает. Не к кому прижаться, пожаловаться, просто пройтись с ним вдвоём по этой вот аллее, и ещё, очень-очень не хватает интима. Да, мой был отнюдь не идеален, даже порой просто отвратителен. Но он был мой, родной. И тут я вдруг поняла, меня словно озарило внезапно: Бог не дает нам людей, которых мы хотим. Он посылает нам тех, в ком мы нуждаемся. Они причиняют нам боль, любят, учат, ломают, чтобы превратить нас в того, кем мы должны быть. Может, и Влада мне Бог посылает? А если нет, не Бог, а совсем даже наоборот? Как знать? Я вздохнула, подняла глаза к небу, оно было лёгким и струящимся. Я опустила взгляд и увидела... Лягушку на корточках! И сразу мысленно услышала возмущённый возглас Мэри. На корточках сидел, точно лягушка, толстый человек. Он возился с велосипедным колесом. Надо же, этот день подаёт мне какие-то знаки. И эти знаки надо как-то расшифровать. Но как??? Что это значит: не верь глазам своим, или – не верь ушам своим? Или – ничему не верь?

Потом Влад исчез. Прошёл день, второй, третий... Я тщетно прислушивалась к звукам за стенкой. Да куда он подевался, в конце-то концов? Куда-то канул... Может, в командировку? Или съехал с квартиры? Ну, тогда должна была появиться соседка, или ещё кто-нибудь. Но – тишина и полное безлюдье. А вдруг он умер? И лежит там, за стеной, его холодный одинокий труп? Я занервничала. Я задёргалась. Что делать? Звонить в полицию?

И тут мне пришла sms-ка. От него. Ура, жив, и думает обо мне!!! Видимо, почувствовал, что я тихо психую. Он написал, ой, такую чушь, меня аж потом прошибло, меня бросило в жар! Он написал мне:

«Ты мой ангел, ты мой капкан.

Ты сбежала. А я попал.

Ты ловушка, ты мой дурман!

Всё, сдаюсь, устал...»

Во даёт! Мне стало легко и радостно, я ощутила себя весёлым воздушным шариком, готовым взмыть в розовато-желтовато-синеватое небо, я закружилась по комнате, подбежала к зеркалу и стала строить симпатичные рожицы своему отражению. Я взлохматила свои вьющиеся светлые переливчатые волосы, прищурила яркие зелёные глаза, подняла тонкие длинные брови, сморщила свой аккуратненький носик, и расхохоталась. А потом послала ему ответ:

«Что такое, ну что за хрень,

У меня от тебя мигрень,

По ночам надо крепко спать,
И не будешь ты уставать».

Вот тебе, Влад, вот так, щелчок тебе по носу от меня. Не приставай, не исчезай, не пиши, не молчи, не думай, не забывай, и не мечтай даже обо мне! Тоже, нашёлся Дон Жуан местного разлива. Да не очень-то ты за мной и приударял. Просто развлекался от нечего делать, наверно. Наверняка. А может, нет, даже – скорее всего у тебя далеко идущие планы. Влезть в мою квартиру, в мою жизнь, попользоваться... Не сможешь, не поймаешь. Сам ты капкан.

Ночь была бессонной. Расплывчатая луна целовала тонкую штору, просвечивая сквозь ткань словно губы Влада. Я вертелась в постели, вставала, гулко хлебала воду, снова ложилась. Уснула под утро.

А днём мне позвонила Мэри:

– Ну, что ты там затихла, приходи, поболтаем.

Мэри все эти дни была занята переводом какого-то жутко нудного американского романа, да ещё давала уроки английского кому-то. Я натянула сарафан, сунула ноги в шлёпанцы, и пошлёпала к подруге.

Мэри встретила меня на пороге – длинная, бледная, тонкая, с волосами цвета лески, любительница призраков, сама словно призрак. Глядя на меня бесцветным взглядом, она вдруг произнесла:

– Охота на человека – опасная охота. Человек – самая опасная добыча изо всех, какие могут быть у комара. Да, че-

ловек не покрыт шерстью, имеет тонкую кожу и всё такое. Но...

– Это что, инсектотриллер? – спросила я. – Ты это переводишь? Это пишет маньяк, который охотится на людей? И для него люди что насекомые? Ему человека как комара прихлопнуть?

– Комар пишет, – мрачно констатировала Маринка. И растянула губы в странной извилистой улыбке. Её слишком длинные, похожие на белые верёвки руки и ноги вяло шевельнулись, она повернулась и двинулась вглубь квартиры. Я пошла следом. Густой, как гель для ванны, воздух, растворённый в табачном дыму, плотно обхватил меня со всех сторон. Навстречу вылезла сонная белая псинка Призи – помесь каких-то бойцовых пород. Она сладко потянулась и зевнула во всю свою зубастую крокодилию пасть.

– А они, между прочим, не только кровь пьют. Сама видела, как комары тёплый компот пили. Желтые становились, – сказала я.

– Это были самцы, – изрекла Мэри, прошла на кухню и достала из холодильника банку пива, запотевшую и похожую на самодельную гранату. Разлила по бокалам, похожим на изыск снежной королевы. Она любит пить пиво из хрусталя.

– Я ещё взялась переводить стихи, – она залпом выдула пиво. – Графоманов. С русского на английский. Как тебе нравится такое: «Горячее сердце и другие конечности».

– Ужас! Ты так и перевела?

– Нет, конечно. Я перевела «passion of the heart and trepidation of the hands» – «страсть сердца и трепет рук».

– Классно! – я отхлебнула из бокала.

– Не позориться же с этой графоманией. Переводить, так качественно. А ещё такое: «ты моя птичка с красной грудкой в цветах горностая». Где у горностая цветы? Автор решил, что горностай – это горный луг, что ли?

– И такое издают?

– За счёт автора издают всё, любую бредятину, – Мэри взяла длинную тонкую сигарету, затянулась. – Мне ещё и не такое попадалось. Или вот: «Весь мир есть театр анатомический абсурда, а у меня невымытая посуда протухла в мойке, и череп в холодильнике простыл», ну вот что это такое, дурацкая пародия на Гамлета, или что? При чём тут череп в холодильнике, автор каннибал?

– Каннибалы тоже пишут стихи, – пошутила я.

– Или вот такое стихо, с позволения сказать: «Путин, путь, путы, путаны, путанки, танки». Это что такое, вообще, как это переводить?

– Хрень какая-то, – согласилась я. – Ну и как ты это перевела, только скажи по-русски?

Мэри стряхнула пепел в изящную хрустальную пепельницу.

– Ну, на русском это у меня так звучит: «У каждого свой путь, у президента – политический, у путан – эротический, они прыгнули в танки и развлекаются с солдатами». Только

на английском я, естественно, зарифмовала.

– Да уж, глубокая философия, – хмыкнула я.

Зазвонил телефон. Мэри взяла трубку:

– Алло? Да-да. А, Танюша, привет-привет. Что, как? Ну и? Да? Ну, молодчина. Когда? Куда? А-а... Да-да. Замечательно! Ну-ну... Ну, конечно! У меня всё как всегда, без перемен. А-а? Да-а? Когда вылетаешь? Ну, не знаю. Я бы взяла с радостью, но у меня Призи, сама понимаешь. Она никого не потерпит, никакого другого животного. Ну-у, не знаю прямо. Не знаю, что и посоветовать. Вот тут рядом подруга сидит, у неё раньше была собака. – Закрывает рукой трубку и кивает мне: – Возьмёшь на передержку собаку на пару дней, моя ученица летит выступать, петь на корпоративе, она заплатит хорошо, ну?

– Возьму, почему же, на пару дней-то. Если заплатит хорошо, возьму, – не думая, согласилась я. Может, тысячи две кинет, а то и больше.

– Да, Танюша, я договорилась, подруга берёт.

Маринка ещё поболтала с ученицей, положила трубку, и тут возникла новая тема для беседы. Долгий рассказ про певицу-ученицу, про новую методику обучения, изобретённую Маринкой, про то, как певица усваивала английскую грамматику, про то, как эта самая Танюша пыталась рассказывать про своего пса Рика на английском языке и какие возникали смешные конфузы, и так далее.

Ночь была душная и густая, словно пыльный, пропитан-

ный кучей разных запахов, театральный занавес. Вспоминалось детство, лето на даче, лёгкий, звонкий, ароматный вечер в деревне. Как было хорошо, и как мне этого не хватает! Но дачу свою наследственную я забросила – очень далеко, долго добираться, да и домик там отсырел и обветшал, забор упал, огород зарос сорняком. Продать через интернет никак не получается, давно пытаюсь, но купить хотят лишь за символическую цену. Ну конечно же. Богатым такая даль не нужна, а у бедных нет денег. Я вяло пересекла двор, и вошла в подъезд. Он ирреально плыл в люминисцентном свете старой лампы (я подумала, что эти лампы уже лет пятнадцать как не выпускают, это уже раритет), точь-в-точь как в моём сне. В этом сне я бежала вверх по лестнице в одних стрингах, вся моя одежда куда-то канула, а мой этаж исчез – были лишь предыдущий и последующий. Я металась туда-сюда, потом вдруг оказалась возле лифта. Там стояли люди, мертвенно-бледные в люминисцентном свете, и вдруг на миг возникло зеркало, в котором я отразилась в джинсах и майке. Да ведь я одета, ура! Тут все мы оказались на лужайке, народ разбрёлся в даль к столикам с закусками, а я сидела в удобном кресле. Ко мне подошёл мужчина моих лет, высокий стройный кудрявый блондин, и протянул помаду. Я мазнула губы, они стали красивого бархатисто-вишнёвого цвета, вкус горького миндаля, легкий холодок, губы слегка онемели, как от анестезии у стоматолога. Мужчина спросил: «Что вы чувствуете?» Ответила: «Запах горького миндаля».

Он отвернулся и ушёл, присоединился к народу, с кем-то заговорил, а я проснулась. Причудливый сон. Вот ведь! А сейчас, здесь, наяву, точно такое освещение. Вот и лифт. Кабинка с зеркалом. Дверь. Квартира. Зажгла свет. Всё как обычно. Тонкие шторы, сбитые сквозняком, висят словно крылья уставшей ночной бабочки. Моя душа – ночная бабочка, она устала, давно, сначала от всего ужасного полетела кувырком, потом сделала мёртвую петлю, потом ударилась со всего маха и повисла, точно муха в паутине... Я почапала на кухню, хлебнула холодного чая, вернулась в комнату, включила комп, влезла ив инет. Пробежалась по сайтам, глянула в свои аккаунты... Душная летняя ночь. Под утро завалилась на постель. Но уснуть не успела. Только сознание слегка подёрнулось дрёмой, словно пруд ряской, как раздался трезвон в дверь. Вставать не хотелось. Но кто-то явно ломился в мою квартиру – звонили, стучали, кричали. Встала, поплелась к двери, открыла. На пороге стояла брюнетка лет так под тридцать с жёстким холодным лицом. Невысокая, жилистая, широкоплечая. В руках – поводок, который оканчивался собакой. Это был печальный пёс, метис овчарки, полупушистый, длиннолапый. Я подняла взгляд и встретилась с глазами девицы, они были цвета крепкого кофе. Так это и есть Танюша, поняла я.

– Вот Рик, вот корм, – она пихнула мне в руку поводок и пакет «Чаппи», – я спешу, самолёт, приеду заберу, – она развернулась и бросилась к лифту. Странно, что не позвони-

ла заранее, ведь Мэри наверняка дала ей мой телефон. Какая деловая дамочка. Это что, поколение сейчас такое? И ни слова о плате за передержку. Ни фига себе!

Я втащила Рика в квартиру. Он не то, чтобы упирался, а просто лёг на пороге. И тихонько заскулил. Я постелила ему одеяло в коридоре, и сказала:

– Это пока твоё место. На пару дней, потом хозяйка тебя заберёт. Обязательно, слышишь? Заберёт. Ты здесь временно. Лежать. Раньше это было место Ральфа. Давно.

В больших умных собачьих глазах стояли слёзы. Видно, эта самая Танюша периодически подбрасывала пса знакомым. Это было ясно. Он не рвался вслед за хозяйкой, не лаял от отчаянья. Он просто тихо плакал. Я потрепала Рика по холке и самым ласковым голосом, на какой только была способна, произнесла:

– Ну всё, всё, всё. Ладно. Всё нормально. Я тебе сейчас чего-нибудь вкусенького раздобуду.

От «Чаппи» пёс отказался. От миски с водой отвернулся. Я наскребла денег, сбегала в магазин, и притащила кусочек мяса. Такой сочный, свежий, аппетитный кусочек. Но Рик и его проигнорировал. Несчастный пёс. Я села возле него на пол, почесала голову. Взяла с полки мобик и позвонила Мэри. Описала ей удручающую картину, в ответ услышала:

– Ну, не знаю. Что я могу сделать? Разве что игрушки Призины притащить, да только не поможет, не до игры ему. Ничего, два дня быстро пролетят. Не переживай.

Да где уж тут не переживать. Я-то знаю, пёс от тоски и погибнуть может, сколько случаев было. У собак обострённое восприятие, они привязываются и чувствуют намного сильнее, чем люди. У них чистые и преданные души. Ну что же делать-то? Может, погулять с ним?

– Рик, пошли гулять, – сказала я, и потянула его за поводок. Но он не двинулся с места. Лежал, будто каменный. Я отстегнула поводок, сняла ошейник.

– Ладно, отдыхай. Днём я тебя покормлю и выведу. А сейчас спи.

Я убрала в холодильник мясной кусочек, а обе миски – с сухим кормом и с водой – оставила рядом с псом.

Но ни днём, ни вечером ситуация не изменилась. Я позвонила Элле, но и она ничего путного посоветовать не смогла. На следующий день было то же самое. Я обзвонила всех своих знакомых, но без толку. Мне давали какие-то советы, но все они оказались бесполезны. Вечером пришла sms-ка от Влада:

– Давай встретимся, посидим в беседке, пройдемся, погода отличная, не жарко.

Я тут же ответила:

– Я в отчаянии, приходи.

Через минуту он был у меня. Я кивнула на лежащего у стены пса, и сбивчивой скороговоркой обсказала ситуацию. Влад озадаченно покачал головой. В тусклом свете коридорной лампочки, болтающейся на потрёпанном шнуре посреди

пожелтевшего потолка, Влад казался весьма внушительным. Странный эффект. Он присел на корточки возле пса, погладил его по спине, но тот даже не шелохнулся. Лежал, уткнувшись мордой в стену. Влад задумался, сел на пол и принялся дёргать себя за ухо. Потом снова принялся расспрашивать меня обо всём, особенно его заинтересовала хозяйка пса. На этот раз я рассказывала не спеша, подробно. Влад опять стал поглаживать Рика, и снова принялся тереть своё ухо. И вдруг лицо его прояснилось, рот расплылся в улыбке.

– Знаешь, я сообразил, что делать.

– Что? – напряглась я.

– Надо создать ему домашнюю атмосферу. То, к чему он привык.

– Но как?

– Ты говоришь, хозяйка Рика – молодая, энергичная особа, да ещё и певица? Значит, у неё дома бывают тусовки с песнями, вином, табачным дымом. Собака к этому привыкла. И если это воссоздать, возникнет условный рефлекс чего-то родного, привычного, домашнего. погоди, я сейчас!

С этими словами Влад вскочил, и умчался из квартиры. Вскоре он возник возле меня с гитарой и полными пакетами. Ни слова не говоря, прошёл на мою кухню, и принялся хозяйничать. Достал из шкафа мои тарелки и бокалы, нарезал колбасу, сыр, помидоры, открыл бутылку красного вина, баночку красной икры... Ого, да это же настоящий пир! Давненько я так не лакомилась!

– Ника, где у тебя пепельница, тащи сюда, – скомандовал он, и распечатал пачку сигарет.

Я быстро закосела – от обильной еды, от которой давно отвыкла. От дорогого вина – пила из жадности. От густого бархатного баритона, такого переливчатого, родникового и радужно сияющего в звуках гитары. В пепельнице тлели сигареты, сизоватый табачный дымок поднимался вверх и медленно растекался в воздухе. Я повернулась на стуле, и увидела в проёме двери Рика. Вид у него был озадаченный и смущённый. Влад кинул ему кусочек колбасы. Пёс понюхал, помедлил, и съел. Я всё больше пьянела.

Потом я лежала в постели, а возле меня сидел на корточках Влад и кормил Рика с руки мясом. Я не знаю, сколько прошло времени.

А ночью мы с Владом выгуливали пса. Было сказочно красиво, и луна свесилась с чернильных небес и подмигивала нам. А Рик нюхал траву и слегка повиливал хвостом. Он нас признал. Он с нами подружился. Он нам доверился. Мне было хорошо с Владом и Риком. Я была счастлива. И тут я вдруг подумала, что только Влад смог меня выручить, он – надёжный, с ним неплохо, и очень вкусно. С ним можно дружить. И ещё я вспомнила, что уже три дня не включала комп, целых три дня без инета, и не тянет. Что-то изменилось, мир словно распахнулся настезь и стал другим. Ну, вообще-то, если честно, всё стало меняться с появлением Влада. Как он возник в моей жизни, почему? Зачем? Я когда-то нашла у

себя дома охотничий билет на полу, а Мэри сказала: «учись видеть знаки». Это был знак?

– Влад, а ты когда-нибудь был на охоте? – спросила я.

– Да, я член охотничьего общества. Ходим на уток. Настреляю – принесу. Я их интересно готовлю, по собственному рецепту, пальчики оближешь, – сказал он. – Вот в конце лета будет осенний сезон, у меня есть манок, возьму тебя. И Рика, если его ещё раз на передержку подкинет эта Танюша.

– Ой, класс, хочу-хочу!!! – вскричала я и запрыгала на одной ножке.

Влад засмеялся и обнял меня за плечи. Волна удовольствия и радости захлестнула меня. Я с улыбкой и благодарностью взглянула на большую, весело свесившуюся с чернильных небес луну, словно это она создала то сказочное блаженство, которое царило сейчас в моей душе.

– Ника, – нежно произнёс Влад, – какое необычное имя, Ника, – его голос был словно переливчатый шёлк. – Почему тебя так зовут?

– Это православное имя, оно есть в святцах, – ответила я. – Меня так называли при крещении. В честь святой мученицы Ники Коринфской. Она пострадала во время гонения на христиан при императоре Декии в Коринфе. Язычники бросили ее в море, но она не утонула, а пошла по воде, как по суше. Мучители догнали ее на корабле, повесили камень на шею и утопили. Это случилось в 251 году. А тебя почему так называли, Влад?

– Меня назвали Владимир. А я просто сократил имя. Я тоже крещён, – ответил он.

– А, вот как? А в детстве тебя звали, небось, Вовчик? – засмеялась я.

Мы долго гуляли, Рик то нюхал траву, выбирал и жевал отдельные травинки, то забегал вперёд нас, то останавливался и прислушивался к чему-то, наострив уши, то оглядывался по сторонам, напряженно смотрел куда-то, потом отставал от нас на несколько шагов, и снова бежал вперёд. Мы любовались красивым ладным псом, и ночным городом, и цветущей сиренью. Мне было невероятно комфортно. Я совсем забыла о времени, о днях, обо всём на свете.

Уже светало, когда мы вернулись домой. Влад принёс мясо, я достала овсянку, и мы сварили для Рика вкусную сытную еду. Пёс спал, подёргивая во сне лапами. Мы поставили кастрюльку с его едой на подоконник, остывать. Спать не хотелось.

– Интересно, какая ты была в детстве? – спросил Влад-Вовчик.

– Сейчас покажу фотки, – сказала я, и пошла в комнату за фотоальбомом.

Влад долго рассматривал мои семейные фото.

– Ты просто куколка, – сказал он. – Ангелочек.

– А меня Маринка, подружка, так и зовёт: куколка, кукла.

– Вот ты какая, Ника-Кукла, – нежно произнёс он и поцеловал меня в мочку уха.

– А ты шалун, Вовчик-Влад, – сказала я и шутливо оттолкнула его.

Да, я то кукла, то Ангел. Когда как.

Влад отложил в сторону альбом, обнял меня так сильно, что дыхание перехватило, и принялся целовать. Его губы, нежные как облако, упругие и такие властные, свели меня с ума. Голова пошла кругом... А потом случилось нечто невероятное, сверхъестественное, такого со мной никогда ещё не было, даже в первую брачную ночь... Прямо на кухне свершилось это... Я попала в эпицентр радуги совершенно ошеломительных чувств и чего-то такого, чему нет названия на человеческом языке. И это длилось, длилось, длилось... Но тут завопил телефон. И всё разрушилось. Я некоторое время приходила в себя, а телефон надрывался. Я взяла трубку.

– Куколка! Алё! Ты что там, спишь, что ли? Как там Рик?

– А? Что?

– Алё-алё! Это ты, кукла? Что с твоим голосом?

– Ничего, Мэри, задремала, Рик тоже, спит он, гуляли долго, устали.

– А у меня две новости. Одна хорошая, другая так себе, не очень. С какой начать?

– Давай с хорошей.

– Хорошая вот: Танюша имела огромный успех в ресторане на корпоративе, прекрасно пела, и нашла интересную, с её точки зрения, работу, такую она давно хотела. Она теперь эскорт-дама у какого-то крутого бизнесмена. Это – свет-

ские тусовки, рестораны, заграничные поездки, дорогие шмотки и брюлики. Всё, чего она добивалась. Она счастлива.

– Ну, каждому своё счастье, – отозвалась я. – А какова вторая новость, выкладывай.

– Вторая, вообще-то, не очень. Танюша, в связи с изменившейся ситуацией, не может забрать Рика. Говорит, пристройте его куда-нибудь, хоть в добрые руки, хоть в приют, или усыпите.

– Кошмарная баба эта твоя Танюша. Стерва. Мы Рика берём себе.

– Мы это кто? – спросила Маринка.

– Ну, я и Влад. Помнишь, я тебе о нём рассказывала? У нас всё классно!

– Во даёшь! Я рада за тебя, кукла! – вскричала в трубку Мэри.

Пожалуй, здесь я не кукла, а Ангел. Куклы-то, они бездушные и не добрые. Никакие они.

Тут раздалось негромкое цоканье. Это собачьи когти по паркету издавали такой своеобразный звук. В кухню вошёл Рик. Он глубоко потянулся, зевнул, поднял голову и заглянул в глаза По-очереди мне и Владу. Понюхал воздух. Влад взял с подоконника остывшую мясную кашу, и поставил кастрюльку на пол перед носом Рика. Пёс завилял хвостом и с радостью принялся есть.

Мы прекрасно проводили время. Влад, чтобы поддержать меня, пока мы с Риком адаптируемся друг к другу, взял

отпуск за свой счёт. Для меня наступил новая, счастливая жизнь. Было такое чувство, что я обрела семью. Мы вместе ходили в магазин, выбирали продукты, Влад расплачивался карточкой. Я с удовольствием готовила. Влад занимался мелким ремонтом моей квартиры. Мы купили игрушки Рикку, и все вместе весело играли. Рик так высоко и так забавно прыгал за резиновым зайчиком, что мы хохотали до упаду. Влад сыпал шутками. Он говорил:

– Британские учёные установили, что женщины любят ушами, мужчины – желудком, и только животные любят правильно.

– Ха-ха-ха!!! – заливалась я смехом.

– А знаешь, какие собаки хитроумные! Сейчас расскажу тебе забавный случай. Как-то раз иду с работы, есть хочется невыносимо! Понимаю, что до дома не дотерплю. Подошел к палатке с едой, купил какой-то бутерброд. Стою, жую. Рядом сидит собака и смотрит на меня грустными глазами. Пожалел животинку, оторвал кусок бутера и кинул ей, а она его понюхала, носом в него потыкалась, и даже не попробовала! Посмотрел я на это, потом на бутерброд, что у меня в руках, и как-то мне сразу расхотелось его есть – мало ли, думаю, из чего такого его сделали, вон, даже собака не ест! Выкинул в ближайшую урну, да и пошел. Оборачиваюсь, и что же вижу? Эта хитрая бестия залезла в мусорку, вытащила мой бутер, и преспокойно его хомячит! Вот ведь! Этой собаке в институт надо! Прикладную психологию там преподавать!

– Ха-ха-ха!!!

Так пролетела неделя. За это время мы с Риком сроднились. А Влад снова вышел на работу. Приходил вечером уставший, я кормила его борщом, потом мы пили чай, делились впечатлениями прожитого дня, и перед сном выгуливали Рика. Я стала просыпаться рано, кормить завтраком Влада, гулять с собакой, заниматься домом, в общем, постепенно превратилась в образцовую жену. Жизнь наладилась.

Однажды я с Риком прогуливалась во дворе, наслаждаясь мягкой облачной погодой. Солнце, словно желток свежего деревенского яйца, купалось в жемчужных облаках. Тут зашел мобик. Номер высветился незнакомый.

– Алло? – нежно спросила я.

– Здравствуйте, – прозвучал в ответ мужской голос. – Вы меня, наверно, не помните. Я купил у вас шаманские рога полтора года назад. Я – Антон.

– Рога? Какие рога? А-а, помню. Так прошло уже полтора года? И что?

Сердце моё ёкнуло. Неужто что-то случилось?

– Всё замечательно, рога подействовали, у меня наладился бизнес! Огромное вам спасибо! Как вас отблагодарить?

– Да что вы, не надо. Тут дело, наверно, в ваших деловых качествах.

– Нет-нет, всё дело в рогах, они действительно невероятно помогли!

Мне стало совестно. Наверняка, человек очень старался,

просто удача улыбнулась ему. А я врушка. Впарила ему эти рога. Кукла, Злаякукла.

– Давайте встретимся, я к вам подъеду, сходим в ресторан, у меня для вас подарок.

– Нет, Антон, не надо, что вы. Кстати, меня зовут Ника. Но времени у меня в обрез, понимаете, очень занята, семья, собака. Да ещё подруги.

– Ника, извините, что отвлекаю, ну я вам позвоню позже.

– Я не люблю рестораны.

Я отвела Рика домой, и помчалась к Маринке. Сразу с порога я завопила:

– Слушай, тут такое дело! Помнишь рога с историей? Полтора года назад?

– А, да-да. А что? – Мэри насторожилась. – Неужели рога кого-то забодали?

– Хуже! Звонил чувак, который их купил, и бурно благодарил! Говорит, круто помогли в бизнесе! Откуда рога? Вспоминай! Ну? Был у тебя дома шаман?

Маринка вздохнула, и лениво отозвалась:

– Да много всяких в студенческие времена перебивало здесь. Бурное было времечко, песни под гитару, пьянки, травка, кто-то был, вроде африканец какой-то, из института Лумумбы. Кто его знает, что за чел. Может, это он и приволок. Подарок из Африки. Может, это был шаман, или его сынок.

– Так, понятно. Кто-то был, чего-то принёс, ничего не

помнишь. Непонятно.

Я развернулась на сто восемьдесят градусов, и помчалась домой. Возле подъезда притормозила, села на скамейку, и задумалась о странностях жизни и о знаках. Может, появление человека с рогами спустя полтора года – это тоже не с проста? Рога – охотничий билет – охота – Влад. Что бы всё это значило? Я долго сидела и размышляла, но так и не пришла ни к какому разумному выводу. Рога – символ измены, но я никогда не изменю Владу. А ещё – рога связаны с каким-то загадочным животным. Знать бы, с каким. Тогда хоть что-то можно было бы предположить. Но мои мысли стал глушить какой-то посторонний звук. И не один. Целый сонм звуков. Они вторгались в моё сознание и путали все размышления. Я подняла глаза. В сквере напротив подъезда стояла группа парней. В руках у них были жестяные баночки с чем-то. Видимо, напиток крепкий. Парни слишком громко говорили. Так вопят только люди под хмельком. Они спорили. О чём это? Прислушалась. О, какая прикольная тема! А, так вот что волнует молодёжь!

– С гей-пропагандой все просто: абсурд. Ну, невозможно пропагандировать сексуальную ориентацию. Никакую, потому что она ВРОЖДЕННАЯ. Альтернативщики такими родились, их всегда 3-5% от популяции, все как у всех высших животных, ничего из ряда вон. Банальная биология.

– А в тюрьмах и зонах, когда люди лишены доступа к женщинам, тоже 3-5%, "секспросвещенный" ты наш?

– Да ты путаешь суррогатные формы замещения и сексуальную ориентацию. Как только человек возвращается в нормальную среду обитания – все становится на круги своя.

– Когда уродство, отклонение – физическое или психическое – выдают за НОРМУ, это уж из ряда вон! Определенный процент отклонений есть, но связан он с биохимическими процессами (недостаток тестостерона у мальчиков, например), но ооочень часто это связано с сексуальным насилием в детстве. Это простая статистика.

– Врожденная есть, но, по факту, очень маленький процент. Львиная доля, это же мода на это, ну и, конечно, химия. У нас мало где пишут, но инфа есть, как показали исследования, усилитель вкуса, который входит сейчас почти во все готовые продукты, глутамат натрия, "глушит" тестостерон. После того, как его прекращают принимать, через некоторое время, организм восстанавливается.

Куриное мясо втихаря, что уже доказано, на некоторых фабриках выращивается на женских гормонах, благодаря которым быстро набирается вес. И если мальчика с детства кормить такой курятиной, то во взрослом возрасте проблемы ему обеспечены. И пока процесс необратимый. Медикам исправить ситуацию не удастся.

– Да просто геи сейчас в моде. Пропаганда даёт плоды. Выпендрёж. Что человеку для красивой старости надо? Выпендриваться в юности так, чтоб купили потом.

– Слушай, со мной такое произошло на днях! Служба за-

нятости дала адрес предприятия. Оказалось, по этому адресу стоит трансформаторная будка, и на неё зарегистрировано сто двадцать юридических лиц.

– И что, все они геи?

– Ха-ха-ха-ха-ха!

Мне стало грустно. Я поднялась со скамейки и пошла домой. Как хорошо, что мой Влад нормальный! Как я счастлива! Испеку для него шарлотку.

Дни летели как стрижи, лихо и со свистом. Я потеряла им счёт. Впрочем, я никогда их не считала, а сейчас и подавно. Однажды утром я выгуливала Рика во дворе. Вдруг запел мобик. Номер высветился незнакомый. Может, Влад с чужого телефона, мало ли?

– Алло? – проворковала я.

– Да-да, – приятный мужской голос. Где-то я его уже слышала.

– Слушаю, – сказала я.

– Здравствуйте, это Антон, тот, с рогами. Моя машина возле вашего подъезда, серебристый «ягуар».

Я оглянулась. Роскошная иномарка, дверца распахнута, из неё выглядывает симпатичный парень лет тридцати. Мы с Риком подошли.

– Привет, Антон, а вот и я.

– Здравствуйте, Ника.

Парень взял с сиденья корзинку с белоснежными лилиями.

– Как вы угадали?! Это же мои любимые цветы! – воскликнула я.

– Проинтуичил, – широко улыбнулся он.

Я принялась разглядывать его. Высокий шатен, глаза шоколадного цвета, брови врзлёт, круглое лицо, чуть вздёрнутый нос. Весьма симпатичный. Он протянул мне корзину благоухающих лилий. Взяла. Тут он достал из машины объёмный пакет.

– Ну, раз вы рестораны не любите, я попрошусь к вам в гости.

– Неожиданно.

– Это экспромт.

– Ну что ж. Рик вас принял хорошо, вот, обнюхал и хвостом виляет. Идём.

Ладно, что я прибралась вчера и повесила свежие шторы. Чисто, уютно, красиво. Антон вытащил из пакета дорогой коньяк, закуски, фрукты, конфеты. Настоящий ресторан на дому! Я поставила цветы посреди стола, и зажгла золотистые витые свечи в изысканных подсвечниках. Очень красиво получилось! Празднично как-то!

Антон разлил коньяк по большим рюмкам. Других у меня не было. Поднял свою рюмку, и произнёс:

– За чудеса и неожиданности в жизни!

– Да, вот так! – воскликнула я. Мне очень понравился тост.

Чокнулись. Я слегка пригубила напиток. Губы обожгло,

вкус был приятный. Сделала глоток. Жгуче, вкусно, и радостно. Выпила сразу половину.

– Слушай, расскажи мне про бизнес, Антон, – попросила я.

– Про свой, или про Российский? – уточнил он.

– Сначала про Российский. Я в этом совсем ничего не смыслю, – я снова отхлебнула коньяка. Стало отчего-то смешно. Я быстро хмелела.

– Ну, так вот. Несколько слов о российском бизнесе. В целом, практически все виды хозяйственной деятельности в России можно описать словом "е-бизнес".

Я хихикнула. Антон усмехнулся, подмигнул, и продолжал:

– Внутри же российский е-бизнес можно разбить на некоторые виды, да они все определяются-то, в основном, состоянием и видом деятельности предприятий...

Я поняла, что он хочет основательно загрузить меня, закомпостировать мне мозги, зачем-то. Он принялся вещать:

– Во-первых, зае-бизнес. Ну, это, понятно, процветающий е-бизнес. – Он провёл ладонью по своей каштановой шевелюре. – Этот вид чаще всего можно встретить на новых, только что открывшихся предприятиях. – Он снова усмехнулся. – Во-вторых, прое-бизнес, это медленно разваливающийся е-бизнес. – В его шоколадные глазах запрыгали чёртики. – Этот вид чаще всего можно встретить на предприятиях, уже проработавших какое-то время на российском рынке.

Что за хрень, зачем он мне всё это говорит? Да ещё так тяжеломерно, словно кирпичём по башке бьёт. Видимо, чтобы я совсем офигела и отключилась. Да, у некоторых самцов есть такой приёмчик. Но я это уже проходила, знаю. Антон, ты – шоколадный заяц. Я тебя съем.

– В-третьих, разье-бизнес, это то же, что и во-вторых, но очень быстро. – Антон хохотнул, и придвинул стул ко мне. Он глядел, как я хмелею, и в его глазах плясали смешинки. – В четвёртых, нае-бизнес (он же объе-бизнес), это один из наиболее прибыльных и распространенных видов е-бизнеса в России. Как правило, следующим этапом этих видов бизнеса становится съе-бизнес, при этом деятельность предприятия выходит за территорию России. – Антон придвинул свою ногу к моей вплотную. – В пятых, пое-бизнес, – продолжал он, – это разновидность е-бизнеса, когда никого не интересует ни сам процесс, ни его результат. Ну и так далее. Список видов е-бизнеса в России постоянно дополняется и изменяется.

– Ха-ха-ха, – прорвало меня. Мне вдруг стало очень смешно. Я была хмельная и развесёлая.

Ну, теперь мой черёд! Сейчас я тебя тоже загрузу по-полной! Вот я тебе сейчас, шоколадный ты мой...

– Антон, вот как ты думаешь, для чего УК привлекает к сбору платежей за свои услуги третье лицо – ЕРКЦ? – начала я со шкодливым видом. – Ведь если собственники подписали договор управления, где содержатся сам понимаешь какие

условия, то это значит, что собственники лопухи, позволили еще одному нахлебнику обирать себя. Правда ведь? А? Или ЕРКЦ- это незаменимый винтик в структуре ЖКХ, и если его не станет, все рухнет и накроется медным тазом ? – я подмигнула ему и широко, по-голливудски, улыбнулась. Моя мимика совершенно не соответствовала тому, что нёс мой язык. – Хочется провести собрание и принять решение об отказе от услуг ЕРКЦ. Или мы всю жизнь будем содержать этого неизвестно для чего придуманного посредника. ?

Антон растерянно заморгал, и долил в рюмки коньяк.

– А знаешь, что такое ЕРКЦ? Это – Единый расчетно-кассовый центр, собирающий деньги нескольких УК, – произнесла я глубокомысленно, и снова подмигнула ему.

Он залпом осушил свою рюмку, и замолчал. Я хихикнула, и сказала:

– Ну, как ты?

– А ты как? – спросил Антон проникновенно, встал, подошёл ко мне, и поправил мои волосы. – Как ты одна, с собакой? Ты же не замужем.

– Почему?

– У тебя нет кольца на пальце, а в квартире нет мужских вещей. Ты очень красивая. Ты мне нравишься.

Он наклонился и нежно поцеловал меня в шею.

– Ой, слушай, мне надо срочно вывести Рика, – соврала я. – Давай выведем минут на десять, а потом ...

Я вскочила из-за стола и помчалась к входной двери.

Мы погуляли возле «ягуара», Рик окропил колёса. Антон этого не заметил, он всё время смотрел на меня с вождедением.

Потом мы сидели в беседке и перебрасывались незначительными фразами.

– Десять минут уже прошло, и даже целых сорок, – сказал Антон, глянув на часы.

– Да, действительно. Спасибо, было очень приятно. С тобой хорошо. Ну, пока, – сказала я, схватила Рика за поводок, и быстро умчалась домой.

Влад пришёл раньше обычного. Я была навеселе, на столе – остатки пиршества.

– Кто у тебя был? Что это такое? – завопил он.

– Да так, рога приходили, – отмахнулась я.

– Что-о?! Какие рога? Ты наставила мне рога? – неистовствовал он.

– Да нет же. Парень, который купил рога полтора года назад. Пришёл поблагодарить.

– Что ты несёшь, ты сама-то понимаешь, что несёшь?

– Ого, семейная сцена, буря в стакане воды, хи-хи.

Вот так закончился этот день.

Влад дулся на меня два дня. Не приходил, не звонил. Ну и фиг с тобой, поревнуй, поревнуй.

Я была занята – прогулки с Риком, хождение в гости к Мэри, к Элле, потом мы с Эллой были на выставке камней, сидели в кафе, гуляли по городу. Но я всё время думала о

Владе. Как он там? Переживает, мучается? Меня эти мысли, почему-то, грели. Ночью я прислушивалась к звукам за стенкой. Что-то тяжелое стукнуло об пол. Он там что, штангу тягает?

Через пару дней, вечером, когда я вела Рика с прогулки, возле подъезда возник Влад.

– Привет! – весело воскликнул он. – А я только сегодня вернулся из командировки. Был в Сызрани.

– Это в какой части Тмутаракани находится? – сказала я нарочито скучным тоном. – Что-то не слыхала я о таком.

– Знаешь новость? – продолжал он, словно и не слышал меня. – Создано самое страшное русское оружие : "Ракета Сызрань". Попадая в любой вражеский город, она превращает его в Сызрань. Весь мир в ужасе!!!

– Не смешно. Не знаю никакой Сызрани.

– А у меня для тебя подарок. Маленький такой. Блестит, к тебе хочет.

Он достал из кармана бархатную коробочку, и протянул мне.

Я взяла, и со скучающим видом сунула её в карман. Потом быстро приложила магнитный ключ и рванула дверь подъезда, и мы с Риком мгновенно скрылись. Я стремительно вскочила в лифт, втянув за собой пса. Благо кабинка оказалась внизу. Ха-ха-ха! Приколись, Вовчик!

А он очнулся через несколько минут, и стал звонить мне по всем телефонам. Потом – в и дверь. Я затаилась.

В бордовой бархатной коробочке было золотое кольцо с рубином, мой размер, обалденно красивое, изогнутое как волна. Влад-Вовчик молодец! Я тут же надела кольцо на средний палец – очень эффектно, изысканно, просто супер! Сняла ошейник с Рика, потрепала его по голове, почесала за ушами, и пёс блаженно заулыбался. Я положила ему в миску овсянку с мясом, а себе налила чаю. Рик понюхал кашу, и принялся не спеша поглощать, повиливая пушистым хвостом. Тут мне позвонила Элла. Она купила классное платье, к нему подобрала изящный ремешок, какую-то бижутерию, вид прекрасный. Я сразу представила себе Эллу-Лизу, рослую, с длинными жемчужно-русыми волосами и бирюзовыми глазами, в новом платье цвета морской волны, перехваченным ремешком с жемчужной пряжкой ... Она долго описывала мне всё это, и предложила встретиться и сходить куда-нибудь. Выгулять наряд. Я тут же похвасталась колечком, и рассказала ситуацию. Она долго хохотала. А отсмеявшись, резюмировала:

– Ну, ты и чудись! А впрочем, всё совершенно верно. Непредсказуемость – вот главный козырь женщин. И этим козырем они с лёгкостью бьют любую жалкую карту мужской логики! Не забывай, что ты – чудо, и чуди, чуди.

– Я об этом никогда не думала, но, видимо, да. У меня так само получается.

Мы долго решали, куда завтра пойти, но так ничего и не придумали. Ладно, сообразим потом. Пусть это будет экс-

промт. Я положила трубку. Но телефон тотчас заверещал снова. Наверно, Элла что-то вдруг решила насчет завтра. Я взяла трубку.

– Алло?

– Ну да, – раздался голос Влада. – Знаешь новость?

– Не знаю. – О чём это он?

– Ученые создали пуленепробиваемую кожу. Слыхала? Она необычная. Вот. Кожа эта прочная, как сталь, пуленепробиваемая, как бронезилет. – Тяжело дышит в трубку. Молчит минуты две. И продолжает. – Это уникальный продукт современной биотехнологии. – Снова молчит и дышит. Во, заговорил. Но как-то хрипло. – Ученые сумели соединить искусственную кожу и паутину. Для этого вывели специальных генетически измененных коз. А потом из их молока получили тонкую нить. Теперь ученые пошли еще дальше, и хотят вживить новый материал добровольцам. Хочешь стать добровольцем? Тогда открой мне дверь. Или я тебе распахну свою. Впусти меня, а? Не веди себя так, у тебя ведь нет пуленепробиваемой кожи! – в голосе угроза.

Я бросила трубку и отключила оба телефона. Городской выдернула из сети.

Буду продолжать чудить. Бить жалкую карту мужской логики. Вовчик, сиди и офигевай. Сегодня тебя ждёт бессонная ночь.

А утром мне позвонила Элла. Я только что вывела Рика, мы медленно обходили двор, дошли до беседки, и Рик задрал

заднюю лапу.

– Привет, мучительница мужчин, – бодро крикнула она в трубку. – А вот и мероприятие подкатило. Знакомый журналист пригласил меня, ну и тебя заодно, на закрытый показ картин. Там только бизнесмены, и художник – бизнесмен. Все с жёнами. Высший свет! Это же настоящее приключение!

– Ура! – завопила я. – Круто!

Рик удивлённо глянул на меня, и вильнул хвостом.

Был жаркий день. Я вымыла голову, поднакрасилась, надушилась. Вечером мы встретились с Эллой в метро – за руль она не села, так как намечался фушет.

Журналист ждал нас возле выставочного зала. Он был невысокий, узкоплечий, с мальчишеской фигурой, красиво седеющий, лет под шестьдесят. Имя его я тут же забыла. Мы торопливо прошли мимо фэйс-контроля и охраны, он показал удостоверение, и, кивнув на нас, сказал – коллеги.

В зале было шумно. Бизнесмены оказались типичные, словно взяты из сериалов, а их спутницы напоминали высохших мух и комаров. Тощие, плоские, многие в модных в этом сезоне маленьких чёрных платьях а-ля Коко Шанель, с жуткими, комариными, ножками. Все, как одна, с невыразительными, скучными лицами. Слонялось по выставке и несколько трансвеститов. Наше появление вызвало живой интерес. Мы были словно из другого мира – статная Элла в длинном платье цвета морской волны, и я в ярко желтом, тоже

длинном, с чёрным поясом. Будто бабочки впорхнули в этот зал. Мы были оживлённые, улыбочивые, с горящими глазами. Огляделись, взяли по бокалу мартини, и стали рассматривать картины. Ну ничего себе, вот это живопись! И это живопись? Разноцветные разводы на больших холстах в дорогих рамах. Нечто аляповатое. Словно кто-то по-пьяни выдавил из тюбиков все масляные краски, и размазал как попало. Но многоцветно, ярко, хаотично. В общем, живопись. Я отхлебнула мартини, и взяла бутер с икрой. Тут вдруг возникло какое-то движение, всеобщий вздох. Я оглянулась. Все смотрели на дверь. Там было чудо! Будто влетела шаровая молния, или большой комок пламени! В зал стремительно входила толстушка с яркой розовой мордашкой, с крупными красными губами, с большими сияющими глазами, с невообразимо спутанной рыжей гривой – причёска «взрыв на макаронной фабрике», так бы я это назвала. И в огненно красном платье, длиннющим и пышном, отчего сама она казалась ещё шире и круглее. У мужчин загорелись глаза, они забыли про своих дам и стали двигаться в сторону удивительной красавице. Ей наперебой предлагали напитки, закуски. Её фотографировали. Мы с Эллой тоже подошли поближе. Ей было лет тридцать, тридцать пять на вид. От неё веяло спокойствием, радостью, она была невероятно сексуальна, обаятельна, хороша. Словно большой экзотический цветок распустился на этой выставке. Нет, ну какая харизма! Дамы изменились в лице. Они смотрели на новую гостью с нескрываемой непри-

язнью.

Тут завопил мобик. Я взяла трубку. Высветился Влад.

– Алло, ты где? – услышала я его голос. – У тебя Рик воет, громко, слышно даже из-за стенки. Возвращайся. Он скучает.

Ладно, придётся уйти. А жаль.

Возле моей квартиры на сидел на корточках сосед. Завидев меня, он завыл по-волчьи. Из-за двери ему вторил Рик. Пёс издал точно такой же звук. Я подняла руку и повертела перед носом Влада ладонью с кольцом на пальце.

– Хорошая штучка, мой размер, – сказала я, широко улыбнувшись. – Ладно, заходи.

Я отперла дверь, Рик бросился навстречу, стал прыгать на меня, стараясь лизнуть лицо.

– Вовчик, иди ставь чай, – скомандовала я. – Нет, сначала покорми Рика. Ты знаешь, где что лежит.

Влад-Вовчик позвал пса на кухню. А я села на банкетку и задумалась. Интересный был вечер. А Элла ещё там. Наверно, познакомилась с кем-нибудь. Или обсуждает картины с их автором, а может, со своим знакомым журналистом. Элла, она же Лиза. Ну, правильно, когда меняешь имя, меняется судьба.

– Эй, тебе чай сюда принести? – высунулся из кухни Влад.

– Сейчас иду.

Я переместилась за обеденный стол. Вовчик поставил передо мной чашку. Пристально взглянул в мои глаза, сказал:

– Эй-эй! Очнись!

– Ну.

– Ты как водородная бомба.

– И что?

– А ты знаешь, что в мире скоро может появиться шестая страна с водородной бомбой?

– Какая?

– Индия. Она может стать термоядерной державой. Сейчас в мире пять таких стран.

– Ну и что это за страны?

– Россия, США, КНР, Англия и Франция.

– Ага. И ещё я. Которая как водородная бомба, – мрачно отозвалась я.

– Я пошутил, просто ты слишком не такая. Что с тобой?

– Там было интересно, – сказала я ещё мрачнее.

– Ну, извини, – произнёс он.

Потом мы с ним выгуливали Рика. Шёл мелкий дождь. Моя душа сладко плакала. С неба сыпались слёзы.

И была прекрасная романтическая ночь, наполненная симфонией эмоций, игрой чувств, полыханием огня, страсти, изысканнейшими ласками, нежным лепетом. На окне в лунном нимбе цвела герань.

На следующий день мы с Маринкой гуляли с собаками. Рик и Призи бурно резвились, совершая бешеные прыжки. Мы глазели на них и хохотали. Отсмеявшись, принялись болтать. Мэри снова – про старое: муж уехал в штаты, забрал

сына, тот уже вырос, не звонит и не пишет, но вот новость – женится, и приглашает на свадьбу. Так что Мэри скоро летит в Калифорнию. Оформляет документы. Скоро умчится. Я взгрустнула.

– Ну, ты чего, куколка? – заметила мой мрачный вид Маринка.

– Да, ты исчезнешь, а я тут без тебя останусь. Я привыкла, что ты всегда рядом.

– Ну, я же не навсегда.

– А вдруг навсегда? Кто тебя знает. Твой бывший увидит тебя и снова женится. Или встретишь кого-нибудь. Или террористы угонят самолёт на необитаемый остров...

– Ну, всё может быть, конечно. Но надо надеяться на лучшее. Что ты такая насупленная? Хочешь анекдот?

– Ладно, давай.

– Ну, слушай. Мне это переводить дали. Ночь. Улица. Старушка ловит тачку.

«Вези, сынок, на кладбище меня!» Таксист ответил: «Старая чудачка! Тебе что, бабка, не хватает дня? Не повезу!» – захлопнул с силой дверцу, нажал на газ, мотор уже дрожит... Но заползает тихо ужас в сердце: с машиной рядом бабушка бежит!!! А скорость – сто! Не долго до кондрашки. Глаза у парня вышли из орбит. Зашевелились кудри под фуражкой... А бабка уж проклятая хрипит... Предчувствуя конец неотвратимый, в отчаянии шофер притормозил:

«Ты, бабка, ведьма, что ль?» – «Окстись, родимый! Ты

мне пальтишко дверью прищемил!»

– Совсем не смешно, и даже печально.

– А знаешь что? Ведь ты прищемила душу этому твоему Владу. И он бежит за тобой, как та старушка за такси, – неожиданно сказала Маринка.

Да, она права. Я и сама, если честно, равнодушна к нему. И всё же...

– Невесёлый анекдот, – сказала я, и, попрощавшись с Мэри, повернула домой.

Возле подъезда был припаркован «ягуар». Рядом стоял высокий шатен с роскошным букетом цветов. Круглолицый, брови вразлёт, глаза шоколадного цвета. Антон. Он кинулся мне навстречу. Протянул букет. Опять рога всплыли, да что же это такое, в конце-то концов! Хотя, приятно, цветы, слова... Но я уже предчувствовала развитие событий. Антон увяжется за мной, воткнётся в лифт, у дверей квартиры возникнет Влад, и всё закрутится...

Так оно и случилось. Драка на лестничной клетке. Да, слово за слово, и вот они уже сцепились. Возбуждённый Рик радостно принял участие. Я быстро отперла дверь и юркнула в квартиру. Пусть мужики разбираются сами, и Рик вместе с ними, не буду портить ему удовольствие. Пускай пёсик порезвится.

Я поставила цветы в вазу, включила телик, налила себе крепкого чаю, достала пирожные. Кайф!

Ну не вредина ли я после этого? Злаякукла.

Из-за двери донёсся такой грохот, что я услышала его даже сквозь звуки сериала. И отчаянный лай Рика. Кто-то кого-то спустил с лестницы. Видимо, Вовчик. Потому что он принялся трезвонить в мою дверь и вопить:

– Открой! Ну! Открывай же скорее!

Я приоткрыла дверь, впустила пса, и тут же захлопнула перед носом соседа. И проорала:

– Мужики, вы мне надоели! Отвалите оба!

Рик бросился к своей миске и жадно вылебал всю воду. Я налила свежую, но и её постигла та же участь. Собака была всклокоченная и потная.

Мой мобильник надрывался. Звони, Влад, звони! Я взяла городской, и набрала номер Эллы. Принялась описывать ей всю ситуацию в комическом виде. Вместе посмеялись.

– У меня тоже бывали подобные случаи, – сказала она. – Один друг так меня достал своей ревностью, что я буквально сбежала из дома. Поехала отдыхать. В Батуми.

– А, никогда не была, это же в Грузии? Ну и как там? Что за место? – поинтересовалась я.

– Батуми, ну, это город-порт, он почти на границе с Турцией. Это, вообще-то, столица Аджарии, – пояснила Элла. – Аджарские хачапури – это тоже оттуда. Все виды хачапури, приготовленные в Грузии, это же невероятно вкусно! – принялась она воодушевлённо рассказывать. – Но аджарские хачапури, с яичницей глазуньей поверх сыра, просто супер! Это самые вкусные хачапури! Нигде, кроме Грузии, таких

хачапури не готовят, так что все, кто думает, что не любит хачапури – правильно делает, у нас это блюдо – профанация... Слушай, я ведь очень спокойно отношусь к еде! Для меня это просто способ «подзарядки». Правда, невкусную и некрасивую пищу я совсем не ем. Но в Грузии еда вызывала экстаз! А питье-о! М-м!!! И столица Аджарии не стала исключением! А в Батуми у меня вообще был день-релакс... Я там была с семи утра до десяти вечера. Никуда не торопилась, не бежала, не лезла. Солнышко, жарко, ветерок с моря, вкусно пахнет всякими цветущими деревьями, кустами, цветами, морем... Один вид кустов, обсыпанных розовыми цветами, настолько понравился, что я даже запомнила, что его зовут: рододендрон понтийский, вот!! Я лениво перемещалась по городу. В одном кафе, ну, там, в парке на набережной, хозяин напоил вкусным крепким турецким кофе, и развлекал разговорами в перерывах между клиентами. А я валялась в кресле на солнышке и тихо млела... – Элла взахлёб предалась воспоминаниям. А я мысленно перенеслась в те края, и блаженствовала вместе с ней. Рик спал у моих ног, подёргивая лапами и хвостом, пасть раскрыта, язык – на бок. Смешной такой.

Жутко захотелось хачапури. И лакомиться этой вкуснотой вместе с Владом. Я позвонила соседу, голос у меня был капризный и требовательный. Пусть достаёт где хочет – хоть в ночном ресторане закажет, хоть где. И чтобы это было настоящее, аджарское! Я чувствовала – он дошёл то точки ки-

пения, и сейчас готов для меня на всё! Какая же я всё-таки дрянь, просто злаякукла! Влад с иронией в голосе продекларировал:

– А он летел быстрее пули на колченогом хачапури...

Пародийные строки Александра Иванова, ещё из той, Советской эпохи.

И исполнил моё желание. Хачапури были потрясающие, их было много. И ещё – было роскошное сырое мясо для Рика, свежайшая вырезка. Мы все вместе пировали. На столе красовался обалденный букет, от цветов исходил удивительный аромат. Влад посматривал на это с ненавистью, но помалкивал. Он сварил кофе, разлил его по фарфоровым чашечкам. Я включила тихую музыку. Мы молчали, а на лицах наших отражалось торнадо чувств. Эта ночь была совершенно особенная! А потом было великолепное утро – полное ласк, нежности, солнца! Наступила суббота, у Влада – выходной, день был ослепительно яркий, сияющий, словно золотой подарок! Рик радостно носился по траве. Где-то заливался соловей. Всё вокруг цвело и пело. Я была улыбочивая, обаятельная, нежная, заботливая, в общем – Ангелдобрый. Я буквально ощущала белоснежные крылья за своей спиной. Это моё неземное состояние продолжалось и в воскресенье, и потом. словно кто-то повернул ключик внутри меня, и распахнулась душа! Во мне всколыхнулась чувственность! Меня тянуло к Владу, я дышала им, я любовалась его большим сильным телом, его необычайно ласковыми ладо-

нями, его густыми светлыми волосами, стянутыми в хвост, я вглядывалась в его светлые и такие глубокие, такие переливчатые глаза... Да я же люблю его! Я его люблю!

И вот моя жизнь круто изменилась. Центром вселенной стал Влад. Он – моё солнце, мой космос, моё сердце! Всё остальное превратилось в нечто второстепенное, просто в фон. Я как-то формально попрощалась с Мэри, но она не обиделась, поскольку была так возбуждена перед отлётом в Штаты, что ничего и не заметила. Я рассеянно говорила по телефону с Эллой, она даже встревожилась, стала расспрашивать, что случилось. Я сказала: ничего, всё в норме. Но тут вдруг меня прорвало, и я взхлёб рассказала обо всём. О последних событиях.

– Ну и дела! – удивленно произнесла она. – Вот неожиданность!

Дни и ночи наполнились удивительным ароматом неземного счастья. Я забыла обо всём на свете, главное для меня теперь – Влад, и расцветающее огромное, сверкающее, совершенно нереальное чувство! Это понимал даже Рик. Он постоянно заглядывал мне в глаза и вилял хвостом. Один раз позвонила мне Маринка из Америки и, захлёбываясь словами, рассказала о своих впечатлениях. Несколько раз звонила Элла. Она пыталась вытащить меня на какие-то мероприятия, но я отмахивалась. Но однажды ей это удалось:

– Ника, потрясающее приключение! Знакомый журналист тайно проведёт нас на юбилей директора Росзолота! Туда ни-

кто-никто из журналистов проникнуть не может, им, как и всем остальным, вход запрещён! Будут лишь только приглашённые! Которых позвал сам юбиляр, сам Петрович! Знаменитости, актёры, художники, маги! Можешь взять с собой Влада.

И я согласилась. Главное – с Владом! С ним везде кайфово! Развлечёмся, пусть! Бомонд – вечером, ладно. Я позвонила Владу. Вымыла голову, принарядилась, поднакрасилась. Он заехал за мной на чёрном «лексусе» с шофёром. Мероприятие намечалось в Центре Международной Торговли, в огромной высотке на Краснопресненской набережной. Я развалилась на заднем сидении, глазела в окно, на мелькающие летние улицы, но видела лишь одного только Влада. Всё остальное было ирреально. Возле здания нас уже ждали Элла и тот самый журналист – невысокий, узкоплечий, с мальчишеской фигурой, красиво седеющий, лет под шестьдесят. Центр Торговли охранялся дюжими молодцами в черных униформах. Мы проникли как разведчики, какими-то обходными путями, коридорчиками, путаницей лестниц и поворотов, этажами, снова лестницами. Журналист прекрасно ориентировался. В зал мы проскочили как раз в тот момент, когда охранник на миг отошёл. Зал был двойной: в его первой части стояли столы с шампанским и фруктами. Это был предварительный фуршет. Мы взяли по бокалу. Шампанское было очень хорошее, видимо, дорогое. Я увидела Ника Сафронова, актрису Немаляеву, одного известного ма-

га. Небольшими глотками я вылакала весь бокал, вкусно, взяла второй. У меня сразу закружилась голова. Потом все достали пригласительные с номерами, прошла в основной зал, и принялись рассаживаться. На столах стояли таблички с цифрами. Мы единственные были безбилетные. Но журналист уверенно направил нас в самый конец, сбоку, там столы почти пустовали. На крахмальных льняных скатертях было столько всего! Икра чёрная и красная, перепёлки, жульены, какие-то совершенно невероятные деликатесы, необъяснимые блюда, фрукты, всевозможные виды крепких напитков и французских вин. На эстраде выступали самые известные вокальные группы и знаменитые певцы. Журналист указал нам на Петровича – тот был одет очень просто, по-своему, и веселился как ребёнок. Такой невысокий круглолицый лысый колобочек. На вид лет пятьдесят. Возле сцены тусовалась, словно стайка рыбок вуалехвостов, группа длинноногих тощих девиц в вечерних платьях из полупрозрачного шифона, сильно декальтированных. Это были модельки и мисс всевозможных конкурсов красоты. Они явно пытались закадрить спонсоров, но богатенькие мальчики на них не реагировали. Парни обсуждали какие-то свои дела. В зал входили опоздавшие гости. Кто-то выходил курить, кто-то танцевал. На эстраде пел Валерий Меладзе. Девушки извивались возле сцены и стреляли глазами по сторонам. Вдруг я заметила ту самую рыжеволосую яркую толстушку с художественной выставки. На сей раз она была в оранжевом вечер-

нем платье. А на столах последовала очередная смена блюд. Официант подошёл к нам и спросил, подавать ли чай и торт? Я всё больше хмелела. Влад поднялся и направился в коридор курить. Тут его и перехватила огненная толстушка. Они о чём-то разговорились. Влад заинтересованно заулыбался.

– Что это за девка? – спросила я у Эллы.

– Это Зоя. Да ты ешь, ешь, смотри, какая вкуснотища!

Дальше я плохо помню. Всё стало как во сне. Я почему-то убежала, блуждала по улицам, торчала у не открывшегося ещё утреннего метро, ехала первым поездом в вагоне с бомжами, сильно воняло...

А Влад... Вот и всё... Всё кончилось... Вовчик, эх ты, как ты мог! Это случилось быстро и неожиданно. Влад собрал свои вещи и исчез. Переехал к Зое. А я впала в дикую депрессию. Не хотелось ни есть, ни пить, ни двигаться. Вставала с постели лишь ради Рика. Его я выводила гулять, ему варила кашу с тушенкой (банок было много, мне их ещё Мэри накупила). Я валялась, уткнувшись в подушку, и не могла даже выплакаться – слёз не было, всё во мне пересохло. Меня изводила память. Мой мир разлетелся вдребезги, словно ёлочная игрушка, сорвавшаяся с самой высокой ветки. Рик лежал рядом с моей кроватью, в глубокой тоске. Пёс переживал за меня. Элла пыталась расшевелить меня, вернуть к жизни, приходила с тортом, с пирожными и шампанским. Но меня хватало лишь на то, чтобы открыть ей дверь. Я тут же снова валилась в постель и молчала. Однажды она приве-

ла с собой психолога. Это был плотный мужчина лет сорока пяти. Он принялся болтать на самые разные темы, я вяло поддакивала. Потом что-то произошло. Видимо, он применил гипноз. Я снова была маленькой девочкой. Детский сад, много нас, вон Нинка, а это Ленка, вот и Никитка. А это мы на детсадовской даче. Дача! Лето! Детсад... Сидим в песочнице, я сделала прекрасный куличик, украшаю его головками одуванчиков. Кто-то прыгнул к нам в песок. Никитка. Он хохочет и топчет мой замечательный кулич! Рас-топтал! Дурак! Ну, всё! Я вцепляюсь в волосы этому придурку! Он сильно бьёт меня коленкой под дых! Боль, зады-хаюсь, не хватает воздуха, скрючилась, рот – как у рыбы на песке... А вот новый день, особенный! Мой день рожденья! Я с нетерпением жду приезда родителей, мечтаю, что они заберут меня на время, мы будем все вместе гулять и пить ситро, есть пирожные, я расскажу им обо всём-всём, они подарят мне мягкого такого игрушечного медвежонка, я давно его выклянчивала. А их всё нет и нет. А у нас уже тихий час. Где же они? Неужели, забыли? Нет, не может быть... Но вот воспитательница тихонько манит меня за собой, я встаю, иду к дверям, выхожу во двор – мама с папой, ура! Сейчас будет праздник! Бросаюсь к ним! Обнимаю маму, папу! Они меня торопливо поздравляют, суют в руки большую коробку, и уходят... Разочарование, сильное горе, отчаяние, злость! Возвращаюсь в комнату, ложусь в постель. Рассматриваю коробку. Читаю буквы на ней: «Кукла Зоя». Открываю. Кукла

с рыжими волосами, с круглыми синими глазами, в синем платье. Красивая. Но мне не она нужна, а праздник! Вместе с мамой и папой! Кидаю её под кровать. Ломаю в ярости коробку. Ненавижу, ненавижу!!! Всё. Открываю глаза. Я в постели. Я – усталая разочарованная женщина. Надо мной склонился мужчина. Психолог. Внимательный взгляд серых глаз. Меня бросил любимый. Ещё одно предательство. Кукла Зоя. Да нет, просто Кукла – это я, а Зоя – это та рыжая пышка, что увела его. Но платье было не синее, а оранжевое. Ярко оранжевое. Как солнце. Мне не хватает солнца. Надо выйти из всего этого, а то ведь бред какой-то! Влад – мой бывший сосед, просто. Сосед, был – и нет. Всё остальное мне пригрезилось.

Стало легче.захотелось есть. Хороший психолог.

Днём пришла Элла с пирожными. В бирюзовых глазах – искорки, жемчужные волосы блестят. Я заварила свежий чай. Достала и поставила тонкие фарфоровые чашки. Налила в них крепкий, ароматный эрл-грей.

– А ты уже оживаешь, – сказала Элла. – Румянец появился.

– Да, хороший психолог, – сказала я. – Похоже, применил гипноз.

– Это в его стиле, – ответила Элла. – Кстати, я навела справки об этой Зое. Точнее, не я, а мой приятель журналист. Он такой проныра, везде пролезет и всё разузнает. Интересно?

– Ну, в общем, да.

– Оказывается, она – сексбомба. Вот ни за что бы не подумала. У мужиков от неё крышу сносит. Сразу. Она сводит с ума взглядом, голосом, поворотом головы. Просто мистика какая-то. Но долго она ни с кем не задерживается. Отшивает через некоторое время, и берёт другого. Так что не отчаивайся, твоего просто взяли на прокат, и скоро вернут.

– А мне он уже не нужен. Пусть подавится, – отрезала я, и куснула пирожное.

Рик под столом лизнул мне ногу. Да, нам с Риком и так неплохо. И даже очень хорошо. Вот кто меня никогда не предаст. Рик – он навсегда.

Завопил мобик так неожиданно, что я чуть не выронила чашку. Сигнал у меня очень громкий. Я взяла трубку. И услышала знакомый голос.

– Привет, Антон, – вяло произнесла я.

Опять рога всплыли. Ну что за фигня!

Элла вырвала у меня телефон и весело пригласила его ко мне. Сказала, что две симпатичных дамы занимаются одиноким чаепитием.

– Эл, какое же оно одинокое, если нас две? – изрекла я.

– Ну, две в одном. В одном доме, – улыбнулась подруга.

И вот мы уже втроем. На столе – коньяк «Спарамет», чёрная икра, слабокопчёная сёмга, телятина в апельсиново-копьячном соусе, сырокопчёное мясо хамон, и много всякой другой вкусноты. Антон открывает коньяк. В его шоколад-

ных глазах пляшут весёлые искорки. Элла тихонько шепчет мне в ухо:

– Эта бутылочка, между прочим, стоит семьсот баксов. И закуски весьма не дешёвые. Я пила как-то на приёме в посольстве, вкус потрясный!

Антон разлил напиток по бокалам, и произнёс:

– Ну, девчонки, за встречу! Наконец-то меня приняли здесь!

Я глотнула эту тёмно-янтарную жидкость. Слегка обожгло губы, рот. Вкусно, густой аромат, чуть ванильный, немного фруктовый, смолисто-шоколадный, с цветочными, ореховыми и пряными нотками. Да, Антон знает толк в напитках. Подруга – молодчина, это ведь лучший способ согнать с меня депресняк! Но тут я опять подумала про Влада, про его ласковые руки, про всё-всё, что между нами было и чего уже нет, и больше никогда-никогда-никогда... Вспомнила... И быстро напилась...

Как-то днём мне позвонила возбуждённая Маринка. Она только что вернулась из Штатов. И примчалась ко мне. Длинноногая, длиннорукая, тонкая, призрачно-бледная, с бесцветными волосами. Женщина-призрак. С порога сунула мне в руки свёрток с подарками. Я тут же вытряхнула из большого золотистого пакета кучу вещей – классные джинсы, топик, блузку, заколочку, подвеску!

– Ура, ой, как здорово! Спасибо, чмоки-чмоки! – завопила я, и сразу же стала примерять обновки. Джинсы игриво

обтягивали мой оттопыренный круглый зад, топик кирпичного цвета потрясающе подчёркивал мои светло-золотистые локоны и фарфоровое личико, перекликаясь с дымчатыми глазами. Сверху я накинула лиловую блузку, присобачила сбоку витую серебряную заколочку, и помчалась на кухню. Надо обмыть обновки и Маринкино возвращение. Я достала из холодильника шампанское, которое мне притащили вчера Элла с Антоном – они взяли надо мной шефство, словно я какая-нибудь больная. А я действительно была больна – душа ныла и ныла. Весь мир окрасился в мрачные серые тона. На сердце такая тяжесть, словно валуны ворочаются. Но появление подруги отвлекло, а подарки обрадовали.

– Ну, ты себе не представляешь, свадьба была в старинном замке! – с упоением принялась рассказывать Мэри, когда мы чокнулись и выпили по бокалу искрящегося вина. – Невеста была в длинном серебристо-белом платье, таком пышном, с корсетом, с декольте, представляешь себе, перчатки по локоть, а жених в белоснежном фраке! Такая красивая пара! Мой сын – жених! Он так изменился, так возмужал, такой красавец! Встреться он мне здесь – ни за что бы не узнала!

Её светлые глаза, обычно блеклые, сейчас горели, короткие волосы цвета лески торчали в стороны. Вечно вялая, теперь она источала жизнь.

– А мать невесты, она, представляешь, русская, бывшая жена бизнесмена из Москвы, отсюда, ну а нынешний её муж американец, – рассказывала Мэри. – Так прекрасно она вы-

глядит, это что-то! Просто невероятно! Аня, Энн. У неё огромная коллекция перстней со всего мира! Один показался мне знакомым. Когда-то давно, в юности ещё, у меня был похожий перстень, но я его подарила какому-то барду. Энн тут же презентовала мне это кольцо со словами: «Это в память о вашей юности».

– Слушай, Марин, а ведь Влад мне что-то говорил про свою знакомую, тоже Мэри, подарившую ему в давнишние годы экзотический перстень. Уж не этот ли? А? Скажи, ты знаешь Влада?

– Не помню. Да всё может быть, – сказала она. – Вот это кольцо, смотри, – она протянула мне длинную узкую ладонь.

На пальце был странный, экзотического вида перстень, серебряный, массивный, с чернью, и с тёмным турмалином. Похоже, старинный. Внутри камня словно кипела непонятная жизнь, вспыхивали разноцветные искорки, бегали лучики. А на кольце – арабской вязью – что-то типа заклинания. А может это и не турмалин вовсе, а что-нибудь другое, опал, например. Я в этом плохо разбираюсь.

– Нет, не опал. Турмалин, – словно прочла мои мысли Маринка. – Некоторым этот камень приносит удачу.

– Знаешь, – вдруг осенило меня, – а ведь эта самая Аня-Энн, наверно, и есть бывшая жена Влада! Он что-то подобное рассказывал мне. И про перстень, и про бизнес, и про изменившую ему жену, которая забрала кольцо ушла к американцу. А у него потом весь бизнес рухнул... Он долго жил

в Штатах, вернулся потом в Россию.

Мэри пристально взглянула на меня своими светлыми глазами и скривила рот в странной извилистой улыбке.

– Отдай ему перстень, – сказала она.

– А как? – уныло промямлила я. – Он теперь с другой. Его увела у меня рыжая сексбомба.

– Ну-ка, ну-ка! С этого места поподробней, пожалуйста, – произнесла Маринка.

И я ей рассказала всё.

– Он вернётся, – ответила она уверенно. – И ты его простишь.

– Не прощу, это не правильно! – Завопила я. – Правильные люди так не делают!

– Ох уж эти правильные люди, – вздохнула Маринка. – Они как клопы, всю кровь из тебя выпьют.

Потом позвонила Элла. Голос – радостный, переливчатый. Ну, конечно, я так и думала. Они с Антоном теперь вместе, и очень счастливы. И того же желают мне. Фоном шёл шоколадный голос Антона.

Вечером Мэри ушла. А мне стало отчаянно грустно. Я почти плакала. Мне так не хватало Влада! Брошенная, несчастная. Он меня предал. Нет, это она увела его у меня, эта рыжая дрянь! Я слонялась из угла в угол, садилась за комп, снова вскакивала, и опять плюхалась в компьютерное кресло, вперилась в монитор, вошла в инет... Душа ныла и негодовала. Я влезла в ЖЖ и с яростью написала про измену Вла-

да, про своё отчаянье, про то, что убью эту Зою и разобью вдребезги душу Владу. Мне тут же ответили:

– Ни убий! Смертный грех! Получишь свой Ад ещё при жизни, мало не покажется!

– Разбивая чью-то душу вдребезги, не забудь, что осколки обязательно порежут тебя!

Я написала:

– Сил нет, я в гневе!

В ответ получила:

– Я пил вчера закат из чаши гнева...

– И всё-таки я её убью! – отстучала я, и принялась скакать по сайтам.

Там были какие-то рецепты похудения, что-то о причёсках, о театральных новинках, о космосе. А, вот прикольное: оказывается, американцы в годы холодной войны планировали взорвать Луну, а также украли с выставки советскую лунную ракету, правда, через несколько часов вернули. Ну, как дети прямо. А ещё смешная инфа: спутник наш гробанулся – он должен был вернуть отснятую плёнку на территорию России, но взорвался. Ну что за хрень! Какая плёнка! Наверняка, следующее сообщение будет, что американский спутник над территорией России запутался в перфоленте и сорвался в штопор. Потом я прочитала, что наша Вселенная наполнена кипучей жизнью невидимых сил. После этого комп завис. Так зависла и моя жизнь. Тогда я ещё даже не представляла себе, на сколько она зависла! Дни были похо-

жи один на другой, с той лишь разницей, что я периодически подрабатывала с помощью Мэри – я редактировала её переводы. Гонорары мы делили пополам. Это отвлекало от мрачных мыслей. От душевной боли. Время... Нет, время, оно не лечит. Оно не заштопывает раны, оно просто закрывает их повязкой новых впечатлений, новых ощущений, событий... Но иногда, зацепившись за что-то, эта повязка слетает, и свежий воздух попадает в рану, вызывая новую боль... Время – плохой доктор... Я уже почти перестала думать о Владе... И вдруг! Это было больно! В тот день я тупо смотрела телек, переключая каналы. Лучше бы я этого не делала! Вот ведь, угораздило наткнуться на светскую хронику. Так внезапно! Меня как молнией ударило! Влад! Светская львица по прозвищу Огненная Зоя бросила своего очередного бойфренда Влада. Его отчаянию не было предела. Но повёл он себя неординарно: не запил, не заскандалил, а просто подался в воины-контрактники и ушёл воевать куда-то в страны зарубежья. Куда – доподлинно неизвестно. Видимо, он искал смерть...

Я снова вспомнила всё-всё-всё, что у нас было... И заплакала...

Весь день прошёл в душевном раздрае. Это было мучительно. Потом пришла ночь. Я забылась лишь под утро. А днём позвонила Элла. Её голос – звонкий, радужный, прогнал сонливую тоску:

– Привет, ты как там? Давай пойдём на Праздник красо-

ты?

Мне было всё равно, куда идти. Я двигалась, как сомнамбула. Одежда, чай, сумочка, метро... Я даже не разочаровалась, когда Праздник красоты оказался банальной презентацией какой-то косметики. Сцена ярко освещена, две особы женского пола – колобок и оглобля – рассказывали о туалетной воде. Говорила длинная и тощая. Она была похожа на некое насекомое, богомол называется. На самку богомола.

– А французские женщины изошрённо мстят бойфрендам, которые бросают их, – вещала самка богомола. – Они обливают своими духами всю их квартиру, мебель, ковры, и от этого запаха избавиться уже невозможно, один лишь способ – сделать ремонт и сменить обстановку. А это ого-го как дорого для экономных французских мужчин!

Элла фыркнула и тихо произнесла:

– А русские женщины в отместку поливают духами грязные носки своих бойфрендов и их вонючие ботинки, и избавиться от такого амбрэ уже невозможно, один лишь способ – сменить носки и обувь, а это ого-го как дорого для нищих российских мужчин...

Тут на меня напал истерический хохот, и мы удрали с этого «праздника». На улице было свежо и шумно. Заглянули в церковную лавку, я купила ароматическое масло и намазалась им. Приятный, охлаждающий, довольно сильный запах ладана. Потом мы заскочили в Дом Булгакова. В одном из залов сидел народ, все ждали начала какого-то творческого

вечера. Мы нашли свободные места. Элла собрала в кулак свои длинные жемчужные волосы, подёргала их влево-вправо, и отпустила. Они рассыпались по плечам густыми волнами. Вдоль сцены прошёл бородач с фотокамерой. Я зевнула. Сзади послышался громкий шёпот:

– Откуда так пахнет ладаном?

– Ну, так дом же старинный, намоленный.

– Надо же, прошло столько лет, а запах остался...

Я заржала так, что чуть не свалилась со стула. Элла тоже захохотала. Мы вскочили и умчались из этого «намоленного» дома. Я всё смеялась, и никак не могла остановиться.

– Э, так у тебя истерика, – диагностировала Элла. – Давай-ка ко мне, сейчас Антон придёт с работы, поужинаем, придумаем что-нибудь, может, на бильярд сходим, или на боулинг?

Но мне никуда уже не хотелось. Пора было выгуливать Рика.

Мы поспешно двигались к метро. Элла всё говорила и говорила, а я погрузилась в какую-то сомнамбулическую тину, краем уха уловила фразу:

– Ничего не поделаешь, мы цивилизация войны...

Пошёл поток образов, скачки мыслей... Влад воюет, только бы жив был, всё прощаю, всё, уже простила, Влад, вернись живым...

Дни сплюснулись, превращаясь в пластилин. День–выгул Рика –вечер –еда–выгул Рика–ночь–инет–утро... А потом

была свадьба Эллы с Антоном, шикарный ресторан, живая музыка, известные эстрадные певцы... Меня там и повязали. Инкриминировали убийство Зои. Я же писала как-то в соц. сетях, что убью её. Она была мертва. Убита. И на мой лепет, что я здесь ни при чём, что я вообще из дома редко выхожу, внимания не обратили. Меня просто тихо, под шумок, вывели из ресторана люди в штатском, и увезли в кутузку. Никто на свадьбе не заметил моего исчезновения. И начались допросы. Оказалось, что из квартиры убитой исчезло лишь кольцо, странное такое кольцо с турмалином, очень похожее на моё, то, от Мэри, я его иногда ношу, хотя оно мне велико. В тот день кольцо было на моём большом пальце. Ну вот какая же это улика, мало ли похожих колец? Да, оно редкое, странное, диковинка, но не одно же во вселенной? И ещё одно – камера внешнего наблюдения на подъезде Зои зафиксировала входившую в подъезд девушку. Она была похожа на меня. И было это примерно в то время, когда Зою убили. Но запись была не четкая. Вахтёр тоже видел, якобы, меня. Была очная ставка. Меня опознали. Вот и всё. Всё было как во сне, как в кошмарном сне, моё сознание фиксировало события, но воспринимало это как ирреальность... Я не хочу рассказывать подробности, весь этот кошмар, всё, через что мне пришлось пройти, попытки подруг выручить меня – всё-всё-всё в прошлом, всё миновало. Расскажу лишь конец. Да, это выяснилось. Следователь был молодой, азартный, честный. В подъезд входила подруга бизнесмена, похожая на ме-

ня. Бизнесмен там жил на четырнадцатом этаже. Зою убил очередной бойфренд, которого она жестоко бросила. Очень темпераментный мужчина. Кольцо он взял на память. Оно не очень похоже на моё. Так, слегка напоминает. У меня обнаружилось алиби – меня видели соседи на прогулке с Риком как раз в тот день и в то время. Показания подруг тоже сгодились, хотя судья упорно отметал их как пристрастные. Влад навоевался и вернулся ко мне. Он сделал мне предложение.

– У тебя будет самое красивое белое платье, – пообещал он.

– Ненавижу белый цвет! – сказала я запальчиво.

– Ну, любое, какое хочешь. Какое тебе платье купить?

– Хочу платье цвета счастья! – воскликнула я.

Влад растерялся, задумался, и произнёс:

– Счастье, оно же прозрачное. Как родниковая вода. Ты хочешь прозрачное платье?

– Да, сказала я, смеясь. – Именно такое платье мне и нужно!

– Ты будешь вся просвечивать, – усмехнулся Влад.

– Я поддену под него розовый купальник, – заявила я.

– А на ноги наденешь розовые ласты?

Мы расхохотались, Влад подхватил меня на руки и закружил.

– Ты мой Ангел, – нежно прошептал он мне в самое ухо.